

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ХУАН ГОМЕС-ХУРАДО

КРАСНАЯ КОРОЛЕВА

Самый читаемый испанский триллер в мире

Annotation

«Красная королева» Хуана Гомеса-Хурадо – самый читаемый испанский триллер в мире, № 1 в рейтинге лучших психологических триллеров по версии испанского Amazon, более 250 000 проданных экземпляров, более 20 переизданий за один год. Книги Хуана Гомеса-Хурадо переведены более чем на 40 языков.

У Антонии Скотт эйдетическая память. Она помнит все, что читала или слышала. Она никогда не носила значок и не пользовалась оружием, но за свою карьеру раскрыла десятки преступлений.

После того как муж пострадал по ее вине, Антония отошла от дел. Теперь она живет в пустой квартире и питается тем, что приносят соседи. Дважды в день она созванивается с бабушкой, а ночи проводит в больнице.

Но за ней приходят и просят о помощи...

В самом безопасном месте Испании, в элитном районе Мадрида (а если говорить точнее, в элитной части элитного района) найдено тело.

Убитому шестнадцать, он лежит в кресле, в неестественной позе, в руке – бокал, наполненный его собственной кровью, волосы густо смазаны оливковым маслом, а губы растянуты в подобии улыбки.

Антония помнит это – Псалом 23: «...Ведь Ты умастил маслом голову мою – чаша моя полна». Антония слышала его, когда была маленькой. Она помнит, потому что помнит всё.

Как убийца проник в самое охраняемое место Испании? Почему на теле нет следов борьбы, если кровь выпускали медленно и очень болезненно? И почему информацию об этом деле так тщательно охраняют?

-
- [Хуан Гомес-Хурадо](#)
 -
 -
 - [Прерванный ритуал](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
 -
 - [Мадрид, 14 июня 2013 года](#)
- [12](#)
 -
 - [За четыре часа до этого](#)
- [13](#)
 -
 - [За три часа до этого](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [Часть вторая](#)
 - [1](#)
 -
 - [Карла](#)
 - [2](#)
 -
 - [Карла](#)
 - [3](#)
 -
 - [Эсекиэль](#)
 - [4](#)
 -
 - [Карла](#)
 - [5](#)
 -
 - [Карла](#)
 - [6](#)
 -
 - [Как-то раз, лет семь-восемь назад](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 -

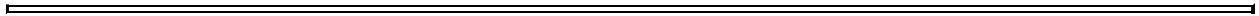
- [Карла](#)
- [9](#)
- [10](#)
 -
 - [Эсекиэль](#)
 - [Карла](#)
- [11](#)
 -
 - [Бруно](#)
- [12](#)
 -
 - [Парра](#)
- [13](#)
 -
 - [Карла](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
 -
 - [Бруно](#)
- [17](#)
 -
 - [Карла](#)
- [18](#)
 -
 - [Парра](#)
- [19](#)
- [20](#)
 -
 - [Что сделали сначала](#)
- [21](#)
 -
 - [Что сделали потом](#)
- [22](#)
- [23](#)
 -
 - [Бруно](#)
- [24](#)
 -

- [Парра](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
 - [Парра](#)
 - [Карла](#)
- [28](#)
 - [Карла](#)
- [29](#)
 - [Парра](#)
 - [Эсекиэль](#)
- [30](#)
 - [Карла](#)
- [31](#)
 - [Карла](#)
- [32](#)
- [Часть третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Эсекиэль](#)
 - [3](#)
 - [За тридцать секунд до этого](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Карла](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 -

- [Рамон](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - - [Карла](#)
 - [13](#)
 - - [Карла](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - - [Эсекиэль](#)
 - [Карла](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - - [Карла](#)
 - [18](#)
 - - [Карла](#)
 - [19](#)
 - - [Карла](#)
- [Эпилог](#)
 - - [Фигус](#)
- [Комментарии автора](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

Хуан Гомес-Хурадо

Красная королева

Juan Gómez-Jurado

Reina Roja

© Juan Gómez-Jurado, 2018

© Екатерина Ру, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Посвящается Бабс

Прерванный ритуал

Антония Скотт позволяет себе думать о суициде только три минуты в день.

Возможно, для кого-то три минуты – это совсем крошечный период времени.

Но только не для Антонии. Скажем так: в голове у нее немало лошадиных сил, но ум Антонии все же не двигатель спортсмена. Она способна, допустим, на обработку большого количества информации, но голова Антонии – это не компьютер.

Голова Антонии Скотт – это, скорее, джунгли. Джунгли, полные обезьян, которые непрерывно перескакивают с лианы на лиану, хватая разные предметы. Куча обезьян с кучей всяких предметов, и все они встречаются в воздухе и скалятся друг на друга.

Но за эти три минуты, пока Антония с закрытыми глазами и босыми ногами сидит по-турецки на полу, она способна вычислить:

– скорость, с которой ее тело упало бы на землю, если бы она выбросилась из ближайшего окна;

– необходимое количество миллиграммов пропофола, чтобы уснуть вечным сном;

– время и температуру, при которой произошла бы остановка сердца от гипотермии, если бы она нырнула в ледяное озеро.

Она раздумывает, каким образом достанет такое контролируемое вещество, как пропофол (подкупит одного фельдшера), а также где находится ближайшее замерзшее озеро в это время года (Лагуна Негра, Сория). О падении с высоты своей мансардной квартиры она предпочитает не думать: окошко довольно узкое, а жуткая еда из больничного кафетерия, как ей кажется, тут же откладывается на ее бедрах.

Все три минуты, пока она думает о самоубийстве, – это ее три минуты.

Они священны.

Они помогают ей не сойти с ума.

Поэтому ей совсем, совсем не нравится, когда чьи-то шаги тремя этажами ниже прерывают ее ритуал.

Это явно не кто-то из соседей: она бы узнала походку. И не курьер: сегодня воскресенье.

Как бы то ни было, Антония уверена, что этот кто-то идет за ней.

И это нравится ей еще меньше.

Часть первая

Джон

– В нашей стране, – сказала Алиса, все еще тяжело дыша, – когда бежишь так быстро да еще и так долго, как мы, обязательно куда-нибудь да прибежишь.

– Какая медленная страна! – ответила Королева. – Здесь нужно мчаться со всех ног, чтобы оставаться на том же самом месте. А чтобы попасть в какое-нибудь другое место, нужно мчаться как минимум в два раза быстрее.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

1

Задание

Джону Гутьерресу лестница не нравится.

И дело тут не в эстетике. Лестница старинная (здание 1901 года, как указано на входе), ступеньки скрипят, стоптаны по центру – за сто девятнадцать-то лет, – но прочны, ухожены и покрыты лаком.

Света мало, а тридцативаттные лампочки на потолке только сгущают тени. Из-за дверей на этажах доносятся иностранные слова, экзотические запахи, диковинная музыка диковинных инструментов. Ну а что ж, здесь район Лавапьес, сейчас вечер воскресенья и близится час ужина.

Не из-за этого Джона раздражает лестница: ему не привыкать бороться с предметами прошлого века (он живет с матерью), с темнотой (он гей) и с иностранными гражданами в сомнительном положении и с сомнительными доходами (он инспектор полиции).

Что действительно бесит Джона в лестнице, так это то, что по ней надо подниматься.

Чертovy старые здания, думает Джон. Негде лифт установить. В Бильбао такое и представить себе нельзя.

Джон не то чтобы толстый. По крайней мере не настолько толстый, чтобы комиссар поставил это ему в укор. У инспектора Гутьерреса туловище напоминает бочонок с прикрепленными к нему руками. А внутри – хоть с виду и не скажешь – мускулы *аррихасоцайле*^[1]. Подъем 293 килограммов – его личный рекорд, ни много ни мало, и это без особых-то тренировок, так, чисто хобби. Просто чтобы занять субботнее утро. Чтобы коллеги не докапывались из-за того, что он педик. Ведь Бильбао есть Бильбао, а полицейские есть полицейские, и у многих склад ума еще древнее, чем эти гребаные столетние лестницы, которые даются Джону с таким трудом.

Нет, Джон не настолько толстый, чтобы начальник на него ругался, да к тому же у комиссара есть причины и посерьезнее, чтобы разнести его в пух и прах. Разнести и вынести вон со службы. Вообще-то, Джон *официально* отстранен от должности с лишением жалования.

Не такой уж он и толстый, но вот ножки, на которых держится бочонок его туловища, кажутся на контрасте зубочистками. Так что, будучи в здравом уме, вряд ли кто мог бы заподозрить в Джоне особую проворность.

На четвертом этаже Джон обнаруживает чудесное изобретение предков: лестничную площадку. В углу прибитая скромная полукруглая дощечка. Джон плюхается на нее – настоящий рай. Надо восстановить дыхание, надо подготовиться к отнюдь не желанной встрече и поразмышлять над тем, какого черта он так резко оказался по уши в дерьме.

Ну и влип же я в историю, думает он.

– ...в хреновую историю, инспектор Гутьеррес, – заключает комиссар. Сам красный как рак и пыхтит, будто скороварка.

Бильбао, отделение Национальной Полиции на улице Гордонис; день до того, как Джон должен справиться с лестницей семиэтажного дома в районе Лавапьес города Мадрида. Пока что справляться приходится с серьезными правонарушениями: фальсификацией документов, подменной доказательств, препятствием правосудию и халатностью. И сроком от четырех до шести лет лишения свободы.

– Если прокурор взбесится, может и до десяти лет попросить. И ты их получишь, судья будет только рад. Полицейских-взяточников не любит никто, – говорит комиссар и хлопает ладонью по металлической поверхности стола. Они сидят в комнате допроса, а это такое место, куда никому не хочется попасть в качестве почетного гостя. Инспектору Гутьерресу достался прямо пакет «премиум»: отопление, усиленное до той комфортной температурной отметки, когда давящая жара уже грозит смертью от удушья; плюс яркий свет и пустая бутылка из-под воды в поле зрения.

– Я не взяточник, – говорит Джон, борясь с желанием ослабить галстук. – Я ни разу ни сантиметра себе в карман не положил.

– А кого это на хер волнует? Ты вообще о чем думал?

А думал Джон о Дезире Гомес. Дезире, она же Деси, она же Брильос. Деси неполных девятнадцать лет, и три из них она провела на улице. Она там и бодрствует, и спит, и прорастает всей своей сущностью. *Салонная куколка, змеиные стринги*^[2]. И вроде бы ничего в ней такого особенного. Но некоторые из этих девушек почему-то западают тебе в сердце, и внезапно все становится песней Хоакина Сабины. Ничего серьезного. Улыбка, приглашение на кофе в шесть часов (не утра). И вот уже ты переживаешь, что ее поколачивает сутенер. И ты говоришь ему, чтобы прекратил. А он не прекращает, потому что у него в мозгах, как и в зубном ряду, деталек не хватает. И вот она тебе плачется и ты распался. И прежде чем успеваешь хоть что-то сообразить, подбрасываешь ему в машину полторы четверти герыча. Достаточно, чтобы ему дали от шести до девяти лет.

– Ни о чем я не думал, – отвечает Джон.

Комиссар проводит рукой по лицу, словно пытаюсь стереть свое недоверчивое выражение. Не получается.

– И ладно еще, если бы она тебе нравилась, Гутьеррес. Но ведь ты у нас не по женщинам, разве не так? Или сейчас ты уже на оба фронта?

Джон качает головой.

– А каков был план, – иронизирует комиссар. – Убрать этого уличного отморозка – охрененная идея. Триста семьдесят пять граммов героина – билет в колонию строгого режима. Без смягчающих обстоятельств, безо всяких историй. Без долгих процедур.

План был отличный. Проблема лишь в том, что Джон считал его настолько хорошим, что решил рассказать о нем Деси. Чтобы она знала, что этот ее фингал под глазом, и синяки, и сломанное ребро – все это в последний раз. А Деси, будучи под кайфом, возьми да и пожалей своего бедняжку-сутенера. И все ему рассказала. И сутенер велел Деси спрятаться за углом и снимать все на телефон. А видео продали Шестому каналу за триста евро – нате, заберите – на следующий день после задержания сутенера за наркотрафик. И узел затянулся. Новость появилась на первых полосах всех газет, видео – во всех информационных выпусках.

– Я не знал, что меня снимают, комиссар, – смущенно говорит Джон. Почесывает голову, вытягивая рыжие завитушки. Пощипывает густую бороду, дергая за седые волосы.

И вспоминает.

Руки у Деси жутко дрожали, и кадр получился никудышным, но все необходимое она сумела заснять. И ее кукольное личико потом очень хорошо смотрелось в телевизоре. Она бы «Оскара» могла получить за роль девушки невинного бедняги, оклеветанного полицией. А что до сутенера, то его ни в дневных, ни в вечерних передачах не показали в привычном обличье – в майке-алкоголичке, с коричневыми зубами. Нет, они выставили его фотографию десятилетней давности с первого причастия, еще не переваренного. Прямо сбитый с пути ангелочек, во всем виновато общество и прочая чушь.

– Ты опустил репутацию нашего комиссариата ниже плинтуса, Гутьеррес. Надо же быть таким дебилом. Наивным дебилом. Ты правда ни о чем не догадывался?

Джон снова качает головой.

Он обо всем узнал, когда получил видео по «Ватсапу» между мемами. Не прошло и двух часов, как оно уже разлетелось по всей стране. Джон сразу явился в комиссариат, где прокурор уже громко требовал его голову с

яйцами на гарнир.

– Я сожалею, комиссар.

– Ты сейчас еще больше будешь сожалеть.

Комиссар, сопя, поднимается и выходит из помещения – прямо не может усидеть на месте из-за праведного негодования. Сам-то он, конечно, никогда не подменял улики, не обходил уголовный кодекс, не жульничал по мелочам. Так предполагается. Ведь ему-то хватило ума не попасться.

Джона оставили повариться в собственном соку. У него забрали часы и телефон – стандартный прием, чтобы он потерял ощущение времени. Остальные его личные вещи запечатаны в конверт. Занять себя нечем, время тянется медленно, и остается только мысленно карать себя за тупость. Общественность его уже осудила, так что вопрос теперь лишь в том, сколько лет ему придется гнить в Басаури^[3]. Там, где его уже поджидают дружбаны – трое на одного – со стиснутыми кулаками и желанием расправиться с полицейским, упекшим их за решетку. А может, его отправят подальше отсюда, чтобы защитить: куда-нибудь, где маменька не сможет его навещать. И приносить ему по воскресеньям свои знаменитые кокочас^[4] в контейнере. Девять лет, пятьдесят воскресений в год, получается четыреста пятьдесят воскресений без кокочас. Плюс-минус. Это как-то чересчур жестоко. А ведь его маменька уже пожилая. Она родила его в двадцать семь, практически невинной, как Бог велит. А сейчас ему уже сорок три, а ей семьдесят. Когда Джон выйдет из тюрьмы, некому уже будет готовить ему кокочас. А может, она вообще сразу умрет от ужаса, когда обо всем узнает. Растреплет ей эта шельма с третьего этажа, болтливая курица, и разразится гром.

Проходит пять часов, а Джону кажется, что все пятьдесят. Ему никогда еще не доводилось долго сидеть на одном месте, так что будущая жизнь за решеткой просто не укладывается в голове. О самоубийстве он не помышляет: Джон ценит жизнь превыше всего, будучи неисправимым оптимистом. Он один из тех, над которыми Бог охотно потешается, высыпав им на голову тонну кирпичей. Но только совсем неясно, как теперь выбираться из петли, которую он сам же себе на шею и накинул.

Джон сидит, погрузившись в эти мрачные раздумья, когда дверь вдруг открывается. Он ожидает вновь увидеть комиссара, но вместо него заходит высокий худой человек. Лет сорока, смуглый, с залысинами на висках, тонкими усиками и кукольными глазами, которые кажутся скорее нарисованными, чем живыми. В костюме. С портфелем. Все дорогое.

Улыбается. Плохой знак.

– Вы прокурор? – удивленно спрашивает Джон.

Они никогда раньше не виделись, и при этом незнакомец держится так, словно домой к себе пришел. Со скрежетом двигает металлический стул по бетонному полу и садится по другую сторону стола, все так же улыбаясь. Достает из портфеля какие-то бумаги и принимается их изучать, словно Джона тут и нет вовсе.

– Я спрашиваю, прокурор ли вы, – настаивает Джон.

– Хм... Нет. Не прокурор.

– Значит, адвокат?

Незнакомец на это фыркает – не то его обидели, не то рассмешили.

– Адвокат. Нет, я не адвокат. Можете называть меня Ментор.

– Ментор? Это имя или фамилия?

Незнакомец продолжает рассматривать свои бумаги, даже взгляда не поднимает.

– Ситуация ваша весьма плачевна, инспектор Гутьеррес. Начнем с того, что вас отстранили от должности с лишением жалованья. И к тому же вам тут предъявлены кое-какие обвинения. А теперь перейдем к хорошим новостям.

– У вас есть волшебная палочка, чтобы все стало как прежде?

– Что-то в этом роде. Вы работаете в полиции больше двадцати лет. Задержали многих преступников. Несколько жалоб из-за несоблюдения субординации. Недостаточное уважение к власти. Предпочитаете выбирать прямые пути.

– Не всегда возможно досконально следовать правилам.

Ментор невозмутимо кладет бумаги обратно в портфель.

– Вы любите футбол, инспектор?

Джон пожимает плечами.

– Иногда могу посмотреть матч «Атлетик». Без особого энтузиазма. Просто «Атлетик» есть «Атлетик».

– Вы когда-нибудь смотрели итальянский футбол? У итальянцев есть такая установка: *второго никто не помнит*. Им не так важно, как выиграть, главное – выиграть. Ничего нет позорного в том, чтобы симуляцией заработать пенальти. Незаметно пнуть противника – тоже часть игры. Один ученый назвал эту философию *говнизмом*.

– Какой ученый?

Теперь уже Ментор пожимает плечами:

– Вот вы *говнист*, судя по вашим последним деяниям, связанным с багажником сутенера. Ясно же, что вы не хотели, чтобы арбитр это увидел, инспектор Гутьеррес. И уж тем более, чтобы повтор момента оказался в

социальных сетях с хэштегом #ПолицейскийПроизвол.

– Послушайте, Ментор, или как вас там, – говорит Джон, кладя свои огромные ручки на стол. – Я устал. Моя карьера катится ко всем чертям, а моя мама, наверное, сейчас с ума сходит от волнения, потому что я не пришел домой ужинать, и у меня еще не было возможности сообщить ей, что ближайшие несколько лет мы не увидимся. Так что либо переходите к делу, либо валите на хер отсюда.

– Я предлагаю вам договор. Вы сделаете то, что я вам скажу, а я за это вытащу вас из этой... как там выразился ваш начальник? Из этой хреновой истории.

– Вы пойдете говорить с прокуратурой? Со СМИ? Ладно вам. Я не вчера родился.

– Понимаю, что непросто поверить незнакомцу. Наверняка у вас есть кто-нибудь получше, к кому вы могли бы обратиться.

У Джона нет никого получше, к кому обратиться. Ни получше, ни похуже. За пять часов он это осознал.

И он сдается:

– И что же вы хотите?

– Я хочу, инспектор Гутьеррес, чтобы вы наведались к одной моей старой подруге. И позвали ее потанцевать.

Джон взрывается хохотом, впрочем, без малейшей тени веселья.

– Послушайте, боюсь, вас плохо проинформировали относительно моих предпочтений. Не думаю, что вашей подруге понравится со мной танцевать.

Ментор снова улыбается. От этой новой улыбки до ушей становится еще тревожнее.

– Разумеется, нет, инспектор. Я на это и рассчитываю.

3

Танцы

Так что Джон Гутьеррес принимается за последний лестничный пролет дома номер 7 улицы Меланхолии (район Лавапьес, Мадрид) в весьма мрачном настроении. Комиссар тоже не захотел ничего объяснять, когда Джон спросил его насчет Ментора:

– Откуда, черт побери, он взялся? Из НЦР^[5]? Из МИДа? Из команды «Мстителей»?

– Делай, что тебе говорят, и не спрашивай.

Джон по-прежнему отстранен от должности с лишением жалованья, однако дело против него приостановлено. Видео, на котором он подбрасывает герыч в сутенерскую машину, раз – и испарилось как с экранов, так и из газет.

Все произошло в точности так, как и обещал Ментор, – при условии согласия на его странное предложение.

Люди все еще обсуждают тему в социальных сетях, но Джона это мало волнует. Это всего лишь вопрос времени: пока гиены «Твиттера» не найдут себе другую падаль, чтобы обгрызть до костей.

Тем не менее инспектор Гутьеррес тяжело дышит, а сердце у него сжимается. И дело тут не только в лестнице. Просто Ментору недостаточно того, чтобы Джон познакомился с его *подругой* Антонией Скотт. В обмен на помощь он потребовал еще кое-что. И, судя по сжатым пояснениям Ментора, эта вторая часть задания будет самой сложной.

На последнем этаже он оказывается перед дверью в квартиру.

Дверь зеленая. Древняя до жути. С облупившейся краской.

Открыта. Настежь.

– Есть кто дома?

Джон осторожно заходит внутрь. В прихожей пусто. Ни мебели, ни вешалок, ни даже пепельницы со скидочным купоном из магазина *Carrefour*. Ничего, кроме кучи контейнеров с засохшими остатками пищи. От них пахнет карри, кускусом и специями других шести-семи стран. Все те же самые запахи, что исходили от квартир на других этажах, пока Джон поднимался по лестнице.

За прихожей начинается коридор – тоже пустой. Ни картин, ни стеллажей. По одну сторону две двери, по другую одна и еще одна в

глубине. Все открыты.

Первая дверь ведет в ванную. Джон заглядывает внутрь и видит только зубную щетку «Колгейт» с клубничным вкусом, кусок мыла. Флакон геля для душа. Полдюжины тюбиков антицеллюлитного крема.

Ого, так она, значит, верит в магию, думает Джон.

Справа только спальня. Пустая. Встроенный шкаф открыт, внутри виднеется несколько вешалок. В основном без вещей.

Джон недоумевает – что же за человек тут живет с такой-то жалкой горсткой вещей. А вдруг она куда-то уехала? А вдруг он пришел слишком поздно?

Дальше налево – крохотная кухня. Гора посуды. Столешница белеет океаном кварца. Грязная десертная ложка потерялась на полпути к раковине.

В глубине коридора гостиная. С мансардным окном. Стены кирпичные, балки из темного дерева. Тусклые лучи пробиваются сквозь потолочные световые люки между ними. И сквозь окно.

Снаружи садится солнце.

А внутри – посреди комнаты – сидит на полу Антония Скотт в позе лотоса. Лет тридцать с лишним. На ней черные штаны и белая футболка. Ноги босые. Перед ней лежит айпад, подключенный к розетке очень длинным проводом.

– Ты мне помешал, – говорит Антония. Поворачивает айпад, кладет его экраном на потертый паркет. – Ты очень плохо воспитан.

Джон один из тех, кто, обидевшись, моментально переходит в контратаку. В превентивном порядке. Из спортивного интереса. Чтобы показать другим, что он парень не промах.

– А ты всегда оставляешь дверь открытой? Разве не знаешь, в каком районе живешь? А если маньяк-насильник придет?

Антония на это моргает в замешательстве. С сарказмом ей справиться непросто.

– Ты не маньяк-насильник. Ты полицейский. Баск.

То, что он баск – кто угодно поймет по его акценту, тут Джона не провести. Но вот то, что она угадала род его занятий, – удивительно.

Обычно от полицейских прямо несет полицией. А Джон, которому не нужно платить за квартиру и который тратит все деньги на одежду, скорее напоминает директора по маркетингу в своем костюмчике-тройке индивидуального пошива из тонкой шерсти и итальянских ботинках.

– Откуда ты знаешь, что я полицейский? – спрашивает Джон, прислоняясь к дверному косяку.

Антония указывает на левую сторону его пиджака. Хоть портной и старался обеспечить незаметное ношение оружия, ничего у него не получилось. Да и режим питания Джона не слишком-то помог.

– Я инспектор Гутьеррес, – соглашается Джон. Он уже собирается протянуть ей руку, но вовремя сдерживается. Его предупреждали, что этой женщине не нравится физический контакт.

– Тебя прислал Ментор, – говорит Антония.

И это не вопрос.

– Он тебя предупредил о моем визите?

– Я это и так поняла. По другой причине сюда никто не приходит.

– Твои соседи приходят, приносят тебе еду. Должно быть, они очень тебя ценят.

Антония пожимает плечами.

– Это здание принадлежит мне. Ну, то есть моему мужу. Еда – это плата, которую я беру с них за жилье.

Джон прикидывает. Пять жилых этажей, три квартиры на этаж, тысяча евро с квартиры.

– Да уж. Недешевый получается кускус. Надеюсь, хоть вкусный – за такую-то цену.

– Я не люблю готовить, – с улыбкой говорит Антония.

И в этот момент Джон замечает, что она очень симпатичная. *Не то чтобы ослепительная красавица, нет.* На первый взгляд лицо Антонии кажется неприметным как чистый лист. Да и черные прямые волосы средней длины не очень-то ее выделяют. Но стоит ей улыбнуться, и ее лицо озаряется, словно новогодняя елка. И ты вдруг обнаруживаешь, что ее глаза на самом деле не карие, как тебе казалось, а оливково-зеленые; и что на щеках и подбородке у нее появляются ямочки, образуя идеальный треугольник.

Но вот она снова серьезна – и эффект исчезает.

– А теперь уходи, – говорит Антония и резко взмахивает рукой в сторону Джона.

– Не уйду, пока ты меня не выслушаешь, – отвечает инспектор.

– Ты что, думаешь, ты первый, кого сюда прислал Ментор? До тебя было еще трое. Последний приходил всего полгода назад. И всем я отвечаю одно и то же: мне неинтересно.

Джон почесывает голову, по привычке вытягивая свои рыжие завитушки, и делает глубокий вдох на несколько секунд. Чтобы наполнить это огромное туловище, требуется изрядное количество воздуха. На самом деле Джон просто пытается выиграть время, потому как понятия не имеет,

что говорить этой странной и замкнутой женщине, с которой он познакомился три минуты назад. А указание Ментора было следующим: *сделай так, чтобы она села в машину. Обещай, что хочешь, ври, угрожай, задобри ее. Но сделай так, чтобы она села в машину.*

Чтобы она села в машину. А что должно быть *потом* – неизвестно. И эта мысль не дает ему покоя.

Что же это за баба, почему она такая важная персона?

– Если бы я знал, принес бы тебе кускус. Что случилось? Ты работала в полиции?

Антония недовольно цокает языком.

– Он тебе ничего не сказал, не так ли? Ничего не объяснил. Велел тебе усадить меня в машину, не уточнив, куда мы поедем. И все это ради очередного дурацкого задания. Нет уж, спасибо. Мне и так хорошо.

Джон широким жестом обводит пустую комнату и голые стены.

– Оно и видно. Кто же не мечтает спать на полу.

Антония слегка съезживается и прикрывает глаза.

– Я не сплю на полу. Я сплю в больнице, – выдает она.

Я нащупал больное место, думает Джон. А когда ей больно, она говорит.

– А что с тобой? То есть нет, не с тобой. Видимо, что-то с твоим мужем, да?

– Это не твое дело.

Детали вдруг начинают складываться воедино, и Джон уже не может остановиться.

– С ним что-то случилось, он болен, и ты хочешь быть с ним. Это можно понять. Но поставь себя на мое место. Мне велено уговорить тебя сесть в машину, Антония. Если ничего не получится, для меня это чревато последствиями.

– Не моя проблема, – голос Антонии становится ледяным. – Меня не волнует, что будет с толстым некомпетентным полицейским, который настолько облажался, что его отправили за мной. А теперь убирайся. И передай Ментору, чтобы прекратил свои попытки.

Инспектор Гутьеррес с каменным лицом делает шаг назад. Без понятия, что еще можно сказать этой сумасбродке. Он проклинает себя за то, что ввязался в это дело и потерял кучу времени. Остается лишь вернуться в Бильбао, встретиться с комиссаром и расплатиться за свою тупость.

– Ладно, – говорит Джон, прежде чем повернуться и, поджав хвост, уковылять в коридор. – Но он просил тебе передать, что в этот раз все

иначе. В этот раз без тебя не обойтись.

Антония Скотт смотрит, как огромная спина инспектора Гутьерреса исчезает в коридоре. Считает удаляющиеся шаги – медленные и тяжелые. Досчитав до тринадцати, переворачивает айпад.

– Теперь мы можем поговорить, бабушка.

На экране видна старушка с добрыми глазами и пышной прической. Лицо ее настолько морщинистое, что борозд на нем не меньше, чем на виноградном поле Ла-Риохи. И старушка сейчас как раз опустошает бокал вина.

– Почему ты мне позвонила? Ведь десяти еще нет.

– Я позвонила, когда услышала, что он поднимается. Я хотела, чтобы ты была здесь, а то мало ли что.

Они говорят на английском. Джорджина Скотт живет в Чедворте, на окраине Глостера, в крошечной английской деревушке, где время остановилось несколько веков назад. Городок с почтовой открытки. Римская вилла. Стены, покрытые мхом. И высокоскоростной интернет, благодаря которому бабушка Скотт разговаривает с Антонией два раза в день.

– Мне показалось, что он красив. У него был голос красивого мужчины, – говорит бабушка.

Ей очень хочется, чтобы ее внучка выбралась из своей паутины.

– Он гей, бабушка.

– Глупости, милая. Стоит лишь ему прикоснуться к тебе, и он уже не гей. Я в свое время вылечила нескольких таких.

Антония закатывает глаза. Бабушка Скотт твердо убеждена, что «политкорректность» – это про Уинстона Черчилля.

– Бабушка, ну ты и скажешь...

– Мне девяносто три года, милая, – говорит в свое оправдание старушка и наливает себе еще вина.

– Ментор хочет, чтобы я вернулась на работу.

Струя бордо слегка подрагивает, и несколько капель проливаются на стол. Невероятно. Бабушка Скотт едва способна расписаться, не выходя за края страницы, но когда дело доходит до наливания вина, рука ее тверда, как у пластического хирурга.

– Но ты этого не хочешь, не так ли? – спрашивает бабушка. Голос

прямо как у невинной овечки, за которой почти не разглядеть волка.

– Ты же знаешь, что нет, – отвечает Антония. Ей не хочется снова затевать спор.

– Конечно, дорогая.

– Из-за меня Маркос уже три года лежит в больнице. Из-за меня и из-за этой работы.

– Нет, Антония, – возражает бабушка, понизив голос. – Не из-за тебя. А из-за того ублюдка, который нажал на курок.

– И которого я не сумела остановить.

– Пусть я просто выжившая из ума старуха, – говорит бабушка (волк уже начинает показывать зубы), – но мне кажется, что раз уж ты себя обвиняешь в грехе бездействия, то это должно относиться и к твоему безвылазному сидению дома.

На секунду Антония замолкает. Этого хватает для того, чтобы обезьяны у нее в голове активизировались и стали отчаянно пытаться выбраться из западни.

– Почему ты так со мной, бабушка? – возмущается она.

– Потому что мне надоело смотреть, как ты гниешь там в одиночестве. Потому что не используешь свой дар. Но прежде всего я говорю это из чистого эгоизма.

– Из эгоизма? Ты, бабушка? – удивляется Антония.

В девятнадцать лет Джорджина Скотт записалась добровольцем в качестве медсестры и высадилась в Нормандии спустя семьдесят часов после Дня «Д» – в огромной каске, сползающей на брови, и в обнимку с картонным чемоданчиком, набитым ампулами морфина. Нацисты в двух шагах – а она без устали отрезает ноги, зашивает раны, колет обезболивающее.

Антония и вообразить себе не может, что ее бабушке свойственна хоть капля эгоизма.

– Из эгоизма, именно. Ты стала ужасно скучной. Сидишь взаперти все дни напролет, про ночи вообще молчу. Я скучаю по тому времени, когда ты работала. И все мне рассказывала. Что мне еще остается в жизни? Вот это, – говорит бабушка, поднимая бокал. – И ты. А вино мне уже не приносит такого удовольствия, как раньше.

Антония прыскает со смеху. И при этом-то бабушка говорит, что у воды только два предназначения: для купания и для варки морепродуктов. Но Антония понимает, куда идет этот разговор. После того, что произошло,

после того, что ты сделала

мир продолжил вращаться вокруг своей оси. Но уже, конечно, без нее. В этом мире ей больше нет места. В этом мире – признает она скрепя сердце – просто тянутся бесконечной вереницей дни, наполненные виной и скукой.

– Возможно, ты и права, – говорит Антония после секундной паузы. – Возможно, мне пойдет на пользу занять чем-то голову. Но только на этот вечер.

Бабушка отпивает еще немного вина и изображает ангельскую улыбку – словно из рекламы леденцов.

– Только на этот вечер, милая. Что ж тут может быть плохого?

Джон спускается по лестнице почти так же медленно, как и поднимался. Ситуация непривычная. При иных обстоятельствах он бы взял свое на спуске, разогнался бы со всей дури, пользуясь значительной массой своего тела (он, конечно, не то чтобы толстый). Но теперь, после проваленного задания – такого абсурдного и такого обманчиво простого, – ему неясно, что делать дальше, и нерешительность замедляет его шаги.

Когда он оказывается на четвертом этаже, рядом с лестничной площадкой, у него звонит телефон. Джон садится, чтобы ответить на вызов. Он никогда не разговаривает на ходу, дабы не было слышно его тяжелого прерывистого дыхания.

Номер неизвестный, однако Джон уже знает, кто звонит.

– Она сказала нет, – говорит он, едва сняв трубку.

На том конце провода Ментор недовольно фыркает.

– Вы меня разочаровали, инспектор Гутьеррес.

– Не знаю, на что вы рассчитывали. Эта женщина с головой не дружит. Живет в пустой квартире, вообще без мебели. Соседи ее кормят из жалости. И еще она что-то несет про больного мужа.

– Ее муж в больнице. Он в коме уже три года. Скотт винит во всем себя. Это можно бы было использовать, чтобы подтолкнуть ее к действию, но лучше не стоит. В следующий раз, когда будете с ней разговаривать...

– Что, простите? Послушайте, я уже выполнил свою часть договора и передал ей то, что вы просили. Так что теперь извольте выполнить свою.

Ментор вздыхает. Вздох глубокий, полный драматизма.

– Если хотите все время шоколадных тортиков, инспектор, то и растолстеть недолго. Выкручивайтесь, как можете, но нам нужно, чтобы она оказалась в машине прямо сейчас.

Джон кидает монетку в игровой автомат.

– Если бы еще вы оставили всю эту секретность и рассказали мне, что замышляете...

На другом конце провода молчание, долгое молчание. Джону прямо слышно, как крутятся барабаны внутри игровой машины.

– Вы должны понимать, что все это конфиденциально. И для вас это может быть чревато серьезными последствиями.

– Разумеется.

И тут, вопреки ожиданиям, выпадают три картинки с клубничками.

– Я хочу, чтобы Антония помогла мне в одном очень сложном деле. Сейчас я вам все разъясню.

И Ментор начинает рассказывать инспектору Гутьерресу. Рассказ занимает меньше минуты, но этого достаточно. Джон сначала слушает его со скептическим настроением, а затем просто не верит своим ушам. Сам того не замечая, он поднимается с места. И, вопреки своей прочно укоренившейся привычке, принимается машинально наматывать круги.

– Понял. Вы хотя бы скажете мне, на кого работаете?

– Это сейчас неважно. Когда придет время, я скажу то, что вам нужно знать. А пока что единственная ваша забота – это доставить Антонию Скотт по адресу, который я только что отправил вам на мобильный.

Джон чувствует ухом вибрацию телефона.

– Почему Скотт так необходима? Я уверен, что в отделе анализа поведения найдется шесть-семь экспертов криминалистики, которые могли бы...

– Найдется, – перебивает его Ментор. – Но они – не Антония Скотт.

– Что же такого прямо охеренно особенного в этой сеньоре? Может, она Кларисса Старлинг, а я не врубился? – не унимается Джон. Он уже начинает выходить из себя.

Ментор покашливает, словно прочищая горло. Отвечает как будто через силу. Упрямится. Создается впечатление, что ему не хочется делиться тем, что он собирается сказать. И так оно и есть.

– Инспектор Гутьеррес... Эта сеньора, как вы ее назвали, не из полиции и не из криминалистической службы. Она никогда не держала в руках оружия, не носила значков, и тем не менее она спасла десятки жизней.

– Каким образом?

– Я бы сказал, но не хочу портить вам сюрприз. Так что пусть она сядет в машину и приступит к работе. Прямо сейчас.

Ментор вешает трубку. Джон уже собирается повернуться и снова начать подъем, но тут раздается голос.

– Инспектор.

Джон перегибается через перила. Тремя этажами ниже, в полумраке стоит Антония и машет ему рукой.

Эта женщина просто ведьма, колдунья, черт бы ее побрал! думает Джон. Он частенько ругается про себя, а иногда и вслух.

Когда Джон до нее добирается, она встречает его улыбкой.

– Я задам тебе два вопроса. Если ответы меня устроят – поеду вместе с

тобой.

– Что?...

Антония поднимает один палец. Она едва доходит Джону до груди, роста в ней не больше ста шестидесяти сантиметров, да и то с учетом обуви. Но при этом она кажется внушительной. Теперь, на близком расстоянии, Джон замечает у нее на шее несколько шрамов, похожих на крупные ссадины. Шрамы давние. Под футболкой их почти не видно.

– Вопрос первый. Что ты сделал? Я знаю, что ты очень облажался. Ментор выбирает тех, кому не остается другого выбора. По его абсурдной теории, никто не станет работать со мной добровольно.

– И правда, абсурдная теория, – отвечает Джон.

Сарказм скользит по Антонии, словно дождь по новенькой водонепроницаемой куртке GoreTex. Она просто выжидающе смотрит, оттягивая плечевой ремень своей сумки-почтальонки, перекрещенный на груди. Джону ничего не остается, кроме как ответить.

– Я... подкинул одному сутенеру триста семьдесят пять граммов героина в багажник.

– Это плохо.

– Этот подонок избивает одну из своих девушек. Он ее когда-нибудь убьет.

– Это тоже плохо.

– Я знаю. Но я не жалею о сделанном. Я жалею, что попался. Я ужасно сглупил и все рассказал этой проститутке, а она все записала на видео. Поднялась шумиха. И я могу сесть в тюрьму.

Антония соглашается:

– У тебя однозначно проблемы.

– Ты однозначно очень проникательна. А второй вопрос?

– Подобные нарушения для тебя в порядке вещей? Мешают ли они твоей работе и сказываются ли отрицательно на твоём мышлении?

– Конечно. Я при каждом удобном случае стараюсь подкидывать ложные улики, врать, бить свидетелей, подкупать судей, чтобы добиться обвинительного приговора. А как, ты думаешь, я стал инспектором?

Антония аж замерла. Однако что-то в голосе Джона наводит ее на мысль, что, возможно, значение его слов не стоит воспринимать буквально.

– Я задам тебе вопрос в более простой форме. Ты хороший полицейский?

Джон игнорирует ее оскорбление. Потому что вопрос слишком важный. По сути – самый важный.

– Хороший ли я полицейский?

Он и сам не раз себя об этом спрашивал, с тех пор как закрутилась вся эта история. И глупая ошибка, которую он совершил, не позволяла ему до этого момента ответить правдиво.

– Да, хороший. Я офигенный полицейский.

Антония изучает его не моргая. У нее в глазах гири, весы, измерительные рулетки. Джон чувствует, что его оценивают, и так оно и есть.

– Хорошо, – заключает она. – Я с тобой сегодня поеду. А потом вы оставите меня в покое.

– Подожди-ка. Сейчас мой черед задать тебе вопрос. Каким чертовым образом ты спустилась, и почему я тебя не увидел?

Она указывает за спину.

– За этой дверью есть лифт.

Джон, открыв рот, смотрит на дверь, за которую не додумался заглянуть. *Ну ее почти не видно.* Тем более при свете этих дрянных лампочек. Опомнившись, он бросается вдогонку за Антонией, которая уже направляется к выходу.

– Надеюсь, что не потрачу время впустую. Раз уж я иду на это еще один раз, надеюсь, что оно того стоит.

– Что оно того стоит?

– Что будет интересно.

Джон про себя улыбается, вспоминая все то, что Ментор рассказал ему по телефону. *Интересно, говоришь?*

– Эх, красотка. Да ты обалдеешь.

Антония улыбается, увидев, что за машина их ожидает (тремя колесами на тротуаре – такова привилегия полицейских). Огромная «Ауди А8». Черный металлик, тонированные стекла, литые диски, сто с лишним тысяч евро. Джона никогда особо не интересовали дорогие машины (у него самого электрический «приус», чтобы не отставать от *миллениалов*), но эту улыбку он понимает.

– Тебе нравится машина, которую мне одолжил твой друг Ментор?

Антония кивает.

Пользуясь моментом, Джон потряхивает перед ней ключами – словно погремущкой перед младенцем. Чего ему меньше всего хочется после изнурительной поездки из Бильбао, так это снова сесть за руль машины, даже такой, как эта, – более просторной, чем гостиная его маменьки.

– Хочешь повести?

Антония качает головой.

Вот и весь их разговор за целую поездку. И вовсе не потому, что инспектор Гутьеррес не прилагает усилий. Как же, он то и дело пытается выведать у нее информацию, задавая невинные, на первый взгляд, вопросы. Но Антония на это не клюет, черт возьми, сидит себе молча, закрыв глаза и прижав голову к стеклу.

Прямо как детишки: посадишь их в машину – так они сразу и засыпают, думает Джон. Все свои знания о детях он почерпнул из сериала «Американская семейка».

Спустя двадцать минут «ауди» мягко притормаживает в том самом месте, которое Ментор указал по «Ватсапу». Антония распрямляется.

– Уже добрались?

– Почти.

Впереди шлагбаум. Из будки появляются двое охранников и подходят к машине с обеих сторон. Резкий поток света выхватывает из темноты уставшие глаза Джона и заспанное лицо Антонии.

– Дорогие мои, не могли бы вы фонарик опустить? – говорит Джон, протягивая через окно свой полицейский значок.

Охранник подходит ближе. Лицо его почти неразличимо в темноте, да и фуражка надвинута до самых бровей, однако Джон чувствует, что он очень нервничает. Значок он разглядывает внимательно, но в руки так и не

берет. Спустя несколько секунд жестом показывает своему напарнику, чтобы тот поднял шлагбаум.

– Можете проезжать.

– Вы были тут позапрошлым вечером?

Пауза.

– Нет, у меня был выходной.

Врет, либо что-то скрывает, подозревает Джон.

– А ваш напарник?

– Здесь никто ничего не видел. Езжайте прямо, до второго кругового перекрестка, а там направо и до конца.

Джон предпочитает не настаивать и трогается с места – шлагбаум уже поднят. Ксеноновые фары освещают отшлифованную стальную табличку с названием места:

ЛА-ФИНКА

Проехав пару сотен метров по этим ухоженным, аккуратным частным улицам, Джон понимает, что от Лавапьеса они отделились на расстояние в несколько миров.

Последнее место на земле, где можно носить розовое поло, не будучи при этом торговым представителем Evax^[6].

Поначалу вдоль дороги видны плотно стоящие друг к другу таунхаусы, но постепенно расстояния между ними увеличиваются, на смену им появляются дизайнерские коттеджи, чем дальше, тем все более массивные и дорогие. Их окна кажутся теплыми островками света в море темноты.

– Тут написано про это место. Район премиум класса для миллионеров, ревностно оберегающих свою частную жизнь, – говорит Антония. Она достала из сумки айпад и теперь ищет информацию в интернете. – Бизнесмены, футболисты. Цена на недвижимость доходит до двадцати миллионов евро. Говорят, это самое безопасное место в Европе.

У Джона осталось смутное воспоминание об одном телерепортаже про Ла-Финку. Половина состава «Реал Мадрид» живет в этом макете рая в масштабе 1: 1. Хотя в репортаже ничего особенного не показали: те же прилизанные ярко освещенные улицы, по которым они сейчас едут. Разве что ночью у этого приватного рая несколько зловещая атмосфера.

– Не уверен, что здесь так уж безопасно, как считают, – говорит Джон, вспоминая о телефонном разговоре с Ментором.

Он ведет медленно, внимательно вглядываясь сквозь открытые автомобильные окна и пытаясь понять, что же это за мир, в который они

проникли. Вокруг не видно ни души. С безупречных газонов доносится лишь стрекотание сверчков, и ветер слегка волнует гладь искусственного озера, когда Джон на втором круговом перекрестке поворачивает направо – согласно указаниям охранника. Здесь на их пути оказывается еще один шлагбаум, который мгновенно опускается, едва они проезжают.

Видимо, что-то вроде зоны VIP внутри района VIP, думает Джон.

В этой зоне расстояния между подъездными дорогами увеличиваются. Уличные фонари, освещающие тротуары, становятся все более редкими, а стены и ворота, ограничивающие доступ к домам, – все более высокими. Проехав полкилометра от шлагбаума, Джон уже различает конец дороги. Впереди, перед воротами последнего дома, поперек улицы стоит черная «Ауди А8» – в точности такая же, как та, что ведет Джон.

– Для вас тут подарочек, – говорит Джон, паркуясь рядом с бордюром.

Ментор стоит, прислонившись к машине, и с наигранным нетерпением смотрит на часы. На нем тот же костюм, что и накануне, но рубашка свежая и выглаженная. И тем не менее ничто не может скрыть ни пепельной серости его усталого лица, освещенного фарами, ни остекленелости его кукольных глаз.

Джон заглушает двигатель и выходит из машины. Антония не следует его примеру.

– Хорошая работа, инспектор Гутьеррес, – говорит Ментор, не сдвинувшись с места.

Джон подходит к нему ближе и кивает в сторону Антонии. Миссия выполнена.

– Вот вам ваш талисман. Мы в расчете.

– Если смотреть с чисто формальной точки зрения, – покашливая, отвечает Ментор, – то да, мы с вами действительно в расчете. Но я предполагаю, что ваше профессиональное любопытство умоляет вас разобраться, в чем же тут дело, не так ли? И ни ваш начальник комиссар, ни я не хотим, чтобы это любопытство осталось неудовлетворенным.

Джон раздраженно фыркает, мысленно проклиная себя за тупость. Этот мерзавец и не думал так просто оставить его в покое. Можно было догадаться.

– Вы говорили, что все, что от меня требуется, – это посадить ее в машину. Из всех тех, кто подвергся вашему шантажу, я первый сумел достучаться до этой женщины.

– Вот поэтому-то я и не могу отпустить вас домой, инспектор, – объясняет ему Ментор. При этом отчетливо произносит каждый слог, словно его довод для изменения условий договора очевиден, как прыщик

на носу.

– Она мне обещала, что этим вечером поработает вместе с вами. А потом вернется домой. После этого вечера я вряд ли могу быть вам чем-то полезен.

Ментор пожимает плечами.

– Мое чутье подсказывает, что, когда Скотт увидит то, что там внутри, она захочет продолжения. И я хочу, чтобы вы заботились о ней, пока она будет в процессе работы. У нее самой это не слишком получается.

– Это я уж понял.

– Значит, договорились.

Джон даже ответить сразу не может. Желчь так и жжет ему горло. Но то, что Ментор его обманет, вполне можно было ожидать. Среди тех немногих вещей, которым научил его отец перед тем как смыться, была одна, которую он особенно хорошо запомнил и которой никогда не следовал: «Когда сделка кажется тебе слишком удачной, чтобы быть правдой, представь, что будет дальше».

Но ведь и выбора особого у него нет. Он не знает, что сделал этот элегантный и таинственный человек, чтобы видео Деси перестало быть главным предметом общественного обсуждения, но можно предположить, что, как бы там ни было, стоит этому человечку щелкнуть пальцами – и все как по волшебству вернется на свои места. И тогда хрен ему, а не карьера, хрен, а не кокочас его маменьки.

И в одном Ментор прав. На этом этапе инспектору Гутьерресу уже просто необходимо узнать, к чему вся эта таинственность.

– А что мне остается? Раз меня держат за яйца, – сдается Джон.

– Рад слышать, что вы это осознаете.

Джон поворачивается к машине, в которой так и сидит Антония.

– Почему она не выходит?

Ментор берет Джона под локоть и отводит подальше от «ауди».

– Не смотрите на нее сейчас. Она готовится. Для нее это будет непросто.

Сидя одна в машине, Антония дышит с трудом. За то время, что она ехала сюда с закрытыми глазами, ей едва ли удалось успокоиться.

Она испробовала некоторые свои приемы, как например:

- посчитать количество оборотов, сделанных колесами машины во время поездки (приблизительно 7300);
- повторить в обратном порядке список готских королей (она два раза сбилась на Гезалехе, потому что Джон говорил без умолку);
- мысленно прочертить самый короткий путь от дома до парка Эль-Ретиро, избегая улиц, названия которых начинаются на гласную (плюс 11 минут, если есть пробки).

Все это не слишком помогло. Сердце колотится, дыхание сбилось. Сейчас, когда Джона нет рядом, ее охватывает паника. Или, скорее, она сама позволяет панике завладеть собой именно теперь, когда никто этого не видит.

Она так долго пыталась бежать от самой себя, но реальность все же настигла ее. У Антонии черный пояс по самообману, но даже она способна себе признаться, что, несмотря на страх, ей сейчас очень хочется выйти из машины и вернуться к своей прежней работе.

Пусть даже это не очень хорошая идея.

Пусть даже она поклялась себе никогда больше этого не делать – после той трагедии, что произошла с ее любимым человеком.

Пусть даже свинцовая тяжесть под ложечкой так и просит ее пересесть на водительское место, завести машину, вжать педаль газа в пол и уехать из этой золотой клетки. Рвануть как следует под визг покрышек.

Пусть даже она разочарует бабушку Скотт.

Она смотрит в окно и с удивлением останавливает взгляд на искусственном озере.

Mångata.

По-шведски это значит *лунная дорожка на поверхности воды.*

У них с Маркосом была игра – *и сейчас есть, есть, есть*, повторяет она сама себе почти в полный голос. Нужно было находить необычные слова – те, что обозначают прекрасные и непередаваемые чувства; слова,

которые на испанском можно передать только целым абзацем. Когда кто-то из них отыскивал такое слово, то дарил его другому как драгоценность. И вот сейчас как раз подул ветер, из облаков выглянула луна, и одно из ее любимых слов воплотилось в жизнь прямо у нее на глазах: серебристая, дрожащая, неровная линия.

Mångata.

Этот знак свыше означает то, что хочется Антонии. Ведь для того-то вселенная и посылает нам знаки, чтобы мы толковали их так, как нам удобно.

Тяжесть в груди ослабевает, дыхание выравнивается. Обезьяны в голове кричат уже не так громко. Это лучшее, что может нам дать уверенность, пусть и временная. Она наполняет нас спокойствием.

Антония делает глубокий выдох и открывает дверь машины.

Место преступления

Вдоль дороги к дому сияют светильники, встроенные в крупные каменные плиты. По мере подъема Джон все яснее видит, насколько же огромный перед ним особняк: неудивительно, что цена на недвижимость в Ла-Финке доходит до двадцати миллионов евро, как вычитала Антония. В окнах горит свет, а мерцающая подсветка золотит белый фасад. От главного входа частично виден бассейн – метров десять в длину как минимум. Его внешняя часть, будто парящая над искусственным озером, полностью сделана из стекла. Джон предполагает, что, если смотреть на бассейн при дневном свете из окна, создается иллюзия его слияния с озером.

– Мы обойдем сзади, – говорит Ментор, показывая дорогу.

С Антонией они не поздоровались. Она просто вышла из машины и молча пошла за ним следом.

Тропинка, выложенная тем же камнем, что и дорога, и фасад, огибает дом и ведет к бассейну. За углом они видят столовую на открытом воздухе: дизайнерские стулья под черной стальной перголой. Деревянный настил соединяет зону бассейна со столовой и подводит к гостиной с открытой стеклянной дверью внушительных размеров. Внутреннее убранство скрыто за тяжелыми складчатыми занавесками.

На одном из стульев столовой сидит высокая женщина в классическом защитном комбинезоне эксперта-криминалиста. В одной руке сигарета, в другой телефон.

– Это вас погубит, доктор, – приветствует ее Ментор.

Женщина бубнит в ответ что-то невнятное, не отрывая взгляда от телефона, и делает очередную затяжку.

Ментор раздосадовано цокает языком и поворачивается к Антонии. Та смотрит на него выжидающим взглядом, переминаясь с ноги на ногу, словно бегун перед стартом. Наклонившись совсем близко к ее уху, Ментор спрашивает:

– Как звучит хлопок `к одной ладони?

Антония ничего не отвечает, просто молча заходит в ярко освещенную гостиную.

Что, черт возьми, тут вообще происходит? – думает Джон.

Он уже собирается пойти за ней следом, но Ментор преграждает ему путь.

– Подождите. Прежде чем вы туда зайдете, хочу вас предупредить: то, что вы сейчас увидите, – строго конфиденциально, никто не должен знать ни об этом расследовании, ни даже о моем существовании, равно как и о существовании сеньоры Скотт. Вы увидите и услышите то, что вам покажется странным, и то, с чем вам сложно будет согласиться. Вы готовы быть хорошим солдатом?

– Меня на поводке вести не нужно, – отвечает Джон, отталкивая его с пути.

Ментор оказывается гораздо сильнее, чем кажется в своем безумно дорогом костюмчике, но все же противостоят физической мощи Джона непросто, и ему приходится отступить. Что до инспектора Гутьерреса, то он и так уже два дня мечтает врезать ему как следует, а теперь, после попытки Ментора его попридержать, это желание только усиливается.

– Не вынуждайте меня, – настаивает Ментор. – Ведь я о многом вас не прошу. Просто молчать и следовать правилам.

Теперь они меряются взглядами. И на этот раз весы склоняются в другую сторону. Джон вынужден взять себя в руки и подавить ярость. Ничего, он еще ему покажет, просто момент пока не настал.

– Что ж, попробую, – отвечает он, хотя его взгляд говорит об обратном.

Ментор довольствуется временным прекращением огня и отходит в сторону.

Ночь довольно теплая. Но внутри жуткий холод. *Кто-то установил термостат в морозильный режим*, – догадывается Джон, едва раздвинув занавески.

Когда он зашел в гостиную, увиденное слегка пошатнуло его представление сразу о двух вещах.

Прежде всего, раньше он думал, что знает – хоть и опосредованно, – что такое роскошь. Его мать, учительница младших классов, всегда работала по призванию, и денег едва хватало, чтобы сводить концы с концами, с учетом тех грошей, что посылал им отец, после того как ушел к другой. Но у маменьки были состоятельные друзья, которые время от времени звали их в гости: несколько человек из Бильбао и еще парочка из Алавы. Двойные фамилии, земельные участки, машины. Тонко нарезанный хамон «Хоселито» на закуску, вино «Вега Сицилия» почти каждый вечер, охота по воскресеньям – вот три составляющие их богатства. И ты потом возвращаешься к себе домой, на другой берег Нервьона^[7], и засыпаешь, думая, что прикоснулся к небесам.

А много лет спустя ты заходишь в эту гостиную и понимаешь, что даже приблизительного понятия не имел, как выглядят небеса.

Пространство кажется необъятным, хотя архитектор явно старался обустроить его по человеческим меркам. Открытый взгляду второй этаж, световой купол на потолке, окно в четыре метра высотой. В стороне расположена столовая с камином, отделенная стеной от холла, декоративного фонтанчика и всего прочего. Картины развешаны со вкусом. Джон узнает одну работу Ротко и две Миро. Пытается вспомнить автора еще одной, его имя так и вертится на языке, это точно какой-то голландец. В конце концов Джон сдается и просто тихонько подсчитывает, что картины в этой гостиной стоят раз в десять больше, чем весь дом.

Тот, кто здесь живет, однозначно не имеет ни малейшей связи с реальностью, ни даже самого смутного представления об обычной человеческой жизни. Эта мысль приходит ему в голову и тут же улетучивается, оставляя после себя лишь легкое недоумение.

В другом конце зала находится непосредственно гостиная. Восемидесятидюймовый телевизор настолько тонкий, что кажется, будто его нарисовали на стене. Диваны, обитые прочной гладкой кожей. А в углу – то, что во второй раз колеблет мировоззрение Джона.

Полицейские в чем-то похожи на собак: один год у них идет за семь.

За двадцать с лишним лет Джон вдоволь насмотрелся на смерть. Героинщик, зарезанный в переулке; паренек, спрыгнувший с моста Мирафлорес; две старушки, изрешеченные своими соседями-подростками. Когда ты уже столько всего повидал, начинает казаться, что все эти смерти ничем друг от друга не отличаются. *Угасание пульса, звон стекла и наконец одиночество*^[8]. Ты постепенно черствеешь и начинаешь думать, что ничто уже не способно удивить тебя или задеть за живое.

И вдруг ты видишь на диване мертвого подростка и понимаешь, насколько же ты ошибался.

– Черт возьми! – вскрикивает Джон.

Парню было лет шестнадцать-семнадцать, не больше. На нем белые брюки и рубашка, которые практически сливаются по цвету с кожей дивана и его собственной кожей – когда-то смуглой, а теперь мертвенно бледной, почти прозрачной. Жизнь полностью покинула его невероятно худое тело, и тем не менее он все еще сидит – с прямой спиной, нога на ногу, правая рука на колене, а в левой бокал, наполненный до краев чем-то густым и очень темным. На нем нет ни обуви, ни носков; босые ступни приобрели небесно-голубой оттенок – равно как и губы. Глаза открыты, белки отдают желтизной.

Самое ужасное – его открытый рот, искривленный в подобии улыбки. От нижней губы к ямочке на подбородке тянется сгусток крови.

Джон сдерживает мгновенную безжалостную тошноту: к горлу подступает призрак несъеденного ужина. Он сжимает кулаки, разрываясь между яростью и состраданием, и изо всех сил пытается сохранить содержимое желудка внутри, а профессионализм снаружи.

Когда ему удастся успокоиться, он обращает взгляд на Антонию: та сидит на корточках возле трупа и внимательно разглядывает его лицо. При этом она приблизилась к нему настолько, что кажется, будто они вот-вот поцелуются.

– Скотт, – ласковым голосом зовет ее Ментор, – расскажи нам, что ты видишь.

Джон даже не заметил, как он вошел, а сейчас этот загадочный персонаж уже стоит позади, всего лишь в паре шагов. Его голос производит двойной эффект: успокаивает Джона и возвращает Антонию из ее мира в реальность. Или, по крайней мере, находит с ней связь в ее мире.

– Признаков насилия нет, – говорит она настолько тихо, что Джону приходится подойти к ней ближе, чтобы что-то услышать. – Без поверхностных ран и следов борьбы, как на руках, так и на ногах.

Она снова замолкает, как будто слова стоят ей невероятных усилий.

– Причина смерти, – подсказывает Ментор.

Антония достает из сумки нитриловые перчатки, надевает их и сжимает большой палец трупа.

– Гиповолемический шок, или гипоксемия, или и то и другое. Почки, видимо, отказали в тот момент, когда сердцу больше нечего было качать. Медленная и болезненная смерть. Цианоза совсем мало: синюшность присутствует только на губах и пальцах ног. По всей видимости, мальчик был под воздействием седативных препаратов и находился в лежачем положении, иначе цианоз проявился и на руках. От головной боли и тошноты он бы весь скрючился и сложился пополам. На коже бы остались следы от его собственных пальцев.

– А если попроще? – спрашивает Джон.

– Он умер от потери крови, – говорит кто-то у него за спиной.

– Представляю вам доктора Агуадо – это наш судмедэксперт. Она со вчерашнего дня работает на месте преступления, – говорит Ментор.

К ним присоединилась женщина, сидевшая снаружи. Она сняла полиэтиленовую шапочку, и теперь видны ее белокурые длинные волосы, собранные в хвост. На вид ей около сорока. Длинные ресницы, размазанный макияж; в носу пирсинг, на губах усталая улыбка, во взгляде лукавая томность. Руку для приветствия она не протягивает, и Джон ей за это очень благодарен. Руки судмедэкспертов вызывают у него отвращение.

– Потеря крови? Каким образом – от ножевого ранения, от выстрела?

– Убийца ввел ему канюлю в сонную артерию и выпустил кровь, – отвечает доктор.

– Он делал это очень медленно, – добавляет Антония, скорее для себя самой, чем для них. – Спокойно, не торопясь.

Теперь понятно, почему он настолько худой. В человеческом теле циркулирует четыре-пять литров крови. Если ее вылить, останется вот такая пустая скорлупка, как сейчас перед ними. Джона Гутьерреса охватывает волна жалости к этому мальчику при мысли о его последних мгновениях.

– Следов борьбы, говорят, нет. Как же убийце удалось усмирить жертву? – спрашивает он.

– Я взяла образцы слизи, и там обнаружили следы бензодиазепинов. Это все, что я могу вам сказать, раз вскрытие сделать нельзя.

– Мы уже обсуждали это, Агуадо. У нас нет согласия семьи, так что не надо настаивать, – говорит Ментор.

Джон ничего не понимает. Когда они разговаривали по телефону на лестнице в доме Антонии, Ментор ему сказал, что произошло невероятное убийство, что преступник проник в место, обеспеченное сверхнадежной охраной, а затем скрылся, не оставив следов. Но такого абсурда Джон не ожидал.

Когда речь идет о преступлениях насильственного характера, решение о вскрытии принимают не родственники, а следственный судья. А его, кстати, что-то не видать. В этом расследовании и осмотре места преступления вообще все не так, не по протоколу. Не соблюдается ни Закон

об уголовном судопроизводстве, ни установленный порядок. Только судмедэксперт – и все? Никаких вспомогательных подразделений, никаких инспекторов (ну кроме него, конечно)? С чего бы вдруг?

Джон осекается. Ведь самый-то главный вопрос так и не был задан.

– Кто жертва?

Доктор Агуадо ненадолго уходит, а затем возвращается с папкой, из которой достает фотографию высокого худого юноши с кудрявыми волосами и грустным взглядом. Юноша запечатлен на пляже. Он позирует с явной неохотой – что вполне соответствует его возрасту и ситуации. Бессмертный, неуязвимый, беззаботный. Фотография, видимо, была сделана этим летом, заключает Джон. Боже, как же он ненавидит эти фотографии до. Ему невыносимо мысленно соединять образ живого человека, который и не догадывается об уготовленной ему ужасной участи, с этими тленными останками.

Юноша держит за руку девочку лет восьми-деяти: та сжимает пластиковый мячик и улыбается в камеру беззубым ртом.

Эта девочка никогда больше не сможет поиграть с братом, – думает Джон. – Как же они обо всем ей расскажут? Это всегда самое сложное. Посмотреть человеку в глаза и сказать, что его мир разбился вдребезги. И что обратно его никак не склеить, потому что некоторых осколков уже никогда не собрать.

Внизу фотографии Агуадо написала имя жертвы. Джон хочет прочитать его вслух, но тут застывает взглядом на фамилии. Фамилия звучная. Ни с чем не спутаешь.

– Одну секунду. Альваро Труэба. То есть этот мальчик...

– Да. Он сын. Один из них, – перебивает его Ментор. – У вас есть счет в банке его матери, инспектор?

Джон делает глубокий вдох. От осознания происходящего кружится голова.

– В Бильбао в основном BBVA или ВВК^[9], тут уж у нас свои интересы.

– Надо же, как удивительно, – с сарказмом отвечает Ментор.

Внезапно Джон понимает, почему кондиционер в этом доме включен на максимум. Температура внутри вряд ли больше 13–14 градусов.

– Все это останется в секрете, не так ли? Поэтому-то здесь чертов холодильник. Чтобы тело этого паренька не начало разлагаться как можно дольше. Когда вы с ним закончите, кто-нибудь по-тихому передаст его тело семье. А они всем скажут, что парень утонул в бассейне или что-нибудь в этом роде, и устроят похороны без прессы и без скандала.

– И с открытым гробом. Вы и представить себе не можете, на что способен мотивированный бальзамировщик.

Джон обводит жестом огромную гостиную с драгоценными картинами.

– С такими деньгами и с такой властью можно кого угодно замотивировать, не так ли? Вот вы, с этими вашими дорогими машинами, секретиками, циничными фразочками, чем вы занимаетесь? Подтираете за богачами?

Ментор поворачивается к нему. Губы плотно сжаты, а в мутном взгляде проскальзывает черная тень.

– Значит, вот что вы думаете о происходящем?

– Да я понятия не имею, что тут происходит, вы ведь не соизволили поставить меня в известность. Мне ясно лишь одно: вам насрать на убитого мальчика. Слишком уж вы заняты тем, что... – Джон секунду колеблется и все же выдает штамп: – ...блюдете чужие интересы.

– А что, по-вашему, лучше? Быть второсортным толстым полицейским?

– Я, по крайней мере, не прислуживаю никому лакеем.

Ментор смотрит на Джона с любопытством, словно на зверя в зоопарке, выкинувшего неожиданный фортель.

– Прошу прощения, инспектор. Моя работа непростая, и не всегда все выходит так, как хотелось бы.

Джон не очень-то верит извинению. А если точнее, то совсем не верит. Но все же предпочитает притвориться, поскольку в противном случае ему придется дать Ментору затрещину.

– Мы все устали, – говорит Джон. – Да и ситуация не из легких.

– Особенно для вас, ведь вы, можно сказать, работаете впотьмах. – Ментор показывает в сторону Антонии, которая с тех пор едва сдвинулась с места; затем обменивается странным взглядом с доктором Агуадо. – Пока оставим ее тут, инспектор. Давайте выйдем на улицу, я расскажу вам правду.

Антония Скотт не обратила внимания ни на потасовку, чуть не разыгравшуюся у нее за спиной, ни на уход Джона и Ментора. Целиком и полностью поглощенная делом, она словно впитывает в себя каждую деталь места преступления. Ее взгляд беспрестанно скользит по кругу, останавливаясь на следующих элементах:

- Застегнутая доверху белая рубашка.
- Неестественное положение тела.
- Полное отсутствие крови на дубовом полу, на диване и на индийском, сотканном вручную ковре.

Глаза, рука на колене в другой бокал нет это слишком.

– Я задыхаюсь, – говорит она хриплым голосом.

Антония все еще сидит на корточках. Она закрывает глаза, пытаясь не захлебнуться, не потонуть в этом потоке информации. Старается снова вызвать в воображении *Māngata*, но нет, этот образ очень далеко, по ту сторону кирпичной стены, а здесь совсем другие

[рубашка, тело, бокал на подлокотнике дивана]
образы.

Она думала, что справится и так.

Но нет.

Она не может. Детали наводняют ее, диктуют свои собственные, невыносимые условия.

В конце концов она сдается.

Еще только один раз. Последний раз.

Она протягивает руку. Словно в мольбе.

Доктор Агуадо подходит к ней сзади. В руках у нее маленькая металлическая коробочка, из которой она достает красную капсулу и кладет на ладонь Антонии.

– Принести воды?

Антония не отвечает ни слова, просто сжимает кулак и кладет капсулу в рот. Раскусывает желатиновую оболочку, высвобождая желанный горький порошок, рассасывает его под языком, чтобы химический коктейль как можно скорее впитался в слизистую и унесся в кровоток.

Она считает до десяти, вдыхая и выдыхая после каждой цифры, словно спускается по ступенькам к своей цели.

Внезапно мир вокруг замедляется и уменьшается. Электрические разряды, пробегающие по рукам, груди, лицу, постепенно затихают.

– Спасибо, – произносит она наконец. Доктору, капсуле, да и всему миру. – Спасибо.

– Значит, это вы, – говорит Агуадо. – Я очень хотела с вами познакомиться. Я много читала про вашу работу. То, что вы сделали в Валенсии...

– Да, я, – перебивает ее Антония. И это правда. Это снова она. – А вы новый судмедэксперт.

– Робредо уехал в прошлом году, не дождался вас. Теперь работает в Мурсии. А я вот думаю, кому охота ехать в Мурсию, – Агуадо протягивает Антонии папку, – когда есть возможность работать вместе с вами.

Тому, у кого есть мозги, – думает Антония. Жестом отстраняет папку. Она еще не готова. Сначала она должна посмотреть все сама.

– Ни капли крови на месте преступления, – говорит она. – За исключением бокала, конечно.

Густая жидкость уже начала застывать на стенках бокала из богемского хрусталя в руке юноши. Наполняя до краев бокал кровью, убийца по всей видимости хотел изобразить вино.

– Это кровь жертвы?

– Я провела экспертизу с использованием бромкрезола. Пока могу лишь сказать, что у крови из бокала и крови жертвы одна и та же группа – третья положительная. Когда будет готов результат анализа ДНК, узнаем наверняка.

То есть через пять дней. Когда меня здесь уже не будет.

– Что это за вещество у него на волосах? – спрашивает Антония, чуть приподнимаясь, чтобы лучше разглядеть голову жертвы.

Волосы мальчика блестят в свете ламп. У него вьющаяся шевелюра, зачесанная назад. На первый взгляд кажется, что волосы уложены гелем, но слишком уж они выглядят маслянистыми, утяжеленными. По виску стекает крошечная капля.

– Оливковое масло на девяносто девять процентов, – зачитывает доктор. – Корица и еще один компонент, который нам пока не удалось установить. Я приехала на МобЛаб, он припаркован позади дома, но мне здесь не хватает оборудования.

МобЛаб – это фургон, доверху забитый оборудованием для судмедэкспертизы. Снаружи он кажется самым обычным черным

«Мерседесом-Спринтером» без окон. А внутри – словно космический корабль с кучей пробирок, реактивов и компьютеров. Но все же место в нем ограничено.

– Вы отправили образцы в отдел?

– Что-нибудь узнаем через пару часов, – говорит Агуадо.

При мысли о том, что нужно ждать деталь головоломки, Антония приходит в уныние. Вся сцена перед ними продумана до мелочей, и главное сейчас – это понять, какое послание хотел донести убийца. Антония указывает на бокал.

– Вы смотрели на кухне?

– В серванте не хватает одного такого. Марка и модель совпадают.

Убийца, используя предметы из дома, явно хотел что-то этим сказать. Единственное, что он принес с собой, это оливковое масло.

Вино и масло. Антония уже где-то читала про нечто подобное. Или слышала. Воспоминание приходит внезапно. Она видит себя ребенком. Ей семь лет, два месяца и восемь дней. Базилика Ла-Мерсе. Все одеты в черное. Пахнет хризантемами, любимыми цветами ее матери.

– Это псалом, – говорит Антония, указывая на труп. – Двадцать третий псалом. Не помню, какой стих.

Доктор Агуадо смотрит на нее в замешательстве.

– Я думала, вы помните все, что читали.

Так ведь я его не читала. А слышала на отпевании. Три десятка лет назад. А с того дня как-то не приходилось читать Библию.

– Не всегда, – отвечает Антония.

– Кажется, нашла. «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена», – читает Агуадо. – Вы это имели в виду?

Антония неопределенно хмыкает. Чаша, полная крови; смазанная маслом голова. Слишком много совпадений. А в то, что это просто совпадения, она не верит.

– Я готова посмотреть вашу папку, доктор Агуадо.

За пятнадцать минут Антония прочитывает сто страниц, заполненных датами, схемами и всей той информацией, которую подготовила для нее судмедэксперт. Отличная работа, гораздо более скрупулезная и четкая, чем у ее предшественника. Антония не уверена, стоит ли говорить это судмедэксперту, ведь она должна держаться как можно более отстраненно с членами команды (директива номер 11 регламента) и не симпатизировать им (директива номер 3), чтобы отношения были как можно более профессиональными (директива номер 17). Раньше она следовала

регламенту.

А сейчас нет.

– Мои поздравления, доктор, прекрасный отчет. Я очень рада, что Робредо уехал в Мурсию, мы от этого только выиграли.

Агуадо отворачивается (слишком поздно), чтобы Антония не увидела ее покрасневших щек.

Антония, в свою очередь, вновь концентрируется на страницах отчета. Самое тяжелое для нее – это обнаружить фотографию мальчика на пляже. Антония знает, что нельзя воспринимать жертв преступлений как людей. Благодаря тренировкам она сумела выстроить эмоциональный барьер, превращающий их в простые факты, в части иероглифа, который нужно разгадать. Раньше у нее это получалось, хоть и с трудом.

А сейчас нет.

Все изменилось после того, что случилось с Маркосом. Того, что случилось с ним из-за меня. Все, что с нами случилось, – это из-за меня.

Неожиданно для себя Антония дает обещание мальчику с фотографии. Обещание, которое выполнить не сможет, потому что оно идет вразрез с обещанием, данным Маркосу. И данным себе самой. И противоречащим, в свою очередь, ожиданиям бабушки Скотт.

Я найду того, кто это сделал, говорит она мальчику с фотографии.

Как только эти слова звучат у нее в голове, она тут же раскаивается. Но и взять их обратно она уже не может. В этом-то и беда, когда даешь обещания мертвым.

Если не сдержишь слово, просить прощения потом будет еще сложнее.

Ментор доходит до летней столовой и садится на дизайнерский стул. Стилль Ле Корбюзье или нечто в этом роде. Дорого и неудобно, заключает Джон, когда усаживается сам и понимает, что спинка не рассчитана на людей с его габаритами. Если, конечно, стул не задумывался как пыточный.

На столе лежит забытый доктором Агуадо «Мальборо Лайт». Предупреждающая фотография, напечатанная на пачке, изображает детский гроб.

От такого страшного совпадения у Джона сжимается сердце, и он тут же отводит взгляд.

Ментор, будучи не таким чувствительным, тянется к пачке и предлагает сигарету инспектору, который в ответ лишь качает головой. Тогда Ментор закуривает сам, делает три затяжки, кашляет как безумный и тушит свою сигарету о стеклянную поверхность стола – влажную от брызг садового опрыскивателя.

– Вы не боитесь повредить следы преступления?

– Было бы что повреждать. Агуадо трудится тут уже двадцать шесть часов кряду, она уже осмотрела весь дом и сняла все отпечатки.

Джон аж присвистывает от восхищения. Ей ведь надо было разметить пространство, отделив друг от друга каждый квадратный метр, сделать фотографии, заняться поиском улик. А в таком огромном доме это задача для четверых, а то и для пятерых.

– Да она просто машина.

– Доктор Агуадо лучшая во всей Испании. К счастью для меня и к несчастью для нее, нам выпало работать вместе.

– Вы что-нибудь выяснили?

– Ждем результатов анализов, чтобы исключить родственников и прислугу. Я ни на что не рассчитываю. Есть, конечно, волосы, волокна, но черт его знает. От них ведь никогда нет толку. Разве что в сериалах.

Джон прекрасно это знает. В сериалах работу экспертов изображают настолько фантастической, что полицейские иногда и сами попадают в эту ловушку и, как и зрители, начинают верить во всякие чудеса.

Ментор вновь принимается давить уже потухшую сигарету об стол и отодвигает от себя пачку.

– Я бросил несколько месяцев назад. Время от времени напоминаю

себе почему.

– Лучше чуть-чуть пострадать, чтобы избавить себя от бóльших страданий.

– Именно так. Почему вы стали полицейским, инспектор Гутьеррес?

Джон корчит недовольную гримасу.

– Вообще-то я пришел сюда не говорить, а слушать.

– Сделайте одолжение, инспектор.

Пауза. Джон не знает, какую версию ответа выбрать. Официальную, версию для друзей, версию для себя самого или правдивую. И то ли из-за усталости, то ли из-за эмоций, но в конце концов он останавливается на последней.

– Чтобы меня не трогали, – признается он.

Теперь уже Ментор делает удивленное лицо от такой честности.

– Ладно вам...

– Знаю, знаю. Типа, как же так, вы, такой большой и сильный, и прочая хрень. Не доставайте меня своим гребаным психоанализом. Отец нас бросил, я живу с матерью, трахаюсь с мужиками. Знаю я все эти штучки и банальные объяснения. Но дело в том, что... я просто боюсь. Я всегда боялся.

– Боялись чего?

– Да всего. Когда был подростком, боялся, что на меня нападут. Что буду возвращаться из школы, а меня пырнут ножом. Боялся несчастных случаев, заразиться СПИДом и еще фиг знает чего. Работа в полиции мне помогает. Когда ты во всем этом варишься, когда видишь несчастья других, у тебя как будто появляется волшебный щит. Как будто к тебе это все не относится.

– Решили чуть-чуть пострадать, чтобы избавить себя от бóльших страданий, – говорит Ментор.

– Именно так.

– Но сегодня ваш щит вам не помог?

Джон не отвечает. Зачем произносить вслух и так очевидные вещи.

Оба ненадолго замолкают, собираясь с мыслями. Ментор чуть привстает со стула, пытаясь дотянуться кончиками пальцев до пачки сигарет, которую сам же до этого с усердием от себя отодвигал. Пламя зажигалки на пару секунд выхватывает его лицо из ночной темноты. На этот раз он уже не делает поспешных затяжек, а выдыхает клубы дыма медленно и с удовольствием.

– Идея возникла пять лет назад, в Брюсселе. В институте Фишера. Знаете такой?

– Не имею чести.
– Это *мозговой центр* Евросоюза.
– Что такое *мозговой центр*, я в курсе. Собирище богатых университетских придурков, которые считают, что лучше всех знают, что нужно миру.

Ментор смеется сквозь зубы, поднимая руки.

– Виноват. Но дело в том, что придурки иногда оказываются правы. Несколько лет назад проводилось одно исследование. Помните теракт 2012 года в аэропорту Тенерифе?

Джон кивает. Как же не помнить. Ближайшие камеры видеонаблюдения запечатлели момент взрыва и тут же отключились. А остальные камеры засняли не менее жуткую сцену: насмерть перепуганные люди бежали по терминалу, расталкивая и затаптывая самых медленных.

– Исследователи занимались данными, которые имелись у разных полицейских подразделений до совершения теракта. У местной полиции, у Канарской, у Гражданской гвардии, у Национальной полиции. У всех были фрагменты пазла. Но никто не поделился ими с остальными.

– Знакомая история, – подтверждает Джон. Он-то хорошо это знает, будучи представителем национальной полиции в Бильбао и постоянно воюя с автономной полицией Страны Басков. Отношения между полицейскими подразделениями безотрадны, словно воскресенье в доме престарелых. Зависть, разница в зарплате. Многолетние обиды. А в итоге страдают люди.

– То, что произошло в Тенерифе, повторилось позже: в Турине в две тысячи пятнадцатом и на Лас-Рамблас в Барселоне в две тысячи семнадцатом. Исследование провели немцы. У них там тоже нечто подобное. Восемнадцать подразделений полиции.

– Повеситься можно.

– Исследование не ограничивалось терроризмом, оно обращалось также к другим громким делам. К атипичным серийным убийцам, вроде Ремедиоса Санчеса. Десять нападений за двадцать четыре дня, три убитые старушки. Или вроде Ковакса, Дюссельдорфского клоуна.

– Черные лебеди. Они непредсказуемы.

При этих словах на лице Ментора отражается удивление. Черным лебедем, согласно недавней теории, называют ужасное значительное событие, которое ни наука, ни история никак не может спрогнозировать и которому можно дать рационалистическое объяснение только апостериори. Как, например, события 11 сентября, экономический кризис 2008 года или возвращение в моду поясных кошельков.

– Я не ожидал, что вы читаете Талеба, инспектор, – говорит Ментор, уставившись на Джона, словно впервые его увидев.

– Не надо меня недооценивать, – отвечает Джон. Он ни за что на свете не признается, что узнал об этой теории, листая замусоленный журнал в приемной стоматолога.

– Обещаю, не буду. Выводы исследования были следующими: в Европе мы создали новый мир. Без границ, без таможни. Пять миллионов квадратных километров, по которым преступники могут передвигаться как им вздумается. И сотни полицейских организаций, конкурирующих между собой. Вот тогда и возник проект под названием «Красная Королева».

– Как та, что из «Алисы»? «Отрубите им головы»?

– Название взяли оттуда. Это старая эволюционная теория. Помните эпизод, в котором Алиса и Королева бегут, бегут и все никак не сдвинутся с места?

Джон делает неопределенный жест рукой. Не всегда получается казаться умнее, чем ты есть. На притворстве долго не протянуть.

– Красная Королева говорит Алисе, что в ее стране необходимо бежать, только чтобы оставаться на месте, – продолжает Ментор. – Если применить это к эволюции, то получается, что необходима постоянная адаптация, чтобы удерживаться на том же уровне, что и преступники.

– Но мы и так это делаем, – протестует Джон.

– Каким образом? Стало больше полицейских? Больше компьютеров? Больше оружия? Или, может, вы имеете в виду лекции по киберпреступности, которые вы прослушали в комиссариате в прошлом году?

– Этого не могу сказать. Я на этих лекциях играл в «Энгри Бердз».

– В конце концов преступники оказываются в более выгодном положении, потому что они быстры, незаметны и ни с кем не считаются.

Джон переводит взгляд на дом.

– Кажется, я начинаю понимать.

– Проект начался с эксперимента. Создать центральный отдел и по одному специальному подразделению в каждой стране Евросоюза. Для особых целей. Таких целей, которые следует держать в секрете от общественности.

– Например?

– Серийные убийцы. Неуловимые опасные преступники. Педофилы. Террористы.

– Отбросы-одиночки, – кивает Джон.

– Так же, как и у них, у нашей организации нет никаких оков. Нет

иерархии. Нет соперничества. Нет бюрократии. Есть только агент связи под кодовым именем Ментор.

– Ну вот, а я-то думал, что это ваше настоящее имя.

Тот вяло усмехается в ответ.

– Каждый Ментор наделяется командой технических специалистов, которые действуют за пределами своего привычного русла. Никаких медалей, премий, повышений по службе. А на острие копья, непосредственно на поле боя, работают двое. Оруженосец, – Ментор указывает на Джона, – и Красная Королева.

– Я понял свою роль: ничтожный шофер с полицейским значком и пистолетом.

– Не стоит так себя обесценивать. Нам нужен опытный полицейский для защиты и рекомендаций нашему основному активу.

– Как скажете. А она?

Ментор делает паузу и зажигает еще одну сигарету.

– Королева появляется на месте преступления, смотрит и уходит. Наше подразделение никогда не является единственной организацией, целиком расследующей какое-либо дело. Мы работаем в сторонке, выглядывая из-за плеча *настоящей* полиции.

– Но только не в этот раз.

– Не в этот раз, потому что возникли... особые обстоятельства.

В ответ на цинизм Ментора Джон смеется сквозь зубы и качает головой. Инспектор всегда предпочитал называть вещи своими именами. «Половой орган», «вооруженное действие», «экономически слабый». Тогда как можно сказать просто: *хер, теракт, бедный*.

– Как вы вышли на нее?

– В каждой стране начался процесс отбора – очень долгий и очень затратный. Кандидаты должны были обладать крайне редким набором характеристик: узкий круг личного общения, свобода передвижения, огромные способности к нестандартному мышлению. Были ли они высокими или низкорослыми, мужчинами или женщинами, толстыми или худыми – все это роли не играло. Мы не искали очередного Джеймса Бонда. Мы искали особенные мозги. Человека, который способен увидеть то, чего не видят другие.

В голосе Ментора слышится оттенок гордости, и это не ускользает от инспектора.

– Это вы ее нашли, не так ли?

– Испания была единственной страной без Королевы за три месяца до запуска проекта, – говорит Ментор. – И это после года непрерывных

поисков. Я изучил тысячи досье и провел собеседование с десятками людей. И наконец появилась она. И я это понял.

Мадрид, 14 июня 2013 года

Высокий худой мужчина трет глаза от усталости. А рабочий день еще даже не начался.

На этой неделе они решили испробовать новый подход к проблеме. До сих пор они сочетали тест на тип личности с тестами на интеллект. Специализация этого высокого мужчины – когнитивная психология и поведенческий анализ. Но до настоящего момента это ему не слишком помогло при выборе подходящих тестов. Он испробовал самые изысканные из них, разработанные ЦРУ, ФБР, МИ-6. И всем им не хватало главного. Они отражали умственные способности кандидата, но не его способности к импровизации.

Кого я пытаюсь обмануть? Вся проблема в исходном материале.

На этой неделе они решили испытать нечто иное. Их новый тест был разработан гораздо менее гламурной организацией, нежели спецслужбы, а именно, многонациональной нефтяной компанией. Обычно его используют, чтобы оценить реакцию кандидата на безвыходную кризисную ситуацию. Когда ассистентка предложила этот тест высокому мужчине, идея показалась ему скорее забавной, чем полезной, однако он решил – почему бы и не попробовать, после стольких-то безуспешных поисков. Но, видимо, напрасно. Десятки новых попыток не принесли никакого результата.

– По крайней мере нам не приходится зачитывать список вещей, необходимых для астронавта.

– Тест НАСА очень хороший, – говорит ассистентка, прихлебывая кофе.

Высокий мужчина украдкой поглядывает на нее с завистью. Ему невыносимо от кофеиновой ломки, но он знает, что если выпьет до обеда третий эспрессо, то проведет потом весь день в ужасном настроении. Еще более ужасном.

– Я вас умоляю. Даже моя бабушка ответила бы им, что при необходимости нужно первым выбирать кислород, а не воду. И что компас и пистолет не пригодятся. Они там как с луны свалились! Ладно, начнем. Кто сегодня первый кандидат?

– Номер 793. Двадцать шесть лет. Инженер-технолог.

– Пусть заходит.

Ассистентка нажимает на кнопку на своей клавиатуре, и дверь открывается.

Они находятся на факультете психологии мадридского университета Комплутенсе. Чтобы ни у кого не вызвать подозрений, лучше всего проводить подобные испытания под видом студенческих тестов. Да и помещение для этого очень подходит – белая комната без окон. Возможность регулировать температуру, наличие зеркала Гезелла. С одной стороны зеркало, с другой – стекло. Кабина управления и несколько динамиков.

Высокому художнику мужчине было забавно впервые здесь оказаться около года назад, когда начался процесс отбора. До этого он покинул родные пенаты, чтобы отправиться сначала к пенатам учебным, а затем к пенатам института Фишера. Жизнь его протекала скучно. Поэтому, как только он зашел в лабораторию, его охватило странное чувство. Как будто он оказался в фильме про шпионов. Или в шоу «Большой Брат».

– Я словно в фильме про шпионов!

– Или в «Большом Брате», не так ли? – сказала тогда ассистентка.

Высокому мужчине она понравилась. Хороший человек. Утренний цветок. Из тех, кто, пробежав перед работой пять километров, приходят цветущими словно розы и видят во всем позитив. Со временем его мнение о ней только улучшилось. Бывают даже такие дни, когда ему уже почти не хочется ее придушить – ни ее, ни всех этих идиотов, умников и чудаков, которые сюда приходят. А таких уже было больше семисот.

За все это время они предварительно отобрали шестерых кандидатов, которые могли бы им подойти. Но после третьего испытания всех их исключили. Теперь уже не осталось никого из предварительно отобранных. А это означает, что нужно начинать все заново.

Ничего. Все по нулям. А остальные страны уже запустили проект.

Он прекрасно знал, что руководство в Брюсселе уже собиралось дать ему пинка. И это его беспокоило. Все, что ему приходилось делать в жизни раньше, сводилось к сидению за книжками. К поглощению чужих идей, главным образом. Ему легче было повторять готовое, чем создавать свое. Поэтому, когда ему предложили участие в проекте «Красная Королева», он бросился навстречу этой возможности без особых раздумий. А теперь его все сильнее засасывает в пучину собственного фиаско.

Номер 793 выполнял задание почти полчаса. Разумеется, в конце он сдался, нефтяная платформа затонула и все погибли. В этом-то и была загвоздка. Что бы кандидат ни делал, что бы ни отвечал, выиграть он не мог. Программа, генерирующая вопросы, выдавала все новые задачи и

проблемы до тех пор, пока человек не сдавался или не совершал ошибку.

– По баллам у него неплохой результат, – сказала ассистентка.

Проблеск надежды...

– Можно отбирать?

– О-о-ой... Он почти в зеленой зоне, но нет.

...и вновь разочарование. Высокий мужчина снова трет глаза, набираясь терпения.

– Пусть заходит 794.

Женщина маленького роста. Жилистая. Не производит никакого особого впечатления, до тех пор пока не улыбается в зеркало. И тогда она сразу кажется очень симпатичной. *Не то чтобы ослепительная красавица, нет.* Но что-то в ней есть.

– Добрый день, – говорит высокий мужчина, нажимая на кнопку интерфона, связывающего кабину с комнатой. – Вам будет предложена некая ситуация. Все ваши ответы будут учитываться для подсчета баллов, которые вы будете набирать во время выполнения теста. Просим вас максимально сконцентрироваться, договорились?

Женщина не отвечает.

– Вы слышите меня? Видимо, проблема с интерфоном, – говорит высокий мужчина, не замечая, что не отжал кнопку.

– Я хорошо вас слышу. Я просто максимально сконцентрировалась, – говорит женщина.

Высокий мужчина улыбается, и ему хочется в первый раз (из стольких последующих) убить эту Скотт.

– Хорошо, начнем, – говорит он и начинает читать всплывающий на экране текст, начало которого он за неделю уже практически выучил наизусть. – Вы капитан нефтяной платформы, расположенной в открытом море. Сейчас ночь, и вы безмятежно спите. Внезапно ваш ассистент будит вас среди ночи. Аварийные огни зажжены, звучит сигнал тревоги. Поступило предупреждение о возможном столкновении. На вас движется танкер.

– Где находится платформа? – спрашивает женщина.

– В открытом море, далеко от всякой помощи.

– Мне необходимо точное местоположение.

– Точное местоположение значения не имеет.

– Мне оно нужно, – настаивает женщина.

– В вашу сторону движется танкер. На борту у него триста тысяч тонн сырья. Какова ваша первая реакция?

– Взять навигационную карту и установить точное положение моей

платформы.

Высокий мужчина в замешательстве. Никто раньше не давал такого ответа.

– Сеньорита, – говорит высокий мужчина, стараясь скрыть раздражение в голосе. – Могу я узнать, почему вы так настаиваете на детали, не имеющей никакого значения?

Антония несколько раз моргает и разводит руками, словно ответ и так очевиден.

– Чтобы найти решение, необходимо знать, где находишься относительно проблемы.

Высокий мужчина поворачивается к ассистентке:

– Спросите у программы местоположение платформы.

– 83 градуса 44 минуты северной широты, 64 градуса 35 минут западной долготы, – отвечает она, немного постучав по клавишам.

Высокий мужчина повторяет координаты по интерфону.

– Ну вот, теперь вы знаете точное местоположение. Каким будет ваше следующее действие? Напоминаю, что время играет решающую роль для спасения ваших людей.

Женщина на несколько секунд задумывается.

– Я посмотрю календарь.

Высокий мужчина от негодования резко выдыхает. Так резко, что лежащие перед ним бумаги чуть не разлетаются.

– То есть нужно знать не только где, но и когда, так? – говорит он, не нажимая на кнопку интерфона.

Ассистентка вновь печатает, а затем показывает высокому мужчине дату, высветившуюся на экране.

– Согласно календарю сегодня 23 января 2013 года. Какой ваш план действий, сеньорита?

– Я иду спать.

– Простите, я, кажется, не расслышал.

– Я иду спать, – повторяет женщина. – Судя по данным вами координатам, платформа находится где-то в Северном Ледовитом океане. Если учесть широту и дату, можно сделать вывод, что море сейчас полностью замерзло, так что танкер не сможет врезаться. Задание выполнено?

Высокий мужчина в ошеломлении выключает интерфон и поворачивается к ассистентке. Та только что ввела данные в программу.

– Максимальное количество баллов, – говорит она, вытаращив глаза. – Согласно разработчикам, только один человек из семи миллионов может

дать такой ответ.

– Кто эта женщина, черт возьми?

Ассистентка ищет в своих бумагах.

– Кандидат 794: Антония Скотт.

– Интересная фамилия.

– Родилась в Барселоне, единственный ребенок в семье. В графе «профессия отца» указано «дипломатический корпус». Это все, что отмечено в анкете.

Из динамиков доносится голос женщины.

– Простите, я могу идти?

– Подождите секунду, будьте добры. Мы оцениваем результат, – поспешно отвечает высокий мужчина и вновь отпускает кнопку. – У тебя больше ничего нет?

– В анкете, которую она заполнила, нет. Сейчас посмотрю в наших материалах. Так... Она пришла по настоянию друга, который не хотел проходить испытание один. Безработная. Есть красивый жених. Изучала испанскую филологию. Правда, результаты учебы довольно посредственны. Средняя оценка – шесть из десяти.

Для высокого мужчины это разочарование, ведь у них было до этого столько кандидатов с блестящими оценками.

– Собственно, у нее шесть по всем предметам курса, – говорит ассистентка, посмотрев у себя в компьютере.

При этих словах высокий мужчина на секунду замирает и тут же прыскает со смеху.

– Ну конечно. Конечно, – говорит он, хлопая себя по колену.

– Что тебя так развеселило?

– Единственная вещь, которую сделать сложнее, чем угадать все числа в «Евромиллионах»^[10], знаешь, что это?

– Честно говоря, я никогда не играю. Лучшая лотерея – это работа и ведение хозяйства.

Высокий мужчина настолько взволнован, что даже не раздражается из-за этой фразы, недостойной даже чашки Mister Wonderful^[11].

– Единственное, что может быть сложнее, чем угадывать все числа в «Евромиллионах», так это каждый раз не угадывать ни одного.

– Не вижу связи, – с недоумением отвечает она.

– Представляешь, как сложно получать всегда одну и ту же оценку, на всех экзаменах за весь курс обучения? При том что экзамены разных типов: письменные, устные, в виде тестов, в виде эссе. И при том что

преподаватели все разные и каждый оценивает субъективно. Получать каждый раз оценку «шесть» гораздо сложнее, чем получить диплом с отличием.

Ассистентка остолбенело смотрит на него и кривит губы, словно лимон в рот взяла.

– Да уж, – только и может она вымолвить. – Да уж.

– Вот именно. Мы имеем дело с человеком, который всю жизнь очень старается оставаться незаметным.

Высокий мужчина проводит рукой по лицу Антонии через стекло. Словно трогает аквариум, пытаясь привлечь внимание рыб.

Но я тебя нашел, сеньорита Скотт.

– А как вы поняли? – спрашивает Джон. – Как вы поняли, что это была она?

Ментор резким движением тушит окурок.

– Боюсь, я не могу вам этого сказать. Но главное, что у Испании появилась своя Красная Королева, да еще к тому же непростая.

– В каком смысле?

– Я думаю, вы заметили, что Антония особенная.

– «Особенная» – это эвфемизм. Ее несложно было бы принять за сумасшедшую или дурочку.

– И это было бы ошибкой. Все обстоит совсем иначе. Антония Скотт – самый умный человек на свете.

Джон фыркает в ответ. Вот как это: сначала ты уверен, что ехал в машине с недоразвитой чудачкой, а потом вдруг ты выясняешь, что, оказывается, сидел рядом с гением. Это вообще как понимать?

– Будьте так добры, повторите, пожалуйста, – говорит он, скрещивая руки на груди.

– Она самый умный человек на свете. Насколько нам известно, – осторожно уточняет Ментор. – Может, где-нибудь в Бангладеш живет козий пастух с IQ 243 балла. Невозможно все знать наверняка. На данный момент человек с самым высоким зарегистрированным коэффициентом интеллекта – это Антония Скотт. Она могла бы работать в НАСА, управлять государством, заниматься чем угодно. Но вместо этого я уговорил ее работать со мной.

– А потом она смылась, да? – со злорадством выпаливает инспектор.

Во взгляде Ментора проскальзывает плотная тень.

– Вначале все шло хорошо. Антония прошла подготовку – трудную для нее и затратную для нас. Она участвовала в расследовании одиннадцати дел и раскрыла десять.

– Это какие-то известные дела?

– Если участвуешь в проекте, то при расследовании серьезных дел ты должен действовать с хирургической точностью. Никаких газетных заголовков. Делаешь свое дело – и отходишь в сторонку.

– А какой-нибудь простой полицейский проводит задержание?

– Что-то в этом роде. Суть в том, что Антония добилась лучших

результатов во всем проекте. А три года назад все покатило к чертям.

– И что же все испортило?

– Что и всегда. Настоящая любовь.

Джон хорошо подкован в вопросах романтики: он находится в постоянном поиске того, с кем уехать *на край света* и *чьим именем назвать каждую морскую волну*^[12], – за девять лет таких было шесть. И потому сейчас он аж подсакивает со стула.

– Любовь к ее мужу, да? Расскажите, расскажите.

Ментор задумчиво похлопывает себя по подбородку. И качает головой.

– Если я расскажу, то обману ее доверие.

Джон снова плюхается на стул, разочарованно опуская плечи.

– Вот черт, самое интересное не рассказываете.

– Она сама вам потом расскажет. Если сочтет нужным.

Надо признать, что этот мерзавец в себе уверен, думает Джон.

– Вы все полагаете, что она вернется. Но мне она ясно сказала. Только один раз.

Самодовольная улыбка Ментора слегка колеблется.

– Если так, то плохи дела.

– У расследования или у вас?

– Эти три года я провел под сильным давлением, – признается Ментор. – Безопасность в Испании подвергалась серьезным угрозам, в нас нуждались, но мы не могли помочь. С тех пор как она ушла, все застопорилось.

– Вы не пытались найти Антонию замену?

– Пытались... – вздыхает он в горькой задумчивости. – Но не смогли. Без Королевы наше подразделение не имеет смысла. Это последний шанс спасти проект.

– И поэтому вы решили отправлять к Антонии посланцев. И поэтому обратились ко мне.

– Мне нужен был кто-то, кого можно шантажировать.

Джон вспоминает, как однажды, несколько лет назад, пришел домой и застал любовь своей жизни с другим. Джон тогда тихонько вышел, прикрыв за собой дверь: он никогда никому не устраивал сцен. И прежде чем дверь полностью закрылась, неверный возлюбленный повернул голову в его сторону. Их взгляды встретились, а затем он просто вернулся к прерванному занятию.

Это ощущение кристальной, беспощадной откровенности, которая тогда повисла в воздухе (*да, все именно так, и я не раскаиваюсь, как уж есть*), очень похоже на то, что инспектор испытывает сейчас, когда Ментор

говорит ему без обиняков, что для него он не более чем инструмент. И в душе у него образуется странная смесь из сочувствия, изумления и неприязни. И, возможно, капли зависти.

– Как вы после этого можете спокойно спать?

Пауза. На лице Ментора отражаются смиренность и сожаление. Или это просто маска, гримаса, тщательно отработанная перед зеркалом.

– Моя работа требует определенных уступок. Я утешаю себя тем, что все это для благих целей.

Ага, почти поверил.

– Вы спите как младенец, не так ли?

– Всю ночь. Непробудным сном.

Да уж как тут не позавидовать. Джона всегда восхищали такие вот в чистейшем виде сукины дети, как этот. За что ни возьмется, все удается. Возможно, дело в том, что Джон просто не может стать одним из них. *Простофиля, вот ты кто. Добренький ты дурачок,* без конца твердит ему мать. А Джон на самом деле хотел бы побыть плохим парнем вроде Ментора.

И скрепя сердце он признается себе, что этот подонок начинает вызывать у него симпатию.

– Вы мне сказали всю правду? На этот раз без вранья?

– Почти всю. И почти без, – говорит Ментор с самодовольной улыбкой. – Иначе это был бы не я.

В этот момент их зовет в дом Антония.

Ментор поднимается с места и элегантно жестом застегивает пуговицу на пиджаке.

– Что скажете, инспектор? Готовы взяться за работу?

Джон тоже в свою очередь встает и тут же весь корчится, потягивается, расправляя свои огромные ручищи и хрустя суставами.

– Я готов на что угодно, лишь бы поднять зад с этого чертова стула.

За четыре часа до этого

(Приблизительно в то время, когда Джон и Антония въезжают в Ла-Финку)

Карла Ортис больше смотрит на экран своего ноутбука, чем на дорогу, по которой ее везет Кармело. Дождь не прекращается с тех пор, как они

выехали из Ла-Коруньи, настойчиво барабанит по лобовому стеклу огромного «Порше Кайена». Карла на него и внимания не обращает: ее полностью поглотил важный отчет, над которым она работает, устроившись на заднем сиденье.

Лишь когда они проезжают тоннель Гуадаррама и дождь сменяется ясным ночным небом, Карла поднимает голову от компьютера.

– Как там Мэгги?

Кармело успокаивающе смотрит на нее через зеркало. Голубые глаза, обрамленные веером морщинок. Этот взгляд из водительского зеркала сопровождает Карлу с самого раннего детства: веселый, шуточный, ласковый. Кармело провел в их семье всю жизнь. Он и *сам* часть их семьи.

– Лучше, чем на ручках, сеньора. Этот новый фургон чертовски роскошен.

У Карлы душа не на месте. Конечно, правда, что этот *фургон* (коневоз, прицепленный к внедорожнику) лучший из возможных, да и ехать до Мадрида не так долго. Но Карла всегда очень переживает за своих четвероногих друзей. Когда она была маленькой и ходила в конный клуб учиться верховой езде, ей однажды пришлось стать свидетельницей того, как трое мужчин пытались загнать в прицеп жеребенка – а тот нервничал и не хотел двигаться с места. Его толкали, тянули за узду. Животное сопротивлялось. А как только его копыта непривычно зацокали по полу фургона, страх перерос в панику. Он встал на дыбы, пытаясь вырваться. Из-за рывка он стукнулся затылком о край фургона и тут же свалился замертво. Карла никогда не забудет, с каким звуком рухнуло его тело и как опрокинулся при этом прицеп вместе с двумя мужчинами внутри.

Мэгги, конечно, не пугливый жеребенок. Она одиннадцатилетняя голштинская кобыла, выращенная и выдрессированная лучшими тренерами мира. Очень дорогая. Отец Карлы купил ее на аукционе за четыре миллиона триста тысяч евро. Но для Карлы цена значения не имеет (любая цена на что угодно). Мэгги в их семье уже шесть лет. Она и *сама* часть их семьи.

– Остановимся на минутку.

Кармело тормозит на ближайшей площадке отдыха и ждет, пока Карла выйдет из машины, разомнет ноги, сделает пару затяжек и проверит, как там Мэгги. Кобыла просовывает морду в окошко, и Карла два раза медленно проводит по ней рукой, поглаживая пальцем драгоценное белое пятнышко на гнедой шкуре.

Портит оно, видите ли, общий вид. Да что они понимают, эти идиоты.

– Сколько осталось ехать, Кармело? – спрашивает она, вернувшись в машину.

– Около часа, – отвечает шофер, глядя в навигатор. – Но если хотите, довезу вас сначала до дома, а потом сам отвезу Мэгги в Конный центр.

Карла на секунду задумывается. Каким бы ни был соблазн лечь спать на сорок минут раньше, она все-таки хочет сама завести свою лошадь в стойло. Сегодня поспит получше, а послезавтра уже соревнование. В конце концов она ведь отказалась лететь в Мадрид на частном самолете именно для того, чтобы быть рядом с Мэгги. Было бы странно теперь оставить ее на Кармело ради каких-то дополнительных минут сна.

– Нет, поехали. Домой потом меня завезешь.

Она пытается сконцентрироваться на презентации, которую готовит на ближайший понедельник для собрания акционеров. Результатами она довольна, хоть и знает, что этого будет недостаточно. Карла – директор по маркетингу в сфере женской одежды в текстильной империи своего отца, и каждый год он требует от нее непрерывного роста. И хотя ей удалось добиться успеха уже в третий раз подряд, отец все равно будет жаловаться, например на то, что клиентки в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти недостаточно вовлечены или что магазины растут не так быстро, как он ожидал. Он всегда находит повод для недовольства. Но, конечно, будучи конформистом, вряд ли можно стать самым богатым человеком на свете.

В унынии и изнеможении она закрывает ноутбук и достает телефон. Время уже за полночь. Слишком поздно, чтобы звонить Марио, но Тереза, его гувернантка, скорее всего, еще не спит. Наверняка сейчас смотрит сериал «Корона» на большом телевизоре в гостиной, хотя ей это запрещено, да и в спальне у нее есть свой, сорокадюймовый. Но Карла предпочитает не делать прислуге выговор из-за мелких нарушений. Надо оставлять ей больше свободного пространства. И к тому же Тереза живет в их семье с самого рождения Марио. Она и сама почти часть их семьи.

Заряд телефона очень низкий, меньше десяти процентов.

Хватит, чтобы отправить сообщение в «Ватсап», а потом я его заряжу, думает она.

Карла: Все в порядке?

Тереза Няня: Все тихо и спокойно. Как вы, мадам?

Карла: Еду домой. Можно на него посмотреть?

Несколько секунд спустя Тереза отправляет ей фотографию Марио: тот преспокойно дрыхнет лицом в подушку в своей пижаме с Человеком-пауком, без единой заботы. Карла чувствует укол вины из-за того, что не успела приехать вовремя, чтобы самой его искупать и уложить, но тут же успокаивается. В конце концов ее тоже растили гувернантки, мать она видела редко, и ничего.

Работа превыше всего, думает Карла, кутаясь в шарф и закрывая на секунду глаза, всего на секунду, совсем чуть-чуть...

Просыпается она от резкого торможения. Ноутбук слетает с колен.

– Что случилось, Кармело?

– Дорога к Конному центру перекрыта. Согласно навигатору, осталось всего двести метров, но впереди знак дорожных работ.

Карла вглядывается сквозь лобовое стекло. Место, куда они едут, – первоклассный центр, торжественное открытие которого состоится послезавтра в новом районе недалеко от Ла-Моралехи. Постоянного освещения здесь пока нет. Снаружи в темноте виднеются лишь деревья. Фары «порше» освещают мигающий знак «ОБЪЕЗД, ВЕДУТСЯ РАБОТЫ».

– Там кто-то есть, – говорит Карла, показывая вперед.

К ним приближается фигура со светящимся жезлом.

– По всей видимости, сторож.

Он указывает им на земляную дорогу слева, едва различимую среди деревьев.

– Похоже, придется развернуться и объехать Конный центр с другой стороны, – предполагает Карла.

Задача по ориентированию достается Кармело, а она принимается за поиски упавшего ноутбука. С недовольной миной подбирает его с пола: не хватало еще только потерять презентацию. Это был бы конец света.

Ничего худшего и представить нельзя, думает она.

От резкого торможения упал и телефон. И его нигде не видно. Опершись левой рукой на сиденье, правой она ощупывает пол.

Куда он, черт возьми, завалился?

От неудобного изогнутого положения болит шея.

– Ну что, приехали? – спрашивает она Кармело. Ее пальцы нащупывают знакомую форму айфона. Он улетел под переднее сиденье. Телефон вибрирует: пришло сообщение в «Ватсапе».

Сейчас достану, думает она, *продолжая тянуться изо всех сил. Еще чуть-чуть.*

– Не может быть, – говорит Кармело, хлопая по рулю. – Опять объезд?

Карла оставляет свои акробатические упражнения и поднимается с пола. Ничего, она достанет телефон потом, когда они приедут и она сможет включить в машине свет, а сейчас не надо слепить глаза Кармело.

– И как, интересно, мы теперь должны ехать? Если Конный центр вон там, – говорит Карла, показывая направо, в сторону высоких стен, стоящих менее чем в ста метрах.

К ним подходит человек в каске, светоотражающем жилете и перчатках. В руке у него светится жезл, как и у предыдущего охранника. Жестом он показывает Кармело, чтобы тот опустил стекло. Шофер подчиняется.

– Добрый вечер, – говорит человек со светящимся жезлом.

– Будьте любезны, подскажите, как проехать к Конному центру? Уже поздно, и лошади пора спать, – говорит шофер.

Когда Кармело усталый или раздраженный, он произносит слова с галисийским произношением, с улыбкой думает Карла и тут же потешается над собственной игрой слов. Произносит с произношением. Господи, как же уже поздно, и как же я устала. Она представляет, как лежит в кровати, закутавшись в одеяла. Завтра ее ждет тяжелый день.

– Это очень просто, выйдите из машины, и я вам покажу.

Кармело открывает дверь машины и ставит ногу на землю. Человек поднимает свой светящийся жезл, направляет его в темноту и одновременно наклоняется к шоферу, как бы стараясь четче указать ему дорогу.

– Смотрите, вон там.

– Где?

Мэгги беспокойно дрыгается в прицепе, ржет, нервно стучит копытами.

Лошади все чувствуют.

Тут Карла видит, что в правой руке человека с жезлом что-то сверкает, а через секунду и Кармело замечает это краем глаза и тут же лезет обратно в машину. Слишком поздно. Нож вонзается в шею водителя по нисходящей, со влажным чавканьем проходит сквозь жировую прослойку, рассекает яремную вену. Незнакомец обхватывает Кармело левой рукой, надавливает жезлом ему на грудь, пока тот пытается достать до непонятого чужеродного предмета, проникающего в его горло. До стального лезвия в четырнадцать сантиметров, которое сейчас покидает его плоть, позволяя венозной крови вырваться наружу бьющим фонтаном. И вместо того чтобы обеспечивать работу сердца, кровь Кармело забрызгивает открытую дверь «порше», просачивается в бардачок и впитывается в землю.

Кармело падает на колени, отчаянно пытаясь остановить кровотечение, вернуть в свое тело стремительно ускользающую жизнь. Он издает клокочущие хрипы, постепенно перерастающие в сдавленные стоны.

Карла даже рта не раскрыла: она хочет закричать, но ее горло сжалось от страха и изумления, от жуткого несоответствия между этим телом, агонизирующим на земле, и приветливым, добрым, вежливым человеком, *он часть их семьи*

которого она знает и ценит; она вспоминает жеребенка из своего детства и одновременно думает о том, что Кармело больше не увидит своих внуков, одного из них она знает, он того же возраста, что и Марио, однажды они вместе играли у них на вилле, и

Марио. О, Боже. Сынок.

в этот момент Карла осознает, что она будет следующей, что человек с ножом (он теперь не человек со светящимся жезлом, а человек с ножом) уже повернулся и собирается обойти «порше» кругом, он уже проходит перед фарами, и что если она хочет снова увидеть Марио, то нужно что-то делать *прямо сейчас, немедленно* – но пальцы не слушаются ее, соскальзывают с дверной ручки, влажные от пота, скованные страхом, – и вдруг у нее получается, раздается металлический щелчок, и дверь открывается, а человек с ножом уже *тут*.

Карла толкает дверь машины и бросается наружу.

– Он умер не здесь.

Это первое, что говорит Антония, когда Джон и Ментор возвращаются в гостиную.

Мальчика на диване больше нет. После того как Антония завершила свой осмотр, доктор Агуадо поместила тело в черный мешок на молнии и положила на пол.

– Продолжай, – говорит Ментор.

– Здесь не основное место преступления. Мальчика убили не тут, это было бы невозможно сделать, не оставив следов. Убийца просто посадил сюда труп ради зрелищности. Для кого это было сделано – не знаю.

Джон смотрит на нее с удивлением. Что-то в ней изменилось. Когда они сюда приехали, она была похожа на пугливую морскую свинку, парализованную светом фар. У нее был трогательный вид, хоть и как будто немного отсутствующий. А сейчас она спокойна, невозмутима. Она здесь, с ними. Даже ее осанка изменилась: плечи немного расправились, подбородок приподнялся.

Другая.

– И мы не знаем. Рассказать тебе в общих чертах, что нам известно?

Антония кивает и готовится слушать, прислоняясь к стене и убирая руки в карманы.

– Восемь дней назад я получил звонок сверху, – говорит Ментор, поднимая указательный палец к потолку.-

Спрашивали, готова ли ты вернуться к работе. Я сказал, что не знаю, но могу попытаться тебя вернуть. Тогда мне объяснили, что в твоём участии, возможно, не будет необходимости, но что случилось нечто серьезное.

– Мальчик исчез, – предполагает Джон.

– Верно. Он был на уроке, отпросился в туалет и не вернулся. Это все, что нам известно. В школе нет камер видеонаблюдения, а учителя подумали, что он решил прогулять урок математики. По всей видимости, такое уже случалось и не раз, так что учитель решил отправить его родителям письмо по электронной почте. Отец тут же ответил, что мальчик неважно себя чувствует и завтра в школу не придет.

– Значит, родители уже все знали, – кивает Антония. – Похититель

сразу их известил, что увез мальчика с собой.

Джон проводит рукой по волосам.

– И сказал им не обращаться в полицию.

– Его родители – люди со связями. Они знали, к кому обратиться за помощью. Едва преступник повесил трубку, как они тут же задействовали вышестоящие службы. Мне позвонили уже через полтора часа после того, как парень пропал.

Правосудие одинаково для всех, думает Джон. Ему просто необходимо срочно пропустить стаканчик пива, а лучше десять.

– А потом?

– Потом мы получили распоряжение ничего не предпринимать. Быть наготове, если надо будет вмешаться. И это все.

Потерянная неделя, думает Джон. Целую неделю убийца мог свободно передвигаться, как ему вздумается, и делать все, что хочет, с бедным Альваро.

– Вчера в семь утра обслуживающий персонал обнаружил труп Альваро Труэбы, – вступает в разговор доктор Агуадо. – И тогда нас попросили вмешаться.

– С расчетом на то, что ты присоединишься к нашей вечеринке, – добавляет Ментор.

Антония распрямляется и подходит к ним ближе.

– Что будет с мальчиком?

– Скажут, что он умер от менингита. Резкое повышение температуры. Наш врач подготовит свидетельство.

Антония смотрит на него не моргая.

– Мы так никогда не работали, Ментор. Раньше мы, конечно, немного отклонялись от правил. Выходили за допустимые рамки. Но чтобы такое... это нехорошо.

– Может, раньше это было и нехорошо, Антония, – говорит Ментор, пожимая плечами. – Но потом ты от нас ушла. Бросила нас.

– Не смей обвинять меня в этом! – говорит она, тыча в него пальцем.

Ментор вытаскивает из папки фотографию, на которой мальчик запечатлен со своей сестрой на пляже, и показывает ее Антонии.

– А ты не смей говорить мне, что будет справедливее, если имя этого мальчика появится в утренних программах. Если эти волки искромсают каждый кусочек его жизни, когда она станет *трендом* в «Твиттере». Если его сестренка будет расти, постоянно вспоминая об этом кошмаре. Возможно, какой-нибудь другой девочке и позволили бы со временем все забыть. Но эта девчушка, – Ментор постукивает по фотографии

указательным пальцем, – дочь председательницы самого крупного банка Европы. Ей никогда не позволят забыть. В каждом репортаже, на каждой фотографии с ней, будет значится неизменное определение «пережившая трагедию». Ты бы хотела такого для своего ребенка?

Ментор замолкает и смотрит на Антонию, изображая на лице неподкупную честность.

Джон тем временем даже заплодировать готов.

А этот мерзавец умеет просто превосходно манипулировать. Его ложь настолько похожа на правду, что и не отличишь. Теперь понятно, что он имел в виду, говоря про свою философию говнизма. Этот тип наступил бы на горло собственной умирающей бабушке, лишь бы добиться своего.

– погоди, а у тебя что, есть ребенок? – спрашивает Джон, когда до него доходит смысл последней услышанной фразы.

Антония молчит, неотрывно глядя Ментору в глаза.

– Скажи мне, что тот, кто сделал это, больше никого не убьет, – мягко говорит Ментор.

Антония делает глубокий вдох. И после долгой паузы начинает медленно-медленно говорить:

– Тщательно спланированное похищение. Кровавое убийство, совершенное с особой жестокостью. Тот, кто сделал это, наделен исключительным умом, и да, он будет продолжать убивать. Это только начало.

– Мы имеем дело с серийным убийцей? – спрашивает доктор Агуадо.

– Нет, – отвечает Антония. – Тут нечто иное. Этот зверь другого рода. Такого я раньше никогда не видела.

За три часа до этого

Карла открывает дверь «порше». Мужчина бросается на нее, но не успевает. Дверь захлопывается за спиной, словно голодная пасть, но Карла уже снаружи, она падает ладонями на землю. Твердо стоять на ногах не получается, плоские подошвы туфель скользят по неровной поверхности.

Не падай, только не сейчас.

Если упадешь, он тебя поймает.

Карла спотыкается, мышцы ослабли после стольких часов сидения в

машине, но ей удастся собрать необходимые силы для бега. Шаг, еще шаг – это все, что нужно делать, бежать, как можно дальше отсюда. К ней тянется рука.

Внезапно слышится треск.

Тело Карлы словно парализует, воздух застревает в горле.

Пальцы мужчины вцепились в ее шарф (то, что она услышала, – был треск рвущейся ткани, а не хруст шеи, как она с ужасом подумала). Ее тянут назад.

Карла делает резкий поворот вокруг своей оси. По воле случая она поворачивается слева направо, по часовой стрелке, и ее тело оказывается на свободе, а шарф остается в руках человека с ножом. Тот бросает его на землю и бежит за ней вдогонку.

– Иди сюда, – слышится за спиной утробный голос.

Карла обегает фургон с Мэгги (услышав ее шаги, лошадь тут же начинает ржать) и бросается в обратном направлении, оставляя преследователя по ту сторону прицепа. С другой стороны только шоссе, идти некуда, да и далеко ей не убежать в этих туфлях на плоской подошве, можно сказать, сандалиях. Снять их – тоже не выход. На дороге полно песка и камней, пыльно и сухо. Без туфель она бы стерла ноги в кровь за считанные секунды, и ее преследователь – сильный, длинноногий, в устойчивой обуви – сразу бы ее догнал.

В Конном центре горит свет.

Посмотри туда, идиотка,

слышит она голос в своей голове, и это голос ее матери, хотя такого быть не может, потому что ее мать умерла одиннадцать месяцев назад.

Карла бежит, оставляет позади себя машину и вдруг видит впереди светящийся жезл, как раз на пути к Конному центру. Непонятно, как он смог оказаться здесь так быстро. Она вновь меняет направление, бросается с обочины дороги к деревьям, тут же чувствует, как ветки кустарника больно хлещут ее по икрам, и жалеет – не в последний раз, – что надела сегодня платье, а не джинсы.

Слишком поздно. Ткань цепляется за ветку, и Карла летит вперед, взмахивая руками. Падение останавливает ствол дерева, на который она налетает лицом. Слышится хруст. Она не может сдержаться и выпускает стон.

Из носа идет кровь. Хлещет.

Я его сломала. Боже, как больно.

Она стискивает зубы.

Иди дальше.

За спиной раздаются шаги мужчины – тяжелые, неумолимые; он заходит в лес. Но теперь у Карлы есть преимущество: расстояние в несколько метров и темнота, благословенная темнота. Она прячется за деревом – каменным дубом, – чувствует спиной его морщинистую плотную кору. Руки перепачканы в смоле, в ноздри льется пряный древесный запах. Она пытается сообразить, что делать дальше.

Я позвоню в полицию.

Но телефон остался в машине, под сиденьем

Я возьму палку и неожиданно на него нападу, застаю его врасплох.

Он гораздо выше тебя

Тогда я добежу до прицепа, сяду верхом на Мэгги, пришпорю ее и поскачу быстрее ветра.

*Он отрежет тебе дорогу раньше.
И к тому же тебе нужно будет время,
чтобы открыть задвижку
и помочь Мэгги выйти. И даже если
тебе удастся забраться на нее без седла
с первого раза, не соскользнув,
даже если тебе удастся
удержать равновесие, он может
сесть за руль «порше» и догнать тебя
гораздо раньше, чем ты отыщешь в темноте
главную дорогу.*

Голос, похожий на голос ее матери, не оставил ей выбора.

Ты должна идти к Конному центру

и просить помощи.

– Иди сюда, – повторяет мужчина. – Иди сюда.

Все ближе и ближе.

Луч фонарика, словно хищное щупальце, рыскает среди деревьев.

Карла наклоняется и вслепую ощупывает землю. Почва. Сухие ветви, раздирающие ей пальцы. Нечто густое, что она предпочитает оставить неопознанным. Шишка – нет, не годится. Наконец ее рука сжимает маленький пористый камень.

Человек с ножом уже совсем рядом с ней. Она даже слышит его хриплое прерывистое дыхание.

Карла бросает камень в противоположном направлении, как можно дальше. Получается не очень. Стук раздается на ничтожно малом расстоянии.

Это единственное преимущество, что у тебя есть, используй его.

Человек с ножом поворачивается, и луч фонарика теперь жадно исследует пространство ближе к прицепу. Карла решает снять туфли, она знает, что будет больно, очень больно, но так ей легче будет идти бесшумно, а сейчас это единственный шанс спастись. Пригнувшись, она начинает двигаться в сторону Конного центра. Каждый шаг становится душевной пыткой; ей кажется, что любое ее движение отдается эхом по всему лесу, так и зазывая преследователя: *я здесь, лови меня!*

К душевной муке присоединяется физическая боль, когда сосновые иголки, плотным ковром лежащие на земле, начинают впиваться в подошву и в нежную чувствительную кожу между пальцами. Парадоксальным образом всю – общую, накопившуюся боль вытерпеть оказывается легче, чем боль сиюсекундную, от каждого конкретного укола. И Карла позволяет адреналину взять над собой верх. Как порой случается в моменты сильнейшего стресса, ее сознание наполняется абсурдной ясностью и Карла мысленно переписывает фразу, выученную в университете.

Один укол – трагедия, тысяча уколов – статистика.

Через двадцать метров деревья заканчиваются, а там уже рядом стены Конного центра, совсем рукой подать, за склоном, заросшим сухими кустарниками и заваленным остатками строительных материалов.

*Там нет прохода. Нет дверей.
Тебе нужно будет обойти с другой стороны.*

Но мне нигде будет прятаться. Он меня увидит.

Рядом с ближайшим к ней углом стены лежит несколько металлических балок и мешков песка. Если она до них добежит, то сможет использовать их как прикрытие, прежде чем свернуть за угол.

Метров восемьдесят. Может, меньше. В университете ты пробегала их за двенадцать секунд. Победный спринт, руки согнуты под прямым углом, пальцы вытянуты, ветер в лицо.

Карла ощупывает свои босые стертые, израненные ноги. Выдергивает несколько иголок, не все, некоторые слишком глубоко ушли под кожу и сломались, ей нужен будет пинцет, чтобы их вытащить, а еще горячая ванна, антисептик и куча пластырей.

Когда я буду дома. Когда я буду дома. Я буду сегодня дома. Я смогу сегодня обнять сына.

Она чуть приподнимается и оглядывается: человека с ножом и след простыл. А вдруг она упустила его из вида? А вдруг он устал и пошел домой? А «вдруг не станешь друг».

Медленно, осторожно ступая, она выходит на дорогу и тут же каждой клеточкой своего тела понимает, что коварный настил из сосновых иголок – это просто рай по сравнению с этой каменистой почвой, от которой подворачиваются лодыжки, а в мозг врываются сигналы резкой боли, едва ее кожа соприкасается с пористыми острыми камнями. Каждый шаг – это три этапа боли. Первый этап – предчувствие боли, когда она только заносит ногу. На втором этапе она чувствует боль от уже имеющихся ран, когда ее нога лишь слегка касается поверхности земли. И, наконец, третий. Настоящая, реальная боль, когда она опирается на ногу всем своим весом и когда ей приходится изо всех сил стискивать зубы, чтобы не закричать.

Еще пятьдесят метров.

Двадцать метров.

У меня получится.

И в этот момент до сих пор неподвижный, направленный на стену свет от фар «порше» начинает двигаться. Карла ускоряет шаги, черпая последние силы из глубины своего непоколебимого, почти физического желания быть сегодня снова дома рядом с сыном.

Машина трогается с места, и фары освещают Карлу в тот момент, когда она добирается до мешков с песком. Она прячется за ними, приседая на корточки.

Он меня не видел. Он не мог меня видеть.

Машина подъезжает ближе и останавливается.

Карла слышит, как открывается дверь.

– Иди сюда, – говорит человек с ножом. Он от нее максимум метрах в шести. – Иди сюда, а иначе я выведу твоего коня и отрежу ему голову.

Это кобыла. Кобыла. Ее зовут Мэгги.

Карла сворачивается в комок, прижимается головой к мешкам с песком, словно пытаясь слиться с ними и исчезнуть. Но нет, такого не произойдет.

– Иди сюда, – повторяет человек с ножом. – Прямо сейчас. Или я отрежу голову твоему коню.

Карла сжимает кулаки и кричит от страха и отчаяния.

Не делай этого. Это всего лишь лошадь,

говорит голос ее матери.

Я не могу позволить ему причинить ей боль. Она часть нашей семьи.

она встает на ноги, а человек с ножом уже совсем рядом, он склоняется к ней, хрипло дыша, протягивает свои сильные руки, и Карла чувствует, как к ее шее прикасается металл, и мир вокруг исчезает.

– Ладно, – говорит Джон. – Начнем с того, что нам известно.

Джон и Антония сидят в МобЛабе, сверяя свои заметки, в то время как доктор Агуадо (уже без комбинезона, в обычных джинсах и свитере) работает на своем макбуке. Она слушает в наушниках музыку на очень высокой громкости, какой-то иностранный рок – Джон точно не может определить.

Внутри фургона достаточно места для того, чтобы четверо могли спокойно работать. Через открытую дверь Джон видит, как Ментор организует команду из трех человек в синих комбинезонах: те только что приехали в точно таком же черном фургоне без окон. Они вытаскивают металлические ящики и пластиковые пакеты, а затем складывают их кучей на белой плитке террасы перед гаражом особняка. Хоть Джон и не прислушивается к тому, что Ментор им говорит, и так понятно, какое задание будет дано новоприбывшим: убрать все следы того, что произошло в доме.

– Мальчик исчез в школе до окончания уроков. Родители почти сразу же обратились за помощью, не привлекая к делу всеобщего внимания.

– Убийца говорил с ними, – добавляет Антония. – А после этого и до вчерашнего утра, когда труп мальчика как по волшебству оказался в родительской гостиной, – ничего. С чего бы ты начал, если бы это было одним из расследуемых тобой дел?

Джон горько улыбается. Дела, которые он расследует, – это поножовщины на почве наркотиков, пропавшие проститутки (хорошо, если просто ушли на другие пастбища, а не в мир иной); машины, угнанные тут и обнаруженные там (уже сгоревшими). Дерьмовые жизни – дерьмовые поступки.

– Я такие дела обычно не расследую.

– Хотя бы попробуй.

Инспектор Гутьеррес набрасывает список. Финансовые отчеты родителей; выписки по счетам и кредитным картам; родственники, друзья, окружение; телефон, компьютер парня; допрос потенциальных свидетелей. Вот с чего бы он начал.

– Все это бесполезно, – заявляет Антония. – Его родители – не обычные люди. Их финансовые отчеты поглотили бы нас на несколько

месяцев. Свидетелей нет, кроме учителя, который говорит, что мальчик ушел с урока в туалет.

– Возможно, кто-то что-то видел, но не рассказал. Мало ли. Мы могли бы пойти в школу.

Антония показывает на улицу, туда, где Ментор, жестикулируя, дает распоряжения.

– Он тебе не позволит. Мы так не работаем. К тому же, если мы приедем в школу, то уже спустя шесть минут какой-нибудь ученик выставит нашу фотографию в «Инстаграм». А спустя пятнадцать минут появятся журналисты.

Джон с досадой хлопает себя по бедру.

– Секретность не поможет найти убийцу мальчика. Так дела не делаются.

– Это в полиции так дела не делаются. Но мы не полиция. Полиция медлительна, надежна и предсказуема. Она как слон, который наклоняет голову, намечает себе цель и идет к ней, все сметая на своем пути. Мы – другое дело.

А я вот полицейский, думает Джон. Медленный, надежный. Но я не слон, я же не толстый.

Он переводит взгляд в ту же сторону, что и Антония: та вновь показывает ему на дверь МобЛаба и на ждущего снаружи человека, который теперь говорит по телефону.

Разочарованный Джон не хочет с ней соглашаться. Ему словно привязали к ногам гири и кинули прямо в одежде в Нервьон.

– Не уверен, что хочу играть в вашу игру.

– А я тебя ни о чем не просила, – говорит Антония. – По мне, так можешь уйти в любой момент.

– Да я бы с радостью.

– Если ты сейчас здесь, то лишь потому, что совершил ошибку.

Возможно, даже мыш, над которой с гулким щелчком захлопнулась ловушка и которая лежит с проломленной спиной, так и не добравшись до сыра, могла бы лучше, чем Джон, понять ту злую шутку, что судьба решила с ней сыграть.

– Ладно. Значит, мы не слон. А кто мы тогда?

– Мы берем то, что у нас есть, и выкручиваемся.

– А что у нас есть?

Антония вновь прокручивает в голове все имеющиеся элементы один за другим. Труп, над которым ловко поработали, не оставив при этом следов. Нарочитая театральность преступления. Вещи из дома, которые

убийца использовал для исполнения своего извращенного замысла.

Она представляет, как убийца усаживает тело на диван, как он движется, словно тень, действуя с невероятной точностью. Как он проникает в закрытый охраняемый район и затем незаметно уходит.

– Когда один человек убивает другого, это всегда чревато жутким беспорядком, – говорит Антония. – Повсюду кровь. Опрокинутые стулья, сломанная мебель.

А еще выбитые зубы, стекла и разбросанные бутылки, думает Джон. Он-то не раз видел, что бывает, когда человек человеку волк.

– Но сейчас у нас обратный случай. Ты сказала, что мальчика убили где-то в другом месте и поэтому нет никаких следов.

– Ни отпечатков, ни волос, ни текстильных волокон. Да и паспорта на кухонном столе он не оставил.

– Это было бы очень мило с его стороны.

– Но ты ошибаешься, кое-что у нас все-таки есть. Мы знаем, что он оставил некое послание, ну или хотя бы у нас есть веские причины так думать. Масло на волосах мальчика.

– Двадцать третий псалом. Религиозный мотив?

– Не знаю. Но очевидно, что он очень старался донести это послание и у него получилось не допустить при этом ошибок. И именно этот факт и позволяет нам сделать о нем некоторые выводы. Вот взгляни.

Антония открывает на своем айпаде фотографию и показывает ее Джону. Не слишком-то милый кадр.

– Какой-то старый случай? – спрашивает Джон, стараясь не отвести тут же взгляд.

– Из самых первых.

На фотографии запечатлена мертвая женщина в спальне. Постельное белье разворошено и запачкано темными пятнами. Лицо жертвы накрыто наволочкой.

– Серийный убийца. Это было в Севилье несколько лет назад. Когда мы его поймали, на счету у него были три жертвы. Эта третья, но все убийства были друг на друга похожи. Убийца был хозяином придорожной закусочной в Эсихе.

– Как же, Ножничный Убийца. Помню-помню. То есть это ты его поймала? – спрашивает Джон, внезапно проникаясь уважением.

В ответ Антония загадочно улыбается, будто Мона Лиза.

– Со времен института у него были судимости за сексуальное насилие и жестокое обращение. Ужасные истории, и тем не менее он оставался на свободе.

– До тех пор, пока этот ангелочек не решил поднять планку.
– Он был хитрым типом. Заметал следы насколько это было возможно и поэтому сумел перейти от первой жертвы к последующим. Если в Испании не так много серийных убийц, так это потому, что большинство из них допускают ошибки и их ловят, прежде чем они переходят к жертве номер два. Этот был умен. И тем не менее посмотри на этот снимок.

– Кошмар.

– Полный хаос. Когда он добивается объекта своих желаний и наслаждений, его охватывает неистовость. Порезы на ее теле сделаны неровно: он явно колеблется, прежде чем вонзить в нее ножницы. А когда дело сделано... его терзает чувство вины и угрызения совести.

– И поэтому он накрывает ей лицо, – говорит Джон, показывая на фотографию.

Антония дотрагивается до руки доктора Агуадо. Та снимает наушники и вопросительно смотрит.

– Будьте добры, покажите нам на экранах фотографии с места преступления.

Судмедэксперт кивает и щелкает мышкой. Секунду спустя на всех семи тридцатидюймовых мониторах, покрывающих одну из стен МобЛаба, начинается слайд-шоу из фотографий, сделанных Агуадо. Гостиная, комнаты и, разумеется, диван с сидящей на нем жертвой.

– Что ты видишь? – спрашивает Антония.

– Нет ни чувства вины, ни угрызений совести.

Антония замолкает. Ее взгляд застывает на фоторяде – только зрачки перескакивают с одной фотографии на другую. Джон терпеливо ждет, но при этом чувствует, что что-то не так. В глазах Антонии вновь появился тот самый дрожащий блеск, как тогда, когда она осматривала труп, сидя на корточках в гостиной.

– С тобой все в порядке?

Спустя целую вечность Антония, кажется, наконец слышит вопрос Джона. Но отвечает она на другой вопрос – тот, что задает себе сама.

– Это все сделано специально, – говорит она. – Это все не из-за...

Она говорит все медленнее и постепенно замолкает на середине фразы.

Как будто батарейки сели, думает Джон.

Доктор Агуадо тут же оказывается между ними и что-то протягивает Антонии. Та отстраняет ее руку.

– Нет. Мне надо подумать.

– Так будет легче.

– Я сказала нет. Уходите.

– Сеньора Скотт...

– Я сказала уходите, – говорит Антония твердым, царапающе-резким голосом. Словно алмазом по стеклу.

Доктор Агуадо встает и от явной неловкости принимается разглаживать складки на джинсах и вытягивать рукава свитера.

– Пойду узнаю, нужна ли Ментору помощь.

Джон дожидается, пока она выйдет из фургона, и только тогда придвигает свой стул вплотную к Антонии.

– Ты сказала, что все это сделано специально.

Антония смотрит на него, и по ее взгляду видно, как сложно ей облечь мысли в слова.

– Сам мальчик тут ни при чем. Это все затевалось ради другого. Ради власти.

– Власти? В каком смысле – власти?

– Убийца считает, что он все продумал. Но он ошибается. Он нам оставил два... два...

– Два чего?

Антония опускает голову. А когда вновь поднимает взгляд на Джона, по ее щекам катятся крупные слезы.

– Мне очень жаль. Я думала, что смогу. Но я не могу.

С этими словами она встает и выходит из фургона.

Это всего лишь точка на утреннем небе.

Бомбардье «Глобал Экспресс 7000» вылетел из аэропорта Ла-Коруньи еще затемно, а снижение по направлению к Мадриду по плану должно начаться, как только рассветет. Впрочем, хозяин самолета – он же единственный пассажир на борту – увидит солнце в иллюминаторе раньше, чем жители испанской столицы.

– Сеньор, осталось две минуты, – сообщает ему по интеркому пилот.

Рамон Ортис не отрывает взгляд от бумаг, которые ассистент передал ему на трапе: там отчет о продажах за вчерашний день, проблемы с открытием нового магазина в Сингапуре и другие менее значительные вопросы. Он не может за всем следить, как ему хотелось бы, однако при этом он пустил слух – в который сам же затем поверил – будто ни одна, даже самая мелкая деталь не ускользает из-под его контроля. Ему нравится внезапно появляться в своих магазинах или неожиданно туда звонить, просить позвать менеджера (чье имя ему сообщают заранее) и затем болтать с ним обо всяких пустяках. Он знает, что тот расскажет потом об этом всем своим коллегам. Чтобы создать миф, много не надо.

К своим восьмидесяти трем годам Ортис преодолел длинный путь от сопливого мальчишки, который, чтобы добраться от школы до дома, проходил пять километров по заснеженной дороге, неся ботинки в руках, – лишь бы не испортить. Потому что других не было.

Путь от жесткой кожи тех ботинок до мягкой обивки из кордована, покрывающей сиденья его частного самолета, занял немало дней. Рамон оценивающе проводит ладонью по подлокотнику, причем, не без некоторой неловкости. Обивка превосходна, сомнений нет. И все же чрезмерная роскошь – даже после стольких лет – все еще остается ему чуждой. Как будто все это ему одолжили. Это его дочь Карла настояла на том, чтобы обить сиденья именно этой кожей, чтобы они были как диван «Честерфилд», который до сих пор стоит у него дома вот уже сорок лет – со времен открытия его первого магазина.

Рамон недовольно поморщился, когда узнал, что к счету за самолет в тридцать пять миллионов евро должны прибавиться еще сто тысяч. Но с Карлой спорить бесполезно. У нее на все один ответ:

– Ладно-ладно, ты станешь самым богатым человеком на кладбище.

И так, конечно, и будет. Вне зависимости от того, где его похоронят.

– Одна минута, сеньор, – говорит пилот.

Рамон дал ему указание всегда сообщать о восходе солнца. Он не хочет пропустить этот момент, будучи полностью поглощенным работой. Пилот, конечно, использует маленькую хитрость: самолет слегка набирает высоту, чтобы предсказание исполнилось с точностью до секунды. Таково еще одно преимущество самого богатого человека на земле (пока он еще на ней, а не под ней): возможность выбрать момент рассвета.

Он снимает очки для чтения, оставляя их висеть на шейной цепочке, и откидывается на спинку кресла, готовясь к зрелищу. Однако его тут же отвлекает вибрация на столике из красного дерева. Звонит его личный мобильный телефон, который подключен к вай-фаю благодаря бортовому устройству спутниковой связи. Дополнительные пятьдесят тысяч евро расходов и плюс к этому – пятьдесят евро за минуту разговора. Еще одна трата, на которую он согласился.

– Ты ведь не захочешь пропустить в полете важный звонок? – сказала ему тогда Карла.

Поскольку этот номер известен лишь очень узкому кругу людей, Рамон знает, что если на него звонят – значит, это что-то важное. Поэтому он с сожалением отводит взгляд от иллюминатора.

Звонят через ФейсТайм, без видео. С экрана его приветствует фотография Карлы. Странно, обычно она так рано не просыпается и уж тем более не звонит ему в такой час.

Он берет трубку.

– Что это ты не спишь в такую рань?

Голос, звучащий в ответ, – не Карлы.

– Доброе утро, сеньор Ортис.

– Кто это? Откуда у вас этот номер?

Низкий хриплый голос объясняет ему в мельчайших подробностях, откуда у него этот номер и почему он звонит через ФейсТайм его дочери.

– Послушайте, если вы хоть что-то ей сделаете...

– Уже сделал, сеньор Ортис. И сделаю еще. И вы не сможете мне помешать. А сейчас помолчите, – перебивает его незнакомец.

И Рамон Ортис слушает. И когда восходит солнце и озаряет его лицо, он этого не замечает, потому что внутри у него все погружается во тьму. И когда человек, похитивший его дочь, прерывает звонок, Рамон Ортис впервые в жизни не знает, что ему делать.

– Пять дней, – последнее, что он услышал.

Пять дней.

Несколько долгих минут Рамон Ортис ломает себе голову. Из-за нервного напряжения он даже не замечает, что они уже приземлились и что пилот приглашает его к выходу.

Рамон принимает решение. В своей записной книжке он ищет один номер. Номер, который так же, как и его собственный, очень мало у кого есть.

Он никогда не думал, что этот номер ему однажды придется набрать.

Больничная койка

Бабушка Скотт разочарована.

А Антонии все равно.

– Я разочарована, девочка, – говорит бабушка Скотт.

– А мне все равно, – отвечает Антония, не отрываясь от подпиливания ногтей.

Она находится в 134-й палате клиники «Монклоа». Айпад лежит на столе, а Антония пытается привести в порядок ногти, насколько это возможно. С освещением в 134-й палате дело обстоит не очень: либо тебе полумрак, словно из девятнадцатого века, либо выжженные глаза. К счастью, Антония привыкла рассчитывать на собственные средства: из дома она привезла настольную лампу. На самом деле она привезла и много всего другого. Для начала почти всю свою одежду. А также комод, утюг, кофеварку Nespresso и неопределенное количество косметики и предметов гигиены – ими теперь почти полностью заставлен пол в ванной. Пройтись по нему – все равно что сыграть в сапера, разве что с антицеллюлитными кремами.

Но ведь Маркос туда в ближайшее время не зайдет.

– Тебе нужно развеяться.

– Мы говорили про один вечер.

– Не помню я, что мы там говорили, – врет бабушка Скотт. – Но если ты так и будешь замыкаться в себе, ничего хорошего из этого не выйдет.

Когда ведешь с кем-то видеобеседу и при этом подпиливаешь ногти, преимущество в том, что ты можешь спокойно отвести взгляд и собеседнику ничего с этим не поделать.

– Я в порядке.

Это ее мантра с детства. Будучи из тех, кто все вокруг замечает (неверность отца, болезнь матери, которую та скрывала до тех пор, пока только и оставалось, что ее оплакивать; неловкость, что испытывал каждый, кто оказывался рядом с ней, маленькой странной девочкой), она всегда на удивление легко держала все в себе.

Правда, сейчас она говорит с бабушкой Скотт. А от бабушки мало что можно скрыть. Она настолько проницательна, что способна прийти к следующему заключению: проводить почти все время в больничной палате своего коматозного мужа, не иметь при этом источников средств к

существованию и ни с кем не общаться – плохо для ее внучки. И ведь она сама это поняла, без чьих-либо подсказок.

Вот она, мудрость старейшин.

– Смотри мне в глаза, когда я говорю с тобой, девочка.

– У меня тут с ногтями беда, – отвечает Антония, которая допилила уже почти до костей.

В какой-то короткий, но сладостный миг Антония думает, что бабушка сейчас сменит тему. Но нет. Она замолчала лишь для того, чтобы отхлебнуть чая дарджилинг (с тремя кусочками сахара) и проглотить масляное печенье. У нее диабет, но она живет по своим правилам.

– Уже прошло немало времени. Я терпела твои отговорки, твое самобичевание, твои слезы. Все, хватит. У тебя есть работа, в которой ты сильна. И благодаря которой ты можешь что-то изменить. Интересная работа.

Если бы все было так просто, думает Антония.

В одном бабушка права. Антония когда-то и представить не могла, что будет делать то, что делает (то есть делала раньше). Еще в школе не одно сложное задание не могло ее надолго увлечь. Любая отрасль знания, за которую она бралась, уже через пару недель становилась жутко скучной. В отличие от большинства сверходаренных учеников, тяготеющих к точным наукам вроде физики или математики, где ярче всего проявляются их интеллектуальные способности, Антония числа никогда не любила. Не потому, что они ей не давались. Она могла вычислить в уме за пару секунд квадратный корень из девятизначного числа.

В этом сложном возрасте, когда тело меняется, а мир вокруг становится огромным, многие люди думают, что никогда не смогут быть любимы. Антония, конечно, была в их числе. Но помимо этого она также переживала, что никогда не сможет найти занятие, которое ее действительно поглотит, которое заставит ее направить все свои умственные и душевные силы на выполнение определенной задачи.

Первое ее опасение не оправдалось: она встретила Маркоса.

Второе тоже: она встретила Ментора.

В обоих случаях это была история любви – хоть и разной. Маркос дал ей самую любовь, а Ментор – нечто, что она смогла полюбить. И разумеется, где любовь, там и огромные, нескончаемые страдания.

Те, что причиняешь ты, и те, что причиняют тебе.

– Бабушка, – говорит Антония, отложив наконец в сторону пилку и жидкость для снятия лака. – Я честно попыталась. Но это слишком тяжело. Прямо изнутри разрывает.

- Раньше ты могла.
- Раньше – это раньше, а сейчас – это сейчас.
- Когда это случилось с Маркосом...
- Это не само по себе случилось, бабушка.

– Перестань, – говорит бабушка Скотт, приподнимаясь с места и тряся перед экраном указательным пальцем. Решительно и грозно. Правда, при этом она не вполне понимает, где находится камера, и обвиняющий палец направлен не в ту сторону, так что эффект немного теряется. – Это не ты стреляла.

– Но все равно я виновата.

– Нет, неправда. Я понимаю, что то, что произошло с Маркосом, полностью выбило тебя из колеи. Но ведь нужно жить дальше. Не хочешь возвращаться на прежнюю работу? Прекрасно. Найди себе другую.

Антония не представляет себя ни в качестве официантки, разносящей кофе в каком-нибудь баре, ни в качестве преподавательницы языкознания – в соответствии со своей блестящей ученой степенью филолога, которую она получила исключительно для того, чтобы обрести свободу от отца.

Вот и остается теперь делать невозможный выбор.

Противопоставление, конфликт, альтернатива, сомнение, дилемма, тупик. Для этого-то и нужно филологическое образование. Благодаря ему ты можешь назвать кучу всяких синонимов для определения дерьмовой ситуации.

– Бабушка... – начинает было Антония.

И тут же замолкает, потому что возразить-то ей на самом деле нечего. Потому что каким бы пустым ей ни казалось ее существование, нужно продолжать жить. Знать бы только как.

– Уже прошло немало времени. Хватит прятаться ото всех, – договаривает бабушка.

И прерывает связь. Ее изображение исчезает с экрана айпада, и перед Антонией остается лишь собственное смущенное и растерянное лицо. Как раз то, что ей хотелось бы сейчас видеть в последнюю очередь.

Она выключает планшет. В последние три года ей как-то не очень нравится собственное лицо. С наступлением вечера она старается по возможности не смотреться в зеркало.

Уже прошло немало времени.

Антония разглядывает лежащего на кровати мужчину. Лицо, которое отличалось когда-то столь заостренными чертами, что от одного взгляда на него можно было порезаться, превратилось теперь в безжизненно-бледную восковую маску. Волосы – когда-то черные, длинные, густые – теперь

блеклые и такие жидкие, что разлетаются от малейшего дуновения. Губы, те самые губы, которые, едва прикоснувшись к ней, вызывали *kilig* (слово, означающее на тагальском языке «ощущение порхающих в животе бабочек в момент счастья») теперь сухие и потрескавшиеся. А от его некогда твердых и жилистых мышц осталось лишь жалкое подобие, на которое больно смотреть.

Антония берет его руку и успокаивается.

Руки остались прежними. Они уже не орудуют резцом, не откидывают с ее лица непослушную прядь волос, не сжимают ее груди, не укутывают ее, когда она скидывает во сне одеяло – но это те же самые руки. Узловатые пальцы, квадратные ладони. Руки мужчины, руки скульптора.

От него, от ее любимого Маркоса, по которому она так тоскует, остались лишь эти руки и сильное сердце. Сердце, продолжающее выбивать 76 ударов в минуту. Иногда она подолгу смотрит на электрокардиограф, слушает это бесконечное удручающее *бип-бип-бип* до полного изнеможения, пока ее не одолевает сон и она не засыпает на кушетке, ставшей ее единственной постелью за последние тысяча сто шестнадцать ночей. Затем, с наступлением дня, Антония возвращается в свою квартиру, из которой она вынесла абсолютно все, что напоминает ей о муже. Чтобы побыть одной и выполнить свой ритуал. Ритуал, позволяющий ей оставаться в здравом уме. Три минуты в день, только три минуты, в течение которых она позволяет себе подумать об освобождении – от страданий, от вины и от оков своего неординарного склада ума.

Антония Скотт позволяет себе думать о суициде только три минуты в день. После предыдущей бессонной ночи у нее нет ни сил, ни желания идти домой, чтобы потом снова возвращаться к Маркосу, так что она решает выполнить свой скудный норматив по самоуспокоению прямо в палате.

Она снимает туфли.

Садится на пол в позу лотоса.

Закрывает глаза.

Выдыхает.

В дверь стучат.

– Как-то ты плохо выглядишь.

Инспектор Гутьеррес стоит, улыбаясь, на пороге палаты. В руке у него пластиковый стакан с кофе из автомата. Элегантный итальянский костюмчик из тонкой шерсти настолько помят, что кажется, будто шерсть так и не состригли с овцы. Волосы на макушке стоят торчком. Выглядит Джон как человек, который спал в машине, потому что он и правда спал в машине.

– Как ты меня нашел? – спрашивает Антония.

– Я, может, и не самый умный человек на свете, но все же я как-никак полицейский.

– Я просто хочу побыть одна.

– А я просто хочу с тобой поговорить.

– Тебе нельзя сюда заходить.

– А я и не собирался. Ненавижу больницы.

– Никто не любит больницы.

Антония захлопывает дверь у него перед носом.

Джона так и подмывает постучать снова, но все же ему хватает ума сесть и подождать ее на скамье рядом с кулером. Он решает скоротать время за чтением плаката, напечатанного изящным шрифтом Comic Sans. Плакат сообщает о том, что внутрибольничные инфекции являются третьей по частоте причиной смерти в Испании, и призывает пользоваться настенным диспенсером с антисептическим гелем. Джон нажимает на рычаг диспенсера, который – ну разумеется – оказывается пуст.

Антония выходит через несколько минут. Она надела туфли и перекинула через плечо свою сумку-почтальонку.

– Пошли в кафетерий.

Джон молча следует за ней вниз по лестнице. У полицейских есть свои уловки. Например, когда последние три ночи ты спал в среднем по три часа пятнадцать минут, можно предоставить возможность говорить другим.

Антония садится за стойку. Официант встречает ее дежурной улыбкой, как, видимо, всех завсегдатаев, и молча приносит ей банку диетической кока-колы и стакан с одним-единственным кубиком льда.

– Что для вас? – спрашивает он Джона.

– То же самое, только с чистым стаканом, пожалуйста.

Официант бросает на него убийственный взгляд и тщательнейшим образом осматривает вынутые из посудомоечной машины стаканы, чтобы выбрать самый мутный.

– Принеси нам два микста с яйцом, Фидель.

– Ты всегда здесь ешь? – спрашивает ее Джон.

– Ужинаю всегда. Обедаю обычно дома.

Инспектор вспоминает валявшиеся у входа в ее квартиру контейнеры с засохшими остатками пищи и брезгливо морщится. Когда приносят сэндвич микст, Джон убеждается в том, что эта больница верна своим традициям. Сервировочную доску, судя по всему, не мыли с церемонии открытия.

– Немного овощей тебе бы не повредило.

В ответ Антония лишь саркастически обводит взглядом все его сто девятнадцать килограммов, под которыми потрескивает табуретка. На это требуется время.

– Я не толстый, а просто крепкий. Хотя я кое в чем тебе признаюсь, – говорит Джон, понижая голос, словно собираясь открыть ей великую тайну. – Я люблю поесть.

– А я вот к еде равнодушна. У меня аносмия.

Джон вопросительно поднимает брови.

– Это значит, что у меня отсутствует обоняние.

– То есть как, вообще, что ли? Это как при насморке?

– У меня это врожденное. Я чувствую только очень ярко выраженные вкусы, напиме, сладкого или соленого. А все остальное для меня на вкус как картон.

– А когда ты режешь лук? Ты не плачешь?

– Плачу, как и все. Тут дело не в запахе, просто при нарезании лука выделяется сера и ее молекулы вступают в реакцию со слизистой глаз, образуя при этом серную кислоту.

– Ни хрена себе! – говорит инспектор. На полном серьезе. И будучи добродушным простаком, не особо-то размышляющим в моменты умиления, он берет и, сам того не замечая, сжимает руку Антонии своей огромной лапищей.

Джон не то чтобы большой фанат видео с котиками, но некоторые ролики его забавляют: а именно, те, в которых придурочные хозяева незаметно кладут позади кота огурец, а кот, обернувшись, в ужасе подпрыгивает на полметра. Он инстинктивно путает огурец со змеей.

Реакция Антонии на прикосновение Джона примерно такая же. Табуретка с грохотом валится на пол. Полдюжины посетителей кафетерия

поворачиваются в их сторону.

– Прошу прощения, – пытается извиниться Джон. Он наклоняется поднять опрокинутую табуретку одновременно с Антонией, и они сталкиваются лбами.

Идиот, идиот, идиот. Тебе же сказали никогда до нее не дотрагиваться.

– Никогда до меня не дотрагивайся, – говорит Антония, хватаясь за ушибленное место. – Господи, какой же у тебя крепкий лоб, я как будто об стенку ударилась.

– Каждый использует голову по-своему. Я вот своей вышибаю двери.

– Да я уж поняла.

Фидель приносит несколько кубиков льда, завернутых в салфетку. Только для нее, разумеется. Джону тоже больно, но из гордости он решает для себя не просить.

Кажется, случившийся инцидент не отбил у нее аппетита. Прикладывая одной рукой ко лбу лед, она продолжает уминать свой сэндвич. А заодно и картошку фри, которую принесли в пакетике в качестве гарнира. И заказывает себе еще кока-колы.

Тактика промедления. Она ждет, что я начну говорить, думает Джон. Но в соревновании по упрямству выиграть у баска не так-то просто.

И он тоже молчит, интеллигентно откусывая от своего жирного сэндвича по маленькому кусочку.

– Ладно, что ты хочешь? – спрашивает Антония, устав ждать.

– Эх, детка, если честно, я хочу вернуться домой к матери, которая меня уже достала сообщениями в «Ватсапе» про то, что мне нужно приехать и помочь ей передвинуть комод. Каждый раз, когда я вижу ее статус *Печатает...* я уже заранее знаю, что примерно через полчаса получу нагоняй.

– Она болеет?

– Разве что чрезмерной привязанностью ко мне. Хочет, чтобы я отвел ее в «Бинго Аризона»^[13]. А то одной ей там стыдно выкрикивать номера.

– Ну, поскольку я не собираюсь продолжать расследование, твоей маме недолго осталось по тебе скучать.

Джон кивает, устало улыбаясь.

– Твой друг конспиратор меня отпустил, – говорит он.

И это правда. Ментор сказал ему, что он больше не обязан оставаться. Правда, кое-что к этому добавил. И это кое-что полностью меняет дело.

Антония смотрит на него с подозрением.

– Тогда зачем ты пришел? Попрощаться?

– Нет. Я пришел узнать, что хочешь ты.

– Я тебе уже говорила. Остаться здесь с мужем. И прежде чем ты хоть что-то скажешь, – добавляет она, заметив в его глазах вопрос, – хочу тебя предупредить, что у меня нет желания говорить на эту тему.

– Понимаю. А как же Альваро Труэба?

Она думает очень долго – по ощущениям так недели полторы. Затем подносит ко рту стакан, словно собираясь залить свою беспокойную совесть. Только вот в стакане у нее кока-кола лайт, так что как в кино вряд ли получится.

– Это не моя проблема. Мальчик мертв, и этого не изменить.

– А тот, кто его убил, гуляет на свободе.

– Возможно, мы больше никогда не услышим об этом преступнике.

Джон громко шмыгает носом и отводит взгляд в сторону.

– Что ж, ладно, раз ты так думаешь...

Он достает из кармана пиджака фотографию. Кладет на стойку. На снимке крашеная блондинка с большими карими глазами и выдающимися скулами. Лет тридцати с небольшим. Обычная внешность выпускницы университета, которая находится в начале своего карьерного пути и уже добилась определенного успеха. В камеру она не смотрит, и при этом в ее улыбке сквозит некая сдержанная робость. Чувствуется также и душевная теплота, правда, еще более сдержанная.

Антония сразу понимает, что где-то уже ее видела. И тут же вспоминает, где именно. В глянцевого журнале, на который она как-то наткнулась, гуляя по больнице. Женщина верхом на лошади, светлые брюки, сосредоточенное лицо.

– Это та, о ком я думаю?

– Карла Ортис, – тихо подтверждает Джон, убедившись, что официант отошел к другому концу барной стойки и уставился в телевизор, по которому идет футбольный матч. – Наследница самого богатого человека на свете.

Антония несколько раз моргает, переваривая информацию. А затем издает тяжелый вздох, словно пытаясь выдохнуть из себя все свое чувство обреченности.

– Ее... ее нашли?

– Нет. Нам известно, что она пропала вместе со своим водителем и любимой лошадью. Вчера днем она выехала на машине из Ла-Коруньи по направлению к Мадриду и так и не доехала.

– Может, она попала в аварию.

– Ее отец получил звонок от похитителя сегодня рано утром.

В глазах Антонии начинают двигаться крупнотоннажные грузовики. Джону уже знаком этот взгляд. И он терпеливо ждет.

– Возможно, это наш индивид.

Она не сказала «тот же самый», думает Джон. Она сказала «наш». Тот, которого подкинула нам чертова судьба. Вот ехал бы я сейчас обратно в Бильбао, и по хрен на все.

Ему уже не нужно задавать ей вопрос, но он все равно его задает.

А Антония Скотт дает ему единственно возможный ответ.

Часть вторая

Карла

*Ложь завоевывает пространство,
и городским мелким рыбешкам
становится сложно увидеть хоть что-то
сквозь замутненные стекла аквариумов.*

Хоакин Сабина / Панчо Варона

1

Затруднение

– Нам нужно обдумать, как лучше приступить к делу, – говорит Ментор.

Он назначил им встречу на площади Парижа, в скверах около здания Верховного Суда. От скверов тут осталось одно название: кроме четырех кое-как высаженных живых изгородей, здесь торчат исключительно камни. Ментор ждал их на скамейке у фонаря. Уже давно стемнело, и на площади кроме них только один мужчина с собакой, беспрестанно обнюхивающей землю.

– А что тут обдумывать? – удивляется Джон. – Мы поднимемся, поговорим с ним и приступим к работе.

– Боюсь, что тут могут возникнуть некоторые затруднения.

– Там будет кто-то еще, – говорит Антония.

И это не вопрос.

Ментор удрученно разводит руками.

– Сеньор Ортис позвонил одному нашему человеку, а этот человек позвонил нам. Но его адвокат занервничал и заразил его своей нервозностью. Так что люди из ОБПВ сейчас там, а нервничаю теперь я.

Отдел по борьбе с похищениями и вымогательствами национальной полиции, думает Джон, чувствуя при этом укол зависти. Элитное подразделение. Крутые парни, профессионалы.

– И что теперь? Пусть сами во всем разбираются, а мы пойдем домой?

– Мы будем работать так же, как работали раньше, еще до вас, инспектор Гутьеррес. Вы будете стоять в сторонке и не мешать. И держать рот на замке.

– В каком смысле? – с недовольством в голосе спрашивает Джон.

– В том смысле, что про другой, предыдущий, случай мы ничего не знаем, – поясняет ему Антония.

То есть типа убийства мальчика в Ла-Финке просто-напросто не было. Ну а что, почему бы подразделению, созданному для борьбы с конкуренцией и утаиванием информации между разными отделами полиции, не пойти старым путем.

– Нет никакого другого случая. Этот случай – единственный, – подтверждает Ментор, делая ударение на слове *единственный*. – Понятно?

Антония кивает, и Джон нехотя следует ее примеру. Если их

подозрения подтвердятся и за исчезновением Карлы Ортис и убийством мальчика действительно стоит один и тот же человек, им придется играть по установленным правилам.

– Вы не пойдете с нами? – спрашивает он Ментора.

– Мне нужно сделать пару звонков. Будьте осторожны и не болтайте лишнего. А да, кстати, Скотт...

Антония смотрит на него.

– ...я рад, что ты вернулась.

Антония отворачивается, не ответив ни слова. Когда она отходит, Ментор протягивает Джону крошечную металлическую коробочку.

– Что это? – спрашивает Джон, потряхивая ею в воздухе. – Звучит как маракас.

– Возьмите с собой. Это для нее.

– Таблетки? И когда я должен их ей выдавать?

Ментор подмигивает ему.

– Когда она попросит.

Квартира находится в паре минут ходьбы, на улице Генерала Кастаньоса. Верхний этаж, тысяча квадратных метров, отделанных по высшему стандарту архитекторами студии Энрике Баррера^[14]. Роскошная и уютная гостиная. И Джону даже не нужно подниматься, чтобы все это увидеть, достаточно щелкнуть пару раз в поисковике на телефоне, пока они стоят внизу у домофона и ждут, что им откроют. Некоторые фотографии размещены на сайте известного гламурного журнала. А остальные – в «Инстаграме» Карлы Ортис.

Жизнь этих людей – бесконечная витрина, думает Джон. Смотрите, милости просим. С каждой выставленной фотографией они отворяют психам дверь в свой дом. Неужели они этого не понимают?

На последней фотографии, которую выложила Карла Ортис, она сидит рядом со своим сыном на террасе этой квартиры, а сзади виднеется здание Верховного Суда. Кто угодно из ее 228 000 подписчиков, имея в распоряжении Гугл Мапс и хоть каплю мозгов, мог бы определить ее точный адрес менее, чем за десять минут.

Хорошо еще, мальчик сидит спиной. Хоть до этого додумалась.

Дверь открывается. Джон и Антония проходят мимо телохранителя, сухо приветствующего их кивком головы, и поднимаются на лифте на верхний этаж. Еще один охранник ждет их у открытой двери в квартиру – единственную на этаже.

Немного запоздали с таким количеством охраны.

В этом доме на стенах не висит Ротко, но Джону, когда тот заходит внутрь, кажется, что вполне бы мог и висеть. Пол выложен серым микроцементом, а мебель из состаренного дерева сделана в индустриальном стиле. На стенах висят черно-белые фотографии пейзажей и несколько фотографий Карлы и ее сына. Без мужа и отца. Из прихожей они попадают в огромную гостиную с восьмидесятидвухдюймовым телевизором. С другой стороны – камин.

По гостиной быстрыми нервными шагами туда-сюда ходит мужчина – невысокий, крепкий (*пухлый* – первое слово, пришедшее Джону на ум) и лысый. На нем классическая белая рубашка с закатанными рукавами, уже настолько пропитанная потом подмышек, что мокрые пятна почти сливаются на груди. Он не здоровается с ними, едва смотрит в их сторону: видимо, за день уже привык к дефилированию незнакомцев.

На диване с ноутбуками и включенными диктофонами сидят агенты ОБПВ. Они представляются как капитан Хозе Луис Парра и капрал Мигель Санхуан. Этот Парра – бритая голова, козлиная бородка, властное рукопожатие альфа-самца – явно тут главный.

– Как мне передало мое начальство, вы здесь в роли наблюдателей, – говорит он. Держится он профессионально, но при этом в его взгляде можно легко прочесть, что ему не слишком-то нужна компания.

– Мы вам не помешаем, – отвечает Джон, прислоняясь к стене. – Продолжайте, пожалуйста.

– Сеньор Ортис уже дал показания, и он очень устал, – вмешивается седой мужчина в костюме, со слащавым голоском. Он стоит посреди гостиной, скрестив руки на груди. Чем-то он напоминает Майкла Кейна, только без малейшей капли человечности. Джону не составляет большого труда догадаться, что это адвокат.

– Сеньор Торрес, я понимаю, что уже поздно и что вы оба очень устали после такого напряженного дня, но послушайте, мы так пока и не знаем, с чего начать. Если вы нам не поможете сформировать список подозреваемых, мы мало что сможем сделать.

– Ничего, я готов, – говорит Ортис.

– Рамон, – предупреждает его адвокат, понижая голос, – ты же помнишь, что сказал врач.

Голос-то он понижает, но в меру, чтобы мы все услышали и поняли следующее: «Моему клиенту уже за восемьдесят, не давите на него слишком, а то он не выдержит».

– А я говорю, что готов. Ты ведь слышал, что сказали эти сеньоры. Первые часы самые важные.

– Нам нужен полный список людей, с которыми общалась ваша дочь, сеньор Ортис, – говорит Парра. – И в особенности список тех, кто мог бы желать ей зла.

– Как насчет ее бывшего мужа? – спрашивает Санхуан. Это тип в очках и с густой бородой. Он неустанно грызет шариковую ручку и смотрит на своего начальника, прежде чем открыть рот.

– Борха? Это не он, – отвечает Ортис.

Развод теннисиста среднего пошиба и дочери миллиардера спустя всего лишь три года брака наделал много шума в желтой прессе, хотя Джон читал, что все состоялось по обоюдному согласию и прошло мирно.

– Почему вы так уверены?

– Да потому что он ханжа безъязцевый. Если уж ему не хватило мужества бороться за мою дочь, пока они еще были женаты, то на такое он и подавно не способен.

– Я слышал, что они заключали брачный контракт.

– Да, тут ему подфартило. Пять тысяч евро в месяц, пожизненно, чтобы только заткнулся и убрался.

И это по взаимному согласию!

– Возможно, сумма показалась ему недостаточной. Все-таки ваша дочь...

– Единственная его обязанность – это раз в две недели проводить выходные с моим внуком, – перебивает его Ортис, не желая напоминать, что его дочь унаследует восемьдесят миллиардов евро. – Которого он, кстати, очень любит. К тому же вчера у него был турнир на Ибице. Это не он.

Парра и Санхуан обмениваются взглядами. Джон понимает, что они пытаются что-нибудь выудить. Они и так прекрасно знают, что это не бывший муж, однако продолжают окучивать Рамона Ортиса, наблюдая за его реакцией.

– Возможно, у него есть сообщник, – прощупывает почву Парра.

– Ох, ради бога, – говорит Ортис, опираясь на спинку стула. Кажется, будто на секунду у него перехватывает дыхание.

– Сеньоры... – говорит адвокат Торрес и, подойдя к своему клиенту, кладет ему руку на плечо.

Ортис отстраняет его руку – деликатно, но решительно. Его лицо уже побагровело, но он и не думает сдаваться.

– Это не он! Тот, кто мне звонил, – совершенно другой человек, и у меня абсолютно не сложилось впечатление, что это мог быть какой-нибудь друг Борхи.

– Может, вы перескажете нам ваш разговор целиком? – подает голос Антония.

Все поворачиваются в ее сторону.

– Это уже сделано. Завтра мы направим вам резюме показаний сеньора Ортиса, – говорит Парра, указывая на свой компьютер. – Вернемся к списку подозреваемых...

– Лишним не будет, если ваш рассказ послушают еще двое, – настаивает Антония.

– Сеньора... как вас там, – протестует Парра. – У нас еще работы невпроворот, и вы же видите, что сеньор Ортис совершенно выбился из сил.

– Мы понимаем, что сеньору Ортису стоит невероятных усилий повторить этот разговор, – говорит Джон как можно более наивным и любезным тоном.

Парра бросает на него гневный взгляд, но поздно.

– Никаких усилий мне это не стоит. Просто я устал, – говорит, как и следовало ожидать, Ортис. – Я получил звонок на мобильный сегодня в 6.47 утра.

– Звонили по телефону?

– Через ФейсТайм, по аудио. Карла часто так звонит, говорит, так надежнее. Я в этом не разбираюсь.

– Что вам сказал похититель?

– Это был мужчина с низким голосом, и он сказал мне, что моя Карла находится в его власти. Я сказал ему не причинять ей зла, а он сказал, что уже причинил. И что причинит снова, и что я не смогу ему помешать.

– Он сказал что-то еще?

– Он назвал мне свое имя. Он сказал, что его зовут Эсекиэль.

Карла

Сначала приходит боль.

Острая, невыносимая, повсеместная. Заставляющая кричать.

Ей кажется, что она кричит целую вечность, до предела надрывая легкие. Кричит отчаянно, дико. Страх пока нет – он придет позже. Сейчас она хочет лишь одного: чтобы боль как можно скорее прошла.

Боль не проходит.

Правда, слегка ослабевает, когда ей удастся приподняться. Она лежала на животе, раскинув руки и упираясь сломанным носом в пол, совершенно

выбившись из сил. Стоит ей пошевелиться, как носовая кость словно сталкивается с лобной, она чувствует это, даже как будто слышит неестественное постукивание.

Она ничего не видит. Вокруг непроглядная темнота.

Страха пока нет. Острая боль ушла, но взамен оставила глухой стук. Теперь ее лицо словно барабанная мембрана, по которой беспощадно и непрерывно бьют, и боль от ударов волнами отдает в глаза, в череп, в уши, в челюсти.

Карла теперь тихонько всхлипывает, отчаянно пытаясь понять, откуда взялась эта боль и что с ней делать. Она пытается сесть, но резкий приток крови к голове усиливает ее мучение.

Успокойся, успокойся.

Она снова ложится, на этот раз на спину, и от этого барабанная дробь ослабевает. Ненамного, но достаточно для того, чтобы проявились остальные ощущения.

Во рту Карла чувствует сухость и горечь. От запекшейся крови губы прилипли к зубам и деснам.

Отлепить их можно только через боль.

Эта боль несильная, легко контролируемая, и благодаря ей даже можно на секунду отвлечься от главной боли. Это все равно что отвести взгляд от тигра на пробегающую мимо мышку: грызун мгновенно исчезает в норке, а тигр все еще тут, по-прежнему торжествующе скалится и совсем не собирается отказываться от обеда.

И все-таки горечь во рту – это не кровь. Привкус железа, словно облизанной батарейки, чувствуется лишь на кончике распухшего, ватного и сухого языка. Но в остальной части рта – на внутренней стороне щек и нёбе – ощущается странный, чужеродный вкус, химический и неприятный.

Какое-то непонятное вещество.

Руки и ноги больше не слушаются ее, они как будто стали чужими частями тела, независимыми и практически неподвластными ее командам. Желудок превратился в крошечный, крепко сжатый комочек кислоты, из которого что-то рвется наружу. Карла испускает отрыжку – гулкую и резкую, словно выстрел, пропитанную тем же странным привкусом, что наполняет рот. Вслед за воздухом по открывшемуся пути поднимается скудное содержимое желудка. Карла безостановочно сплевывает слюну и желчь, до тех пор, пока ее не сковывают спазмы.

И тогда она, наконец, вспоминает. Обезд. Человек с ножом. Преследование в лесу. Решение сдаться и укол в шею.

Нет.

Нет.

Действительное положение вещей вдруг предстает перед ней с ужасающей ясностью. Худшего положения нельзя и вообразить.

И в этот момент ее настигает страх.

Очевидные вещи

– Это все?

Ортис отвечает не сразу. На какую-то долю секунды он осторожно переводит вопросительный взгляд на своего адвоката. Эта деталь не ускользает от Джона: уж он-то умеет вычислить вруна.

– Да. После этого он повесил трубку.

– Он не выдвинул никаких требований и не сказал, что позвонит позже?

– Нет, – категорично отвечает Ортис.

Даже слишком категорично.

– Он еще позвонит. Они всегда перезванивают, – говорит Санхуан.

– Вы сказали, у вас не сложилось впечатление, что это мог быть какой-нибудь знакомый бывшего мужа вашей дочери, – продолжает гнуть свою линию Парра. – Что вы имели в виду?

– Это был человек с твердым голосом. Он показался мне... решительным. С Борхой все это никак не вяжется.

Да уж, у него прямо нежные чувства к бывшему своей дочери. Но, с другой стороны, разве такое редкость?

– У вашей дочери нет знакомых с именем Эсекиэль, не так ли?

– Насколько мне известно, нет. И у меня самого тоже нет.

– Будем исходить из того, что это псевдоним, а не настоящее имя.

Сразу видно – элитное подразделение, думает Джон.

– Вы еще что-то хотите спросить по поводу телефонного звонка, или мы можем продолжать? – спрашивает Парра, поворачиваясь к Антонии.

В ответ она бормочет что-то вроде извинений и что ей нужно отлучиться в туалет. Никто не обращает на это внимания.

– Итак, продолжим. Ваша дочь пропала во временном промежутке между десятью часами вчерашнего вечера и сегодняшним ранним утром. Последний след ее местонахождения зафиксирован в тот момент, когда ее шофер...

– Кармело, – уточняет Ортис, вновь принимаясь нервно расхаживать по гостиной. – Он часть нашей семьи.

– Когда ее шофер, Кармело Новoa Иглесиас, останавливается на заправочной станции в Вильянуэва-де-лос-Кабальерос в провинции Вальадолид. Там был произведен платеж в размере семидесяти восьми евро

по кредитной карте Кармело. Бензин, две бутылки воды и упаковка лакричных конфет. Мы запросили у заправочной станции видео с камер наблюдения, чтобы выяснить, была ли в тот момент Карла в машине.

– Что вы имеете в виду?

– Как давно вы знаете Кармело Новоа, сеньор Ортис? – спрашивает Парра, слегка подаваясь корпусом вперед.

– Ах вот оно что, – говорит Ортис. – С моим бывшем зятем не получилось, так решили взяться за Кармело? Сколько раз вам повторять, что похититель – незнакомый человек?

– Сеньор Ортис... поймите, мы вынуждены искать среди ее окружения. Когда человек исчезает, в семидесяти восьми процентов случаев оказывается, что в этом замешан кто-то из ближайшего круга общения. Поэтому мы начинаем всегда с самых близких и постепенно расширяем круг.

– Тут речь идет не об исчезновении. А о похищении.

– Похищение без предъявления требований. Насколько нам известно, – добавляет Парра.

Что-то он явно подозревает, думает Джон. Все-таки у этого качка что-то есть в его бритой башке.

– Возможно, их выдвинут позже, – отвечает за Рамона Ортиса адвокат. – Вы и сами это сказали.

– Да. Да, мы правда так сказали. Значит, вы заявляете, что шоферу, сеньору Кармело Новоа, можно доверять?

Он явно что-то подозревает, но все ходит вокруг да около, ожидая, что старик проговорится. Потому что понимает, что ему не все рассказали. Известный трюк.

– Абсолютно.

– Наш коллега из Ла-Коруньи навел кое-какие справки о сеньоре Новоа, – говорит Парра, показывая переписку в «Ватсапе» на своем телефоне. – Как выясняется, он завсегдатай казино «Атлантико».

Ортис не отвечает.

– Вы это знали?

– Сеньоры, я не понимаю, зачем моему клиенту знать...

– Да, знал, – перебивает его Ортис. – Он под контролем.

– Судя по всему, он туда ходит несколько раз в неделю. В основном, играет в блек-джек.

– И это мне известно.

– И он задолжал более ста тысяч евро.

Услышав это, адвокат Торрес с удивлением поднимает голову и

обеспокоенно смотрит на Ортиса.

Ортис останавливается, прислоняется к камину и принимается нервно грызть ноготь на большом пальце.

– Мне неловко об этом говорить.

– Я понимаю, сеньор Ортис. Но это важно, – настаивает Парра.

Спустя целую вечность Ортис наконец перестает обкусывать себе кутикулу и отвечает.

– У Кармело был очень тяжелый период, когда умерла его жена. Они прожили вместе тридцать один год. И после ее смерти он пристрастился к картам.

– Он просил у вас помощи?

– Просил несколько месяцев назад. Я же вам говорю, он часть нашей семьи. Ради бога, я крестный его старшего внука.

– Вы дали ему денег?

– Нет, конечно, – отвечает Ортис. – Это была бы плохая идея.

– Для вас это небольшая сумма, не так ли?

– Финансовое состояние моего клиента в данном случае значения не имеет, – вмешивается адвокат.

– Но ведь правда небольшая?

Ортис хватает с камина декоративный керамический шар, выполненный в изящных шоколадно-оранжевых тонах – из отдела «Дом» одного из его магазинов, – и швыряет на пол. Звон керамики разбивает неловкое молчание, воцарившееся после слов Парры, и превращает его в оглушительную ледяную тишину.

– Да, я богат, – с перекошенным лицом отвечает Ортис. – У меня много денег, очень много. Я бы мог запросто решить проблемы Кармело. Но вместо этого я предложил ему поддержку. Я попытался ему помочь. Я сказал ему, что он может работать у нас до конца своих дней. Потому что именно так нужно относиться к близким людям. А Кармело – часть нашей семьи.

– Ваш отказ дать ему деньги, незначительную для вас сумму, возможно, был для него унизителен. Он мог затаить на вас обиду. За время шестичасовой поездки легко можно найти подходящий момент. Достаточно под каким-нибудь предлогом заехать на площадку отдыха, взять вашу дочь в заложницы, а затем попросить сообщника вам позвонить.

Ортис уже не так яростно возражает полицейскому. Он не из тех, кто признает свои ошибки. Он не делал этого, еще будучи двадцатилетним бедняком, а уж сейчас и подавно.

– То есть это я виноват, – говорит он в последнем порыве

негодования. – Получается, вы обвиняете меня в том, что случилось с моей девочкой.

– Я такого не говорил, сеньор Ортис. Мы просто хотим, чтобы вы открыли глаза на очевидные вещи.

И Ортис широко открывает глаза, горбится, и, по всей очевидности, ему не хватает воздуха. Он нервно теревит левую руку и кажется будто вот-вот заплачет.

– Мне что-то нехорошо, – бормочет Ортис.

К нему подходит адвокат и кладет ему руки на плечи.

– Потерпи, – говорит он ему на ухо. – Врач уже ждет.

А затем оборачивается к остальным:

– Сеньоры, собрание закончено.

Парра и Санхуан нехотя поднимаются с мест. Похоже, они не слишком довольны развитием событий.

– Нам нужен будет доступ к компьютеру Карлы, все ее пароли...

– Я не располагаю этой информацией, но чем сможем – поможем, – говорит Торрес, преграждая им путь к Ортису. – Я лично этим займусь.

Антония огибает препятствие в виде адвоката и подходит к бизнесмену.

– Еще один вопрос, сеньор. Где сейчас ваш внук?

Ортис смотрит на нее, словно пытаясь понять, кто эта женщина и что она делает в доме его дочери. Когда он наконец отвечает, его голос словно доносится откуда-то из бесконечной дали.

– Моего внука отвезли в надежное место. За пределы Испании. Я не хочу, чтобы он был здесь, если вдруг журналисты обо всем узнают.

– Если и узнают, то точно не от нас, сеньор Ортис, – говорит Парра.

И уж тем более не от нас, мысленно добавляет Джон.

Карла

Оглушительный металлический лязг прерывает ее крики.

На какое-то время она словно потеряла рассудок. Она смутно припоминает, что искала в темноте выход, но не нашла. В приступе паники она звала на помощь до тех пор, пока не охрипла, пока из ее груди не стали вырываться лишь слабые стоны. И тогда она услышала этот лязг: он раздался где-то недалеко, отдаваясь смутным глухим эхом.

– Мне не нравится, когда ты кричишь, – говорит кто-то, когда эхо затихает.

Голос низкий. Мужской.

– Сеньор. Послушайте, сеньор. Мне нужна помощь, – еле слышно отвечает Карла.

Молчание.

– Сеньор... вы слышите меня? – настаивает Карла, изо всех сил напрягая горло. Ее голос звучит как сломанная гармоника.

– Я тебя слышу. Мне не нравится, когда ты кричишь.

– Сеньор, мне нужно выбраться отсюда. Пожалуйста, помогите мне выбраться. Я боюсь темноты.

– Скажи мне пароль от твоей электронной почты.

У Карлы кружится голова. Здесь очень, очень душно. Она не может нормально дышать, воздуха почти нет. Ей срочно нужно отсюда выйти.

– Дайте мне выйти! Я хочу выйти!

Она встает на колени и ползет вперед, в темноту, вытянув руку в поисках выхода. Ее пальцы натываются на что-то твердое, металлическое. Она слегка отступает и тут же вновь принимается ощупывать препятствие.

Дверь. Это дверь.

Стоя на коленях, Карла начинает отчаянно колотить по металлу. Но удары ее ладоней практически не слышны.

– Откройте! Пожалуйста, откro-o-йте!..

Ее голос срывается, и мольба переходит в постепенно угасающие всхлипывания. В слезах Карла садится на пол, откидываясь спиной на металлическую дверь.

И тогда вновь слышится лязг. Он словно проходит через все ее тело, через голову, руки, плечи, прислоненные к дверному металлу. У нее начинает звенеть в ушах, диафрагма сжимается, боль в носу в разы усиливается, и от резкого вздрагивания она прикусывает себе язык.

– Мне не нравится, когда ты кричишь, и когда плачешь, тоже не нравится.

Карла хочет закричать снова, тело просит ее кричать, умолять, *требовать*, чтобы этот человек освободил ее, освободил *немедленно*. Но изнеможение, боль и что-то еще заставляют ее сдержаться.

И она сдерживается и замолкает, сжав кулаки.

– Ну что, успокоилась?

– Да, – шепчет Карла.

– Скажи мне пароль.

Карла уже открывает рот, чтобы ответить, но что-то снова ее останавливает. Это голос, который она уже слышала. В лесу.

Ничего не говори.

Он убьет меня.

Ничего не говори. Если ты скажешь ему пароль, у него будет доступ ко ВСЕМУ.

Если он будет меня пытаться, то все равно его получит.

Тогда попробуй с ним договориться. Он хочет одного, а ты попроси взамен другое.

– Пароль, – повторяет мужчина.

– Нет.

– Скажи мне пароль, а иначе я зайду внутрь и убью тебя.

Угроза вновь заставляет Карлу содрогнуться. Дыхание учащается.

Он блефует.

– Нет, вы меня не убьете. Потому что иначе вы не получите пароль.

Молчание.

– Я могу войти и пытаться тебя, пока ты не скажешь.

Я не могу. Не могу. Я должна сказать.

Не сдавайся так легко. Ты всегда слишком легко сдавалась.

Карла сжимает кулаки и мотает головой, пытаясь справиться с болью.

Ладно. Ладно.

– Как вас зовут? Меня зовут Карла. Карла, – повторяет она. Где-то она слышала или читала, или, может, видела в каком-то фильме, что необходимо добиться того, чтобы

Скажи прямо. Похититель. Насильник. Убийца. Выбери любое определение.

чтобы тот, кто может причинить тебе зло, увидел в тебе человека. Увидел личность. Чтобы не воспринимал тебя просто как тело, как предмет.

– Я и так знаю, как тебя зовут.

– А как зовут вас?

Молчание.

– Можешь звать меня Эсекиэль.

– Эсекиэль... А меня зовут Карла. Выпустите меня, и я дам вам денег.

Я могу прямо сейчас сделать перевод. А потом вы меня отпустите. Клянусь, что никому не скажу о том, что произошло.

– Деньги мне не нужны. Мне нужен пароль.

– Ладно. Тогда дайте мне воды.

Молчание.

– Ты мне скажешь пароль, если я дам тебе воды.

И это не вопрос.

Тишина на этот раз длится дольше, а затем Карла слышит металлический скрип.

– Вот твоя вода.

– Где? Я ничего не вижу!

Слышится щелчок. На полу рядом с дверью возникает прямоугольник света.

В центре – полулитровая бутылка воды.

Этот островок сияния среди абсолютной, непроглядной темноты кажется нереальным. Карла бросается к бутылке. Судорожно, до хруста сжимает пластик, отвинчивая крышку и поднося горлышко ко рту. Выпивает половину двумя большими глотками. Два удара воды обрушиваются на ее пустой и слабый желудок. Карла вновь чувствует спазмы и не может сдержать рвотной рефлекс: почти вся жидкость тут же выплескивается из нее на пол.

– Воду ты получила. Теперь говори пароль.

Карла подползает к прямоугольнику света. Он всего-то сантиметров двадцать в высоту и сорок в длину. Стоя на коленях, она пытается просунуть в него лицо. Ей удается разглядеть – по ту сторону двери – ботинки, подсвеченные фонариком. Резкий луч света больно бьет ее по глазам. Она тут же прикрывает их рукой, пытаясь что-то увидеть сквозь пальцы.

– Подождите секунду. Давайте поговорим... Я могу...

Дверь захлопывается, и прямоугольник света исчезает. Карла слышит щелчок по ту сторону двери. Возможно, это засов.

Нет. Нет.

– Выпустите меня! – кричит она, вновь принимаясь колотить в дверь.

– Ты просила воды в обмен на пароль. Теперь говори.

Карла не знает, что ей делать, и плачет от отчаяния.

Не говори. Если скажешь, потеряешь свой единственный козырь.

– Прошу вас...

На этот раз слышатся три яростных лязга подряд, и грохот оглушает Карлу. Бьет по барабанным перепонкам, отдаваясь пронзительным эхом и сотрясая дверь. Карла сворачивается калачиком на полу, прижимает колени к груди, затыкает уши.

И сквозь слезы начинает диктовать пароль.

3

Массаж

Антония и Джон спускаются на лифте и уже собираются незаметно покинуть здание, но у самого выхода им преграждает путь один из сотрудников отдела похищений.

– Что, не выпустишь нас?

Полицейский в ответ качает головой, показывает им за спину и скрещивает руки на груди. Обернувшись, они видят Парру с пунцово-красным лицом. Он бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

– Хотелось бы знать, откуда вы тут взялись, – говорит он, вызывающе глядя Джону в глаза.

– Давайте успокоимся, капитан, мы здесь все заодно, – отвечает Джон, доставая из кармана пиджака полицейский значок и поднося его к лицу Парры.

Тот и не думает на него взглянуть.

– Мне уже известно, кто ты, инспектор Гутьеррес. Чего я не понимаю, так это какого черта третьесортный полицейский сует свой нос в дело высшей категории. В мое дело, между прочим. И это еще кто такая?

Антония немного тушует перед агрессивностью капитана. При этом она даже не может сделать шаг назад: второй полицейский угрожающе встал прямо у нее за спиной.

– К ней даже обращаться не смей. А ты лучше отойди, – предупреждает Джон, – а иначе получишь.

Второй полицейский отступает на пару миллиметров.

– Я спросил, кто это.

– Не твое дело. Тебя предупреждали, что мы придем, так? – уклончиво отвечает Джон.

– Да, мне сказали сверху. Что придут двое наблюдателей.

– Вот мы и наблюдаем. Или что, тебе не нравится, когда на тебя смотрят?

Джон произносит последнюю фразу немного манерно и с подковыркой, чтобы капитан Жозе Луис Парра, альфа-самец, отец семейства и гордый обладатель поло с вышитым на рукаве гербом Испании, изменился в лице.

– Послушай, ты, пидор...

Джон весь напрягается, ожидая удара, который предвещает взгляд Парры, но удара не следует. Вместо этого звучит голос Антонии.

– Капитан Парра, я Антония Скотт. Я работаю в Интерполе, занимаюсь криминалистическим анализом громких дел.

Джон прямо в осадок выпадает. Антония сказала это слащавым голосом и с приторной улыбкой. Просто воплощение перемирия. Даже руку протягивает Парре. И это при том, что обычно она бежит от физического контакта, как фрилансер от налоговой инспекции!

К счастью для Антонии, Парра не слишком-то торопится пожимать ей руку. Он недоверчиво смотрит на нее сверху вниз: разница в росте у них сантиметров тридцать.

– Ага, вот прямо-таки из Интерпола?

Антония засовывает руку в один из карманов своей сумки и достает удостоверение. На этот раз капитан Парра берет его в руки и с удивлением рассматривает.

– Ладно, – говорит он, похлопывая себя удостоверением по ладони. – А скажи-ка, дорогуша, каким боком тут Интерпол?

– Я участвую в одном крупном проекте, который готовится на мировом уровне. Преступники с нестандартными характеристиками и новые способы борьбы с ними. Я уже давно хотела работать с вами и со специалистами ОБПВ. Когда мы узнали, что вы занимаетесь таким значимым исчезновением, я села на первый самолет и прилетела в Мадрид.

Вот что эти альфа-самцы действительно обожают, так это когда им массируют их эго, думает Джон.

– Изучение ваших методов поможет получить ценнейшую информацию для сотрудников полиции всего мира, – продолжает Антония. – Не каждый день есть возможность работать с подразделением, у которого за последние шесть лет показатель эффективности восемьдесят семь процентов.

Ну прямо умаслила.

Парра в нерешительности покусывает нижнюю губу. Ему хотелось бы поверить ее словам.

– На самом деле, эффективность у нас восемьдесят восемь и три десятых. А этот? – показывает он на Джона.

– Инспектор Гутьеррес назначен мне в качестве связного. В настоящей момент он проходит этап профессиональной переориентации.

– Ну да, а если быть точнее, то он отстранен от должности с лишением жалованья. Как поживает твоя шлюшка, Гутьеррес? Хорошее получилось видео.

У Джона прямо язык чешется сказать в ответ пару фразочек с упоминанием матери, сестры – если она есть – и жены капитана Парры. Но сейчас не самый подходящий для этого момент.

– Я облажался. И вот сейчас я здесь в роли няньки.

– Я понимаю, что наше присутствие для вас непривычно, но поверьте, капитан, мы просто хотим понаблюдать за вашей работой. И возможно, внести свой скромный вклад.

Парра кивает с очень серьезным видом, явно пытаясь скрыть свое довольство.

– Ну разве что очень скромный. Если хоть в чем-то мне помешаете, сразу свáлите отсюда, и мне по хер, из Интерпола вы или еще откуда. И не смейте разговаривать со свидетелями без моего ведома и в отсутствии моих людей, ясно?

– Нам бы и в голову такое не пришло, – отвечает Антония.

Парра поворачивается к Джону, который смотрит на него глазами ягненка.

– Да, разумеется.

– Так, ну ладно, а сейчас – спать, – говорит капитан, словно обращаясь к непослушным детсадовцам. – Завтра утром зайдете в департамент, и вас там введут в курс дела.

Эсекиэль

По сути, я хороший человек, пишет мужчина в своей записной книжке. Он всегда носит ее с собой. Ничего особенного. Обычная тетрадь, которая есть у любого школьника и которую можно купить в любом супермаркете за 3 евро 95 центов.

Я ошибаюсь, как и все. Я не идеален. Иногда я иду на поводу у эмоций. У меня нередко бывают нечистые помыслы, а порой и поступки. Просто иногда этого не избежать, иногда не остается иного выхода, потому что плоть слаба, как бы мы ни пытались ее обуздать. Когда это со мной происходит, мне тотчас становится стыдно, я ощущаю себя грязным, а порой выхожу из себя. Я чувствую давящую тяжесть в руках и в голове, у меня начинается бессонница. Я становлюсь раздражительным.

Мужчина вырывает лист и, держа его над пепельницей, поджигает с угла. Бумага начинает гореть, сначала медленно, затем быстрее, когда пламя добирается до верхнего края. Ненасытный язык пламени каждый раз стремится к его пальцам. И никогда до них не достает.

Огонь всегда жаждет плоти, начинает писать мужчина с чистого листа. Но есть способы избежать огня. Исповедь очищает нашу душу и готовит нас к небесам, где Иисус ждет нас с распростертыми объятьями. Но исповедь и таинства – это еще не все. Необходимо иметь твердую волю для покаяния и исполнять волю Божию на земле. И быть хорошими людьми. Я хороший человек.

Он прерывает письмо: ему не удастся сосредоточиться. Его буквы, всегда такие аккуратные, округлые и четкие, сегодня выходят разнородными и тонкими, как лапы паука. Он не ощущает в этот раз простого честного удовольствия, которое обычно приходит само собой от возможности записать собственные мысли красивым ясным почерком. И, конечно, не ощущает он и спокойствия духа. Когда он был маленьким, записывать мысли его научил отец. Это был грубый, тяжелый человек, но вместе с тем он был мудр. Он знал, как очистить душу от грязи дурных поступков, когда нет возможности исповедаться священнику. Нужно просто написать о своих грехах на бумаге и отправить письмо Господу, и Господь примет его, как принял жертву Авеля. И дым вознесется прямо к небесам.

Отец писал и сжигал каждую ночь по листу. Порой даже будучи голым и обжигая себе пальцы, вспоминает он. И когда грех рассеивался с дымом, на его лице отражалось спокойствие.

Он хочет подробнее написать об этом воспоминании, но у него не получается.

Карла Ортис снова кричит.

Вот яркий пример эгоизма и неблагодарности. Он дал ей воды, как она просила, хотя мог бы и не давать. Он мог бы кулаками выбить из нее пароль от компьютера. Это он умеет.

Он питает к насилию отвращение, потому что насилие – это не про хороших людей. Он ненавидит его применять, а когда все же приходится – когда нет другого выхода, – ему надо тут же в срочном порядке написать исповедальный листок. Он хотел избежать этого, найти мирное решение, и вот результат. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Он встает с места и бьет по двери гаечным ключом. Два раза. Пленница тут же замолкает.

Он вновь садится за стол. Теперь он доволен.

В этот раз он не совершил ошибок. Он не преступник и никогда им не был. Он всегда честно работал. Он бы не стал делать этого, если бы его не вынудили. Если бы у него был выбор.

Поэтому он доволен, что не совершил ошибок.

В похищении самое сложное – это общение с родственниками. Через

телефон, электронную почту и прочее его можно отследить. Но ему объяснили, как позвонить отцу Карлы Ортис без риска. Прежде чем выйти в интернет, нужно подключиться к анонимному серверу VPN, чтобы скрыть свое местоположение, а после разговора незамедлительно выключить компьютер. Остальная часть операции – пара пустяков. Единственное, что было сложно, – так это убить кобылу, чтобы та не привлекала внимание своим ржанием. Ему не нравится причинять зло невинным животным. Поэтому он смотрел в сторону, когда рассекал ей спинной мозг. Затем оставалось только отъединить прицеп и спрятать машину среди деревьев.

И в этот момент он вдруг понимает, что все-таки совершил ошибку. Очень серьезную ошибку.

И ее нужно исправить как можно скорее – прямо сейчас.

Антония мчится на шесть шагов впереди Джона по направлению к машине, припаркованной во втором ряду на улице Хенова рядом с Площадью Колумба. Джон и не пытается соревноваться со своей напарницей в скорости. В конечном итоге, ключи-то все равно у него. Да и к тому же Джон разбирается в нюансах женской психологии и может определить, что Антония не в духе, судя по тому, что она топает по тротуару, словно по вражеским черепам.

Они садятся в машину, пристегиваются. Джон кладет руки на руль в положении «десять и два» и смотрит на проезжающие от Кастельяны к бульвару Реколетос машины. Уже почти три ночи, так что машин немного.

Джон знает еще одну важную деталь женской психологии: когда женщина молчит и злится, нужно у нее спросить, почему она молчит и злится.

– Что с тобой?

Джон ожидает услышать «ничего» – женский ответ номер один на этот вопрос, – но Антония отвечает как есть.

– Взбесила эта перепалка самцов.

Это она мне вместо спасибо.

– Альфа-самец – это он, дорогая моя. А я педик.

– Да вы оба хороши. Все мужчины одинаковые – педик, не педик.

Джон мысленно ругается, обдумывает произошедшее, почесывая голову. Так в итоге и не может понять, в чем ошибся.

– Я вообще-то тебя защищал, ты не заметила? Они хотели нас запугать. А свою напарницу я никому не дам запугать, даже самому Богу.

– Если Парра захочет, он может серьезно усложнить нам жизнь.

– Знаю. А если мы им позволим себя застращать, то будем потом у них на побегушках или они вообще нас прогонят. Эти суперполицейские разве что министра иностранных дел станут слушать.

– Тут нужно действовать хитростью, ты же видел.

– Хитростью... Думаешь, он купился? Вообще, конечно, правда, что он распустил свой павлиний хвост во время твоего маленького представления, но как только комплименты закончатся, он снова начнет вести себя как мудака. Не хочет он мириться с нашим присутствием.

– Я привыкла так работать.

– А я нет. Со мной такое впервые. И уж тем более я не привык скрывать важную информацию по делу.

– Ради важной информации мы и не можем допустить, чтобы они оставили нас в стороне.

– А почему бы нам не рассказать все этому Капитану Качку? Мол, так и так, мы подозреваем, что на счету того, кто похитил Карлу Ортис, уже есть одно похищение и убийство, и фиг знает, как им теперь выкручиваться.

Боже, как это было бы чудесно, думает Джон, с наслаждением представляя лицо капитана Парры в подобной ситуации.

– Мы ничего ему не расскажем.

– Почему?

– Потому что нам так сказал Ментор.

– Ментор? Это не тот ли сеньор, который затащил тебя силой в это болото вранья, чтобы ты делала то, чего делать не хочешь?

Антония удивленно хлопает ресницами.

– Да, он, – отвечает она, как обычно, не уловив сарказма.

Джон раздраженно фыркает.

– Я просто хочу сказать, что ты не обязана играть в его игру.

– У него есть свои причины.

– Всю эту фигню про преступника-одиночку и про справедливость ради убитого мальчика – все это, хоть и с натяжкой, можно было принять раньше, когда на кону была только неприкосновенность частной жизни родителей, которых нужно уберечь от скандала. Но сейчас все по-другому. Сейчас на кону человеческие жизни. Карлы Ортис и ее шофера. Потому что, черт возьми, он тоже пропал, – говорит Джон, хлопая по рулю.

Это хороший аргумент: Джон видит, что Антония им прониклась и погрузилась в раздумья. Инспектор принимается считать машины, проезжающие в обоих направлениях. Люди спешат, у всех своя жизнь, все куда-то едут, и где-то их ждут другие люди.

Господи, как же я устал.

Когда он успевает насчитать одиннадцать машин в северном направлении и шесть в южном, Антония отвечает.

– Мы пока не можем ничего рассказывать. То, что Парра выяснил относительно шофера, – вполне вероятная причина похищения. У шофера есть мотив, средства и возможность. Будет лучше, если мы что-нибудь сами выясним, прежде чем рассказывать им про убийство в Ла-Финке. Даже если мы хотим это сделать.

– Ты вот не хочешь.

Антония пожимает плечами.

– Обычно, если уж меня зовут, значит, все настолько сложно, что остальные, скорее всего, облажаются.

В одном она права, думает Джон. Капитан Качок небось прямо кончает, представляя свою фотографию на первой полосе газет, где он изображен героем, спасающим наследницу самого большого состояния в мире. Уместный вызов в нужный момент. Вопрос ведь не в том, станет ли общественности известно о похищении Карлы Ортис или нет, вопрос лишь в том, когда станет. А если преподнести ему еще и то, первое дело...

– Ладно, я тоже не доверяю Парре, но это ты сказала, что его теория про шофера может быть похожа на правду. Ты действительно считаешь, что он мог похитить Карлу Ортис?

– Нужно все проверить, прежде чем решать, что делать. Но если окажется, что шофер жив, я приглашу тебя на еще один сэндвич микст с яйцом, – мрачно улыбаясь, говорит Антония.

– И что мы будем делать сейчас? – спрашивает Джон, заводя машину.

– Для начала что-нибудь поедим. Я умираю от голода.

– Сейчас четыре часа утра.

– Вперед, поехали.

Карла

Когда Эсекиэль уходит, когда возвращается тишина, время исчезает.

Мы настолько к нему привыкли, мы настолько погружены в повседневную реальность, сложенную из работы, еды, разговоров, сна, что воспринимаем время как нечто само собой разумеющееся. Естественная смена дней, мелкие проблемы, радости, разочарования – вот и весь наш видимый горизонт. И время становится нашим обезболивающим в этой неизбежной реальности. Все, чем мы являемся, к чему прикасаемся, о чем размышляем, чем обладаем, чему мы причиняем вред и что причиняет вред нам, – все это существует в определенном «здесь и сейчас», которое начинается с нашей кожи и заканчивается нашими мыслями. Когда у Карлы забирают время, все что у нее остается, – это жестокая реальность.

Кроме нее нет ничего: ни внутри, ни вовне.

Принять эту реальность настолько сложно, что всю жизнь мы пытаемся от нее бежать. Наше общество, наша культура, наш мозг – три столпа образцового инженерного искусства, служащего одной единственной цели: уход от непреложной человеческой телесности. Побег

из телесной тюрьмы, которая постепенно рушится.

Когда время исчезает, у тебя словно пелена спадает с глаз.

И это невыносимо.

Кто угодно в подобной ситуации почувствовал бы то же самое. А уж Карле Ортис, которую оберегали, лелеяли, воспитывали как принцессу, как будущую королеву, выносить это еще тяжелее.

И вот Карла лежит в позе эмбриона, заткнув уши, и отрицает действительность.

Так проще.

Она – Карла Ортис, наследница самого богатого человека на свете. Через какое-то время (она надеется, что это произойдет нескоро, ей не к спеху, она ведь *так сильно* любит своего отца, но таков закон жизни) она станет в свою очередь самой богатой женщиной на свете. А самая богатая женщина на свете в свои тридцать четыре года не может лишиться времени.

Просто она сейчас не здесь. Все это происходит не с ней.

Она на самом деле сейчас на скачках, вот-вот выйдет на ипподром. Проверяет подпругу на Мэгги – как всегда, два раза. Узда, сапоги. Прежде чем залезть в седло, два раза стучит каблуком об пол. На удачу.

Нет, ты не там. Где же твои сапоги, шлем, хлыст?

Нет, она сейчас в офисе, готовит отчет. Важный отчет. Отчет, который показывает, как хорошо она ведет дела. Итог еще одного года борьбы ради отцовского одобрения, которого все равно не получится добиться.

Нет, ты не там. Где же твоя лазерная указка, компьютер, экран?

Нет, она дома, рядом с сыном. Сейчас вечер, и он хочет посмотреть еще серию *Удивительного мира Гамбола* или *Губки Боба* или *Спасателей*. «Только одну, а потом сразу в кровать». – «А потом ты мне расскажешь сказку, мама». – «Да, потом сказку».

Нет, и не там.

И в этот момент ее охватывает ярость. Потому что на ней нет сапог для верховой езды, потому что она не сидит сейчас в конференц-зале за столом из красного дерева перед компьютером с презентацией Power Point; потому что она не может сейчас почувствовать запах свежeweымытых волос своего сына – самый прекрасный аромат в мире.

Я Карла Ортис! Все это не может происходить со мной!

Посмотри правде в глаза. Все это действительно с тобой происходит.

Это несправедливо. Я хорошая мать, я забочусь о своем сыне. Я хорошая дочь, хорошая работница. Я хорошая наездница. Я хороший человек. Всю свою жизнь я старалась все делать по максимуму, я всегда хорошо относилась к окружающим.

Это несправедливо.

Жизнь несправедлива.

У меня впереди еще много всего. Я должна управлять фирмой, должна растить сына. У меня еще вся жизнь впереди. Такие вещи случается только... с другими.

С какими еще другими?

Карле хочется проигнорировать этот голос, звучащий из темноты, – такой четкий, такой близкий. Голос, который опровергает каждую ее мысль. Но на вопрос она все-таки отвечает.

– С другими – это значит с кем-то, но не со мной, – шепчет она.

И тем не менее это происходит с тобой.

Все это должно происходить с кем-то другим.

С каким-нибудь стариком?

Или бедняком?

С кем-нибудь... не важным?

Карла плачет от злости и отвращения к самой себе. Потому что ей хочется ответить – да. Лишь бы на ее месте оказался кто-то другой, кто угодно. Любой незнакомец. Она настолько отчаянно этого хочет, что на секунду даже представляет себя гуляющей по набережной в Ла-Корунье. Навстречу ей движется непрерывный поток людей, а она идет сквозь толпу, выбирая того самого другого. Того, кого она запрет в темноте, чтобы самой

оставаться живой, свободной и счастливой. Целой и невредимой. Все, кто встречаются у нее на пути, поворачивают к ней голову. Монахиня, мать, велосипедист, пенсионер, ведущий за руку внука. Все эти люди с их бессмысленными жалкими жизнями смотрят на нее пустыми глазами, и любого из них она бы отправила на свое место, ни секунды не сомневаясь. Она пытается схватить кого-то за руку, затем еще кого-то, чтобы затащить, *затолкать* в эту черноту, которая постепенно на нее надвигается. Но прохожие от нее увертываются, а она все идет и идет, и вот уже все вокруг исчезают, и Карла остается одна в темноте.

Наедине с голосом.

Ты вовсе не особенная.

Тебе это только кажется.

На самом деле особенных нет.

Неправда, как раз она-то особенная. Она Карла Ортис. Под ее руководством работают тысячи людей, а через какое-то время (она надеется, что это произойдет нескоро, ей не к спеху, она ведь *так сильно* любит своего отца, но таков закон жизни) на нее будут работать сотни тысяч. Когда она выходит на улицу, ее поджидают у входа папарацци. Каждый ее жест, каждое слово, каждый новый костюм порождает новости, фотографии, комментарии. Ее отец влиятельный человек со связями. Прямо сейчас об ее исчезновении говорят все мировые СМИ, это самая обсуждаемая тема. #ГдеКарла или, может, #ВернемКарлу. Вся Испания будет жить только ее поисками, внимательно анализировать малейшие зацепки. Целая страна будет поддерживать войско, которое соберет отец, чтобы спасти ее.

Еще чуть-чуть, и ее воображение станет осязаемой реальностью. Это вопрос нескольких часов, может быть, минут. Сюда ворвется толпа людей в форме, они выбьют эту металлическую дверь и заберут Карлу, вернут ее к сыну. Отец будет ждать снаружи в окружении журналистов. Карла предстанет перед ними с усталым выражением лица, но при этом со спокойным взглядом и гордо поднятой головой. Она поприветствует их легкой, но уверенной улыбкой. Чтобы сразу стало ясно, что ее не удалось сломить. Фотография обойдет весь мир. И спустя несколько месяцев, когда это будет целесообразно, она даст свое первое интервью, в котором расскажет какой-нибудь *проверенной* журналистке о своих испытаниях. И это станет отличной рекламой для ее бренда, для одежды, которую носят сильные женщины во всем мире, и продажи тут же резко вырастут, и отец наконец-то будет любить ее больше, чем сводную сестру.

Это вопрос нескольких часов. Может быть, минут.

Следуя указаниям Антонии, Джон подруливает к бару неподалеку от площади Эмбахадорес. Снаружи – скопище такси. Внутри – стадо голодных таксистов. Отвратное заведение, на тараканьей лапке висящее над перспективой быть закрытым санитарной инспекцией. *Даже передача «Кошмар на кухне» отказалась бы от съемок в этом месте*, думает Джон. Но как только приносят заказ – все предрассудки летят к черту. Инспектору Гутьерресу подают пиво ноль-три и перченый антрекот размером чуть ли не с полкоровы, и это тут же примиряет Джона со всем человечеством. Антония же довольствуется сырно-мясным сэндвичем и несвежим пинчо [15] с тортильей [16], подогретой в микроволновке.

Бог ты мой, как же плохо питается эта девочка. Странно, что при этом она такая стройная. Видимо, голова у нее потребляет немало топлива.

– Кстати, – говорит Джон, когда они заканчивают есть, – что это за удостоверение ты ему показала?

– Оно подлинное. Ну, то есть насколько вообще может быть подлинным ничего не значащий кусок пластика. Ментор мне несколько таких достал.

– Твой друг – темная лошадка.

– Да он сукин сын.

Чую, дальше последует «но», думает Джон.

– ...но то, что он делает, то, что мы делали... было не напрасно. Каждый раз. Конечно, не без издержек, – говорит она, и ее лицо омрачается.

На какое-то время они оба замолкают, и звучит лишь телевизор, включенный на «Канале 24».

– Ты не хочешь об этом говорить?

– Нет, это личное, – отвечает Антония. И вдруг начинает смеяться.

– Что тебя так веселит?

– Ничего. Ты просто сегодня назвал меня своей напарницей. Я что, больше для тебя не бремя, от которого нужно как можно скорее освободиться?

Джон скрещивает руки на груди. Вопрос серьезный, тут нужно

подумать. Антония Скотт, конечно, замкнутая, невыносимая самодурка, с ужасным вкусом в том, что касается еды; к тому же она непредсказуема и вполне вероятно, что вообще с приветом, ну или, по крайней мере, близка к этому.

Но.

– Да, так и есть. Раз уж мы во все это ввязались, буду помогать тебе до конца. Да и в Бильбао меня никто особо не ждет. Разве что маменька с лото и кокочас.

– У тебя что, нет напарника в комиссариате?

– Был, но он ушел на пенсию три месяца назад. Хороший мужик. Очень остроумный. А в «Скрэббле»^[17] – так вообще Криштиано Роналдо. Я по нему скучаю.

– У тебя есть парень?

– Сейчас нет. А у тебя?

– Муж. И ты знаешь, где он.

– И сколько он уже там лежит?

– Три года.

– Так долго. А тебе сколько лет? Тридцать... с чем-то?

– Да, с чем-то, – отвечает Антония, бросая в него скомканную жирную салфетку.

– Ну ясно. Небось время от времени тело требует ночной жизни.

Антония мгновенно краснеет. Эффект просто поразителен: ее щеки за секунду становятся пунцовыми. Джон видел такие в последний раз у *Хайди*, а это как-никак была девочка из мультика.

– Подумать только... Надо же, сеньорита Скотт... Значит, ты иногда находишь себе на ночь развлечение. Тем лучше для тебя, – говорит Джон, приподнимая и слегка наклоняя в ее сторону бутылку пива.

Антония открывает рот, чтобы возразить, но тут же понимает, насколько это глупо.

– Тут нечего отмечать. Это не повод для гордости, – сухо отвечает она.

– Детка, если тело требует...

– Сейчас тело должно требовать только одного: продолжения работы.

Джон глядит на нее настороженно. Переводит взгляд на часы. И снова смотрит на Антонию, еще более настороженно.

– Я вообще-то думал, что мы пару часиков поспим. Твой друг Ментор забронировал для меня номер в четырехзвездочном отеле. Он, конечно, мудака, но при этом шикающий мудака. И я валюсь с ног от усталости.

– Ты неправильно думал. Бери свое пиво, и пойдём за тот дальний столик.

Джон следует за ней, и они пересаживаются подальше от остальных клиентов. Антония вытирает руки о штаны, избавляясь от остатков жира, и достает из сумки айпад.

– Мы должны быть осторожны еще по одной причине, Джон. Мне совсем не понравился разговор с Рамоном Ортисом. В его взгляде я увидела страх.

– Ему страшно за свою дочь. Это логично, – отвечает Джон, пытаясь понять, к чему она ведет.

– Логично, – повторяет Антония и замолкает.

– Что же ты такого особенного заметила?

– Я, конечно, не лучший толкователь человеческих эмоций.

– Ну, это понятно. Но...

– Но в подобных случаях страх выражается в трех формах: тревога, сомнение и шок. Шок, по идее, должен быть выражен сильнее. А вместе с ним и потребность в защите.

– Тут мы имеем дело не с обычным случаем. Все-таки речь идет о миллионере, о начальнике сотен тысяч людей.

– Я знаю. Но это не отменяет того, что он отец этой женщины.

Джон делает большой глоток.

– Ты в какой-то книге все это вычитала?

Антония задумчиво кивает в ответ.

– А я вот не очень много читаю, но моя интуиция подсказывает мне то же самое. Этот человек нам врет.

– Он что-то скрывает. И как раз то, что он недоговаривает, и есть самое важное.

– И что нам делать?

– Нам нужно продвинуться немного дальше, чем Парра и прочие, чтобы делать какие-то выводы. Для начала определим местонахождение телефона Карлы.

– Ой, ну вообще, – отвечает Джон, произнося *ваще*. – Для этого необязательно быть гением. Парра первым делом позвонит в Apple и запросит у них информацию.

– И на это уйдет несколько дней. Сейчас он, наверно, пытается зайти в аккаунт Карлы с ее рабочего компьютера, но для этого ему нужен ее пароль от Айклауд. А пароля у него нет.

– Конечно, нет, а ты что, можешь его вычислить? – спрашивает Джон, допивая пиво.

– Могу попытаться, – отвечает Антония.

Она поднимает крышку айпада и начинает печатать.

– Это бред, Антония. Нужно испробовать миллионы комбинаций.
– А точнее, шестьсот сорок пять триллионов. С лишним.
– Ну что ж, поскольку ты, видимо, не очень скоро закончишь, я пока возьму себе еще пивка.

– Только безалкогольного, а то тебе еще вести машину.

Ну разумеется, думает Джон, поднимаясь с места и направляясь к барной стойке. Только следующее направление будет – кровать. А то я как выжатый лимон.

Он забирает свое пиво и к нему несколько оливок с частично слитым рассолом (в этом баре очень щедры к посетителям) и возвращается к столу. Антония уже не печатает и ждет его, скрестив руки на груди.

– Что, все, решила сдаться?

– Нет. Просто уже нашла.

От удивления Джон чуть пиво не роняет. Но все-таки не роняет: чтобы баск уронил пиво, он должен уж очень сильно удивиться.

– Врешь!

Антония поворачивает к нему айпад, показывая открытый аккаунт Карлы Ортис.

– Как ты это сделала?

– Немного базовой психологии, – серьезным тоном отвечает Антония. – Если хочешь вычислить чей-то пароль, нужно поизучать биографию этого человека, подумать, какие ключевые слова он мог бы использовать с большей вероятностью, затем добавить к ним год его рождения, либо год рождения его сына, отца, домашнего питомца; год, в котором он закончил университет... Вот так и пробуешь различные комбинации. Несколько минут – и готово.

Джону, который и так стоял с открытым ртом, теперь остается разве что челюсть с пола поднять. И он так бы и продолжал стоять, если бы Антония не сказала:

– Пароль был написан на листочке для заметок и приклеен к стенке ящика ее письменного стола. Я нашла его, когда выходила в туалет. Что ж, посмотрим, удастся ли нам теперь определить местоположение ее телефона.

Карла

Только вот никто за ней не приходит.

Карле кажется, что проходят минуты, часы, месяцы. Точно знать

невозможно, ведь время исчезло.

Все, что у нее есть, – это «сейчас», а «сейчас» – это темнота.

И никто не приходит.

Никто не придет.

– Это всего лишь вопрос времени. А пока я просто полежу еще пять минут, – шепчет она.

И проходит целый век. Или минута. Точно знать невозможно. А затем она начинает плакать. Ее неожиданно наполняет грусть – такая же мощная и неистовая, как ярость или отрицание действительности. Карле безумно, бесконечно жаль Карлу. Может, она что-то и сделала не так и чем-то заслужила это наказание, но теперь уже это все не важно. Небо рухнуло, и свет погас. Музыка, объятия, смех, справедливость – все обратилось в прах. По ту сторону металлической двери больше ничего нет. Мир исчез. Нет больше других людей в других городах и странах, никто больше не работает, не играет, не обедает, не смеется, не занимается любовью. Если бы они были, Карле пришлось бы их ненавидеть. Лучше думать, что всех их унесла волна, и самой унести следом.

Хватит нести чушь.

Оставь меня.

Вставай.

Не могу.

Не можешь? Так же, как не смогла заставить Борху перестать вести себя как тряпка? Так же, как не можешь вовремя приезжать домой, чтобы самой укладывать сына? Так же, как не можешь добиться того, чтобы отец любил тебя больше, чем твою сводную сестру?

Хватит, мама!

Карла плачет. Но уже не от жалости к себе и не от ярости или отрицания. Она сама толком не понимает, отчего эти слезы, которые даже не могут зародиться в ее обезвоженном вспотевшем теле и вытечь из сухих глаз.

Вставай.

Карла подчиняется. Впервые после ухода Эсекиэля она пытается подняться. Мышцы ног и рук одеревенели и не слушаются. Ее сковывают судороги, и боль в носу возобновляется с прежней силой, словно и не было этих нескольких часов (или месяцев, или минут). Вместе с болью к Карле возвращаются остатки рассудка и воли. Этого хватает, чтобы попытаться встать на ноги. Но распрямиться не получается: плечи ударяются о потолок.

Каменный. Холодный на ощупь. Шероховатый. Угрожающий.

Карла вновь падает на пол. Неожиданно низкий потолок вызывает новую паническую атаку, которая длится несколько минут. Придя в себя, Карла внезапно чувствует холодную сырость на внутренней стороне бедер и в трусах. Она обмочилась. Но это не самое страшное.

Самое страшное – это то, что она ничего не видит.

Если бы на прошлой неделе какой-нибудь приятель спросил ее, чего она боится, Карла составила бы список обычных взрослых страхов: старости, неудачи в любви, некомпетентности правительства. Но она ни за что бы не призналась ему в том, в чем от ужаса призналась Эсекиэлю несколько дней (часов, месяцев) назад.

Карла панически боится темноты.

Когда ей было три года, она начинала кричать, как только в ее комнате выключали свет, и кричала до тех пор, пока мама вновь не зажигала лампу. До тринадцати лет она могла засыпать только с зажженным ночником. Без него уснуть было невозможно.

А когда ей было тринадцать, в ее комнату как-то вечером зашла сводная сестра и выключила голубую подсветку на стене.

– Ты ведь уже не маленькая, – сказала она тогда.

Роза не плохой человек, нет. Просто она никогда особо не любила Карлу. Мать Розы умерла, когда той было восемь. Отец женился вновь, и родилась Карла. Для Розы это было двойным предательством памяти ее матери. Возможно, поэтому она всегда относилась к Карле с некоторой долей суровости. А возможно, это была просто взаимная физическая неприязнь. Карла тоже недолюбливала свою сводную сестру – полнотелую косоглазую девицу с клочковатыми взъерошенными волосами. Роза постоянно читала книги и ходила странной, тяжелой походкой – словно раненый зверь. А на Карлу, на эту воздушную белокурую девочку, которая всем нравилась и которой все пытались угодить, она смотрела как на муху в супе.

Наверняка, когда она выключила свет, в ее глазах был лишь холод.

А может, и ненависть.

Карла протестовала, умоляла, но все тщетно. Если мать еще готова была пойти у нее на поводу, то отец нет. Он растил Карлу как свою будущую преемницу – ведь Роза не хотела ею быть. Роза училась на врача. До торговли текстилем ей дела не было. Так что Карле, по мнению отца, следовало закалять характер.

Но характер Карлы не закалился, по крайней мере, в том, что касается темноты. Она специально разбрасывала вещи по полу, чтобы у нее была отговорка на тот случай, если отец зайдет к ней в комнату и увидит зажженную лампу. *Это чтобы мне не споткнуться, если я встану с кровати*, говорила она. А потом еще стала подкладывать полотенце под дверь, чтобы свет из ее комнаты не просачивался сквозь щель.

В темноте тебя подстерегают чудовища. Неуловимые, жаждущие твоего мяса и склизкого костного мозга; готовые на все, лишь бы заполучить твои кости и разгрызть их своими острыми зубами. Может, ты их и не видишь, но зато они тебя видят прекрасно.

Карла всегда так думала.

И оказалась права.

Теперь Карле приходится противостоять темноте, которой она так боится. Приходится искать способ как-то с ней управляться, адаптироваться к условиям. Но рассудок не хочет ей в этом помогать. Ведь чудовища вернулись. Правда, теперь у них другой вид. Человек в светоотражающем жилете, человек с ножом. Карла представляет, что он сейчас здесь, по эту сторону металлической двери: он притаился во тьме, держа наготове нож, и как только она вытянет руку, тут же вонзит лезвие ей в ладонь.

Начни с простого.

Встань на колени.

Карла пытается следовать совету. Что ей еще остается?

Она сильно дрожит, но все-таки ей удается расправить тело из позы зародыша, повернуться и опереться коленями о пол. Затем и ладонями. Наконец она приподнимается.

Сначала потянись вверх.

Она поднимает руку, медленно-медленно, едва шевелясь. Как только ее

ногти слегка касаются потолка, она тут же отдергивает руку, словно обжегшись о раскаленную сковороду. Она пробует вновь и на этот раз дотрагивается до потолка подушечками пальцев. С третьей попытки ей уже удается его пощупать. Когда Карла сидит на согнутых коленях, потолок примерно в двадцати сантиметрах у нее над головой. Видимо, высота где-то метр двадцать?

А сейчас будет самое сложное.

Сейчас нужно будет двинуться с места.

Она не ждет, что ей это скажет голос. Она и сама это знает. Ей нужно понять, где она находится и есть ли в ее распоряжении какое-нибудь орудие. Она долго думает, как именно ей передвигаться. Наконец решает ползти на четвереньках. Первым делом она определяет, где находится металлическая дверь, служащая входом в ее тюрьму. Прислоняется к ней бедром, одной рукой опирается о пол, другой принимается шарить перед собой, стараясь не думать о шустрых ползающих существах, которые могут тут обитать. Она вытягивает пальцы. Она ищет. Прощупывает.

Так ей удается определить дверные границы. На верхней части двери есть нечто вроде вентиляционного люка со множеством маленьких отверстий. Она пытается посмотреть сквозь одно из них, но ничего не видит. И тем не менее сквозь эти отверстия проходит поток свежего воздуха, хоть и очень слабый, но все же ощутимый.

Карла прикидывает, что ширина двери должна быть метра два.

Нужно исследовать остальную часть пространства. Карла это понимает, но вместе с тем отдалиться от металлической двери не так просто. Ведь это в какой-то степени значит отдалиться от выхода на свободу. Она долго не может решиться.

Ты должна продолжать. Тебе нужно понять, где ты находишься.

И она продолжает исследовать место тем же самым образом. Прислоняется плечом к стене и ползет на четвереньках, вытянув руку перед собой. Долго ползти не приходится. До противоположной стены только полтора метра. Теперь весь мир Карлы ограничивается тремя квадратными метрами.

В углу она обнаруживает нечто вроде выгребной ямы.

А вот, похоже, и туалет.

Когда-то, миллион лет назад, во время их с Борхой медового месяца, она выкрикнула ту же самую фразу, стоя на одном конце бунгало площадью полторы тысячи квадратных метров на островах Фиджи, в то время как на

другом конце ее новоиспеченный муженек вручал портье безумные чаевые, лишь бы тот поскорее смылся.

Контраст между этим воспоминанием и реальностью настолько велик, что Карла прыскает со смеху. Она смеется безудержно, истерично. Раскатисто. Хохочет до слез.

И тут она слышит, что за стеной кто-то зовет ее.

Инспектор Гутьеррес никогда не любил вести ночной образ жизни.

Ему больше по душе засыпать в пижаме на диване во время просмотра сериала где-нибудь около полуночи. Можно всхрапнуть пару раз прямо в гостиной, а когда начинается новая серия и на экране всплывает логотип Netflix с фирменным хлопающим звуком заставки, пора ковлять в спальню. Но увы, нехорошие люди обычно выбирают именно ночь для своих нехороших делишек. Так что ночной образ жизни – это его рабочая обязанность, раз уж он выбрал такую профессию.

Я ее вообще-то не выбирал. Это она меня выбрала.

Когда учеба закончилась и нужно было выходить во взрослую жизнь, Джону было страшно. В этом он Ментору не соврал. Но было кое-что еще: в душе у него горел огонь, но не простой огонь, не тот, после которого остаются лишь угольки. Для такого состояния нет точных названий. И из-за этого внутреннего огня Джон оставил 874 песеты вместе с заявкой на прохождение конкурса. Явился в срок, прошел проверку физической подготовки (он, конечно, не то чтобы толстый, но все же пришлось чуток поднапрячься) и был зачислен в Национальную академию в Авиле, стал носить полицейскую форму и оружие, а вскоре начал помогать патрулировать улицы. Год в Памплоне, затем пару лет в Ла-Риохе. Ему даже не пришлось выдавать удостоверения личности, хотя он говорил своей маменьке, что именно этим и занимается, а она притворялась, что верит. А потом он вернулся в Бильбао, стал инспектором, и его профессия к тому моменту уже настолько глубоко внедрилась в душу, что вырвать ее было невозможно. И его огонь, несмотря на все то дерьмо, что ему приходилось видеть, продолжает гореть мерным пламенем в его сорок с небольшим лет.

Этот огонь и поддерживает изнуренного за последние три дня инспектора Гутьерреса, когда вместе с Антонией он возвращается к машине и заводит мотор. Приложение «Найти айфон», открытое с аккаунта Карлы, указало им точку на карте, и теперь они движутся по направлению к ней.

– Телефон выключен, – говорит Антония. – И кое-что меня удивляет. Ведь у Карлы Ортис наверняка есть ноутбук.

– А какой компьютер у нее дома?

– iMac Pro. Самый дорогой из Apple.

– Она постоянно в разъездах из-за работы. Было бы логично предположить, что у нее ноутбук той же самой марки.

– И что его геопозиция должна определяться через то же самое приложение, что и все остальные ее устройства.

У Джона никогда не было Apple, и он не очень разбирается, как все это работает.

– Я не очень разбираюсь, как все это работает, – говорит он.

– Ты покупаешь себе устройство и привязываешь его к своему аккаунту. Если у тебя его украдут или ты его потеряешь, можно войти в аккаунт с любого другого устройства, используя пароль, и увидеть его местоположение. Либо – как в нашем случае – последнее зафиксированное местоположение. Если затем кто-то снова включит устройство и подключит его к интернету, информация обновится.

– А ноутбук не определяется?

– Нет. Так что тут два варианта. Либо у Карлы его просто нет – в чем я сильно сомневаюсь, либо кто-то удалил его из облачного хранилища. А для этого нужен пароль.

– То есть либо Карла сама это сделала, либо ее заставили.

– Именно. Так что, вероятно, она еще жива.

Хорошая новость. Огонь потихоньку разгорается.

– Мы уже подъезжаем, – говорит Джон.

Дорога заняла у них меньше двадцати минут. Еще нет шести утра и трасса М-30 практически пустая, так что Джон слегка поднажал на газ. Не то чтобы сильно: гнать он не любит. Но все-таки время терять не хочется, тем более что появилась первая серьезная зацепка.

– Ты уж не бойся, если я разгонюсь до ста сорока, – сказал он Антонии. А та даже глазом не моргнула. И они мгновенно приехали.

Только вот куда именно они приехали – большой вопрос. Джон останавливает машину, когда GPS сообщает ему, что он «достиг пункта назначения». А кругом лишь пустынная дорога.

– И что теперь?

– Система не всегда определяет местоположение с идеальной точностью, особенно в таких глухих местах, – отвечает Антония. – Если в городе погрешность составляет примерно пятьдесят метров, то здесь, за городом, радиус может быть метров двести или даже больше.

– А что если этот Эсекиэль выбросил телефон из окна машины? Получается, в поисках десятисантиметровой штуковины нам нужно обшарить площадь во сколько там метров? У меня с математикой нелады.

– В 125 664 квадратных метров, – мгновенно отвечает Антония. – Если округлить.

– Если округлить... Нам нужно приехать сюда днем. И с большим количеством людей.

– Не отчаивайся раньше времени. Смотри, там что-то есть.

Это, похоже, не одно здание, а целый комплекс, окруженный стеной. На входе горит свет. Ворота бутылочно-зеленого цвета, рядом сторожевая будка. Джон подруливает к будке и стучит в окошко.

– Похоже, никого нет, – говорит Антония.

– Зато есть дверь, – радостно отвечает Джон, наклоняясь к двери будки и что-то доставая из кармана.

Как-то раз, лет семь-восемь назад

Джон гнался за вором, который уже успел ему осточертеть. Уже в четвертый раз Луис Мигель Эредия уносил ноги. Только у него-то ноги легкие и молодые. А у Джона не такие сильные и не такие быстрые (нет, он не то чтобы толстый). Парень рос, и ему уже стало просто по кайфу убегать от Гутьерреса – тогда еще помощника инспектора. Он был так доволен собой, что обернулся на полпути, чтобы показать Джону два средних пальца. Только вот, к сожалению (или к счастью – смотря для кого), повернувшись обратно, он впечатался мордой в знак «Уступи дорогу». Стук при этом раздался на всю округу.

Джон добежал до него спустя несколько долгих секунд. Луисми эль Рата – как он сам себя называл – уже начал приходить в себя. По губам у него текла кровь.

– Что ж ты теряешь форму, а, Луисми? – сказал Джон, нагибаясь и упираясь ладонями в колени. Он пока не успел отдышаться.

Джона одолевал соблазн хорошенько врезать ему ногой по яйцам, чтобы уж он точно вдруг не вскочил и не кинулся бежать. И соблазн был настолько велик, что у него прямо даже зачесалась правая ступня.

Но вместо этого Джон наклонился и помог ему опереться о дорожный знак, ставший преградой на его пути.

Пока Джон поднимал парня на ноги, кровь запачкала белую рекламную футболку Луисми, почти полностью скрыв номер телефона ООО «Андамиос Ачукарро»^[18].

– Вот черт, она у меня единственная чистая! – вскрикнул он, сплевывая дополнительную порцию гемоглобина на свои штаны и на брюки

полицейского.

– Была, – ответил Джон, доставая из кармана носовой платок и зажимая пареньку нос, чтобы остановить кровотечение. – И не вздумай бежать, а то потом мало не покажется.

– Бежать я всегда готов, – попытался сказать тот, но через платок и с зажатым носом получилось что-то вроде *пжатьяфсектакатоф*.

– Ну, если ты совсем придурок, давай. И как ты только можешь обчищать дома в Очаркоаге? Ты что, не знаешь, что здесь одни бедняки?

Хотя паренек живет в Сан-Франциско, а там дела обстоят еще печальнее.

– А где мне тогда воровать?

– Отправляйся в Абандойбарру^[19], и я наконец от тебя избавлюсь. К тому же там тебе тоже голову не прострелят, если поймают. В крайнем случае задержат.

Луисми яро затряс головой, насколько это было возможно в огромных ручищах Джона.

– Слишком дорого получится. Нужно будет за проезд платить. Да и двери там покрепче будут.

– Зато здесь тебе нечего ловить, – сказал Джон, убирая платок. Кровотечение уменьшилось. – Давай, тащись в комиссариат.

Луисми весь напрягся и уже собрался было бежать, но только вот каждая рука Джона весит примерно как его туловище, и сейчас обе руки нависли прямо над ним.

– Я не могу в комиссариат. У меня завтра экзамен, а я не подготовился.

– Экзамен? Какой еще экзамен?

– Я учусь в техникуме.

– Да ладно.

– Клянусь.

Луисми вытащил из рюкзака тетрадку. Она валялась под полудюжиной телефонов, которые он вряд ли купил.

– Можно я пойду, ну правда? Меня все равно судья завтра отпустит, я ведь несовершеннолетний.

Джон немного почесал голову и решил отпустить Луисми. А тот взамен пообещал научить его взламывать дверные замки.

– Это очень просто, даже такой старый хрыч, как ты, может научиться.

Джон тогда не поверил словам паренька ни на грамм. Даже в том, что касается экзамена. *Тетрадку небось тоже спер, с него станется.* Но спустя два месяца Луисми явился в комиссариат на улице Гордонис и попросил позвать Джона. Под мышкой он держал аттестат о среднем

специальном образовании и маленький несессер.

– Я больше не ворую, – сказал он. – Так что можем пойти тренироваться к тебе.

– Нет, ко мне мы не пойдём, у меня там мама.

И Джон отвез его к заброшенному зданию на Арчанде^[20], и там Луисми показал ему, как с помощью инструментов из крошечного несессера открыть все замки, что им попались.

– Тут необходима тонкость, чуткость прикосновения. Нужно ощутить кончиками пальцев мельчайшие вибрации – и раз, готово.

– Ну ты и плут, повезет же с тобой какой-нибудь женщине, – сказал Джон, не переставая ковыряться в замке.

– Еще бы. Знаешь, сколько получает слесарь?

Конный Центр

– Вот, готово, – говорит Джон, как только у него получается повернуть отмычку и отжать замок. Ему невольно вспоминается Луисми, и он с горечью думает, сколько же тому было лет, когда он врезался лицом в дорожный знак. Вряд ли намного больше, чем убитому в Ла-Финке парню. Такие разные судьбы.

Джон поднимается на ноги и пропускает вперед Антонию.

Из будки на внутреннюю территорию ведет еще одна дверь, закрытая изнутри на щеколду. Через эту дверь они проходят в огромный пустынный двор. Напротив – одноэтажное здание. Справа, у стены, еще одно. Свет нигде не горит.

– Здесь держат лошадей, – говорит Джон.

– Откуда ты знаешь?

– Ты что, не чувствуешь запаха?

– Нет.

– Ах, ну да. Точно. Прости, – извиняется Джон, тут же вспомнив об особенностях Антонии.

Внезапно кто-то светит им прямо в лицо фонариком. Джон инстинктивно закрывает собой напарницу.

– Стоять! Руки вверх!

– Спокойно, без паники, – говорит Джон, все же поднимая руки, на всякий случай. – Мы из полиции.

Охранник опускает фонарик. Ему, должно быть, нет и двадцати. Да и пистолета у него не видно. Он заставил их поднять руки лишь за счет яркого света фонарика и твердого голоса.

– Как вы сюда вошли?

– Ты оставил дверь будки открытой. Разве так можно?

– Я первую неделю работаю. Вы не должны были заходить.

– Мы звали, но никто не откликнулся.

– Я отошел в туалет.

– У тебя на плече солома, – говорит Антония, указывая на рубашку охранника.

– Ну ладно, да, я слегка вздремнул позади конюшни, на тюке сена. Сейчас уже конец смены, я устал. Очень тяжело досиживать.

– Ну так ты вряд ли удержишься на этой работе еще на неделю. И

откуда ты знаешь, что мы и правда из полиции? Ты ведь даже не попросил показать документы.

Парень задумался.

– А зачем вы бы стали говорить, что вы из полиции, если это не так?

Да уж, неопровержимый аргумент.

– Я просто подумал, что вы что-то забыли, – продолжает охранник. – Ваши коллеги целый день здесь провели. Они ушли как раз, когда я пришел. Кажется, они искали какую-то украденную кобылу или что-то в этом роде. Мой начальник обошел с ними всю территорию, но они ничего не нашли.

Антония и Джон переглядываются.

– А чья это была кобыла? – спрашивает Антония.

– А мне-то откуда знать, нам ничего не рассказывают. Я здесь просто ночной сторож. Я только знаю, что эту кобылу должны были привезти вчера вечером, но не привезли.

– Подожди секунду, – говорит Джон, отводя Антонию в сторону.

– Видимо, Карла везла сюда свою кобылу, чтобы оставить до завтрашнего соревнования, – говорит она. – Это совсем новый центр, его даже Гугл Мапс не находит.

Джон включает фонарик на телефоне и освещает афишу, висящую на стене. Анонсируется ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ КОННОГО ЦЕНТРА МОРАЛЕХА СПОРТИВНЫЙ КЛУБ amp; СПА. Событие должно состояться как раз завтра. В списке участников числится Карла Ортис вместе со своей кобылой Мэгги.

– Вот, пожалуйста. Ее имя в открытом доступе.

– Давай пройдемся по территории, – говорит Антония.

– Сотрудники из отдела похищений уже небось все тут обыскали.

– Я понимаю. Но ее телефон находится в радиусе двухсот метров. А где бы ему еще находиться, как не в том месте, в котором...

Антония замолкает на середине фразы. Затем поворачивается и подбегает к охраннику.

– Мне нужна стремянка.

– Стремянка? Может, есть в подсобке...

– Ладно, не важно.

Рядом со входом стоят два мусорных контейнера бутылочно-зеленого цвета. В темноте они кажутся почти черными. Антония подходит к одному из них и залезает на крышку. Затем пытается взобраться на стену, но для этого ей не хватает роста.

– Может, сможешь мне?

Джон, до сих пор растерянно наблюдавший за этой сценой, подходит к контейнеру. Он не знает, что там внутри да и не хочет выяснять. Но Антонию, конечно, это не заботит.

– Если ты думаешь, что я правда полезу на этот мусорный бак, то ты спятила. У меня костюм от Тома Форда.

– Нет, твой костюм не от Тома Форда. На твою зарплату такого не купишь.

– Ну ладно, да, но это почти идеальная имитация. А ты, кстати, что, знаешь, сколько я зарабатываю?

– Замолчи и залезай. Я куплю тебе настоящий костюм от Тома Форда.

– У тебя же у самой ветер в карманах. Тебя ведь соседи кормят.

– Залезай, и, пока ты будешь мне помогать, я скажу, сколько тебе заплатит Ментор.

Джон пытается проделать тот же путь, что и она, но взобраться на крышку у него не получается. Нет, он не то чтобы толстый.

– Подойди сюда, помоги, – зовет он охранника.

Парень подходит к контейнеру и, скрестив руки на уровне колен, поддерживает Джона снизу.

– Хотел бы я знать, что вы тут задумали.

– Я бы и сам хотел это знать, мальчик.

Может, парень, конечно, и не семи пядей во лбу, однако ж он достаточно силен для того, чтобы выдержать вес инспектора Гутьерреса и помочь ему взобраться на жирную крышку контейнера. И тот взбирается. Без особого изящества, и уж тем более достоинства; *неуклюже, как суицидник-неудачник*^[21]. Но все-таки взбирается.

– Сколько он мне заплатит?

– Потом скажу. Помоги.

Джон поддерживает ее так же, как охранник только что поддерживал его самого, и Антонии удается забраться на стену. Вначале она садится, свесив ноги, затем потихоньку встает. К счастью, битого стекла на стене нет. Наверно, воришки сюда и так не полезут, думает Джон. И тут же отпускает от себя эту мысль. Сейчас не время для размышлений: ему нужно следить, чтобы его напарница не упала, и при этом до нее не дотрагиваться, а также постараться самому не навернуться с крышки контейнера, которая опасно прогибается под его ста девятнадцатью килограммами.

Ради Бога, девочка, поторопись.

Стоя на стене, Антония вглядывается в темноту, уже начинающую переходить в предрассветные сумерки. Еще холодно, до восхода солнца остаются долгие полчаса, но смутные очертания сосен уже вырисовываются на фоне неба, которое из черного становится серым. В вершинах сосен шумит ветер, и откуда-то доносится непрерывно дребезжащий стрекот цикад. Вдалеке скорее угадывается, чем виднеется, шоссе. А внизу, к самой стене, подходит небольшая проселочная дорога.

Антония решает не использовать айпад для ориентирования. Экран тут же ослепил бы ее, а глаза должны привыкнуть к полумраку.

У нее есть метод получше.

Она извлекает из памяти карту, которую изучала по пути сюда. Мысленно накладывает ее на видимый пейзаж. Конный центр находится на вершине холма, возвышаясь над местностью метров на двадцать, а окружают его два сосновых бора, сливающихся позади комплекса в один.

Кто-то взял и украл у природы столько гектаров, и все ради того, чтобы богачи могли кататься на лошадках, думает она и тут же старается отогнать от себя все лишние мысли, не имеющие отношения к главной задаче.

Здесь. Сейчас.

Ее мысленная карта начинает обрастать деталями, и Антония добавляет на нее точку, в которой было зафиксировано последнее включение телефона Карлы. Вокруг этой точки она рисует круг и рассчитывает расстояние относительно своего местоположения.

Она оказывается за пределами круга.

Что бы там ни было, телефон находится не на территории Конного центра.

Теперь она представляет на своей мысленной карте машину Карлы Ортис и прочерчивает маршрут от главного шоссе до Конного центра. Линия прерывается в той точке, где она мысленно нарисовала перекресток.

Слева сосновый бор резко поднимается в гору. На машине там вряд ли можно проехать. А с другой стороны, справа, подъем гораздо мягче.

И хотя Антония ее не видит, но уже знает, что там, среди деревьев, есть дорога.

– Она должна быть там.

Карла

Сначала Карла думает, что голос, который она услышала, прозвучал лишь в ее голове. Голос, которого на самом деле нет и который похож на голос ее матери. Но, конечно, ее мать не может сейчас с ней разговаривать, ведь она умерла одиннадцать месяцев назад. И тут Карла слышит:

– Эй! Есть там кто-нибудь?

Голос за стеной звучит очень приглушенно.

Они пришли. Они пришли за мной!

Сердце Карлы начинает бешено колотиться, адреналин мгновенно выстреливает. Наконец-то. Она знала, что нужно просто подождать. Что это всего лишь вопрос времени. Карла тут же подползает к стене и принимается стучать.

– Да! Я здесь! Помогите мне, помогите, пожалуйста!

За стеной молчание. Гнетущая тишина.

– Эй! Вы слышите меня?

– Значит, тебя тоже похитили, – отвечают ей из-за стены. Голос женский, мягкий и с мадридским произношением, которое улавливается сквозь нескрываемое разочарование.

Радостное волнение Карлы сходит на нет. Получается, она сейчас говорит не со спасателем, пришедшим за ней, а с еще одной жертвой. К горлу вновь подкатывает слезный ком, и она проглатывает его с большим усилием.

– Как тебя зовут? – спрашивает она.

– Я... я не знаю, должна ли я тебе отвечать.

– Почему?

– Потому что я не знаю, кто ты.

В голосе женщины слышится сильный страх. И это, как ни странно, не пугает Карлу, а наоборот, вселяет в нее мужество.

– Меня зовут Карла, – говорит она и уже собирается сказать свою фамилию, но вовремя замолкает.

– А я Сандра, – отвечает женщина после долгого молчания.

– Сандра, ты знаешь, где мы?

– Нет.

Кажется, будто она вот-вот расплачется.

– Ты знаешь, кто нас похитил?

– Высокий мужчина. Он сел в мою машину. У него был нож.

- Он назвал свое имя?
- Эсекиэль. Он сказал, что его зовут Эсекиэль.
- Сандра, он что-то сделал с тобой?

И в этот момент она не выдерживает. В течение долгих минут слышится только приглушенное безутешное рыдание. Звук проходит через стену с большим трудом.

А вот тревога нет.

Тревога просачивается сквозь кирпичную стену, словно невесомая ядовитая дымка и оседает в легких Карлы. Потому что Карла понимает, чувствует нутром, что участь Сандры – это и ее собственная участь.

– Он тебе что-то сделал, да? – вновь спрашивает Карла, когда женщина немного успокаивается.

– Я не хочу об этом говорить.

А Карла хочет об этом говорить. Ей, наверно, никогда в жизни ни о чем так сильно не хотелось узнать, как о том, что похититель сделал с Сандрой.

Она нервно сглатывает. Не знает, как заставить ее говорить. Давить не нужно. В памяти внезапно всплывает образ преподавательницы по ведению деловых переговоров из Бромптона. Странная штука память. *Никогда не показывай, что тебе не терпится узнать какую-либо информацию, не иди на поводу у эмоций.* Мисс Рэйт. Та еще сучка, как же она прессовала. *Когда-нибудь эти знания смогут спасти тебе жизнь,* говорила она. Ну разумеется, только вот вспомнить бы их еще.

Отвлеки ее внимание. Смени тему. Немного походи вокруг да около и незаметно вернись к исходной точке.

– Чем ты занимаешься в жизни?

– Я водитель такси. В такси он и напал на меня, – отвечает Сандра. – А ты?

– Я работаю в магазине одежды. В сфере управления.

– Что за фирма?

Карла говорит название.

– У меня есть вещи из вашего магазина, – отвечает таксистка. – Я в основном покупаю на распродаже. Хотя не всегда бывает мой размер.

Еще бы, ведь секрет бизнеса кроется в том, что все вывешенные модели заканчиваются очень быстро, чтобы заставить покупательниц приходить в магазин каждые десять дней. Таков был план ее отца, гениальная идея, принесшая уйму денег.

– Я заходила на прошлой неделе, – продолжает Сандра. – Мне приглянулся один синий топ. С белыми цветами. Но он был очень дорогой

даже со скидкой.

Карла помнит его. Хит сезона. Хотя ей самой он не очень понравился.

– Сандра, когда мы выберемся отсюда, я лично пойду с тобой в один из наших магазинов и мы возьмем все, что ты захочешь.

– Ты сделаешь это для меня?

– Конечно.

– Если мы выберемся.

Они замолкают.

– Как это произошло?...

– Я возвращалась вечером с работы. Он остановил свой фургон рядом со мной и напал на меня. Помню, что он уколол меня в шею. Видимо, ввел снотворное. Я очнулась уже здесь. И с тех пор чувствую себя плохо.

– А что с тобой?

– Меня постоянно клонит в сон. Думаю, он что-то подсыпает мне в воду. У нее какой-то странный горьковатый привкус. Мне ужасно хочется спать, – говорит она, и ее голос и вправду становится все более вялым.

Карла тут же с тревогой нащупывает свою бутылку воды, опустошенную на две трети. Отвинчивает крышку и делает маленький глоток. Ни привкуса, ни запаха.

Что бы там ни было на уме у Эсекиэля, он явно обходится с ними по-разному.

– Ничего не пей.

– Очень жарко, и меня мучает жажда. И он сказал мне перед уходом, чтобы я выпила воду, а если...

– Перед уходом? Как это – перед уходом?

Куда он ушел? Он оставил их здесь одних? При одной мысли об этом становится жутко. С одной стороны, конечно, эта мысль приносит облегчение, но вместе с тем наполняет ее смутным ужасом. А если что-то случится? Вдруг с ним что-то произойдет, и тогда уже никто никогда не сможет их отыскать. Карла не может вообразить более ужасной смерти, чем в этой темноте, от голода и жажды. А без Эсекиэля они именно так и умрут. И Карле нужно знать, откуда Сандре известно, что Эсекиэль ушел.

Сандра не отвечает.

– Сандра. Слышишь меня? Не спи. Сандра.

– Я не могу.

Она уже едва ворочает языком.

– Откуда ты знаешь, что он ушел? Откуда ты знаешь, Сандра?

В ответ целую вечность длится молчание.

На секунду оно прерывается...

– Тут... тут есть отверстие.
...и воцаряется вновь.

– Она должна быть там, – говорит Антония спустя одиннадцать секунд после подъема на стену.

– Кто – она?

– Дорога. Среди деревьев.

– Ты в этой темноте можешь что-то разглядеть?

– Я могу разглядеть ее в своей голове. Помоги мне спуститься, я боюсь повернуться.

– Как? Мне тебя снять оттуда?

– Да, думаю, ты справишься.

– Детка, да я могу поднять за раз четверых таких, как ты.

*Или даже пятерых, думает Джон, обхватывая Антонию за талию и опуская со стены. Он же *аррихасоцайле*. А после его рекордного подъема трехсот килограммов, эта худенькая женщина, которой в пору камнями набивать карманы, чтобы ее не сдуло ветром, кажется просто перышком.*

– Я думал, тебе не нравится, когда до тебя дотрагиваются.

– Так и есть. Но если меня предупредить заранее, то еще терпимо.

Они возвращаются к машине, попрощавшись с охранником, который просит их только об одном: никому не говорить, что он оставил дверь будки открытой.

– Расслабься, – успокаивает его Джон. – Мы никому не скажем, могила!

– Поезжай вниз по дороге. И как можно медленнее, – говорит Антония, когда Джон садится за руль. – И включи фары дальнего света.

Ксеноновые фары «Ауди А8» – настолько яркие, что, направив их в небо, можно вызывать Бэтмена – превращают рассветный час в ясный день, в то время как Антония спускается по дороге впереди машины. Она идет, как всегда с сумкой через плечо, внимательно глядя вправо и передвигаясь крошечными шажочками, настолько крошечными, что Джону приходится постоянно жать на тормоз. Чтобы, чего доброго, не наехать на нее. В свою очередь «ауди», для которой такая старушечья прогулка противоестественна, все время возмущается, пытается вырваться вперед, и ее приходится сдерживать.

– А можно узнать, что мы ищем? – спрашивает Джон, высунув голову в окно машины.

Антония машет на него рукой, даже не повернувшись.

Спустя две минуты навигатор вновь сообщает ему о том, что цель достигнута.

– Мы доехали до того места, которое ты тогда указала, – говорит он, снова высунув голову.

Антония проходит еще десять метров, останавливается и наклоняется к растущим вдоль дороги кустарникам и бурьяну, на секунду скрывшись из вида. Затем вновь выпрямляется, что-то вытягивая из кустов.

Джон приподнимается с места и видит, что тянет она сами кусты, которые здесь, оказывается, вовсе не растут, а просто кем-то накиданы: по всей видимости, с нехорошими намерениями.

Антония жестом просит его подъехать. И Джон замечает, что «кусты» закрывали небольшую земляную дорожку между деревьями. Внезапно его внимание привлекает какой-то непонятный отблеск, и он выходит из машины.

– Кажется, я кое-что увидел, – говорит он своей напарнице.

Среди бурьяна спрятан блестящий предмет. Джон с трудом вытаскивает его из плотных спутанных зарослей. Когда предмет наконец оказывается в свете фар, Джон аж присвистывает.

– Кажется, я начинаю понимать, что тут произошло.

Антония ставит знак вертикально и снимает с него несколько листьев, прилипших к надписи: ОБЪЕЗД, ВЕДУТСЯ РАБОТЫ.

– Он совсем новый.

– Наверняка краденый.

– Необязательно. Такие можно и в интернете купить. Меньше чем за двадцать евро.

– А ты откуда знаешь такие вещи? – спрашивает Джон, с удивлением на нее покосившись.

– Просто я любознательна, вот и все.

– То есть ты утверждаешь, что кто угодно может купить дорожный знак и перекрыть дорогу, заплатив при этом меньше, чем за стейк с картошкой?

– Ты даже можешь добавить название муниципалитета, если захочешь, – говорит Антония, указывая на надпись в углу знака: МУНИЦИПАЛИТЕТ ЛАС-РОСАС.

– И у тебя при этом не спрашивают никаких документов?

– Нет, не спрашивают. Как наш друг сторож из Конного центра. Зачем тебе говорить, что ты из такого-то муниципалитета, если это не так?

Например затем, чтобы сбить кого-то с пути и похитить его, если

ты, допустим, психопат, думает Джон. Сколько же зла породил интернет. Мало того что любой долбанутый придурок может узнать через него наш адрес, наш телефон, наши привычки. Так еще и с легкостью достать необходимые орудия, чтобы совершить против нас преступление.

– Поезжай по этой дороге, посмотрим, куда она ведет.

Джон вновь садится за руль «ауди» и сворачивает на обнаруженную за кустами дорожку. Антония продолжает медленно идти перед машиной, внимательно глядя по сторонам. На этот раз Джона устраивает такая скорость: на пути у него сплошные колдобины и виражи. Через сорок-пятьдесят метров дорога становится шире. Деревья расступаются, образуя поляну метров двадцать в диаметре.

Антония останавливается. Что-то на земле привлекло ее внимание.

Джон выходит из машины и подходит ближе. На каменистой поверхности виднеется большое темное пятно, практически черное в свете занимающейся зари. Инспектору Гутьерресу даже не нужно ждать, пока Антония наклонится, возьмет горстку высохшей испачканной земли и поднесет ее к носу. Металлический запах ощущается и так.

Но Антония это делает в любом случае.

– Понюхай.

Джон отворачивает лицо.

– Не нужно. Это кровь, Антония.

– Много крови, – говорит она. – Уж не знаю, чья она, но у этого человека шансов не было.

– Вероятно, ножевое ранение в шею, – предполагает Джон, который уже видел такое раньше.

Однажды где-то в районе Лас-Кортес два нарика поспорили, кто кому должен пять евро, и подрались. Тот, кто в итоге победил, обеспечил себе билет в Басаури в один конец вместе с путевкой «все включено». А тот, кто проиграл, оставил на земле, около пруда с утками, темную лужу, очень похожую на эту.

– Посвети сюда, – просит Антония, показывая куда-то вперед.

Джон включает фонарик на телефоне и обнаруживает на земле следы. Они едва различимы, всего лишь еле заметные очертания в том месте, где почва менее камениста.

Через несколько метров следы теряются в кустах, отдаляясь от дороги и поляны.

Инспектор Гутьеррес расстегивает пиджак, открывая взгляду пистолет.

– Спрячься у меня за спиной. И будет лучше, если освещать дорогу будешь ты, – говорит он, протягивая Антонии телефон.

– Расслабься. Тот, кто это сделал, давным-давно ушел.

Джон всегда, с самого детства, инстинктивно стремился защищать других. Возможно, потому что он большой да и сердце у него большое. И вообще, черт возьми. Просто так уж есть, и все. И сейчас одной рукой он сует Антонии телефон, а другой слегка толкает ее назад.

– Сделай, как я прошу.

Антония берет телефон.

– Надо было нам попросить фонарик у сторожа.

Или взять с собой, думает Джон, у которого обычно фонарик под рукой. А сейчас его «Маглайт» лежит в машине – в той, что осталась в Бильбао в двух кварталах от комиссариата.

Когда они углубляются в лес по направлению следов, под ногами у них похрустывает хвоя, выдавая их присутствие.

И больше ни единого звука.

Джон ощущает странное покалывание в коже головы. С ним такое уже было пару раз. В тех случаях, когда ситуация не сулила ничего хорошего. Ему никогда в жизни не приходилось стрелять: на самом деле, мало кому из полицейских приходится хоть раз в жизни это делать. Однако были случаи, когда он вынужден был достать оружие. И всякий раз при этом он ощущал такие же электрические разряды: словно сотни насекомых перебегают с места на место по его черепу.

Он вынимает пистолет и опускает защелку предохранителя.

– Иди осторожно.

– Я тебе уже сказала, нам тут некого бояться. И уж во всяком случае, не его, – говорит Антония, светя телефонным фонариком влево.

На земле в круге света виднеется рука.

Бледно-серая кожа излучает призрачное сияние.

Они подходят ближе и обнаруживают тело Кармело Новoa Иглесиаса. Он лежит на спине среди кустов ладанника, на которых еще осталось несколько цветков. Застывшие глаза шофера обращены к верхушкам деревьев, словно вопрошая: почему, за что? Ответа нет. И на ресницах печально мерцают капли росы.

Губы Кармело застыли в предсмертной улыбке. И очертаниям страдальчески оскаленного рта вторит рана на шее.

– Кажется, ты мне должен сэндвич микст, – говорит Антония.

Джон, который, несмотря на долгие годы работы в полиции, продолжает ощущать тошноту от трупного зловония, изо всех сил сжимает зубы, чтобы его единственная приличная за последние два дня еда осталась внутри.

– Боюсь, подозрения Парры относительно виновности шофера не подтвердились, – говорит он, когда приходит в себя.

– Ну разве что он был сообщником этого Эсекиэля, и тот решил замести следы. Но это крайне маловероятно. Я ошиблась, Джон. Ты был прав. Нам следовало бы как можно скорее рассказать Парре о преступлении в Ла-Финке.

– Вот это да! Антония Скотт ошиблась. Ну все, приехали!

– Не дурачься. К тому же надо было выяснить...

Джон прерывает ее, подняв руку.

– Ты слышала?

Скрежет и глухое урчание. Звук заводящейся машины: его не спутаешь ни с чем. А затем грозный рев надрывающегося мотора, один раз, два раза. В бездонной тишине рассветного леса создается впечатление, будто этот звук раздается одновременно отовсюду и ниоткуда.

Оба в растерянности смотрят по сторонам.

– Что?...

И в этот момент зажигаются фары «порше» и происходят сразу три вещи.

Водитель отпускает тормоз, и машина, движимая пятьюстами лошадиными силами, несется прямо на Антонию Скотт, словно огромный черный хищник.

Ослепленная фарами Антония стоит как вкопанная. Ее ноги будто приросли к земле, и она никак не может сдвинуться с места. За те полторы – или, может, две – секунды, что требуются этой двухтонной машине, чтобы преодолеть расстояние до ее парализованного тела, Антония постигает принцип, который всегда ее завораживал. Почему олени и кролики не убегают от машины, которая движется прямо на них? Ответ на этот вопрос дает ее собственная нервная система. Такова естественная реакция тела млекопитающего, когда в темное время суток ему что-то угрожает и при этом он оказывается ослеплен: оставаться на месте. Для последней мысли перед смертью вполне неплохо.

И, наконец, третья: наплевав на свою физическую безопасность, в порыве безудержной храбрости инспектор Гутьеррес бросается на Антонию Скотт и летит вместе с ней на землю за миг до того, как бампер огромного элитного внедорожника врезался бы в нее на скорости пятьдесят километров в час, что было бы для нее равноценно падению с шестого этажа.

Жесть, что творится, думает Джон, все еще лежа на Антонии.

– Пусти, пусти! – кричит она, извиваясь под его телом словно

ящерица.

Джон вскакивает на ноги и хватает пистолет, не отрывая взгляда от огней «порше», виляющих между деревьями. Он принимает боевую стойку – ноги на ширине плеч, слегка согнуты в коленях, левая рука поддерживает правую – и выстреливает.

Пуля, которая должна была пробить заднее стекло, попадает в багажник. Джону не хватает практики. К тому же ему отнюдь не помогает то обстоятельство, что «порше», в который он целится, скачет по неровной почве, как шарик в лототроне.

Во второй раз выстрелить не удастся, потому что Антония заслоняет ему вид.

– Куда ты прешь, совсем рехнулась! Свали с дороги!

Антония не отвечает. И прет она в сторону машины.

Эта баба когда-нибудь меня убьет, думает Джон, догоняя ее. А иначе я ее убью.

Джону Гутьерресу погони на высокой скорости не нравятся.

И дело тут не в эстетике. Когда видишь такие сцены в кино, все просто волшебно. Ускоренный монтаж, постоянная смена плана, музыка, звук, переходящий из фронтальных колонок в тыловые для создания эффекта движения.

Что Джону не нравится в погонях на высокой скорости, так это роль штурмана.

Он едва успел добежать до машины, как Антония уже завела мотор и разворачивалась на пустыре. По инерции машина на секунду остановилась, и Джон воспользовался моментом, чтобы открыть дверь и запрыгнуть внутрь. А Антония тем временем уже ударила по газам.

– Можно узнать, какая муха тебя укусила? – спрашивает Джон, пристегивая ремень. – А если бы я случайно выстрелил в тебя?

Антония не отвечает. Она разогналась уже почти до девяноста километров в час и это на такой узкой дорожке, что рекомендованная скорость здесь, наверно, не должна превышать прогулочного шага пенсионера с корзинкой для пикника. Бампер сметает на пути кустарники. А Антония и бровью не ведеет.

У нее сейчас такое выражение лица, которое Джону уже знакомо. Стекланные глаза, стиснутые челюсти. Это означает, что ее мозг работает на максимуме и даже выходит за пределы своих возможностей. Ей приходится справляться одновременно с двумя сложными задачами, и она старается изо всех сил.

Максимальная скорость «Ауди А8» (225 км/ч).

Местоположение трупa.

Расстояние между деревьями.

Максимальная скорость «Порше Кайена Турбо» (ее она не знает и злится на себя за то, что не выяснила заранее).

Ножевое ранение в шею безоборонительных храннарукaх ятакнемогувсеодновременно...

Антония вновь чувствует удушье. А когда ведешь машину на такой скорости, это крайне нежелательно. И потому она решает сдаться. Опять.

Только в этот раз, и все. В последний раз.

– Тебе Ментор что-то передал для меня? – спрашивает она, протягивая

руку.

Джон сначала даже не понимает, что она имеет в виду: его полностью поглотила езда. Он показывает вперед.

– Осторожно!

Еще один вираж, и они уже почти на проселочной дороге, соединяющей Конный центр с автострадой. Антония выкручивает руль, изо всех сил пытаясь избежать заноса машины. «Ауди» удается выехать на прямую дорогу с минимальными потерями: всего-то вмятина на задней двери, оставленная деревом, слегка помогшим им притормозить на повороте.

«Порше» и след простыл. Все-таки это внедорожник, хоть и липовый. На таких участках у него явное преимущество.

– Тебе Ментор что-то передал для меня? – настаивает она, хлопая Джона по плечу.

Джон наконец понимает, о чем она. Он тут же ощупывает карманы, мысленно молясь о том, чтобы металлическая коробочка не оказалась потерянной. В конце концов он находит ее в кармане жилета. Там, где он должен был носить часы, которые отец так ему и не подарил.

Он открывает коробочку. Внутри два отделения.

– Которую?

– Красную, – отвечает она, протягивая ладонь. – Давай.

Джон дает ей капсулу.

Она кладет ее в рот. Джон видит, с какой сноровкой она раскусывает и кладет капсулу под язык: явно не в первый раз это делает. Он уже раньше наблюдал такую отточенность жестов у тощих людей с коричневыми зубами и истонченными венами.

– Подержи руль, – приказывает она.

И закрывает глаза. Она закрывает глаза, не отпуская при этом педаль газа!

– Да ты убьешь нас! – кричит Джон, отстегивая ремень безопасности и хватаясь за руль. Хорошо еще, что дорога прямая, но на такой скорости и на такой неровной почве может произойти все, что угодно.

Его помощь в управлении машиной длится ровно десять секунд. Это понятно заранее, поскольку Антония тихонько отсчитывает секунды, практически нашептывая их на ухо нависшему над ней Джону. До ноля она не доходит (это была бы одиннадцатая секунда). Она просто говорит:

– Всё.

И снова берется за руль.

Джон возвращается на свое пассажирское сиденье и принимается

судорожно искать ремень безопасности. И лишь пристегнувшись вновь, он поворачивается к Антонии, готовый обругать ее на чем свет стоит. Но тут же осекается. Что-то в ней изменилось. Она выпрямилась, расправила плечи. Глаза уже не стеклянные: теперь они скорее напоминают два лазерных луча.

– Ты рехнулась. Ты реально чокнутая, – говорит Джон.

– Надеюсь, ты не будешь возражать, если я разгонюсь до двухсот, – передразнивает она его и ударяет по рычагу, чтобы активировать ручной режим, а затем слегка тянет подрулевой лепесток, переключая передачу. Пока что скорость только сто, вдвое больше допустимого. Колеса «ауди» не предназначены для земляных дорог.

Черт возьми, когда я спрашивал, нравятся ли ей машины, я такое и вообразить не мог.

Неасфальтированный отрезок пути заканчивается через двести метров. И уже у самого выезда на трассу... Поглядите-ка, а вот и подозреваемый. Ну или, может, конечно, кто-то другой мчится на высокой скорости в черном «Порше Кайен Турбо» по пустынной дороге.

Антония вжимает педаль газа в пол: теперь-то ее цель видна.

– Мне нужно, – говорит она Джону абсолютно спокойным голосом, – чтобы ты посмотрел в интернете, какая максимальная скорость у его машины.

– Ты хочешь, чтобы я сейчас что-то набирал на телефоне? – спрашивает Джон, держась при этом обеими руками за потолочную ручку.

– А ты что, хочешь прожить сто лет?

– Ну вообще-то да, планирую.

– Спроси у Сири, – говорит Антония, понижая передачу, чтобы свернуть на трассу и при этом не опрокинуться.

Хоть и без особой уверенности, Джон отпускает одну руку и нажимает на боковую кнопку своего телефона.

– Сири, как быстро едет «Порше Кайен»?

Немного подумав, Сири очень вежливо отвечает:

Вот что мне удалось найти в интернете по запросу «как быстро, если больше колес».

Джон решает, что Сири, видимо, не понимает его баскского акцента, и ему ничего другого не остается, кроме как набирать вопрос вручную.

– До 286 километров в час, – говорит Джон.

Антония плотно сжимает губы. Отчасти из-за херовой новости о том, что машина, за которой они гонятся, может за час оторваться от них на шестьдесят километров; отчасти просто от предельной сосредоточенности

на вождении. Сейчас все ее мысли и чувства сконцентрированы на одной-единственной задаче: двигать эту машинищу вперед. Как только шины касаются асфальта, она тут же забывает обо всех мерах предосторожности. Впрочем, она и раньше о них не слишком-то вспоминала.

– Держись крепче, – говорит она Джону.

– Куда уж крепче, – отвечает Джон, у которого уже костяшки пальцев побелели от напряжения.

Хорошо, что ручки припаяны к шасси.

– Позвони Ментору, – говорит Антония, – скажи ему, что подозреваемый едет по трассе А-6 в северном направлении.

Движение на дороге пока не очень плотное. Еще нет семи утра, но уже рассвело. Поэтому Антония разгоняется до ста шестидесяти и начинает обгонять машины, слева и справа, словно здравый смысл и законы физики не имеют к ней никакого отношения. Спустя две минуты вдалеке вновь виднеется «порше». Едва не упустили.

– Он сворачивает! – кричит Джон.

– Съезд на М-50.

Еще секунда, и они потеряли бы его из вида. Антония сильнее давит на газ. Она знает эту дорогу. На ней гораздо менее плотное движение и полно ответвлений. Если она сейчас не сократит дистанцию и они вновь потеряют его из вида, значит, все пропало.

Ей приходится ждать пять нескончаемых секунд, пока несколько машин перед ней выезжают на съезд. Огромной «ауди» тут нет места для обгона. Лишь когда последняя машина наконец сворачивает с трассы (черепашьим темпом), Антония обгоняет ее справа. Сзади доносится гудок клаксона и, надо полагать, всевозможные ругательства, на которые ей, впрочем, наплевать.

– Быстрее, быстрее.

Впереди длинный прямой участок. Антония перестраивается в левый ряд и разгоняется до двухсот. Педаль газа вжата в пол, двигатель работает практически на пределе. Постепенно она прибавляет скорости, и «порше» становится все ближе и ближе. Сто метров, восемьдесят. Шестьдесят метров.

– Осторожно!

Другая машина, «Фольксваген-Пассат», обгоняет «фиат». Антония дожидается, пока он завершит обгон, и встраивается между «пассатом» и «фиатом». От заднего бампера «ауди» до «фиата» меньше тридцати сантиметров – тот теряет устойчивость от резкого потока воздуха и что есть мочи тормозит. Не мешкая ни секунды, Антония оставляет позади и

«пассат», водитель которого также жмет на тормоз.

Джон что-то цедит сквозь зубы.

– Что ты говоришь?

– Тебе ничего. Я молюсь Святому Христофору, покровителю водителей, чтобы он позволил мне вернуться в Бинго Аризона.

– Что ж, мало ли поможет.

Еще один обгон. Последний.

«Порше» впереди меньше чем в сорока метрах, и дорога свободна.

– Должно быть, он нас увидел.

– Черт возьми, конечно, он нас увидел! Мы несемся двести с лишним, и он не замедляет ход.

Двигатель «ауди» уже совсем на грани, но благодаря воздушному мешку, образуемому позади огромного внедорожника, ей почти удается догнать его. Машины уже мчатся практически вплотную друг за другом.

Если он сейчас затормозит, нам конец, думает Джон. Сердце выстукивает в груди, словно танцовщик фламенко на дне рождения у наркодилера.

– Скажи мне, есть ли кто-нибудь с твоей стороны, – говорит Антония.

– Свободно!

Четким движением вывернув руль, Антония выезжает из воздушного мешка «порше» и вырывается вперед, пытаясь ехать с ним бок о бок. На нее тут же обрушивается порыв ветра, «ауди» замедляет ход, и Антония изо всех сил старается не отстать от более мощного внедорожника.

Еще несколько сантиметров. Она что есть мочи жмет на педаль. Ее нога настолько напряжена, что у нее чуть не сводит икроножную мышцу.

– Телефон, Джон! Сфотографируй его, когда мы с ним поравняемся!

Джон борется с блокировкой экрана и с приложением для камеры.

Еще одно усилие.

Машины уже на одной линии. И они видят Эсекиэля. Он высокий (или, возможно, так только кажется из-за внедорожника). Сильные руки. Напряженный взгляд, глаза, полные ненависти, в прорезях черной маски. И третий глаз – дуло пистолета, нацеленное на Антонию.

Первое, что спасает им жизнь, – это крик Джона.

– Тормози, тормози!

Пуля разбивает вдребезги окно «порше» и улетает в никуда. На их пути, метрах в двухстах, едет четырехосный грузовик. Антония вовремя отпускает педаль газа и осторожно переносит вес на тормоз, чтобы вновь оказаться позади «порше». Но Эсекиэль на этот раз не позволяет ей использовать воздушный мешок, чтобы двигаться быстрее, и сам в свою

очередь выворачивает руль. Он перекрывает Антонию путь, и ей приходится резко тормозить, чтобы не врезаться в «порше». И тут она видит, что грузовик уже совсем рядом.

Антонии нужно сделать выбор: либо врезаться в барьерное ограждение, либо впечататься в тридцатитонную махину.

И выбор она делает правильный.

На такой скорости «ауди» пробивает цинковый сплав, словно прорывает лист бумаги. Второе, что спасает им жизнь, это то, что здесь нет обрыва, и плавный спуск – по воле какого-то благожелательного божества – практически совпадает с траекторией, проделанной машиной в воздухе. Колеса, соприкоснувшись с землей, не лопаются, и инерция решает пощадить машину в течение метров пятидесяти, пока наконец не спохватывается, что вообще-то той следовало бы перекувырнуться парутройку раз. И когда левое переднее колесо все-таки отлетает, получается, что силы трения и притяжения уже позаботились об относительно мягком финише, и машина просто опрокидывается на водительскую дверь и протаскивается последние метры на боку, до полной остановки посреди пустынного поля.

Перевернутый на 90 градусов Джон сейчас тут же бы себя ощупал, чтобы удостовериться, что руки-ноги целы, если бы только он не был сдавлен со всех сторон целой кучей подушек безопасности. Фронтальной, центральной, головной и коленной. Спустя полминуты, когда подушки уже начинают немного сдуваться, ему удастся высвободиться и отстегнуть ремень. Он зовет Антонию, но та не отвечает. Тогда он принимается колотить по центральной подушке, отделяющей их друг от друга (все-таки машина стоит этих ста тысяч евро) до тех пор, пока ему не удастся увидеть ее лицо. У Антонию закрыты глаза, а из носа бежит тоненькая струйка крови и стекает по щеке.

Нет. Нет.

Джон тут же пытается нащупать пульс у нее на шее. Из-за нервного напряжения у него это получается не сразу. Но едва почувствовав биение, он сразу с облегчением выдыхает. Пульс нормальный, ровный. Видимо, она просто отключилась от сильного удара в лицо подушкой безопасности.

– Я тебе говорила меня не трогать, – бормочет она.

Ну точно все в порядке: она уже переходит из спящего режима в свой обычный бесящий.

– А я тебе говорил, что не надо нас убивать своим безумным вождением.

– Нет, такого ты не говорил, – удивляется она, как обычно, поняв его

слова буквально.

– Просто это необходимое условие для сосуществования.

Джон выбирается из машины (мир вокруг внезапно кажется таким медленным, почти неподвижным, а земля под ногами такой надежной, такой твердой) и помогает выбраться Антонии.

– Что ж, мы его упустили.

– Похоже на то, – говорит Антония, пытаясь поддать ногой ближайший камень.

Но головокружение еще не прошло, и она промахивается.

Эсекиэль

Когда он возвращается в свое убежище, в легких у него огонь, а в желудке аккумуляторная кислота.

Какой же я идиот, идиот, идиот.

Вторую ошибку он допустил практически сразу после первой. И из-за этой второй ошибки все могло бы пойти прахом. Вообще все. Из-за его небрежности.

Просто потому что он не подумал об одной существенной детали.

Ему было сложно орудовать ножом в перчатках, и он их снял. А когда эта женщина выскочила из машины, он на секунду потерял равновесие и оперся рукой об оконное стекло. Про себя он тут же подумал, что надо будет протереть окно тряпкой, стереть свои отпечатки, но затем из-за стресса и увлекательного преследования об этом забыл. Охота на нее посреди леса оказалась сложнее, чем он ожидал, и принесла ему животное, первобытное и греховное удовлетворение, хоть он в итоге ее даже не ранил. Живой она ему нужнее, гораздо нужнее.

Поэтому он и пошел на такой риск, чтобы взять ее в плен.

Идиот, идиот. Чуть все не испортил.

Он бы предпочел заняться этой женщиной позднее, не сразу же после первой своей работы. Первой главы произведения. Поймать того мальчишку труда не составило.

Эсекиэль похитил его, не причиняя ему боли, и обращался с ним гуманно. Мальчишка кричал громче, чем эта женщина, и пришлось заткнуть ему рот кляпом, это так, но что было делать, раз он так испугался. Когда истек срок, данный его матери, и пришел неизбежный конец, Эсекиэль говорил с ним ласковым голосом и расслабил его с помощью транквилизаторов. Мальчик не страдал больше, чем было необходимо.

Ведь по сути я хороший человек.

Это была долгая кропотливая работа. И заключительная часть, когда он передал свое произведение в распоряжение родителей мальчика, была самой сложной. Он бы предпочел немного отдохнуть, прежде чем переходить к следующей главе. Но ему подвернулась хорошая возможность похитить эту женщину, и он не мог упустить свой шанс. Ведь она в списке среди самых первых.

И эта ошибка, глупейшая ошибка, которая чуть было все не погубила.

Пытаясь успокоиться, он садится за свою тетрадь и начинает писать.

Отец всегда говорил: не нашлось гвоздя – потерялась подкова, потерялась подкова – оступилась лошадь, оступилась лошадь – свалился всадник, свалился всадник – битва проиграна...

Нет, он не может. Не может сосредоточиться. Он вырывает из тетради лист и вопреки обычаю не сжигает его, а швыряет в сторону липкой сырой стены. Затем закрывает тетрадь, аккуратно кладет на нее карандаш. И тут его захлестывает волна ярости, и он сметает все со стола. Пепельница вдребезги разбивается об пол.

Ему срочно нужно выпустить пар. Прямо сейчас. Одними тетрадными записями тут не обойтись. Он напишет обо всем потом, но сначала ему нужно получить желаемое.

Сейчас ему может помочь только одно.

Он встает из-за стола, проходит по коридору, перешагивая через разбросанные по полу ржавые обломки, и останавливается напротив ниши, в которой он держит эту женщину.

Он слышит сквозь дверь ее прерывистое дыхание. Подносит руку к веревке, поднимающей тяжелую металлическую пластину. Поглаживает ее (он обрезал и привязывал эту веревку с таким старанием). Достаточно слегка потянуть, и дверь откроется. Это так просто.

Нет. Не с ней.

И он идет дальше, до самого конца коридора, чтобы получить то, что ему нужно.

Карла

По ту сторону стены слышатся приглушенные звуки. Жуткие звуки.

И в ее воображении рисуется вполне конкретная сцена.

Карла знает, что по идее она должна кричать, протестовать, защищать Сандру. Сделать хоть что-то, пусть даже просто стучать в стенку. Она знает

это так же четко, как и то, что в испанском языке существует двадцать четыре названия для определения лошадиных мастей. Только вот оба знания сейчас абсолютно бесполезны.

Звуки не затихают. Просачиваются сквозь стену и наполняют ее душу страхом и стыдом.

Карла так больше не может.

Она затыкает уши и начинает тихонько перечислять:

– Гнедая. Чубарая. Караковая. Чалая. Буланая...

В паузах все еще слышатся звуки. Ужасные звуки.

И Карла начинает перечислять быстрее.

Ментор приезжает через полчаса, и настроение у него не очень. Джон и Антония ждут его в фургоне Гражданской гвардии.

– Да уж, Скотт. После Валенсии ты мне такие не разбивала, – говорит он, указывая на опрокинутую «ауди». – Неслабая царапинка.

– А ты не видел, что вытворял этот Эсекиэль, – говорит она.

– Не видел и знать ничего не хочу, – раздраженно отвечает Ментор. – Раз уж ты тут устроила черт знает что, то хоть сделала бы милость – задержала бы подозреваемого.

– Его машина была лучше, – пожимает плечами Антония. – Можно нам тоже «кайен»?

– А я бы не возражал, если бы нас расковали, – говорит Джон, показывая руки, сцепленные за спиной наручниками.

Удостоверения Антонии и Джона никого не убедили. Как только полицейские из Гражданской гвардии появились на месте аварии (притащились на «приусе»), на них тут же нацепили наручники, заставили их сделать тест на алкоголь и наркотики, и когда оба теста оказались отрицательными, им уже собирались вызывать психиатра. При этом им без конца повторяли, что это просто чудо, что они остались в живых.

– Вы видели мой нос? – сказала Антония.

Ее нос весь распух, и в обе ноздри ей вложили вату.

– Да он даже не сломан. По логике вещей, вы вообще сейчас должны быть мертвы.

Вероятно, Ментор в этом случае рассердился бы меньше.

– Вы хоть знаете, во сколько мне обойдется этот прокол? – говорит он им.

Антония смотрит в сторону. У Джона болит все тело, он безумно устал, ему хочется только поесть и поспать, и он даже не знает, то ли ему придушить Антонию, то ли попытаться ее защитить. В итоге выбирает второе.

– Зато Антония нашла труп шофера.

– О да, ваш друг капитан Парра сейчас как раз на месте преступления, которое вы обнаружили. Перед тем как все испортить.

– Парра, должно быть, не очень доволен, – говорит Джон, пытаясь скрыть улыбку.

– А как вы думаете, инспектор? Вы ведь не просто разрушили его теорию, испортили место преступления, действуя в одиночку, никого не предупредив; вы не просто позволили подозреваемому улизнуть... вы еще и выставили Парру полным придурком.

– Ну для этого особых усилий не требуется.

Ментор качает головой.

– А еще эта погоня по автостраде, на скорости двести с лишним километров в час на виду у сотен людей. И пресса, конечно, уже тут как тут. По представленной нами версии это была «незаконная гонка, которая по счастливому стечению обстоятельств закончилась без жертв».

– Ты видел мой нос? – говорит Антония.

– Да он даже не сломан. Инспектор, мне хотелось бы переговорить с вами с глазу на глаз.

Джон поворачивается к Ментору спиной, чтобы тот снял с него наручники, и затем они оба отходят в сторону разбитой машины.

– Честно говоря, я ожидал от вас гораздо большего, – говорит Ментор, когда они удаляются на достаточное расстояние от Антонии.

– Если бы я получал один евро каждый раз, когда кто-то мне говорит эту фразу...

– Предполагалось, что вы будете защищать Скотт.

– Даже от нее самой?

– Особенно от нее самой.

Джон опускает голову. Что правда, то правда. У него, конечно, есть куча оправданий, но факт – он мог бы справиться с ситуацией гораздо лучше.

– Это непросто.

– Я знаю.

Ментор достает из кармана пиджака упаковку «Мальборо». Вытаскивает из пачки сигарету и пару раз постукивает фильтром по фотографии, напечатанной для устрашения курильщиков. Изображенный на снимке напоминает зомби из «Ходячих мертвецов».

– Вы разве не бросили?

– Не доставайте меня, инспектор. Мне и так тошно.

Разбитая машина, словно умирающий зверь, подставляет брюхо утреннему солнцу. Джон хлопывает ладонью по колесу.

– Никогда в жизни мне не было так страшно.

– Не надо было позволять ей садиться за руль.

– Да эта засранка охренеть как водит.

– Да. Это так, – говорит Ментор. – Если бы у Эсекиэля была не такая мощная машина, он бы сейчас сидел в наручниках в отделении полиции и выкладывал бы местоположение Карлы Ортис.

– Что ж, получилось по-другому. И что теперь?

Ментор щелкает зажигалкой Zippo Iron Maiden и закуривает. Джон удивленно поднимает брови. Вот уж он не думал, что Ментор поклонник Брюса Дикинсона.

Скорее уж, какого-нибудь чопорного камерного квартета.

– Теперь... теперь дело Карлы Ортис для нас закрыто.

– Что, простите?

– У меня нет выбора. Парра из милости согласился принять вас в качестве наблюдателей. И не далее как десять минут назад он заявил мне, что если хоть когда-нибудь увидит вас вновь, то отрежет вам яйца.

– Эти гетеросексуалы просто помешаны на яйцах.

– Проблема в том, что он хочет донести на вас в Отдел внутренних расследований.

Джон аж побледнел. Ни один его коллега никогда, ни при каких обстоятельствах не угрожает другому доносом в Отдел внутренних расследований. Это ничем не примечательное здание на улице Сеа Бермудес, где обитают те, кто охотится на недобросовестных полицейских, – последнее место, которое ему хотелось бы посетить. Работающих там людей презирают и ненавидят остальные семьдесят тысяч сотрудников полиции по всей Испании. Но если кто-то и может внушить еще большее презрение, чем они, так это полицейский, доносящий на своего коллегу.

За долгие годы работы в полиции Джон с чем только не сталкивался, но только не с подобной угрозой. Черт возьми.

– Не может быть, он это не серьезно.

– Серьезнее некуда. У этого Парры есть власть и признание. И в его руках дело о похищении Карлы Ортис – это бомба замедленного действия.

– А со стороны он кажется таким скромняжкой.

– Я бы предпочел, чтобы поисками Ортис занялись вы, но теперь это невозможно. Ведь проект «Красная Королева» как бы сам по себе не существует. И сейчас дело Ортис в руках Парры и ОБПВ.

– Не думаю, что она спокойно это воспримет, – говорит Джон, кивая в сторону Антони. Та по-прежнему сидит в фургоне и не сводит с них глаз.

– А почему, как вы думаете, я захотел поговорить с вами наедине? Она прекрасно знает, что именно я вам сейчас объясняю. – Ментор гасит

сигарету и поворачивается к Антонии спиной. – Кстати, она и по губам умеет читать. Не знаю, достаточно ли мы от нее далеко, думаю, что да, но на всякий случай отвернитесь.

Джон подчиняется.

– У моего отца был пес, – продолжает Ментор. – Его звали Сэм – чудесный боксер. Добрый и милый. Какие-то друзья однажды подарили отцу хамон, и отец попросил меня отнести его к мяснику, чтобы тот извлек из него кости и нарезал ломтиками. Я как-то не подумал и, вернувшись, оставил кости на столешнице. Собака их стащила.

Невозмутимым жестом Ментор зажигает еще одну сигарету и продолжает:

– Почти три часа мы не могли зайти на кухню. Сэм стал совершенно бешеным, ярым собственником, ни за что не хотел отдавать кость и огрызался на всякого, кто к нему приближался. Пока полностью все не сожрал – не успокоился. А кто же станет приставать к зверю, сжимающему челюсти с давлением двести килограммов на квадратный сантиметр?

– Ваш отец решил его усыпить?

– На следующий день. Он велел мне самому отвести Сэма к ветеринару. *Ты лопухнулся, сам теперь и расхлебывай*, сказал он тогда. Отец был не слишком-то деликатным человеком. Я плакал всю дорогу до ветеринара. А собака была чертовски довольна. Несмотря на жуткую диарею.

Джон задумчиво кивает. Он уже понимает, к чему ведет Ментор.

– Я оставлю Антонию в стороне от дела Карлы Ортис.

– Нет, вы этого не сделаете. Вы просто не сможете это сделать, так же как я не смог убедить Сэма отпустить кость от хамона.

– Значит, вам придется ее усыпить.

– Она ни за что не разомкнет челюсти и не уступит, но ведь она может грызть и другую кость. С Ортис все, но вы оба можете продолжать расследовать дело Альваро Труэбы. Оба пути в конечном итоге ведут к одной цели. Просто держите ее в стороне от Парры и его людей, договорились?

Бруно

Было же время, когда профессия журналиста что-то значила.

Бруно Лехаррета любит иногда говорить подобные фразы. Например, когда появляется стажер, который настолько глуп, что готов благоговеть

перед шестидесятитрехлетним репортером, провозгласившим сам себя живой легендой редакции *Эль Коррео де Бильбао*. Эти его жилеты, черные футболки, кольца (даже на большом пальце), джинсы и сапоги; его морщины и черные, собранные в хвост волосы (он красит их, не желая мириться с возрастом) – таков образ Бруно, который всегда был гуру старого мира для безбородых восторженных юнцов, впервые входящих в здание редакции.

Правда, сегодня таких уже не осталось. Сегодня все уважают только ютуберов, и для всех важно лишь число подписчиков в «Твиттере» и «Инстаграме» да количество просмотров статьи. *«Десять вещей, которые ты должен знать о [Вставьте имя какой-нибудь мертвой знаменитости]»*. И дальше идут десять страниц текста, чтобы ты все нажимал, нажимал и газета все увеличивала количество просмотров и продолжала петь рекламщикам свою старую песню. Мы интересны людям, нас все еще читают. Подайте милостыню!

Так было не всегда, вспоминает он, кладя ноги на стол. Он может так делать, потому что в редакции пока никого нет: на работу теперь так рано не приходят. Если вообще приходят с этой модой на удаленку. Только он один по-прежнему тут, да ему и делать-то больше нечего. Десять утра. Когда он был молод, в это время редакторы уже стучали по клавишам как сумасшедшие, сотрудники архива искали фотографии, фотографы сновали туда-сюда по редакции, клали бобины фото пленки в пневматические трубы. Эпоха бумаги. Восьмидесятые, девяностые. Лучшее время. Время лучших.

Тогда работать журналистом было обалденно. Тебя звали полицейские, звали политики, ты был там, где что-то происходило. В трудные годы военного конфликта он едва всюду успевал. Бруно представляет, как бы сегодня освещали в стиле *миллениалов* новости той поры: *«Хочешь узнать, сколько человек убила последняя бомба ЭТА^[22]? Ответ тебя удивит!»*

Сегодня газеты никому не интересны. А в газетах никому не интересно читать о происшествиях. Все происшествия свалили на страницы газет и отставили в сторону, как ненужную китайскую вазу или бывшего председателя правительства. Нет, новости о происшествиях не интересны никому. Что сегодня интересно, так это хлесткое замечание Переса-Реверте^[23] какому-нибудь политику. Ну или если какая-нибудь женщина станет жертвой гендерного насилия, это тоже привлечет немного внимания.

Но только лишь потому, что сегодня пошла мода на обвинения в подобных преступлениях. Раньше мы бы о таком даже на двадцать

седьмой странице заметку не написали. А преступлений было столько же или даже больше.

Газете хотелось бы, чтобы Бруно Лехаррета из нее ушел. Но Бруно Лехаррета уходить вовсе не желает, и он так прямо газете и заявил.

«Мне больше нечем заняться», – сказал он.

«Тебе наверняка хотелось бы посвящать больше времени себе, наслаждаться досугом на пенсии», – вежливо ответили ему. (У Бруно контракт прежнего образца, заключенный еще до рабских времен.)

«Если я уйду сейчас, у меня будет совсем жалкая пенсия, – сказал он. – Так что выплачивайте мне тогда компенсацию».

Газета ничего не выплатила, потому что выплачивать пришлось бы шестизначную сумму. Так что он продолжает получать свои три тысячи евро в месяц, самую высокую зарплату после директорской, чтобы, откровенно говоря, штаны просиживать. Остается лишь ждать и смотреть, который из динозавров умрет первым: печатная журналистика или Бруно Лехаррета. Бруно практически не пьет, совсем не курит и уж тем более не ходит по женщинам – для этого он слишком любит и уважает свою жену. Нет у него и детей, которые могли бы спровоцировать инфаркт или язву. Так что вероятность того, что он пересидит печатную журналистику, пятьдесят на пятьдесят.

И тем не менее Бруно мечтает найти себе какое-нибудь занятие. Совершить последнюю прогулку верхом на лошади навстречу горизонту – сказал бы он, если бы ему нравились вестерны. Но вестерны ему не нравятся, а нравится ему лишь запах типографской краски первого экземпляра, отпечатанного в час ночи; газета, которая оставляет на руках черные следы, а заголовком первой полосы обязательно отправляет кого-нибудь в нокаут. Кого-нибудь, кому не придется по душе написанное. Все прочее – не более, чем пиар.

Но ему больше не представится возможность написать о происшествиях.

Так он думал тридцать четыре секунды назад.

До того момента, как он случайно бросил рассеянный взгляд в телевизор, Бруно Лехаррета был списанным со счетов стариком, встречающим очередной унылый день. И вдруг он увидел репортаж в утреннем выпуске новостей:

«...незаконная гонка, которая по счастливому стечению обстоятельств закончилась без жертв. Впечатляющая авария на окраине Мадрида...»

Бруно не слишком обращает внимание на то, что говорит ведущая. Ему гораздо важнее то, что он *видит*. А видит он инспектора Гутьерреса

собственной персоной рядом с машиной. Его снимали издали, и от сильного зуммирования изображение дрожит, как застройщик перед следственной комиссией. Но это точно он. В своем элегантном костюмчике. Крепкого телосложения. Не то чтобы толстый.

Нюх Бруно Лехарреты мгновенно обостряется, мышцы лица напрягаются.

Последняя новость об инспекторе Гутьерресе была связана с его неправомерными действиями, из-за которых он оказался под следствием. Видео, на котором он подкладывал героин в багажник сутенеру, стало вирусным (Боже, какое дурацкое словечко), и это за одну только ночь, а затем раз – и испарилось. Как по волшебству.

Бруно знаком с Гутьерресом, к несчастью для обоих. Они друг друга на дух не переносят, с тех пор как однажды перекинулись парой слов по поводу одной новости, которую Бруно хотел напечатать вопреки желанию инспектора Гутьерреса. *Полицейская фашистская псина он, этот Гутьеррес.* Да и вообще: между ними глубинная неприязнь. Бруно на него зуб держит. И как же он обрадовался, когда инспектор Гутьеррес облажался по-крупному. Бруно сам, собственноручно, подготовил новость про сутенерский багажник, и делал он это с тем нездоровым удовольствием, которое подчас испытываешь, забивая гвоздь в крышку чужого гроба. Ведь забить гвоздь в крышку собственного вряд ли получится.

Все, на что мог и должен был рассчитывать инспектор Гутьеррес, – так это на кабинетную работу до самой пенсии. Как и сам Бруно.

Что-то тут не так.

Тридцать четыре секунды назад Бруно Лехаррета был скучным и занудным старикашкой. Но сейчас он что-то почуял в воздухе. Он пока не знает, что именно делает инспектор Гутьеррес в Мадриде и как он связан с аварией, но обязательно это выяснит.

Он тут же звонит жене (именно звонит, как настоящий мужчина, а не отправляет писульки по «Ватсапу»), чтобы сообщить, что на какое-то время ему придется уехать; затем проверяет, лежат ли в кармане куртки ключи от машины, и смотрит на часы. Если нигде не задерживаться, к обеденному времени он будет в Мадриде.

Ну, разумеется, сделаю остановку в Сантучу^[24]. Важную остановку, думает он. И улыбается. Злорадной улыбкой.

Он уходит, ни с кем не попрощавшись, потому что никто так и не пришел и прощаться не с кем. Отпрашиваться он тоже не стал. Да и вряд ли кто-то заметит его отсутствие.

Ближе к вечеру, после нескольких часов долгожданного сна, Джон и Антония встречаются в «Бокабло», кафе гостиницы «Де-лас-Летрас», в которой Ментор снял номер для Гутьерреса. Любопытное место на углу с улицей Гран-Виа^[25]. Окна до пола. Повсюду разложены книги. Посетители к ним и не притрагиваются, зато красиво.

– Мы больше не будем заниматься делом Ортис, – говорит Джон. И все ей рассказывает.

Антония не согласна.

– Прямо сейчас где-то, в какой-то вонючей дыре, сидит взаперти женщина. В подвале, на каком-нибудь складе или в комнате, оклеенной яичными лотками.

– А я думал, яичные лотки не годятся для звукоизоляции.

– А сумасшедшие видели такое в фильмах. И она там одна. Без семьи, без друзей. Не имея даже возможности обнять в последний раз своего сына. Может, ее связали, может, ранили или того хуже. А этот... этот человек... этот Парра.

Она замолкает, потому что ей вновь открывается универсальная истина, которую она забывает каждый вечер, ложась спать. Миром управляют середняки, эгоисты и идиоты. И по большей части – последние. Что же касается капитана Парры, он представляет собой весьма интересное сочетание всех трех характеристик.

Джон неожиданно для себя его защищает:

– Он просто делает свою работу.

И тут же себя за это ненавидит, но, с другой стороны, Антония ведь должна понять, что правила игры изменились.

– Его работу сделали мы. У них в отделе восемь полицейских. Восемь. В их распоряжении базы данных, машины с мигалками, оружие, группа поддержки. Но думать они не умеют.

Она вновь осекается. Ей все равно не удастся выговорить из себя всю горечь, ведь с человеческой глупостью ничего не поделаешь. С глупостью можно справиться только двумя способами: либо принять ее, либо покончить с собой. И о втором способе у Антонии сегодня не было времени подумать. Потому что она преследовала подозреваемого.

– Неважно, – говорит она, и ее голос вновь обретает привычное ледяное спокойствие. – Мы найдем Карлу Ортис. И не потому, что она дочь миллиардера. А просто потому, что она женщина, которая хочет обнять сына и не может этого сделать.

Джон улыбается в ответ на такое наивное и в то же время бесспорное утверждение. Ведь наивность не означает ошибочность, как и наоборот. Решимость исходит от Антонии, как жар от печи.

Ох уж этот огонь.

– Мы ее найдем. Но мы будем действовать с умом, осторожно. А не как слоны в посудной лавке.

И хотя ответить ей хочется совсем другое, она все же смиряется:

– Хорошо.

Потому что, в конце концов, ее работа – это череда уловок. Ты ведь не можешь сказать другим, что ты их умнее.

– Кстати, а что это за таблетки ты принимаешь? – спрашивает Джон как бы невзначай. Потому что эта тема его очень волнует.

– Что там за состав, я не знаю, – врет Антония.

– Ну ладно, но хоть какой от них эффект?

– В важные моменты они помогают мне фильтровать избыток внешних стимулов. Они как бы тормозят меня.

– И тебе это нужно? Ты что, наркоша?

Антония игнорирует его оскорбление. Потому что вопрос слишком важный. По сути, самый важный.

– Хочется верить, что нет. Но бывает по-всякому.

Джон никак это не комментирует. Он не привык осуждать других. У него и самого есть зависимости, от которых он упорно пытается избавиться. Вот, например, он постоянно влюбляется. Каждый продвигается по жизни как может. Главное, чтобы это не стало препятствием на жизненном пути.

– Главное, чтобы это не стало препятствием на твоем жизненном пути, – говорит он. – Чтобы это не помешало работе и не сказалось отрицательно на твоем мышлении. Такого не произойдет?

– Какой же ты злопамятный, – отвечает она, узнав собственные слова.

– Я серьезно спрашиваю.

– Не знаю, время покажет.

Что ж, пусть хотя бы так.

– В тот день, в Ла-Финке, когда ты вышла из фургона...

Он не стал добавлять «вся в слезах и на нервах».

– Да. Я их в тот раз приняла. Но я не хочу об этом говорить.

– Я не об этом. Ты тогда сказала, что убийца не все продумал.

Джон пытается найти исходную точку. А это непросто. Расследование обычно занимает не одну неделю, и занимается им дюжина человек. У Карлы Ортис, может, эта дюжина человек и есть, но вот времени у нее нет. А у Альваро Труэбы остались только они.

– Думаю, у нас есть две нити к разгадке. «Как» и «почему».

– Поясни.

Антония заказывает себе еще чая с печеньем (неискоренимый обычай, передавшийся ей по английской линии ее происхождения) и поясняет.

– В этом деле все странно.

– Я уже заметил.

– Давай представим ситуацию. Вообрази, что ты преступник, которому удалось похитить сына председательницы самого крупного банка Европы. Что ты будешь делать?

– Потребую денег. Запрошу астрономическую сумму. Все, что она может отдать.

– Именно. Ты ведь похитил даже не родственника известного промышленника, как это было в случае с Ревильей^[26] много лет назад. Миллиард песет. Как ты их заберешь?

– Столько бабла должно весить немало, – говорит Джон. Он помнит про тот случай, хотя в восемьдесят восьмом ему было всего двенадцать лет. Но затем он изучал этот случай в Национальной академии в Авиле.

– Не меньше тонны. Поэтому килограммом называли миллион песет, хотя на самом деле миллиону, скорее, соответствовал килограмм и сто граммов.

Джон, который и так это знает, вежливо кивает, не перебивая ее. С Антонией иногда нужно изображать дурачка и просто внимательно слушать.

– Если ты террористическая организация и требуешь выкуп у производителя сосисок, забрать его будет сложно, – продолжает она. – В каждом похищении есть два критических момента: связь с родственниками и получение выкупа. Первый момент на сегодняшний день уже практически не проблема.

– Каждый дурак может скрыть в интернете свою личность.

– Да, и получить выкуп от банкирши, чья организация получает миллиарды в год, проще простого. Достаточно лишь сказать ей перевести деньги на такой-то счет в Бахрейне, на Маршалловых островах или в любом другом налоговом раю.

– Для Лауры Труэбы это плевое дело.

– Сумма не имеет значения. Десять миллионов евро, сто, миллиард. Перевод денег занял бы у нее пять минут. Она бы сразу их перевела.

Джон, как обычно, почесывает голову, начиная понимать.

– Кажется, я понял, к чему ты ведешь. Это похищение *должно было* быть безупречным.

– Именно так. В распоряжении матери колоссальные средства. И Эсекиэля никак не могли бы поймать при получении выкупа.

– Эта сделка не могла не сложиться.

– И тем не менее она не сложилась.

– Может, мальчик увидел его лицо и поэтому он решил его убить?

– Не думаю. Эсекиэль очень осторожен. Ты же видел, что на нем была маска, когда мы за ним гнались. А кстати, у тебя получилось его сфотографировать?

Джон достает телефон и показывает снимок, который ему удалось сделать. А точнее, серию снимков, сделанных в режиме непрерывной съемки, поскольку Джон держал кнопку камеры нажатой.

– Я уже отправил их Ментору, чтобы тот, в свою очередь, переслал их Парре. Мы не можем оставить их себе.

– Ты правильно сделал.

Антония пролистывает один за другим все снимки, которые Джону удалось сделать. Из семидесяти трех две трети запечатлели лишь окно и дверь «порше». Остальные либо обрезаны, либо слишком размыты. И только два снимка более или менее приемлемы, хотя, конечно, на Пулитцеровскую премию они вряд ли могли бы претендовать. Снимки очень похожи. Разница лишь в том, что на одном изображении Эсекиэль держит обе руки на руле и смотрит вперед, а на другом он уже повернут к ним и начинает доставать пистолет.

Ни на одном из этих двух снимков не видно его лица.

Антония отправляет обе фотографии себе на айпад, чтобы лучше их рассмотреть.

– Ментор уже отправил их Агуадо.

– Хорошо. Может, ей удастся заметить что-нибудь необычное.

Подожди-ка...

Антония максимально увеличивает фотографию. Что-то на правой руке Эсекиэля привлекает ее внимание. На нем черный свитер и перчатки, но на той фотографии, где он лезет за пистолетом, рукав свитера слегка задирается.

И под ним что-то есть.

– Кажется, татуировка, – говорит Джон, наклоняясь ближе к экрану.

Она едва заметна, ее видимая площадь всего-то сантиметра три.

– Позвони Агуадо, скажи, чтобы занялась этим, хотя она, наверно, и так уже занялась. У них там есть необходимые инструменты для проведения экспертизы. Может, им что-нибудь удастся выяснить.

Татуировка – это, конечно, немного, но уже что-то. И сейчас это что-то, может быть, единственная надежда для Карлы Ортис.

Соломинка, за которую нужно ухватиться.

Когда Джон вешает трубку после разговора с Аугадо, они оба думают об одном и то же.

А именно – о времени, прошедшем между похищением Альваро Труэбы и моментом обнаружения его труп.

Неделя.

– Если ничего непредвиденного не произошло, если у Эсекиэля не было причин убивать мальчика, зачем он это сделал?

– Не из-за денег, это ясно. Также вряд ли из удовольствия. Он не психопат, по крайней мере, не обычный психопат.

– Ты тогда еще сказала, что с преступниками такого рода ты никогда прежде не сталкивалась.

– Ни я, ни кто-либо другой. Я думаю, что Эсекиэль похищает и убивает ради вполне конкретной цели. И эта цель как-то связана с властью.

– И со страхом, – говорит Джон. – Рамон Ортис был безумно напуган.

– Он нам соврал. Он явно не все нам рассказал о своем разговоре с Эсекиэлем. Что может побудить отца скрывать информацию, которая необходима для спасения его дочери?

Как бы они ни ломали голову, им никак не удастся найти логического объяснения поведению бизнесмена.

– Думаю, сейчас самое важное – это выяснить недостающую информацию.

– К Ортису нас не пустят.

– Я знаю. Но первый ключ к этому делу заключается в вопросе *почему*. Если нам удастся выяснить, почему Эсекиэль убивает, поймать его будет проще.

Парра

Капитан Парра – человек действия.

Как только его вызывают, он тут же мобилизует всех, кого только можно. Криминалистов, судмедэкспертов, следственного судью для забора

тела.

– Я надеюсь на вашу скрытность, ясно?

Сначала, около девяти, они приезжают в окрестности Конного центра. К одиннадцати цирк уже отворяет двери, не хватает только попкорна и слонов. Проезд к Конному центру загорожен тремя патрульными машинами, несколькими гражданскими и двумя отрядами кавалеристов – ведь нужно учитывать местность. Привезли даже ЛОЭ – лабораторию особых экспертиз. Фургон, вроде МобЛаба, управляемого доктором Агуадо в проекте «Красная Королева». Только хуже оборудованный. И более крупный. Бело-голубой, с флагом Испании по всей длине и со словом ПОЛИЦИЯ, написанным полуметровыми буквами.

Полная скрытность.

К двенадцати начинают подтягиваться участники конного соревнования. Скажем так, публичные люди. Активные пользователи социальных сетей. И вот они едут сквозь весь этот карнавал и делают фотографии, не выходя из машины.

Кто мог это предвидеть?

Капитан Парра мог.

И предвидел. Хосе Луис Парра настоящий профессионал. Отлично выполняющий свою работу. Он уже шесть лет возглавляет ОБПВ и добился впечатляющих результатов. За это время он расследовал более двухсот похищений, и 88,3 процента расследований увенчались успехом.

Когда Парре поручили возглавить отдел, он решил, что его подчиненным прежде всего необходимо быть хорошими переговорщиками. И он отправил их учиться у лучших (сначала выучившись сам). В Нью-Йорк и в Куантико – в штаб ФБР. И все члены его команды готовы жизнь отдать на своем рабочем посту. Однажды капитан Парра простоял семь часов под дождем на крыше, пытаясь уговорить мужчину опустить ружье. Жена и сын этого мужчины стояли перед ним на коленях под пушечным дулом. Он собирался убить их, а затем пустить себе пулю в лоб. Промокший до костей, продрогший Парра хотел лишь одного: чтобы тот изменил порядок действий. *Сначала убей себя, а потом уже их, придурок.* Но так он, конечно, не сказал. Переговорщики никогда такого не скажут. Они очень аккуратно подбирают слова.

Капитан Парра уже шесть лет добивается успеха за успехом. Проблема лишь в том, что он работает так хорошо, что никто не хочет его повышать. А Парра считает, что он этого заслуживает. Он-то хочет быть комиссаром, его уже задолбало часами разговаривать со всякими сумасбродами. Да и к тому же комиссар получает на четыреста евро в месяц больше. А когда у

тебя многодетная семья, это значит, что, начиная с двадцатого числа каждого месяца, можно не ужинать каждый вечер одними макаронами, а нормально питаться. Капитан Парра приверженец белковой пищи. Мускулы у него крепкие. Правда, и без укольчиков тут не обходится, что и говорить. Но чтобы быть похожим на Джонсона Дуэйна, приходится пострадать.

И чтобы получить повышение, тоже. Чтобы он получил повышение, кому-то все равно придется пострадать, в любом случае. Так что Парра уже все просчитал. Если получится вовремя спасти Карлу Ортис – почет и слава ему обеспечены. Если нет – трагедии все равно не будет. Главное, чтобы история получила огласку. Если его начальники захотят убрать его с должности из-за «общественного давления» (тот еще эвфемизм), им придется пнуть его вверх. При его 88,3 процентах успешных дел, если Карла Ортис попадет в один процент неудавшихся (а она, между прочим, по жизни относится к одному проценту), что им еще останется делать.

А такое может произойти, еще как может. Потому что не прошло и двенадцати часов, как теория Парры относительно Кармело Новoa в качестве главного подозреваемого с треском провалилась.

Парра явился на место преступления с вопросом: «Что мы имеем?», словно полицейский из фильмов, и убедился, что его главный подозреваемый оказался побочной жертвой. С перерезанной глоткой.

Факт в том, что Гутьеррес и та идиотка из Интерпола оказали ему услугу. Он не знает, как они сумели так быстро определить местоположение машины, но они избавили его от многочасовых поисков и обременительных разъяснений. И все-таки он очень зол. Потому что, если бы они не действовали в одиночку, похититель был бы сейчас под арестом и для освобождения жертвы потребовалось бы несколько часов в закрытой камере и телефонный справочник (они не оставляют следов), умело примененный в отношении ребер задержанного. Но эти два кретина решили действовать самостоятельно. В любом случае он от них избавился, и ему это все даже на руку. Пусть будет пара козлов отпущения на всякий случай. Тут, неподалеку.

Он знает, что у похищения Карлы Ортис финансовый мотив. Так что нужно просто не отходить ни на шаг от отца и, главное, быть с ним, когда он получит второй звонок от похитителей. И когда будет отдавать выкуп. Потому что отец заплатит, тут без вопросов. Денег у него хватает.

В любом случае капитан Парра знает, что, как только дело получит огласку, каждый его шаг будут изучать под микроскопом и ему следует подстраховаться.

Так что он решает продемонстрировать свою работу публике. О жертве еще никому ничего не известно, но он прекрасно понимает, что все эти фотографии рано или поздно появятся в СМИ. И, когда это случится, всем сразу станет ясно, что он принял все возможные меры, не пожалев усилий. И, пока по направлению к Конному центру едут BMW и «мерседесы», а их пассажиры фотографируют все вокруг, Парра улыбается.

Про себя, разумеется.

И при этом дает команды и активно жестикулирует, как и положено человеку действия.

Ментор оставил им на ресепшене ключи от новой «Ауди А8», почти такой же, как предыдущая, разве что цвет на этот раз не черный, а темно-синий. А на приборной панели он даже оставил записку.

Будьте так любезны, не разбейте мне и эту.

М.

читает Джон вслух и передает записку своей напарнице. Антония комкает ее и бросает на заднее сиденье.

– Может, пустишь меня за руль? – спрашивает она.

– Нет уж, спасибо.

– То есть ты теперь на его стороне?

– Я на стороне своего здоровья. Куда поедем?

– Вернемся в Ла-Финку.

– Я так полагаю, там находится первая нить к разгадке, про которую ты говорила?

– Вот скажи, почему, как ты думаешь, он оставил труп там? Ведь он мог бы выгрузить тело Альваро Труэбы на каком-нибудь пустыре. Но нет, он оставил тело в одном из домов его семьи, да еще в каком! У них есть больше дюжины домов, Эсекиэлю было из чего выбирать. И выбрал он тот, что находится в самом охраняемом районе Испании.

Джон медленно кивает, наслаждаясь при этом ездой по Гран-Виа. Как всегда, кругом ремонт. Как всегда, пробки. По его подсчетам, с такой скоростью они доедут до площади Сибелес не раньше, чем через два четверга.

– И не просто так оставил, а изрядно потрудился над оформлением места преступления. Он хотел оставить нам некое послание.

– Нет, не нам. До нас ему дела нет.

– А кому тогда?

– Не знаю, – печально отвечает Антония после долгого размышления. – Это-то меня и сбивает с толку. Если бы он был серийным убийцей, то непременно сделал бы так, чтобы о его деяниях стало известно всем. Если бы он был обычным похитителем, то потребовал бы денег и не

стал бы оставлять послание. Если бы он просто хотел причинить зло конкретно семье Труэба...

– То не стал бы делать из места преступления театральную сцену, – договаривает за нее Джон. – И не стал бы похищать Карлу Ортис.

– И к тому же там есть религиозный подтекст. Преступление отсылает нас к двадцать третьему псалму.

Услышав это, Джон аж подпрыгивает на сиденье:

– Точно!.. «Ты умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена». Как же я мог об этом забыть?

– Вот уж не подумала бы, что ты религиозен, инспектор, – удивляется Антония.

– Я много лет изучал катехизис, дорогуля. У меня в памяти еще что-то осталось, кроме песни «У меня есть Друг, Который меня любит».

Про друга и про любовь – это правда в буквальном смысле. Джон стал изучать в институте катехизис по той же причине, по которой другие записываются в театральный университетский кружок. Но, окунувшись в этот мир, Джон проникся покоем, исходившим от того, что он слушал и изучал. Он так и не смог поверить в Церковь, которая не верила в него, но это и не важно, поскольку он был убежден, что Иисус в нее тоже не верит.

Антония же, разумеется, – убежденная приверженка атеизма, который, в свою очередь, также является своеобразной религией, разве что более дешевой.

– Пока мы спали, доктор Агуадо прислала мне по электронной почте письмо с составом масла, которое было в волосах Альваро Труэбы, – говорит Антония, открывая айпад. – Это оливковое масло с ароматом мирры. Она изучила этот вопрос, и, судя по всему, такое называется «Маслом для священного помазания».

– Для соборования. Священники слегка смазывают им лоб и руки умирающих.

– И какой, считается, от этого эффект?

– Это должно подготовить их к встрече с Богом. С тем же успехом можно смазать маслом верблюда, чтобы тот прошел сквозь игольное ушко.

Они оба пытаются не думать о последних минутах Альваро и о страданиях, которые ему пришлось пережить. Безуспешно.

– Но если такое масло непросто достать, возможно, нас это как-то выведет на след Эсекиэля, – с надеждой говорит Джон.

– Нет, я уже смотрела. Его можно купить за пять евро в любом интернет-магазине. Его продают даже в Эль Корте Инглес^[27]. Не говоря уж об эзотерических лавках Мадрида.

- Есть целый рынок масла для мертвецов?
- Его используют для ароматерапии и прочей ерунды.

Джон не перестает поражаться человеческой природе и особенно своей собственной. Каждый раз, когда он обнаруживает какой-то отдельный мир, о котором он даже и не подозревал, Джон очень удивляется. *Сколько же психов на свете*, думает он. *Чем только люди не занимаются*. И тут же удивляется своему собственному удивлению.

- То есть ты думаешь, мы имеем дело с религиозным фанатиком?
- Честно говоря, надеюсь, что нет. Иначе мне будет гораздо сложнее понять ход его мыслей.

Вся тяжесть мира лежит на плечах Антонии Скотт. Лицо ее мрачно, под глазами висят два фиолетовых гамака. Для нее уже стало делом чести поймать Эсекиэля и спасти Карлу Ортис. А такой подход обычно приводит к катастрофе. Но предостерегать ее смысла нет. Вместо этого Джон говорит ей:

- Что бы ни было, я с тобой.

Он хочет похлопать ее по плечу, но сдерживается, и вместо этого хлопает по спинке сиденья – недалеко от ее плеча, чтобы все-таки его побуждение было понятно.

И, кто бы мог подумать, Антония улыбается.

- Спасибо.

Еще и доброе слово сказала. Ну и чудеса.

В течение нескольких долгих минут она молчит, пока они выезжают из центра города и добираются до трассы М-40. Антония прерывает молчание, лишь когда они оказываются уже на полпути к Ла-Финке.

– Нет, я не думаю, что это религиозный фанатик. В его случае элементы религии – это просто приправа. Завершающий штрих для придания блеска.

- То есть мы так и не знаем *почему*.

– Мы сейчас возвращаемся на место преступления не ради *почему*. А ради *как*. Как Эсекиэлю удалось туда проникнуть?

– Хорошо. Это твоя первая нить к разгадке. А как же вторая? Каким образом мы узнаем *почему*?

- Ты сочтешь это безумием.

- Интересно.

И Антония говорит ему.

И да – это безумие.

Карла

Сандра не отвечает.

Карла настаивает, неоднократно зовет ее (когда убеждается в том, что опасность миновала). Но Сандра не отвечает. За стеной молчание.

Забудь об этой женщине. Лучше подумай о себе.

Голос по-прежнему с ней разговаривает, но он уже потерял часть своей силы, своей повелительной интонации. В какой-то степени это связано с тем, что Карла осознала, что она тут не одна, что по ту сторону стены есть кто-то еще.

Но Сандра не отвечает.

Проходят часы, а может, годы.

Карла спит. Просыпается, снова засыпает. Карла балансирует между сном и реальностью, словно мотылек, порхающий вокруг свечи. Каждый раз, когда ее веки слипаются и она поддается уносящей ее дремотной волне, наступает черед обманчивого блаженства. Потому что спустя несколько месяцев или минут Карла просыпается вновь. И недолгое ощущение покоя сменяется ужасающе ясным осознанием своего положения. Отчаянного положения.

В один из таких моментов Карле слышится, что дверь открывается. Она ощупывает пол и находит еще одну бутылку воды и шоколадку. Карла немного отпивает, мочится в выгребную яму в углу, но к шоколаду не притрагивается. Она не хочет есть: ее желудок все еще сжимается от кислоты, а рот наполнен привкусом горечи и железа.

Но дело не только в этом.

Она боится, что в шоколадку что-то добавили.

Ты должна поесть.

Она может быть отравлена.

Ты в его власти. Он может убить тебя, как только захочет. Если ты не будешь есть, если у тебя не останется сил, то не останется и шансов на спасение.

Голос вновь обретает силу и мощь, заполняя собой пустоту,

возникшую из-за молчания Сандры. Теперь он слышится громче прежнего и раздается не только в голове, но и в окружающем затхлом воздухе.

Карла разрывает упаковку и отламывает кусочек, пытаясь угодить голосу. Он больше не похож на материнский. Теперь он другой. Более молодой. Более четкий.

Более безжалостный.

– Кто ты? – шепчет она.

Ты знаешь.

– Нет, не знаю.

Голос больше не отвечает.

Карла съедает еще чуть-чуть. Глюкоза нормализует уровень инсулина и возвращают изнуренному телу немного энергии.

Ты должна чем-то заняться. Иначе сойдешь с ума.

И это говорит голос в моей голове, думает Карла.

Но голос прав. И поэтому она решает изучить окружающее ее пространство. На этот раз более подробно. Она внимательно ощупывает пол и стены своей камеры, отмечая каждую деталь.

Вокруг нее нет ничего примечательного, только голый цемент.

Однако стена напротив металлической двери покрыта маленькими квадратными плитками примерно десять на десять сантиметров. В углу, рядом с выгребной ямой, последняя плитка немного отклеилась. Она оттопыривается на несколько миллиметров, и издает легкое песочное похрустывание, когда до нее дотрагиваешься.

Если бы Карле удалось просунуть пальцы между цементом и плиткой, возможно, она бы смогла оторвать ее.

И зачем тебе это?

Незачем, думает Карла, и ее вновь охватывает беспощадное чувство отчаяния.

Бумажный пакет

В Ла-Финке им оказывают не слишком-то радушный прием.

Ни тебе танцовщиц, ни конфетти, ни красной дорожки.

Джон Гутьеррес никогда не был сторонником традиционного соперничества между охранниками и полицейскими. Ему бы спокойно прожить сто лет, и он бы жил и другим не мешал. И каждый пусть занимается своим делом. Но, конечно, таких, как он, мало. Обычно, когда ты служишь в полиции и из кожи вон лезешь ради своей работы, когда ты без конца самоотверженно таскаешься по вызовам, в какой-то момент ты начинаешь оглядываться на других. Такова человеческая природа: презирать тех, кто ниже тебя и ненавидеть тех, кто выше. Затем ты продвигаешься по службе на одну ступеньку вверх – и все по новой.

Своевольные охранники, не подозревающие о том, что Джон Гутьеррес – натура тонкая и чувствительная, несмотря на его внушительные габариты и грозный вид, не собираются оказывать содействие.

Джон паркует «ауди» рядом с будкой. Они выходят из машины. Охранники стоят возле шлагбаума. Оба держат в одной руке сигарету, а другой оттягивают поясную петлю. Классическая позиция номер один, прямо как из первого урока учебника.

– Чем могу вам помочь?

Перевод: какого хера приперлись?

– Добрый вечер. Я инспектор Гутьеррес из Национальной полиции. Это моя напарница. Мы были здесь позавчера, не знаю, помните ли вы.

– Позавчера у меня был выходной.

Разумеется, врет: несмотря на темноту, Джон узнал обоих. Особенно того, кто говорит. Трехдневная щетина, проколотое ухо, около пятидесяти лет. Он врет, как соврал и в прошлый раз, когда заявил, что не работал в тот вечер, когда обнаружили труп Альваро Труэбы.

– Нам нужны записи с камер наблюдения, сделанные три ночи назад.

Охранник скрещивает руки на груди и разводит стопы (классическая позиция номер два). Ответ звучит весьма неожиданно:

– Разумеется, инспектор, с удовольствием.

Джон улыбается.

– Только отправьте для начала письменный запрос управляющему

охранной компании с указанием имени заявителя, уточнив, какие именно записи вам нужны, а также пояснив, что вы их запрашиваете в рамках уголовного расследования. Таков закон о защите персональных данных, вы же знаете.

Конечно, думает Джон. Только вот у Карлы Ортис нет времени ждать, пока я отправлю письменный запрос по делу о преступлении, которого как бы не было.

– Послушайте, мы не можем ждать. Возможно, мы обойдемся без всей этой бумажной волокиты и вы просто окажете нам профессиональную любезность?

– И во сколько же вы оцениваете профессиональные любезности?

Джон почесывает голову, а затем лезет в карман. Выскребает все, что есть в кошельке. Пятьдесят евро.

– Пятьдесят евро. Это все, что у меня есть с собой.

– Ну так возвращайтесь, когда у вас будет с собой пять тысяч, – говорит охранник, который прекрасно знает, что полицейскому таких денег за всю свою проклятую жизнь не видать.

Инспектор Гутьеррес на полном серьезе думает: а не врезать ли ему? В итоге все-таки сдерживается.

– Ладно, мы уже уезжаем. Большое вам спасибо.

– Не за что, дорогие мои.

Они возвращаются. Джон нервно ведет машину и нервно говорит.

– И ты слышала, этот кретин сказал: «Не за что, дорогие мои». Это я к ним так обратился в прошлый раз, когда они светили фонариком нам прямо в лицо. Он как бы дал понять, дескать, да, в тот вечер это были мы. Кретин. Тупица. Не понимаю, почему Ментор не запросил запись с камер видеонаблюдения, почему нам приходится это делать самим, и... можно узнать, что ты делаешь?

Антония не обращает на него внимания: она вводит в навигатор какие-то координаты. На экране появляется маршрут. Девятнадцать минут.

– Куда мы едем?

– Не мешай мне, – отвечает Антония. Она берет айпад и начинает что-то искать в интернете. Затем открывает веб-страницу и принимается читать. – У меня только девятнадцать минут, чтобы научиться.

Когда они приезжают к месту, которое Антония указала в навигаторе, Джон глазам не может поверить.

– Ты хочешь пойти туда сейчас?

– Мне нужны твои пятьдесят евро.

– Они у меня последние. Если ты не помнишь, я отстранен от должности с лишением жалования.

– Я тебе их верну.

Джон протягивает ей банкноту. Антония берет ее, затем достает из сумки-почтальонки карточку – свое удостоверение личности и кладет на переднее сиденье.

– Подожди здесь. И закройся изнутри. Как-то не хочется, чтобы ее украли, если ты решишь вздремнуть.

До этого дня Джон никогда бы не подумал, что возможно в течение девяноста четырех минут непрерывно ругаться. Но до тех пор, пока Антония Скотт не возвращается, он именно так и проводит время.

Когда она вновь садится в машину, в одной руке у нее скромный бумажный пакетик, а в другой пятьдесят евро.

– Поехали обратно в Ла-Финку.

Джон паркуется рядом с будкой. Дубль два.

Температура приема ниже нуля.

– Инспектор, если вы привезли письменное заявление о предоставлении записей, вынужден сообщить вам, что мой начальник сейчас в отпуске. Так что с удовольствием примем вас на следующей неделе.

Антония передает бумажный пакет Джону, а тот, в свою очередь, протягивает его охраннику. Скромный бумажный пакетик с черным логотипом, изображающим богиню Кибелу. А внизу мелким шрифтом написано: Казино «Гран Мадрид». Охранник смотрит на пакет, все еще стоя в классической позиции номер два.

– Что это?

Он брезгливо морщит нос, словно в пакете лежат использованные подгузники.

– Профессиональная любезность.

Любопытство берет верх над гордыней. Охранник протягивает руку и забирает пакет. Оценивает вес. Открывает. Смотрит внутрь. Достает фонарик. Снова смотрит внутрь. Смотрит на Джона. Смотрит на своего напарника.

– Мы не знали, пять тысяч всего или на каждого, так что на всякий случай взяли десять, – поясняет Джон.

Пока охранники совещаются в стороне (открывая при этом пакет

каждые три секунды), Джон и Антония перешептываются, глядя на них с улыбкой.

– Как тебе вообще такое в голову пришло?

– Просто послушала рассказ про шофера Рамона Ортиса.

– И ты научилась играть в блэкджек за девятнадцать минут?

– Нет, играть я научилась за минуту. А остальные восемнадцать я училась считать карты.

Получив десять тысяч евро, Томас и Габриэль (так зовут охранников) становятся просто милашками. Томас – тот, что лет пятидесяти и с трехдневной щетиной – проводит их в будку, а Габриэль остается снаружи на посту. Будка гораздо больше обычного, и при этом она оказывается лишь прихожей того помещения, куда ведут Джона и Антонию.

– Сюда, пожалуйста, проходите, – говорит он, открывая перед ними следующую дверь. Лестница ведет в подземное помещение, расположенное под входом. Здесь находится раздевалка, зона отдыха, душ, небольшой тренажерный зал.

– Не желаете ли кофе?

Джон бы выпил, да, спасибо. А Антония, если можно, чая. Можно. Томас готовит им напитки в машине, похожей на те, что выставляют к завтраку в пятизвездочных отелях.

– Нам грех жаловаться, что правда, то правда. Для нас тут все удобства. Раньше я работал в одном гипермаркете. Изо дня в день сплошные перебранки с цыганами, которые проносят товары под одеждой. Я, конечно, ничего против цыган не имею, у меня и среди хороших друзей есть цыгане, но...

Джон прерывает его рассказ о тяжелой жизни:

– Да, у вас тут хорошее рабочее место.

– На лучшее я и рассчитывать бы не мог. Особенно в моем возрасте.

– Я понимаю, что вам не хотелось бы потерять такую работу.

Томас подносит им дымящиеся чашки. Затем готовит еще один кофе для себя.

– Я слишком стар, чтобы искать другую работу. И у меня двое детей учатся в университете.

– Вы знаете, что произошло в тот день на вилле Лос-Лагос?

Томас отводит взгляд.

– Мы договаривались, что я покажу вам записи. И все.

– Нам нужна ваша помощь, Томас, – говорит Антония.

За двадцать лет работы в полиции Джону нередко приходилось допрашивать людей. Людей разных цветов кожи, разных телосложений. Некоторые молчат из страха, некоторые упрямятся из гордости, некоторые врут, чтобы от чего-то избавиться... А некоторые безумно хотят все

рассказать. И они обычно говорят тебе нечто вроде:

– Я не знаю, можно ли вам доверять.

И ты должен вселить в них уверенность и поведать им что-нибудь взамен.

Поэтому Джон вопросительно смотрит на Антонию. Как бы спрашивая у нее разрешения. Антония кивает.

– Томас... мы не обычные полицейские.

– Не понимаю, – растерянно отвечает он. – Я же видел ваш значок, и он настоящий.

– Верно. Но мы не такие, как остальные.

– Это я уже заметил. Обычные полицейские не раздают пачки стоевровых купюр.

– То, что вы нам расскажете, не будет использовано в суде. И ваши слова не останутся ни на каких записях. Одному человеку сейчас очень нужна помощь. А другого человека нужно привлечь к ответственности. Вы же знаете, что здесь произошло, Томас.

Охранник опускает голову. Оказывается, что, когда он не стоит в классической позиции номер один или два, Томас человек порядочный. И ему стыдно за то, что начальство приказало ему сделать. А приказали ему молчать, смотреть в сторону и если что – «ничего не знаю, никого не помню, ничего не было». Сказать легко, а вот сделать уже не очень. Такое даром не проходит.

– Да. Знаю.

– Сколько еще людей об этом знают?

– Габриэль и я. Наш начальник. И экономка семьи Труэба. Это она зашла в гостиную и обнаружила мальчика.

– И тут же позвонила вам. А вы позвонили вашему начальнику.

Томас кивает.

– У меня как раз заканчивалась смена.

– Разве это нормально? – спрашивает Джон. – Разве нормально, что прислуга звонит вам, а не в полицию?

Томас пристыженно молчит. Лицо залилось краской, руки хватаются за чашку, как за спасательный круг.

– Томас, – мягко говорит Джон, побуждая его продолжать.

– В этом районе все иначе. Это надежное место, застройщики позаботились о том, чтобы кто угодно не смог сюда въехать. Происхождение денег у жильцов должно быть предельно ясным и прозрачным. Сюда хотели заселиться русские и колумбийцы. Им отказали. Но как бы там ни было, здесь живут особые люди. С особыми

потребностями.

– Здесь бывали раньше инциденты?

– Таких серьезных не было. Даже близко. Но распоряжение нам давали всегда одно и то же: помалкивать.

– И на этот раз тоже.

– Мне платят не за то, чтобы я встречал в такие дела.

Конечно, думает Джон. За это платят мне. Платишь ты и все наши сограждане.

Джон молчит. Говорить это незачем. Да и потом: уж кому, как не ему помнить о двадцать четвертой статье Конституции^[28]?

Я становлюсь циником, думает Джон. И ему, конечно, все равно. В этом и суть.

Главное – найти Эсекиэля.

– Был ли кто-нибудь в тот вечер на вилле Лос-Лагос?

– Нет. Дом остается закрытым, с тех пор как закончили его строительство, месяцев шесть-семь назад. Они практически сюда не приезжают. Я слышал, что они живут в городе.

– Они не собирались переезжать?

Томас качает головой.

– Обычно жители здесь устраивают торжественное новоселье, когда въезжают в новый дом. И мы, конечно, всегда в курсе. Если приглашают сто человек, у нас всегда заранее есть список из ста имен и номеров машин. Чтобы нам знать, кого пропускать.

– И вы не видели здесь никого из их семьи?

– Я в свою смену никогда их не видел. Но я начинаю в восемь вечера и заканчиваю в восемь утра. Как-то раз приезжала ассистентка с дизайнером, вроде бы они хотели поменять пол на кухне, потому что хозяевам не подошел цвет. Они приехали очень рано, поэтому я помню.

Иметь в распоряжении дом за двадцать миллионов евро и даже порога его не переступить. Вот что значит всемогущество.

– А уборщицы? Часто приходят?

– Каждый день, – отвечает Томас. – Дом всегда должен быть чистым, хоть там никто и не живет. Они приходят в семь утра, а во сколько уходят – не знаю. Думаю, в три, здесь это обычный рабочий день.

– Хорошо. Вернемся в тот вечер. Было ли что-то необычное? Что-то, что привлекло ваше внимание?

– Нет, боюсь, что нет.

– Ладно, – говорит Джон. – Я так полагаю, у вас есть список всех, кто въехал и выехал за вашу смену. Мне нужно посмотреть его и записи с

камер.

Система видеонаблюдения, оказывается, просто чудо. Настоящее высокотехнологичное произведение искусства. По всему периметру Ла-Финки расположены датчики движения.

– Но они, конечно, выключены, – говорит Томас. – А иначе бы они срабатывали постоянно. Из-за кроликов.

Кроме зоны отдыха и других комнат для персонала, в подземном помещении есть кабинет видеонаблюдения. Десять мониторов попеременно показывают изображения с сорока камер. И еще два монитора на столе, один из них для получения информации, передаваемой датчиками движения (выключен, как и сами датчики).

– Здесь так много кроликов?

– Безумно много. Тут раньше было поле.

– Только вот нам это вряд ли поможет.

– Эта система – излишество. Нам не нужны эти датчики движения. У нас есть инфракрасные. И когда они срабатывают, мы просто видим это на экране и барабанные перепонки у нас не лопаются. К тому же они так отрегулированы, что не реагируют на то, что весит меньше двадцати килограммов.

– Но в ту ночь инфракрасные датчики не сработали.

– Боюсь, что нет. Система не заметила в ту ночь никакого вторжения.

– Все камеры направлены наружу, за пределы Ла-Финки, не так ли? – спрашивает Антония, которая все это время молчала.

– Конечно. Все улицы внутри района частные. Здесь снимать нельзя.

– Значит, единственная запись, которая нам нужна, – это запись с камеры у въезда.

– Будьте добры, поставьте эту запись, Томас, – говорит Джон и, пока охранник ищет на жестком диске соответствующий файл, поворачивается к Антонии: – А остальные почему нет?

– Если бы Эсекиэль перепрыгнул через ограждение с трупом Альваро, инфракрасные датчики бы сработали.

– А если система дала сбой?

Антония пожимает плечами.

– Здесь сорок камер, и на просмотр записи с каждой из них уйдет по пять-шесть часов. Нам тогда придется десять дней не спать, не есть и вообще ничего другого не делать, только смотреть в экран.

– У нас нет столько времени, – говорит Джон.

У Карлы нет столько времени.

– Поэтому будем делать ставки. Согласно Агуадо, жертва умерла между восьмью и десятью часами вечера.

– Мы также знаем, что он переместил тело. Так что начнем с восьми вечера.

Антония просит Томаса включить запись на всех десяти мониторах, но отмотать ее на разное время. Верхний левый монитор начинает показывать запись с восьми вечера, следующий с девяти, и так далее. Последний начинает с пяти утра.

Получается так:

20 | 21 | 22 | 23 | 00
01 | 02 | 03 | 04 | 05

– Каждый раз, когда на экране будет появляться машина, мы будем останавливать запись и проверять номерные знаки в списке въехавших, – объясняет она.

– Хорошая идея, – говорит Томас. – Вместо десяти часов потратим на просмотр лишь час.

Но времени они тратят гораздо больше, поскольку каждую увиденную машину приходится проверять, а это не быстро. Да и машины въезжают десятками, особенно между восемью и одиннадцатью вечера.

Они ищут что-нибудь странное. Что-нибудь необычное. Но ничего не находят. За исключением пары такси и нескольких «уберов», все машины принадлежат жителям района, либо их друзьям, которым въезд разрешен. По идее, следовало бы проверить всех въезжающих поименно, но для этого нужно иметь в запасе несколько дней и много персонала.

Поэтому-то убийства всегда так сложно расследовать.

Спустя три часа выбранный промежуток времени просмотрен практически полностью. И они уже без сил. На верхних экранах все еще появляются люди, возвращаются в свои дома после тяжелого рабочего дня или семейного ужина. А на нижних практически нет никакого движения.

Вдруг Антония резко выпрямляется. И показывает на центральный монитор нижнего ряда.

– Вот. Такси.

На экране «Шкода Октавия», самая распространенная марка мадридского такси. На плафоне светится цифра ноль. Обычно это означает, что за пассажиром едут на большое расстояние.

Такси приближается к шлагбауму, и Габриэль пропускает его, ничего не спрашивая.

Время на мониторе 03.52.

– И что в нем такого особенного?

– Мы уже раньше видели это такси, – отвечает Антония.– 9344 FSU. Оно приезжало в десять тридцать. И кого-то привезло.

Так и есть. Они отматывают запись и видят, как это же такси подъезжает к шлагбауму. Указанный тариф на этот раз – «2». Томас наклоняется, что-то спрашивает у таксиста и затем его пропускает. Камера снимает сверху под прямым углом, и ракурс не позволяет увидеть лицензию, прикрепленную сбоку.

– Вы помните это такси, Томас?

Охранник растерянно на них смотрит.

– Нет... Вообще не помню. Вероятно, я наклонился к нему, чтобы спросить, куда он едет, он назвал мне адрес и имя – и на этом все. Мы таксистов всегда так пропускаем. Особенно в такое оживленное время. В это час очень много машин.

И это правда. На экране видно, что такси – всего лишь одна из дюжины машин, ожидающих своей очереди на въезд, в то время как несчастные Томас и Габриэль изо всех сил стараются ускорить процесс. Богачи никогда не отличались особым терпением.

Но вот ни водителя, ни пассажира на экране не видно.

– Есть еще один важный вопрос. Кто сидит за рулем такси? – говорит Джон Антонии. – Это его сообщник или просто случайный водитель?

Ни Томас, ни Габриэль не помнят водителя. Обычное, ничем не приметное такси. Спокойно проехало шлагбаум, как и многие другие машины. Возможно, именно так Эсекиэль и проник на территорию района. А возможно, это просто совпадение.

Иными словами, они так ничего и не выяснили.

А время поджимает.

Джон отвозит Антонию в больницу.

Остаток ночи тянется бесконечно.

Звонить бабушке Скотт уже поздно, а уснуть все равно не получится. Она не может отвлечься от дела Эсекиэля, да и не пытается. Раз за разом Антония прокручивает в голове всю имеющуюся информацию. Сделать она ничего не может. Они уже отправили Ментору номер такси, чтобы тот переслал его Парре (разумеется, не от своего имени, а как бы через третьих лиц – ЦОО^[29] или НЦР). Но Антония знает, что это все равно ни к чему не приведет. Она придвигает кресло к кровати, берет правую руку Маркоса и, как бывало в худшие ночи ее жизни, просто упирается взглядом в стену, и слушает сигналы электрокардиограммы.

В три утра ей приходит электронное письмо от доктора Агуадо.

Кому: AntoniaScott84@gmail.com

От: r.aguado@europa.eu

Скотт,

Судя по расстоянию между локтем и запястьем, а также учитывая соотношение между телом и высотой салона «Порше Кайена», могу заключить, что рост Эсекиэля от 1 м 75 см до 1 м 85 см. Глаза карие, возраст неопределенный. Позвоните мне, когда будет возможность, мне бы хотелось все это с Вами обсудить.

Также мне удалось достаточно увеличить фотографию, сделанную инспектором Гутьерресом, и отделить татуировку. Отправляю Вам ее во вложении. Это часть какой-то эмблемы или символа, мне пока точно не удалось определить.

С уважением,

Др. Агуадо

Антония звонит сразу же.

– Не ожидала услышать вас в такой час.

– Мне больше нечем было заняться.

Агуадо сообщает ей, что отправила фотографию татуировки в сотню

салонов по всей Испании.

– Шансы очень небольшие. Я попросила помочь мне распознать татуировку, ссылаясь на дело об изнасиловании. Многих это, конечно, оттолкнет, но среди тату-мастеров немало женщин. Возможно, кто-то из них нам поможет.

Этот ход даже отчаяннее попытки утопающего схватиться за соломинку. Но ничего другого им не остается.

– Есть еще кое-что, – говорит Агуадо. – Я не стала писать об этом в письме, это было бы не очень профессионально. Если основываться только на очевидных фактах, по фотографии мало что можно выяснить, поэтому я и указала возраст как «неопределенный». Но чем дольше я смотрю на фотографию, тем больше убеждаюсь, что этому мужчине около пятидесяти лет.

– И на чем основана ваша убежденность?

– Не на научных фактах. А на его позе, фигуре... Поэтому я и хотела с вами об этом поговорить. Интуиция никогда не являлась для меня доказательством. Но есть такие вещи, которые ты просто *знаешь*. И если выяснится, что я права, и возраст Эсекиэля действительно окажется таким, это будет очень странно.

Антония медлит с ответом, раздумывая об интуиции доктора Агуадо.

Большинство серийных убийц начинают свою чудовищную карьеру до тридцати лет. Это естественное следствие того, что внутренняя тяга к насилию начинает активно расти в молодом возрасте. О серийных убийцах написано бесчисленное количество страниц, сняты десятки фильмов и сериалов, где они представлены типичными злодеями и где их наделяют специфическими, легко узнаваемыми характеристиками: сломанное детство, грубое обращение с животными, пиромания, постоянное стремление к сексуальному удовлетворению. Все это порой и правда встречается у серийных убийц, но далеко не всегда. Подобное упрощение является плодом общественного воображения, которое не понимает феномена серийного убийцы и рисует карикатурный образ, не соответствующий реальности. В одной только Испании более миллиона психопатов. Из них крайне мало кто доходит до убийства: большинство ведут обычную с виду жизнь. Довольные своей должностью директора по персоналу, министра или владельца какого-нибудь бара. О зле, которое они причинят, никогда не снимут фильм.

О многих психопатах мы никогда ничего не узнаем. Или узнаем, но слишком поздно. Луису Альфредо Гаравито^[30] было сорок два года, когда его задержали. Один бездомный закидал его камнями, когда тот собирался

увести мальчика. К тому времени на счету Гаравито было уже сто семьдесят детей, убитых им за шесть лет.

Печальная реальность такова, что наука еще только стоит на пороге изучения человеческой психики. И впереди – огромное неизвестное пространство.

Печальная реальность такова, что мы не можем проникнуть серийным убийцам в голову.

– Вы еще здесь, Скотт?

– Да. Я просто задумалась о том, что в таком возрасте уже редко начинают совершать подобные поступки.

– Я знаю. Поэтому и говорю, что странно. Разве что его потребность в насилии росла очень медленно или была совсем не заметна окружающим. К этому возрасту склонность к жестокости обычно уже проявляется.

– С другой стороны, были случаи, когда образцовые с виду люди совершали немыслимые преступления. Вспомните родителей той девочки из Сантьяго-де-Компостела^[31].

– Конечно. Но я склонна думать, что Эсекиэль не подходит ни под одну из описанных типологий.

– Вам кажется, что в его действиях просматриваются психопатические черты?

– Без всяких сомнений имеются признаки социопатии. Нарциссизма. Садизма. Но я все пытаюсь понять, почему о Эсекиэле до сих пор не говорят СМИ.

Это как раз больше всего и сбивает Антонию с толку. Почему Эсекиэль не предал свои действия огласке? Ведь это так типично для похитителей. Любой серийный убийца, самовлюбленный по определению, наслаждался бы, слушая свое имя на всех радиостанциях и каналах. Он мог бы привлечь внимание всей страны и всего мира одним только кликом, одним только твитом, так почему же он не хочет этим воспользоваться?

– Что-то во всей этой истории от нас ускользает. Какой-то ключевой элемент.

– Возможно, нам поможет татуировка, – говорит Агуадо. – К сожалению, больше мне пока ничего не удалось найти. Но поверьте, я делаю все, что в моих силах.

– Спасибо, доктор.

Едва она вешает трубку, ей снова звонят. На этот раз Ментор.

– Вы разбудите моего мужа, – говорит Антония.

– Очень смешно. Я проверил номерной знак 9344 FSU. Такси с таким номером не существует. Он принадлежит «Рено Мегану». Согласно

реестру, хозяйке машины двадцать три года.

– Значит, номер краденый.

Машина, на которой редко ездят. Отвертка. Белая заклепка (три евро за упаковку в пятьдесят штук). Молоток. Пять минут, чтобы поменять номерные знаки. И жертва может несколько дней ничего не замечать, потому что кто же смотрит на номера своей машины, прежде чем сесть за руль?

– Похоже на то. Мы поищем эту машину, может, так нам удастся найти такси.

– Получается, что водитель такси обо всем знал. И значит, Эсекиэль действовал не один.

Для убийцы-психопата это уж совсем странно.

Антония вешает трубку. Снова неотрывно глядит в стену. Прокручивает в своей необъятной памяти десятки преступлений серийных убийц, их мотивы, их *модус операнди*. Безуспешно ищет параллели.

Всю ночь ей нет покоя.

Бруно

Джону Гутьерресу журналисты не нравятся.

Так предполагает Бруно Лехаррета, приближаясь к кафе отеля «Де-лас-Летрас». Сейчас только без пятнадцати семь, а инспектор Гутьеррес уже принял душ, разodelся, надушился и теперь завтракает. Яичница с беконом, апельсиновый сок, шесть тостов и целый бассейн кофе.

Этот неотесанный болван налил себе кофе в миску для хлопьев.

То, что инспектору Гутьерресу и правда не нравятся журналисты и в особенности Бруно Лехаррета, становится очевидно: как только Бруно появляется в кафе, Гутьеррес тут же делает такое лицо, будто собирается ему врезать. Даже кулаки сжимает. Бруно Лехаррета, самопровозглашенная легенда баскского журнализма, наслаждается, глядя на это свирепое выражение лица, как иные наслаждаются, разглядывая Джоконду или Сикстинскую Капеллу.

– Какого хера ты тут делаешь?

– И вам доброе утро, инспектор.

Лехаррета садится напротив инспектора Гутьерреса. Ему приходится подвинуть одну из переполненных тарелок, чтобы освободить немного места для своей записной книжки, ручки и диктофона. Джон смотрит на его рабочие принадлежности так, словно тот положил на стол

использованный шприц и семь граммов героина.

– Оставь это себе.

– Я работаю.

– Я тоже.

Бруно показывает на тарелку с яичницей, к которой инспектор уже и притрагиваться не хочет.

– Завтрак за счет налогоплательщиков, инспектор?

– Завтрак за счет твоей мамочки.

Видать, командировочные в Национальной полиции увеличились. Раньше были сто евро в сутки. А здесь самый дешевый номер стоит триста, думает Бруно.

– Кстати, о матерях, инспектор. Ваша передает вам привет.

На самом деле, найти его было проще простого.

Бегонья Ириондо, мать инспектора Гутьерреса, женщина мирная. Доверчивая. Хорошо еще, что сейчас ее сын инспектор полиции. А когда-то, в годы конфликта, в *свинцовые времена*^[32], необходимо было проявлять крайнюю осторожность. Тогда стоило лишь сболтнуть немного лишнего в мясной лавке – и все, проблемы обеспечены. Стукачи были повсюду. Теперь все изменилось. Теперь мать инспектора Гутьерреса неприкасаемая. Вот она преспокойно выходит из метро Сангучу в одиннадцать вечера и идет домой. На пути ей встречается какая-то банда. Один парень отделяется от группы, пристально глядя на ее сумку, а другой тут же тянет его за локоть обратно и отвешивает ему подзатыльник. Это же мать полицейской псины. Давай тронь ее, посмотрим потом на твою улыбку, когда тебя скрутят за мусорным баком и выбьют тебе все зубы. И так тебе и надо будет.

Да, теперь все уже знают, где живет Бегонья Ириондо, и никому и в голову не приходит ее трогать. Это, конечно, плюс. Но в этом же и минус: поскольку *все знают*, где живет Бегонья Ириондо, Бруно Лехаррете требуется лишь полчаса времени, десять евро и пачка «L amp; M» (почти полная, черт возьми), и вот он уже звонит в домофон.

Бегонья – женщина простодушная и доверчивая. И она так прямо и говорит, что нет, ее сына нет дома, он сейчас в Мадриде, занимается каким-то важным делом; что вы говорите, сеньора; да-да, именно так, а я тут одна, ох уж эта молодежь, никого не уважает; а вы случайно не знаете, где именно он остановился; а почему вы спрашиваете; а потому что я хочу взять у него интервью, сеньора; ну раз так, то конечно, а то в последнее время что о нем только не писали в прессе, а вам, мне кажется, можно

доверять.

И вот Бруно Лехаррета заявляется в отель «Де-лас-Летрас», завоевывает доверие портъе, оставляет ему свой номер телефона – *пишите мне в «Ватсапе» в любое время* – и пятьдесят евро (все-таки столица как-никак, другие цены), и все, инспектор Гутьеррес у него под контролем.

Инспектору упоминание его матери не пришлось по душе.

– Еще раз приблизишься к матери, я тебе морду разукрашу.

Как же все-таки эти гомосексуалисты привязаны к мамочке.

– Вы непочтительно с ней обходитесь. Уехали, оставили ее одну, как же так. Хотя ладно, по ее словам, вы тут занимаетесь каким-то важным делом.

– Я здесь в отпуске.

– Ну разумеется, всем время от времени требуется отдых. А что, интересно, вы делали вчера на М-50, рядом с разбитой машиной?

Инспектор Гутьеррес и бровью не ведет.

– Думаю, вы меня с кем-то перепутали.

– Нет, не перепутал. Я видел вас по телевизору, это были вы, в сером шерстяном костюмчике. Он, правда, был немного помят. Не то что этот. Так-то вы всегда одеты с иголочки.

Инспектор Гутьеррес не отвечает. Но по-прежнему сжимает кулаки.

Бруно очень бы хотелось, чтобы инспектор распустил руки, ведь это уже само по себе было бы новостью. Ну, то есть хотелось бы чисто теоретически, поскольку если тебе на лицо опустится такая ладонь величиной с паэльеру^[33], ты отлетишь на другой конец зала. Да и мускулы у него неслабые. Ведь инспектор с легкостью поднимает огромные камни. А в Бильбао есть такая присказка. От меньшего к большему: мускулы Шварценегера, мускулы игрока в пелоту^[34], мускулы *аррихасоцайле*.

Так что все-таки пусть уж лучше он руки не распускает.

– Видите ли, в чем дело, инспектор. Я немного удивился, когда услышал от вашей матери, что вы тут на каком-то важном задании, при том что в комиссариате на Гордонис мне заявили, что вы отстранены от должности с лишением жалованья. Так что, получается, согласно основному... подождите секунду, вот, смотрите, – говорит он, заглядывая в свои заметки, – согласно основному уставу государственного служащего, вы «лишаетесь возможности выполнять свои функции, а также всех прав, присущих вашему статусу».

– Что ж, хорошо, что я сейчас в отпуске.

– Да, действительно хорошо, потому что продолжать деятельность инспектора полиции, будучи отстраненным от должности, – это серьезное правонарушение.

Инспектор Гутьеррес молодец. Большой молодец. Он держится, как скала. Ну или почти. Все-таки цвет лица у него слегка меняется. На пару тонов. От обычного здорового румянца до цвета розовой жвачки. И Бруно Лехаррета понимает, что он врет. А еще Бруно понимает, что явно не зря приехал в Мадрид.

– Что ж, ладно, инспектор, я вас оставляю, приятного аппетита. – Гутьеррес уже бросил салфетку на стол: аппетит у него совсем пропал. – Ведь мы в любом случае еще увидимся. Я тоже в отпуске.

– Надеюсь, что нет.

Еще как увидимся. И раньше, чем ты думаешь, говорит про себя Бруно.

– Это будет очень непросто, – говорит Джон.

– Все и так непросто, – отвечает Антония.

Она только что повесила трубку. Ей понадобился целый час, чтобы убедить Ментора устроить эту встречу. Целый час криков, шепота, завуалированных угроз, напоминаний о старых долгах да и просто ругани.

– Ты не понимаешь, о чем меня просишь, – сказал Ментор.

Но в итоге согласился.

Инспектор и его напарница сидят в «ауди» перед входом в здание банка и ждут, когда Ментор позвонит им и скажет, что они могут подняться. Антония не сомневается, что у него получится. В его распоряжении все средства. А уж что будет потом, там наверху, – это совсем другая история.

Антония опускает стекло и высовывается из машины. Даже вывернув шею, она не может полностью охватить взглядом здание.

Сто тысяч тон металла, бетона и стекла посреди бульвара Кастаньяна.

Даже не верится, что все началось с бизона.

Прапрапрапрадед Альваро Труэбы строго следовал распорядку. Он вставал поздно, завтракал шоколадом с гренками на веранде своего родового имения в Пуэнте-де-Сан-Мигель, закуривал и принимался за чтение газет. *Голос Кантабрии* – сигарка. *Передовик Сантандера* – сигарка. *Независимая газета* и *Корреспонденция Испании* – полсигарки: эту либеральную прессу нужно пролистывать быстро и со скептически поднятой бровью, чтобы ненароком чего-нибудь оттуда не подцепить.

Днем, после обеда и обязательной сиесты, дон Марселино Труэба приказывал слугам запрячь фаэтон и неизменно объезжал свои владения. Нужно было удостовериться, что крестьяне работают исправно, и эта полуторачасовая поездка, хоть и изрядно утомляла его, однако же представлялась ему необходимой. Сиденье экипажа была не слишком-то удобным, и порой зад дона Марселино под конец поездки немного побаливал, но что делать. Как же иначе он мог проверить, выполняют ли поденщики свои обязанности?

После променада и горячей ванны он звал мажордома, и тот помогал ему одеться к ужину. Ужинали всегда в торжественной обстановке, как и подобало благородной семье. Сам он садился во главу стола, его супруга

напротив, в шести мерах от него. Дочка садилась по центру: она была уже достаточно большой, чтобы правильно орудовать столовыми приборами, не путая при этом ложечку для устриц с вилок для улиток. После ужина дон Марселино удалялся в свой кабинет, где занимался изучением ботаники и геологии: науками, в которых он обладал определенными знаниями. *Истинный кабальеро должен быть образованным*, говорил его отец. *Но в меру.*

Педантичное следование распорядку дня также должно быть свойственно дворянину. Оно отличает его от суматошной деревенщины. И поэтому, когда однажды утром к нему на веранду явился Модесто Кубильяс, его издольщик, дону Марселино это не понравилось. По утрам его не следовало тревожить.

Модесто почтительно снял шляпу и скрутил ее в своих смуглых мозолистых руках.

– Я нашел нечто, что может заинтересовать вас, хозяин.

Марселино задумался. Подобное вторжение было, конечно, недопустимым, однако газеты оказались в тот день на редкость скучными, и он решил отправиться навстречу приключениям вслед за своим издольщиком, прямо как в этих французских романах, которые постоянно читала его супруга (да и сам он тайком их проглатывал). Последний, недавно опубликованный роман «*Вокруг света за восемьдесят дней*» рассказывал о путешествии дворянина и его слуги. И, чувствуя себя немного Филеасом Фоггом, он последовал за Модесто Кубильясом.

Издольщик за час привел его к пещере, а остальное – история. Марселино был очарован красивейшей полихромной живописью, покрывающей стены пещеры, и на следующий год опубликовал выводы своего исследования. К сожалению, дон Марселино получил крайне мало поддержки. Практически никто из научного сообщества не поверил, что рисунки Альтамиры являются следами первобытного искусства, а кто-то даже заявил, что Марселино сам их нарисовал.

Поднялась такая неразбериха, что сама Изабелла Вторая, во время своей поездки к лечебным водам Пуэнте-Вьесго, изъявила желание посмотреть вышеупомянутую пещеру. В связи с этим в родовое имение явились дворяне из Сантандера и прервали завтрак дона Марселино. Тот и глазом не моргнул: все-таки это были дворяне и к тому же он вел с ними дела.

– Королева желает посмотреть пещеру на твоих землях, Марсе, – сказал один из них.

– Для меня будет большой честью принять Ее Величество, –

приосанившись, ответил Марселино.

– Дело в том, – сказал другой, – что раз уж она будет здесь, ты мог бы обсудить с ней вопрос банка.

Банк. Несущественный, пустяковый вопрос. Что` он по сравнению с возможностью отстоять свою правоту. Дон Марселино тут же согласился.

Королева приехала через пару недель. Злые языки сразу же принялись за работу. Изабелла Вторая не славилась особыми добродетелями, разве что целомудрием, да и то вряд ли. Поговаривали, что, увидев дона Марселино, с его приятной наружностью, с его бакенбардами, переходящими в усы, королева потребовала, чтобы он лично проводил ее посмотреть на пещерную живопись. Частный визит в пещеру в итоге настолько затянулся, что королеве даже пришлось приказать служанкам принести вина и пирожных, чтобы немного восстановить силы.

Дон Марселино вышел несколько часов спустя со слегка помятым воротничком и обещанием (вырванным в последние минуты, почти мимоходом), что министр экономики даст разрешение коммерсантам Сантандера на создание банковского общества.

Королева, уже сидя в экипаже, поцеловала его дважды (один раз в щеку), а затем скрылась в облаке дорожной пыли. Месяц спустя был создан банк с капиталом в пять миллионов реалов. Основной его целью был экспорт пшеницы через порт Сантандера.

Что же касается археологического открытия дона Марселино, то оно так и осталось непризнанным до самой его смерти, однако, по воле судьбы, умер дон Марселино в еще большем богатстве, чем родился. И с тех пор семья Труэба потихоньку приумножала капитал банка. У них было всего лишь два правила. Первое: с действующим правителем – королем, президентом или генералиссимусом – никогда не спорить, ведь любой правитель временный. Второе: банк должен постепенно расти.

Сто тридцать лет спустя, под умелым руководством семьи Труэба и узкого круга людей было построено это гигантское здание. Сто тысяч тонн и полтора триллиона евро активов. Самый крупный банк в Европе, в двадцатке крупнейших банков мира.

В «ауди» по громкой связи звонит телефон.

– Можете подниматься, – говорит Ментор. – Но я хочу вам кое о чем напомнить. Тебе, Скотт, напоминаю, что мне очень непросто было все это устроить. А вам, инспектор Гутьеррес, напоминаю, что я назначил вас ответственным.

Он вешает трубку.

Конечно. Ведь контролировать Антонию Скотт – это так просто, думает Джон, закрывая машину и в сотый раз пускаясь трусцой вслед за своей напарницей, которая уже направляется к стеклянной двери.

И ни один из них не обращает внимания на человека в кожаной куртке, джинсах и шлеме. А этот человек стоит на противоположной стороне улицы и их фотографирует.

Карла

Ее будит голос Сандры.

Она зовет ее.

– Я здесь, – говорит Карла. – Все в порядке?

– Я очень хочу спать.

– Он что-то сделал с тобой?

На этот раз Сандра не плачет. А сразу отвечает.

– Я не хочу об этом говорить.

– Я все слышала.

– Ты ничего не слышала.

Карла молчит. Она и сама несколько месяцев или, может, часов назад пережила приступ отрицания.

– Ты ничего не слышала, потому что ничего не было. А если ты что-то слышала, то почему не вмешалась? Почему не закричала?

Потому что я боялась.

Потому что не хотела разделить твою участь.

Потому что я просто заткнула уши и принялась перечислять лошадиные масти, как я всегда делала, когда сестра выключала в моей комнате свет и я оставалась одна в темноте.

– Ты права, – соглашается Карла. – Ничего не было.

Сандра надолго погружается в молчание. Карла хочет спросить что-нибудь про отверстие, то самое, через которое Сандра следит за Эсекиэлем и через которое ей, возможно, каким-то образом удастся подать сигнал о помощи или узнать какую-нибудь важную информацию. Но сейчас она не решается начать этот разговор.

– Там раньше был мальчик, – говорит Сандра после долгой паузы.

Карла слегка приподнимается.

– Какой мальчик?

– Мальчик. Там, где ты сейчас.

Карла чувствует внезапную пустоту в желудке и груди, словно ее тело

разделилось надвое. Ноги и голова сохраняют свою физическую консистенцию, хоть и заметно тяжелеют. А вот промежуток между нижней – совершенно ненужной – частью ее туловища и неспособной мыслить головой словно проваливается куда-то в иное пространство, в пространство кошмара. И именно этой половиной тела Карла осознает то, что говорит ей Сандра.

Так или иначе, она не может не спросить:

– Что с ним стало?

– Он постоянно кричал. Ему было страшно. А потом он перестал кричать.

Эта камера, это крошечное замкнутое пространство стало для Карлы чем-то если не привычным, то хотя бы понятным. Она здесь. Ее похитили. Она не может сбежать, не может ни с кем поговорить. Она может только ждать, ждать и еще раз ждать. И поэтому стены камеры стали новыми границами ее вселенной. Ее тело научилось за проведенные здесь часы (или, возможно, месяцы) уживаться в этом новом крохотном мирке. Ее глаза привыкли ничего не видеть, и воображение больше не рисует в темноте жуткие картины. Пальцы научились различать малейшие шероховатости пола, по которым она всегда может определить, где находится. Уши теперь улавливают каждое трение кожи, одежды, словно каждый звук, исходящий от ее тела, многократно усиливается. Камера стала ее крепостью, последним оплотом ее жизни и достоинства. Если и есть хоть какая-то надежда, то она обитает здесь, в пределах этой камеры. Пока Эсекиэль не приближается к ней, пока он не переходит этих границ, она готова и подождать. Лишь бы ее потом спасли и освободили.

Слова Сандры разрушили эту иллюзию с той же равнодушной беспощадностью, с которой слон осушает лужу, просто в нее наступив.

– Что стало с тем мальчиком, Сандра? Кто он? Его спасли?

– Замолчи. Он возвращается. И он не хочет, чтобы мы говорили.

Молчание. За дверью как будто кто-то проходит. Но Карла в этом не уверена, поскольку единственное, что она сейчас слышит, – это бешеный галоп своего сердца.

– Ну скажи мне, – в отчаянии говорит она. – Я должна знать.

В ответ Сандра еле слышно повторяет:

– Он постоянно кричал.

И тишина.

Странная штука власть, думает Джон.

У нее свои символы. Огромный кабинет на последнем этаже здания с видом, от которого дух захватывает. Несколько приемных, в каждой свои секретарши, чтобы ты сразу осознал, что здесь необходимо преодолевать барьеры. На полу ковровин. Электронный ключ для доступа в лифт. У двери телохранитель.

Но все эти внешние атрибуты только начало. Закуска. И ты уже ждешь, что главное блюдо явно должно быть на высоте.

А Лаура Труэба не то что на высоте. Она словно парит над всем и всеми, взирая вниз с небесной вершины.

Она высокая, гораздо выше, чем кажется по фотографиям. Сухощавая, со смуглой кожей, черными волосами и стальным взглядом. На ней красный юбочный костюм, прямо как на фотографиях из газет.

Конечно, работа есть работа... Но все-таки как-то странно одеваться в красное сразу после смерти сына, удивляется Джон.

Вокруг шеи обернут платок. Весьма элегантный способ скрыть морщины на шее, выдающие возраст. Единственный маленький изъян в этой безупречной, до миллиметра выверенной внешности.

– Добрый день. Присаживайтесь, пожалуйста, – говорит она, выходя из-за своего рабочего стола и провожая их к гостевой зоне, состоящей из диванов и журнального столика, над которым висит фотография супружеской пары Труэба. Здесь такие расстояния, что еще не вдруг доберешься.

– Не желаете ли кофе, чая? – дежурно спрашивает секретарша.

– Сеньоры тут ненадолго, – отвечает ей начальница, оборвав Джона, который уже открыл рот, чтобы попросить двойной эспрессо.

Из-за этого Бруно Лехарреты он даже не смог выпить свой утренний кофе. Какой же мерзкий тип. Антония пока не в курсе их разговора. Джон не знает, как ей обо всем рассказать, и решает пока просто подождать.

Может, все обойдется.

Знаменитые последние слова.

Секретарша прекрасно поняла по тону своей начальницы, что ей следует удалиться.

Только вот что-то не верится. Весь этот цирковой номер в кафе

отеля наверняка только начало, думает Джон. Но что ему надо?

– Скажу вам откровенно, – говорит Лаура Труэба, когда дверь за секретаршей закрывается и они остаются втроем. – Я принимаю вас не по собственному желанию. Мне сейчас хотелось бы побыть одной.

– Мы понимаем, сеньора Труэба. Мы знаем, что вы сейчас переживаете самый ужасный момент в своей жизни. Но полагаю, вам бы хотелось, чтобы справедливость была восстановлена, ради вашего сына.

– Сейчас я уже не вижу в этом смысла, – резко отвечает она. – Я понимаю, что это ваша работа, ваши служебные обязанности. Но поймите и вы, что у меня с вашим начальством... некоторого рода договоренность.

– Ради вашего банка. Не так ли? – спрашивает Антония.

Сидящий рядом Джон не может сейчас пнуть ее под столом. Но ему бы очень этого хотелось. И кажется, Лауре Труэбе тоже. Она стойко отразила удар, но выражение лица ее выдало.

– У вас есть дети, сеньора Скотт?

Антония отвечает не сразу.

– Да. Есть.

– Значит, вы, как никто другой, можете понять, на какую жертву мне приходится идти. Все вот это, – говорит она, широким жестом обводя помещение, – и это, – ударяет она каблуком о паркет (стук отдается гулким эхом, словно выстрел), – все это только кажется прочным, а на самом деле ровно ничего не значит. Отнимите у нас завтра все наши офисы, снесите все наши здания. Банк останется целым и невредимым. Потому что банк, сеньоры, – это идея.

– Идея, которую нужно защищать любой ценой, – настаивает Антония.

– Я не жду от вас понимания. И уж тем более осуждения. Но вы уже меня осуждаете, едва появившись в моем кабинете. Вы осуждаете меня, не понимая при этом, что женщина в моем положении – это не только мать. Ребенка я уже потеряла. И теперь моя задача как председательницы банка избежать бóльших потерь.

– Не только у вас отняли ребенка, сеньора Труэба. Карла Ортис пропала два дня назад, – говорит Джон.

Новость падает в сознание Лауры Труэбы, словно камень на дно озера. По ее лицу проходит волна потрясения и доходит до левой руки, которую она судорожно подносит ко рту, сдерживая возглас.

– Не может быть.

– Увы, это так.

– Это сделал тот же... человек?

– Это мы и хотим выяснить и поэтому обращаемся к вам за помощью.

Мы понимаем, что вы в первую очередь хотите избежать скандала, но сейчас на кону человеческая жизнь. Жизнь, которую мы еще можем спасти.

Лаура Труэба встает и подходит к окну. Стекло от пола до потолка, двенадцать метров в ширину – места ей хватает. Она молча стоит, скрестив руки на груди, несколько долгих минут. Из окна открывается невероятный вид на крыши города, а там вдалеке угадывается Королевский дворец и Западный парк. Но Лаура Труэба сейчас разглядывает пейзаж внутри себя. Не столь обширный и весь усеянный шипами.

Когда она вновь поворачивается к ним, глаза у нее покрасневшие, но сухие. Хотеть заплакать и заплакать – это разные вещи.

– То, что я скажу вам, – строго конфиденциально. Вы не должны никому это повторять и тем более разглашать публично. Это ясно?

– Да, сеньора, – говорит Джон.

Труэба поворачивается к Антонии. Та медленно кивает.

– Не знаю, известно ли вам, но официально нас даже не существует.

– Если вы не сдержите слово, то сильно об этом пожалеете, – говорит она таким ледяным тоном, что на нем впору на коньках кататься.

Джон и так уже понял, что с этой женщиной шутки плохи.

– Мой сын пропал днем. Мы ничего не знали об его исчезновении, нам сообщил об этом по телефону похититель. К телефону подошла не я. Когда я взяла трубку, этот... человек представился как Эсекиэль.

Джон и Антония одновременно вздрагивают. И переглядываются. Лаура Труэба закрывает глаза и плотно сжимает губы. Она уже обо всем догадалась по их взглядам.

– Он сказал мне, что похитил моего сына, а затем предъявил мне невыполнимое требование.

Инспектор Гутьеррес с трудом сдерживается, чтобы вновь не посмотреть на Антонию. У обоих на языке вертится вопрос, и оба боятся его задать. Наконец Джон решается.

– При всем уважении, сеньора, что же он такого попросил, что вы не могли ему дать?

Лаура Труэба, самая могущественная женщина в Испании, председательница самого крупного банка Европы, глубоко вздыхает, отводит взгляд в сторону и молчит. И в этом молчании ясно ощущается вина.

– Нам необходимо знать мотивы убийцы, сеньора.

– Так спросите у Рамона Ортиса. Он разве не сказал вам, что у него потребовал Эсекиэль?

На этот раз молчат Антония и Джон.

– Я так и думала.

Джон чувствует, что наружу просятся сразу несколько эмоций: смущение, ярость, грусть. Он запирает их на ключ, на два оборота, и кладет ключ в карман. Ему нужно продолжать. Ему обязательно нужно что-нибудь выяснить.

– Наверняка есть что-то еще, что вы могли бы нам рассказать.

– Я мало что могу добавить. Предъявив мне свое невозможное требование, он сказал, что у меня есть пять дней на его выполнение. Затем добавил: дети не должны расплачиваться за грехи родителей. И повесил трубку.

– А потом? Он больше не звонил?

Лаура смотрит в пол.

– Потом мы узнали, что обнаружили труп.

Джон и Антония обмениваются взглядами. Это плохая новость. Связь между похитителем и семьей жертвы чрезвычайно важна. Для полиции эта невидимая нить – одно из лучших средств для отслеживания преступника.

– За все это время – больше ничего?

Труэба в ответ смеется. Взрывается горьким глухим хохотом, словно забыв про достоинство.

– Бессонные ночи, взгляд, прикованный к часам и к телефону. Чувство всепоглощающей горечи, вины и боли. Чувство, которое так и не прошло и не пройдет никогда. Можете называть это *ничего*. Я бы назвала это адом, если позволите.

– Я очень сожалею.

– Есть решения, которые невозможно принять. Выбор, перед которым не должен оказаться никто. А теперь уходите, пожалуйста.

Джон поднимается с места. А Антония нет. Тогда Джон слегка касается ее плеча, и она наконец реагирует. Лаура Труэба по-прежнему сидит в кресле и невидящим взглядом смотрит перед собой, когда они идут к выходу.

– Инспектор, – зовет она.

– Слушаю вас, сеньора.

– У вас есть с собой оружие?

– Да, сеньора.

– Если вы прострелите голову этому сукиному сыну, ни вы, ни ваша семья никогда ни в чем не будет нуждаться.

Она хочет дождаться их ухода, чтобы наконец дать волю слезам.

Но не дожидается.

Парра

Капитан Парра совсем вымотался.

Операция на месте преступления рядом с Конным центром была очень утомительной. А ко всему прочему на него посыпались приглашения на интервью от различных СМИ. Журналисты узнали героического лидера отдела по борьбе с похищениями и вымогательствами национальной полиции на фотографиях, которые некоторые знаменитости и любители конного спорта выложили в «Инстаграме» и «Твиттере».

Парра, конечно, на приглашения не ответил. Он все-таки занятой человек, и все его внимание, словно сверхмощный лазер, нацелено на дело Карлы Ортис. Он и правда работает на износ, но в этом не должен сомневаться никто. Ведь Парра, как жена Цезаря, должен быть вне всяких подозрений.

Придет момент, когда все узнают о том, что произошло. Надлежащим образом, думает он. Парра считает себя отличным стратегом, искусным марионеточником.

Капитан практически не спал. Он пришел домой поздно, лег рядом с усталой женой, которая даже не пошевелилась. Они в браке уже десять лет, спали вместе тысячи раз, и ее тело больше не реагирует на его присутствие. Встал Парра раньше всех, убедился, что дети спокойно спят – о, эта благословенная утренняя тишина. И вот, солнце едва взошло, а он уже сидит в своем кабинете, на третьем этаже Главного департамента полиции. В здании унылого лососевого цвета.

Он занимается инвентаризацией улик. Элементов мало, но они есть.

У меня есть знак «Дорожных работ», думает он.

Через несколько минут откроется мурсийская фирма, изготовившая знак, и у нее запросят имя клиента, который его заказал. Парра лично звонил туда уже несколько раз, но там пока никто не подходит.

У меня есть фотография подозреваемого, сделанная тем пидорасом и идиоткой из Интерпола.

Только вот по ней ничего не поймешь. Просто какой-то мужчина непонятно какого возраста. К тому же они даже обнаружить ее не могут ввиду особых обстоятельств дела.

У меня есть результаты аутопсии шофера.

И эта смерть оставила Парру без главного подозреваемого. А в предварительном отчете только и говорится, что убийца правша и что орудием убийства был нож с лезвием примерно двенадцать сантиметров,

чрезвычайно острый.

Короче, ни хрена у меня нет, заключает он.

Но похититель Карлы Ортис еще позвонит.

Эта женщина стоит целое состояние.

Ему даже интересно, сколько именно. Самый большой выкуп в истории Испании был отдан за Ревилью: миллиард песет, примерно четырнадцать миллионов евро. И эта сумма даже в сравнение не идет с самым крупным выкупом в новейшей истории: шестьдесят миллионов долларов, которые отец заплатил за освобождение своих сыновей Хорхе и Хуана Борнов в 1974 году.

Парра покусывает колпачок от ручки (он недавно бросил курить, слишком уж дорого ему обходилась эта привычка) и откидывается на спинку кресла, вспоминая детали того похищения. Террористы из организации «Монтонерос» перекрыли главную улицу Буэнос-Айреса, Авениду дель Либертадор, прикинувшись рабочими, ремонтирующими газопровод. Когда рядом оказалась машина семьи Борн, они расстреляли охрану и захватили обоих братьев в плен. Их отец – самый богатый человек страны, совладелец крупнейшей компании по производству зерна, отказывался платить в течение девяти месяцев, до тех пор пока Хорхе Борн не убедил его выделить средства из бюджета компании. После такой потери фирма так и не смогла восстановиться.

Те шестьдесят миллионов долларов соответствовали бы сегодня двумстам пятидесяти миллионам евро. Но отец Карлы Ортис может заплатить и больше. Он может отдать миллиард, два миллиарда. Сколько потребуют. *Это похищение станет самым громким в истории, думает Парра.* И оно будет длиться долго, потому что похитители запросят много и отец, конечно, согласится, но чтобы собрать сумму наличными, потребует немало времени.

Они позвонят снова. И вот тогда мы их и поймает.

Телефоны Ортиса на прослушке. Все его контакты отслеживаются. Так что рано или поздно...

Успокоившись, Парра закрывает глаза. Нужно просто ждать, пока они снова не позвонят. Ведь они непременно должны позвонить.

Кто же упустит возможность заграбастать столько бабла?

Оба молчат.

Когда они садятся в машину, Антония вводит адрес в навигатор и отворачивается к окну. Джон понимает, что она едва сдерживается, чтобы не расплакаться, да у него и самого слезы подступают к горлу.

Он не спрашивает, куда они идут. Просто ведет машину по указанному адресу.

Ехать приходится недолго. Через восемь минут они подъезжают к школе. На входе висит британский флаг.

Антония выходит из машины. И тут же стучит в окно Джону:

– Пойдешь со мной?

Входная дверь закрыта, но как только они подходят ближе, раздается характерный жужжащий щелчок, позволяющий им войти. Дежурная на ресепшене приветствует Антонию сдержанной улыбкой.

– Они во дворе, – говорит она по-английски. – Только что вышли.

– Спасибо, Меган, – отвечает Антония. – Я туда, как обычно.

Антония проводит Джона по коридорам и поднимается с ним на третий этаж. Затем подходит к большому окну с видом на внутренний двор. Открывает обе створки и облакачивается на подоконник. Джон сомневается, можно ли ему подойти и встать у окна рядом с ней. В итоге решает, что можно. В конце концов иначе она не стала бы его сюда звать.

Во дворе не меньше миллиона чудиков в зеленых джемперах, белых поло и серых брюках.

– Он вон там, – говорит она, показывая на малыша с мячиком в руках. На вид года четыре. Черные волосы, улыбка в десять тысяч ватт. Ни с кем не спутаешь.

– Как его зовут?

– Хорхе. Хорхе Лосада Скотт, – с гордостью отвечает она.

– Он похож на тебя.

– Скорее, на своего отца.

– Улыбка твоя.

– Так бабушка говорит.

– А бабушки зря не скажут.

– Это точно, особенно моя. Надеюсь, вы как-нибудь с ней познакомитесь. Ты ей понравишься.

– Я-то нравлюсь всем бабушкам, дорогуля. Вопрос лишь в том, понравится ли мне она.

Антония на секунду задумывается.

– Думаю, да. Она очень жизнелюбивая и очень упрямая. Как и ты. Вам обоим нравится вино и английская шерсть. Думаю, вы бы поладили.

Следующий вопрос настолько бестактный, что его даже сложно сформулировать. Джон пытается задать его как можно деликатнее.

– Он ведь не с тобой живет?

Следующие несколько минут проходят в томительно-тяжелом молчании. Джон думает, что, возможно, обидел ее, как раз сейчас, когда она начала ему доверять. Ведь он прекрасно понимает, что такой закрытый человек, как Антония, не будет кому угодно показывать своего сына даже на расстоянии. Ему хочется со всей силы дать себе по щеке. Надо же быть таким тупым. И вдруг Антония отвечает.

– Когда это случилось с Маркосом, Хорхе исполнился год. Мне... мне было очень плохо. У меня было тревожное расстройство. Я оставила проект «Красная Королева». И не отходила ни на шаг от кровати Маркоса.

Учительница звонит в колокольчик: перемена окончена. Дети тут же выстраиваются каждый в свой ряд. Асфальт разлинован на несколько полосок, и каждой полоске соответствует рисунок какого-нибудь животного. Хорхе встает на полоску со львом.

– Бабушка и отец пытались как-то меня расшевелить. Но я полностью замкнулась в себе.

Дети начинают заходить внутрь. Один ряд исчезает за другим, и двор постепенно пустеет. Ряд Хорхе скрывается за розовыми дверьми предпоследним.

– Отец забрал у меня ребенка. А я даже не сопротивлялась. Для меня тогда это было облегчением. Я хотела лишь упиваться своей болью и чувством вины. Прошло уже три года, а мне до сих пор кажется, что так проще всего.

Антония смотрит на опустевший двор. Как и все школьные дворы, с уходом детей он превращается в серую тоскливую площадку.

– Я могу видаться с ним не чаще одного раза в месяц, причем не наедине. Отец говорит, что я должна пройти курс психотерапии, чтобы мне можно было доверять. Я его не осуждаю. К счастью, в этой школе мне разрешают смотреть на моего сына из окна при условии, что отец никогда об этом не узнает.

– Они так его боятся? А что он им может сделать?

– Ну для начала отобрать у них лицензию.

Джон прыскает со смеху.

– Он что, министр образования?

– Хуже. Он посол Великобритании в Мадриде. А это британская школа...

– Ну хотя бы ты можешь видеть сына.

– Да, одно время мне этого хватало. До определенного момента.

– И что же такого произошло потом? – спрашивает Джон, на самом деле имея в виду следующее:

Что же такого произошло, что ты решила мне все это рассказать?

Что же такого произошло, что ты привела меня сюда?

Что же такого произошло, что с тобой вдруг стало возможно общаться по-человечески?

Антония качает головой. Это священное место.

– Здесь я не хочу об этом говорить.

Готовить Джону Гутьерресу нравится.

Они оба умирали от голода, и Антония предложила пойти в какой-нибудь ресторан пообедать. Джон ответил, что в Мадриде в этот час нигде нормально не поесть; а Антония ему: много ты понимаешь; а Джон: а ты вообще в кулинарии не разбираешься; а Антония: да лучше, чем в Мадриде, ты нигде не поешь; а Джон: а тебе-то откуда знать, если еда для тебя на вкус как картон? В итоге они отправились домой к Антонии, так и не выяснив, у кого крепче яйца. Предварительно зашли в супермаркет на первом этаже: взяли сетку картофеля, луковицу, бутылку оливкового масла, полдюжины фермерских яиц (вот эти и оказались крепче).

И вот Джон снимает пиджак, подворачивает рукава, моет руки. Затем чистит картошку и нарезает ее тонкими ломтиками. Разогревает на сковороде оливковое масло, следя при этом, чтобы оно не слишком раскалилось. Выкладывает картофель, оставляет жариться двадцать минут. В это время шинкует лук и обжаривает его на отдельной сковородке до прозрачности. Перекладывает картошку в сито, давая маслу стечь. Отставляет ее в сторону, чтобы немного охладить. Затем раскаляет масло до адского пекла, и вновь выкладывает на сковороду картофель. Весь секрет в двойной обжарке. И теперь Джон выходит на финишную прямую. Он аккуратно взбивает яйца до получения однородной массы. Вынимает из сковороды картофель – хрустящий, с румяной корочкой. Дает маслу стечь, слегка промокает его бумажной салфеткой. Дает ему немного остыть, чтобы яичная масса при контакте с ним мгновенно не загустела. Затем вливает яйца в картофель и слегка его приминает, чтобы он пропитался жидкостью. Выкладывает все на сковородку к луку. Когда края запекаются, он переворачивает тортилью с помощью тарелки. Критический момент. Нужно хорошо посолить. И все, можно подавать.

Антония нарезает тортилью, сердцевина слегка растекается жидким золотом. Пробует.

– На вкус как картон, – говорит она с набитым ртом.

– Да пошла ты, Скотт.

На самом деле, это лучшая картофельная тортилья, которую Антонии доводилось есть за всю свою жизнь. Просто она об этом не знает из-за своей анонимии. Зато Джон это знает и потому уплетает за двоих. Он

съедает три четверти, добирая хлебом растекшуюся начинку. Они оба стоят на кухне и по очереди отщипывают по кусочку: сесть-то некуда. После тортильи – кофе из капсул Nespresso.

Из кухни они перебираются в гостиную и садятся на пол. Сквозь окошко просачивается дневное солнце. И в луче света танцуют миллионы пылинки.

– У тебя на редкость уютный дом, – говорит Джон, показывая на голые стены и пустое пространство вокруг.

– Когда это случилось с Маркосом, я решила от всего избавиться, – чуть слышно отвечает Антония. – Оставила только самое необходимое.

Она сейчас кажется еще более хрупкой и уязвимой, чем обычно.

– Вы с ним были очень близки.

– Мы и сейчас с ним близки. Маркос – он особенный. Он скульптор. И знаешь, он такой ласковый, такой милый...

– Как вы познакомились?

– В университете. Я училась на филологическом факультете. А он на факультете изящных искусств. Мы встретились на дне рождения одной общей подруги. Мы с ним тогда разговорились и так с тех пор и не можем наговориться. Через неделю я переехала к нему жить.

– Ты говорила мне, что это здание принадлежит ему?

– Оно досталось ему в наследство. Благодаря доходу от этого здания он мог посвящать себя исключительно творчеству. У него уже было несколько выставок в художественных галереях. Его карьера как раз начала идти в гору, когда...

Она не заканчивает фразу. Джон обводит жестом гостиную.

– Почему ты решила все убрать?

Антония пожимает плечами.

– Мой мозг... он не совсем обычный. Я могу делать то, чего не могут другие.

– Это я уже понял, – говорит Джон, отхлебывая кофе. – А что например?

– Я могу сказать тебе с ходу, в какой день недели ты родился...

– Четырнадцатое апреля 1974 года.

– Воскресенье. И если я что-то читаю, то сразу запоминаю наизусть.

– Посмотрим, – бросает ей вызов Джон, доставая из кармана упаковку жвачки и кладя ее на колени.

Антония смотрит на упаковку скептически.

– Я вообще-то не цирковая мартышка.

– Ну ладно тебе, я же прошу. И мы тут одни.

Антония переворачивает упаковку, читает состав и переворачивает снова:

– Подсластители (сорбит, изомальт, мальтитовый сироп, мальтит, аспартам, ацесульфам К), резиновая основа, наполнитель (Е170), ароматизаторы, стабилизатор (Е422), загуститель (Е414), эмульгаторы (Е472а, лецитин подсолнечника), красители (Е171, Е133), глазирующий агент (Е903), антиоксидант (Е321).

– Ух ты! Так ведь ты могла бы на уличных представлениях целое состояние сколотить.

– Ах, да, и не забудь: при чрезмерном употреблении может оказывать слабительное действие.

– Ну вообще чудесно.

– Ты ешь слишком много красного мяса.

– А что, мясо бывает каким-то другим? И вообще, я так и не понял, какое все это имеет отношение к тому, что у тебя в квартире нет мебели?

– Большинство людей имеют способность забывать, и эмоции от пережитого со временем притупляются. Моя же память практически совершенна. И любое тяжелое воспоминание может без конца причинять мне сильную боль. Поэтому у меня больше нет ничего, что напоминало бы мне о Маркосе.

– Кроме самого Маркоса, – как бы невзначай говорит Джон.

– Все ночи я провожу в его палате. Мне так чуть-чуть легче. Но днем я отхожу от его постели. Я прихожу сюда и занимаюсь... своими делами. Пытаюсь держаться, как могу.

– И так было всегда? Я имею в виду твою память.

– Нет, – отвечает Антония после паузы. – Не всегда.

– Что же с тобой сделали, девочка?

Антония вздыхает. *Девочка*. Она не говорит ему, что так ее зовет бабушка Скотт. И что бабушка задавала ей этот же самый вопрос уже тысячу раз. Она просто отводит взгляд.

– Я не могу тебе это рассказать.

Что сделали сначала

Черная комната, наполненная светом. Стены и потолок покрыты изолирующим материалом, настолько плотным, что сквозь него не проходит ни единого звука. Когда Ментор обращается к ней по громкоговорителю, его голос словно доносится одновременно отовсюду.

Антония сидит в центре в позе лотоса, на ней белая футболка и черные брюки. Ноги босые. В помещении холодно, хотя в любой момент температура воздуха может измениться. Ментор регулирует температуру по своему усмотрению – для дополнительного усложнения задания.

– 1997 год. Серб по имени Деян Милкиавич захватывает самолет, летящий в Барселону. Он требует у властей в обмен на освобождение ста четырнадцати пассажиров рюкзак с миллионом долларов и два парашюта. Самолет садится, и Милкиавич освобождает всех пассажиров. Затем он приказывает пилоту взлететь и взять курс на пустыню Монегрос. Когда они пролетают над пустыней, Милкиавич выпрыгивает из самолета, оставляя второй парашют в салоне. Почему?

– Если бы он попросил только один парашют, власти бы точно знали, что этот парашют для него, и могли бы дать ему бракованный. Но поскольку он попросил два, власти решили, что он собирается взять в заложники пилота, чьей жизнью они не могли рисковать, – сразу же отвечает Антония.

– Это легко. Теперь посмотри на экран.

Антония смотрит на огромный монитор, установленный напротив. Темный экран сменяется снимком, на котором изображена группа голых людей, смотрящих в камеру.

– Где это?

Глаза Антонии мгновенно сканируют изображение и тут же находят несоответствие.

– В раю.

– Почему?

– Тут есть мужчина и женщина без пупка.

– Слишком просто и слишком медленно.

Внизу монитора – красные цифры секундомера. Он измеряет время с точностью до тысячных долей секунды. Сейчас он показывает 02.437. Две целых и четыреста тридцать семь тысячных секунды.

– Каждый вечер ты даешь мне задание, и каждое утро я его выполняю, однако ты все равно на меня злишься.

Антония устала, ей едва удалось поспать этой ночью: по требованию Ментора она тренировала память, практически шесть часов подряд повторяя наизусть ряды простых чисел. Заминка.

– Будильник.

Секундомер останавливается на 01.055.

– Слишком долго. Ты должна прогрессировать быстрее.

– Мне просто нужен воздух.

Антония чувствует, что ее глаза слипаются, а голова начинает

кружиться. Ментор вновь изменил уровень кислорода в помещении. Она думает, а не пора ли ей со всем этим покончить, бросить все это раз и навсегда. Проводить больше времени с Маркосом. Пусть даже он с большим пониманием относится к ее постоянному отсутствию, поскольку знает, что ей этого хочется, ей это нужно.

Или, скорее, он так предполагает. Потому что порой она чувствует себя настолько усталой, что даже сама уже не знает, зачем ей все это надо.

А Ментор каждый день твердит ей о том, что она должна полностью реализовать свой потенциал.

– Ты можешь пойти еще дальше. Ты можешь зайти так далеко, как никто другой, – сказал он ей. – Ты хочешь этого?

Антония хочет этого.

– Способ есть, но будет непросто. Очень непросто. И ты станешь другой.

Антония соглашается без особых раздумий. Подписывает документы, которые ей дают, обязуется провести несколько месяцев вдали от семьи. Поначалу ее переполняет энтузиазм. Она думает о том, что впервые в жизни переступит порог двери, ведущей в неизведанное пространство.

И вот прошло несколько дней.

И теперь она уже ни в чем не уверена.

Антония всегда была особенной. С самого детства.

В эти последние дни ей в голову все чаще закрадывается одна мысль, расплзается в ее сознании, словно ужасная протечка на потолке.

Возможно, быть особенной – это не то, чего она хочет. Возможно, то, чего она на самом деле желает, – это как раз таки быть менее особенной.

Менее особенной и более счастливой.

– Ментор, я... – начинает она.

Но не успевает закончить фразу. Пути назад больше нет. Дверь открывается, и в помещение входят три человека в голубых комбинезонах. Антония с недоумением поворачивается к ним, но дать отпор не успевает. Один из них хватается за плечи и сбивает с ног, другой прижимает ее голову к полу.

Третий человек в голубом комбинезоне (женщина) держит в руке шприц.

Глядя на нее, Антония дрожит от ужаса. Она всегда испытывала животный страх перед иглами. Боль во всех своих проявлениях пугает ее, однако иглы занимают в ее классификации самых жутких вещей первое

место.

Это называется трипанофобия. Но не суть.

Невероятные возможности мозга Антонии сходят на нет перед перспективой боли.

Кожа – самый большой орган нашего тела, хотя мы нечасто думаем о ней как о самостоятельном органе, скорее, как о чехле, защищающем наш организм. А она между тем являет собой два квадратных метра, усеянных нервными окончаниями. Плюс-минус сто миллионов рецепторов.

Если бы они могли одновременно закричать от стресса, которому их подвергают, это было бы очень, очень громко.

В кабине наблюдения (они уже не в университете Комплутенсе, а в гораздо более укромном, секретном месте) Ментор разговаривает с восьмидесятилетним трясущимся старичком в клетчатом пиджаке. Старичок лысый и наполовину ослепший. Вид у него не очень. Складывается впечатление, что он одной ногой стоит в могиле, а другой на банановой кожуре.

Но не стоит судить о нем по внешнему виду. Потому как он, возможно, самый выдающийся нейрхимик своего поколения. И его имя наверняка вошло бы в список кандидатов на Нобелевскую премию, если бы он не был малость неуравновешенным.

– Не думайте, что я спокойно к этому отношусь, доктор Нуно.

Доктор прислоняет к стеклу руку, усеянную варикозными венами, – словно фиолетовыми грозowymi молниями. Постукивает по стеклу пальцами, издавая при этом своими длинными крепкими ногтями неприятный скрежет. И, прежде чем ответить, наблюдает за тем, как женщина вводит шприц в руку Антонии.

– Она ведь все подписала, разве нет? К тому же, все именно так и должно происходить. Страх и тревога субъекта способствуют выработке норадреналина в мозговом веществе надпочечников. Это повысит эффект от вводимого вещества.

Ментор выключает интерфон, чтобы не слышать криков Антонии.

– Разумеется, мы в некотором роде стреляем из пушки по воробьям. Одной-единственной капли вещества, вводимого непосредственно в гипоталамус, вполне бы хватило. Но ввиду того, что субъект должен оставаться в сознании и что малейшая ошибка при вводе иглы может стоить ему жизни, мы не рассматриваем такую возможность. Особенно если учесть, что субъект, похоже, не слишком готов к сотрудничеству.

Антония за стеклом по-прежнему дрыгается, сучит ногами, пытается

вырваться. Женщина уже сделала ей первую инъекцию и приступает ко второй.

Брыкания усиливаются.

– Вы уверены, что это безопасно? – спрашивает Ментор, отводя взгляд.

Можно было бы предположить, что после многократного проведения этой процедуры в дюжине стран доктор Нуно уже устал объяснять одно и то же. Но нет, он делает глубокий вдох и заводит свою волынку:

– Изобретенное мною вещество – это апофеоз жизни, посвященной нейрохимии.

Этот человек просто очарован звуком собственного голоса, думает Ментор, который мгновенно вычисляет и ненавидит себе подобных.

– Оно не сделает субъекта умнее, – продолжает доктор Нуно. – Это в принципе невозможно. Но оно может слегка изменить работу гипоталамуса, чтобы тот вырабатывал больше гистамина. Так скажем, на постоянной основе.

– То есть?

Ментор уже и так знает, как действует вещество доктора Нуно, поскольку прочитал об этом доклад на триста страниц. Однако он хочет, чтобы старик продолжал говорить, чтобы ему хоть как-то отвлечься от происходящего у него за спиной.

– Дополнительный гистамин позволяет субъекту постоянно находиться в состоянии повышенной готовности. Когнитивные способности субъекта усиливаются. Его внимание, восприятие, способность к решению проблем и память постоянно на максимуме. Только и всего.

– Только и всего, – мрачно повторяет Ментор.

Он поворачивается к стеклу. Женщина уже закончила с инъекциями. Мужчины в комбинезонах отпускают Антонию и уходят. Антония не осознает происходящего. Она вряд ли вспомнит о произведенных над ее телом насильственных действиях. Возможно, когда-нибудь потом в ее сознании и всплывут обрывочные образы. Но сейчас она просто лежит на полу и смотрит в пространство невидящим взглядом. Руки прижаты к туловищу, одна нога конвульсивно подергивается.

– Однако если учесть особый склад ума субъекта и явно очень большое количество норадреналина, выработанное из-за стресса, можно предположить, что результаты окажутся немного иными, – говорит Нуно, вновь постукивая ногтями по стеклу. – Вне всяких сомнений, они будут... интересными.

– Мы закончили? – спрашивает Ментор, которому не терпится пойти домой.

Нуно поправляет на носу очки и задумчиво улыбается. Затем достает из портфеля запечатанный конверт и протягивает его Ментору.

– Я – да. А вот для вас, дорогой сеньор, все только начинается.

Ментор открывает конверт. Вынимает из него папку на кольцах. И по мере того как он перелистывает страницы, лицо его становится все бледнее и бледнее.

– Это... это обязательно?

Доктор Нуно вновь улыбается.

Ментор предпочел бы не видеть эту улыбку.

– Если вы хотите добиться успеха, это единственный путь.

Четкий ответ

Джон пристально смотрит на Антонию.

– Ты не можешь рассказать или не хочешь?

Антония отводит взгляд.

Нет, она не станет говорить ему о своих обрывочных воспоминаниях.

О смутных образах, порой возникающих в голове по вечерам.

– Не могу. И не хочу.

Что сделали потом

Испытательная комната теперь другая.

Больше, чем предыдущая. Стул прикручен к полу двенадцатисантиметровыми винтами. С потолка свешиваются пять черных нейлоновых лент. Самая широкая предназначена для пояса. Остальные четыре – для запястий и лодыжек. К концу каждой из них присоединен электрод с застежкой на липучке. Этот электрод способен дать разряд в 30 вольт.

Сегодня испытание лентами.

Антонии плевать на электроды. Да она и мало что помнит из этих тренировочных сеансов. Когда сеанс начинается, она садится за стол. Перед ней ставят стакан воды и кладут две капсулы. Она берет в рот красную и выпивает полстакана воды. А синюю глотает уже в конце. Эта капсула стирает воспоминания.

Например, воспоминание о том, как через минуту после приема красной капсулы двое мужчин в голубых комбинезонах подвешивают ее за ленты головой вниз.

По громкоговорителю звучит голос Ментора.

– Каким было твое лицо до рождения?

Антония делает глубокий вдох и закрывает глаза. Она пытается освободить свое сознание от шума, утихомирить обезьян, прыгающих в ее мозгу. И, по мере того, как наркотик начинает действовать, она постепенно погружается в своеобразную мысленную тишину.

В сгущающейся тьме она концентрируется на *коане*^[35]. На нерешаемом вопросе из рода тех, что мастера дзэна на протяжении

столетий задают своим ученикам. Она получает *коан* от Ментора перед каждым сеансом.

И в этой тишине она видит, каким было ее лицо до рождения.

Она открывает глаза.

Сеанс начинается.

На экране перед ней появляется изображение. Шесть субъектов, стоящих в ряд и смотрящих в камеру. Изображение остается на мониторе меньше секунды.

– У кого на шее был платок?

– У номера три.

– Какая женщина была самой высокой?

– Номер шесть.

– Какого цвета был платок у номера два?

– Красного.

Антония попадает на удочку, прежде чем успевает понять, что у номера два платка не было. Электрический разряд бьет ее по рукам и ногам и превращает ее диафрагму в бубен.

Ленты поднимают Антонию настолько высоко, что ее спина и пятки практически касаются потолка.

На экране появляется новое изображение. На этот раз числа. Шесть рядов по одиннадцать цифр.

Секундомер внизу экрана начинает отсчитывать время, как только цифры исчезают. Антония начинает повторять числа, как можно быстрее.

Секундомер останавливается.

06.157.

– Ни одной ошибки. Хорошо.

Ленты опускают ее на двадцать сантиметров.

Правила просты. Правильный ответ – двадцать сантиметров. Как только сможешь коснуться пола – испытание закончено. Если отвечаешь неправильно или недостаточно быстро – получаешь разряд и поднимаешься к потолку, теряя все свои отвоєванные сантиметры.

– Чем больше их делаешь, тем больше оставляешь позади.

– Шаги.

Антония улыбается. Пот стекает со лба и застилает ей глаза.

До пола осталось только два с половиной метра.

Это отнюдь не счастливая улыбка.

Джону ее безумно жаль, ему бы хотелось утешить ее, спасти от холода, вечной тьмы, одиночества и боли, что живут у нее внутри. Он хочет протянуть ей руку, хочет обнять ее. Но он этого не делает, поскольку чувствует, что так будет только хуже.

– Пора за работу, – отрезает она.

– Подожди. Ты мне до этого сказала, что в тебе что-то изменилось. Что тебе уже недостаточно видеть сына раз в месяц из окна. Что же произошло?

– Лаура Труэба.

Джон понимает. Педантичные, стерильно-безукоризненные показания председательницы банка для обоих стали ударом. Ничего удивительного, что после этой встречи Антонии захотелось как можно скорее увидеть сына.

– Холодная, бессердечная стерва.

– Не знаю. Возможно. Я просто не понимаю ее поступка. Не знаю, что такого потребовал Эсекиэль, что она не могла ему дать. Но нужно обязательно постараться это разгадать.

Инспектор Гутьеррес на секунду задумывается.

– Эта фраза, которую он сказал... про то, что дети не должны расплачиваться за грехи родителей. Поищи на айпаде. Она из Библии.

Антония набирает фразу в поисковике и показывает ему результат.

Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается.

Разве Я хочу смерти беззаконника? – говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?

– Иезекииль, глава восемнадцать, – говорит Антония. – Ты был прав.

– Как сказал бы Капитан Качок, «будем исходить из того, что Эсекиэль – это псевдоним». Наш убийца взял себе имя пророка.

Антония встает и опирается спиной о стенку.

– А скажи-ка, знаток катехизиса, чтобы мне, атеистке, стало понятно. Кем был этот бородатый сеньор? Предполагаю, что борода у него была.

– У них у всех была борода, детка. Иезекииль был иудейским

священником во времена Вавилонского пленения. Еврейский народ тогда оказался в подчинении у жестокой тиранической власти. И пророк Иеремия говорил о справедливости в трудные времена. О том, что каждый должен сам отвечать за свои ошибки. Вот что это значит.

– Я, конечно, не теолог, но сдаётся мне, что наш Эсекиэль понял все с точностью до наоборот.

– Да уж: похищенный сын, невыполнимое требование и фраза о том, что «дети не должны расплачиваться за грехи родителей».

– Я вот думаю, какие такие грехи могут быть у председательницы банка, – говорит Антония.

– Что-то мне в голову ничего не приходит.

Антония смотрит на него с удивлением.

– Вообще-то я это с сарказмом сказала.

– Сарказм – это явно твое, как и теология, – говорит Джон, с трудом сдерживая смех.

– Значит, целью похищения был шантаж, – продолжает Антония. – Эсекиэль похитил Альваро Труэбу и потребовал у его матери что-то сделать в обмен на освобождение мальчика. Она отказалась. И больше не было ни переговоров, ни давления, ни звонков.

– И сейчас он потребовал нечто подобное у Рамона Ортиса. Нечто, вызывающее к нему не как к отцу, а как к бизнесмену.

– И о чем Рамон Ортис не захотел нам рассказать. Почему?

– Возможно, чтобы избежать нашего осуждения.

– Вряд ли. Ты же видел, насколько Лауре Труэбе было плевать на наше мнение. Я вот думаю: если Эсекиэль больше не позвонит и не назначит место передачи выкупа... как же он получит *плату*?

– Видимо, это должен быть какой-то поступок Ортиса, о котором станет известно. Какое-нибудь публичное заявление.

Это единственное логичное объяснение, думает Джон.

– Поэтому-то Ортис так настаивал на том, чтобы все оставалось в строжайшем секрете. И Труэба тоже. Потому что если бы дело получило огласку...

Джон почесывает голову.

– Антония, ты была права. В ту ночь, когда мы были у Ортиса. Ты сказала, что он вел себя странно. Что он чего-то боялся, чего-то непонятного. Но это был страх не за дочь. Теперь мы знаем, чего он боялся.

Антония медленно кивает.

– Он боялся нас.

Джон смотрит на часы.

– Карле Ортис недолго осталось.

– Сорок с половиной часов, – отвечает Антония.

Две тысячи четыреста тридцать шесть минут. За это время сердце Карлы может сделать еще сто семьдесят тысяч ударов, до того как Эсекиэль навсегда его остановит в отместку за грехи ее отца.

– Что ж, пора действовать, – говорит Джон, поднимаясь на ноги.

Они оба понимают, что выбора у них нет.

Когда нет никаких зацепок, когда все возможности исчерпаны, единственное место, где они могут найти хоть какую-нибудь информацию, – это то место, где появляться им запрещено.

У входа в здание, где живет Рамон Ортис, стоят двое телохранителей.

Миллиардер не вернулся в Ла-Корунью, а отменил все свои рабочие планы и остался в столице, в своей квартире на улице Серрано. Адреса у них не было, но Антонии понадобилось меньше двух минут, чтобы вычислить его по фотографиям в блогах и желтой прессе. Последний этаж величественного здания менее чем в пятидесяти метрах от торгового дома Эль Корте Инглес.

Инспектор Гутьеррес паркует машину в неполюженном месте – на стоянке такси прямо напротив здания. При этом он не замечает, что неподалеку паркуется мотоциклист.

Джон ждет пару минут и выходит из машины. Встреча с телохранителями наверняка будет короткой и не слишком приятной. Джон предполагает, что их уже предупредили о том, что они с Антонией – персоны нон грата.

Так и есть. Когда он приближается, телохранители тут же одновременно принимают надменный вид. Два чертика из табакерки в черных костюмах с галстуками и с такими лицами, будто их вот-вот стошнит. А тошнит их, видимо, от человека, шагающего в их сторону с лучезарной улыбкой.

– Добрый день, – говорит инспектор Гутьеррес.

Антония тоже кое-что предположила. А именно, что у кофейни рядом со входом в здание (знаменитая франшиза с ужасным французским названием, при том что испанский – такой красивый язык) есть черный ход. Поэтому она вышла из машины чуть раньше и немного прошла пешком. И вот она заходит в кофейню и, не спросив разрешения, проходит за барную стойку. По пути она чуть не задевает официантку, обслуживающую клиентов с пакетами из безумно дорогих бутиков. Та поворачивается к ней, что-то говорит, но Антония на нее даже не смотрит, она напрямик направляется к маятниковой двери – с иллюминатором, как и положено – и проходит на кухню.

Пахнет жареным миндалем и свежесыпеченным хлебом, хотя на самом деле запах исходит от булочек, приготовленных на каком-нибудь заводе и разогретых работниками с мизерной зарплатой в вертикальной печи,

забитой подносами. Двое молодых людей смотрят на Антонию с изумлением, но она и не думает останавливаться. Она открывает вторую маятниковую дверь и проходит мимо менеджера, склоненного над компьютером, тот настолько поглощен изучением электронной таблицы, что сначала даже не замечает присутствие постороннего человека. С другой стороны кабинета – проход в коридор.

Как только Антония приближается к коридору, сотрудник подскакивает с места и начинает кричать.

Она не обращает на это внимания, рассчитывая на то, что у нее в данной ситуации есть преимущество. На подобные внезапные вторжения практически никто не реагирует инстинктивно и незамедлительно. Необходимо какое-то время для осознания происходящего, для переосмысления повседневной действительности, чтобы отреагировать соответствующим образом на то, что кто-то совершает *предположительно* неправомерные действия.

– Пойдите! Сеньора, пойдите!

Она решительно идет по коридору. Дверей несколько, и, поскольку у Антонии нет времени, чтобы открыть каждую, она мысленно рисует карту (расположение улицы, первый поворот за барной стойкой, второй поворот за кухней) и делает вывод, что ей нужна дверь в конце коридора. Подойдя ближе, она убеждается, что рассчитала все правильно: это единственная дверь, закрытая на защелку. Антония возится с замком – тот оказался очень тугим.

– Вам нельзя здесь находиться, – слышит она голос сотрудника за спиной. Совсем рядом.

– Я так опаздываю, я так опаздываю, – не оборачиваясь, отвечает Антония, с блеском подражая белому кролику из «Алисы в стране чудес». – Я так опаздываю к дантисту.

Дверь открывается очень вовремя: руки сотрудника уже касаются ее плеча. Антония пролезает в приоткрытую щель и, оказавшись в подъезде, с силой захлопывает дверь.

– Совсем долбанутая, – слышит она по ту сторону двери приглушенный голос. Она уже готовится бежать, в случае если сотрудник кофейни решит преследовать ее и в подъезде, однако, похоже, ее пародия на кролика произвела должный эффект. Щелчок закрывающегося замка возвещает о том, что сотрудник решил больше не заморачиваться.

Проблемы теперь впереди. Антония выглядывает из подъезда и видит Джона, разговаривающего с телохранителями. Ничего не слышно, но Джон жестикулирует, словно рыночный торговец. Это плохой знак: если спор

зайдет слишком далеко, Парра или какая-нибудь его шестерка не заставят себя ждать. То есть нет, не так. Не *если* спор зайдет слишком далеко. А *когда* зайдет.

Антония прикидывает, что в лучшем случае, в ее распоряжении десять-пятнадцать минут.

Препятствие: кто-то вызвал лифт. А лифт в этом здании старинный, системы «Штиглер»^[36]. Кабина из красного дерева, скорость полметра в секунду. Установлен самим Шнайдером^[37] в 1919 году, как гласит табличка на железной решетке.

Еще одно препятствие: телохранители открыли дверь в подъезд. И один из них заталкивает Джона внутрь.

Они пока не увидели Антонию, но шансов остаться незамеченной у нее теперь гораздо меньше.

Антония решает подняться по лестнице, на тот случай, если телохранители из подъезда вызовут на подмогу еще одного, который, вне всяких сомнений, стоит у двери в квартиру. И интуиция ее не подводит. В районе третьего этажа Антония видит кабину, в которой спускается человек в черном костюме, с галстуком и с наушником на спиральном проводе – для полноты образа. Антония прижимается к стене, словно пытаясь стать невидимой, однако легендарному инженеру Якобу Шнайдеру пришла в голову плохая идея установить внутри кабины зеркала. На всех стенках.

Взгляды Антонии и Телохранителя номер три встречаются. Антония тут же на всех парах мчит наверх. Теперь у нее нет и десяти минут, на которые она рассчитывала.

Она практически без сил прибегает на шестой этаж (Антония сейчас далеко не в идеальной форме) и звонит в дверь. Порой остается лишь надеяться на лучшее.

Открывает ей Рамон Ортис собственной персоной. В хорошие дни он выглядит не на восемьдесят, а на семьдесят. Но только не в такой день, как сегодня. Впалые глаза, серая дряблая кожа.

– Вы кто?...

И тут же узнает Антонию.

При этом он прячется за приоткрытой дверью, словно за щитом.

– У меня мало времени, сеньор Ортис. И у вашей дочери тоже.

На лестнице (величественной, мраморной, украшенной скульптурами) раздаются шаги Телохранителя номер три. Все ближе и ближе.

– По идее, я не должен с вами разговаривать, – неуверенно говорит Ортис.

Если он сейчас закроет дверь у нее перед носом, как ему явно хочется, – партия проиграна. И Антония решает идти ва-банк.

– По идее, вы должны были сказать полицейским правду по поводу того, что от вас потребовал Эсекиэль.

Рамон Ортис даже не шелохнется. И только пепельно-серая кожа становится мертвенно-бледной.

– Пожалуйста. Возможно, это наш последний шанс, – умоляет Антония.

Остается шесть секунд до того, как здесь окажется Телохранитель номер три.

Возможно, для кого-то шесть секунд – это совсем крошечный период времени.

Но только не для Рамона Ортиса.

За эти шесть секунд перед глазами Рамона Ортиса проплывают сцены двух вариантов развития событий. Либо он позволит Антонии войти и скажет, что действительно солгал полиции, признавая тем самым себя виновным в препятствии правосудию и способствуя тому, чтобы вся правда всплыла наружу; либо он закроет перед ней дверь и не изменит своих показаний. За эти шесть секунд перед ним появляется и образ Карлы: вот она совсем еще малышка, роняет мороженое на персидский ковер; а вот она уже подросток, впервые поздно возвращается домой, вся в слезах из-за разрыва со своим первым парнем.

Телохранитель номер три подбегает к Антонии и обездвиживает ее. Ему не требуется особых усилий, чтобы заломить ей руку за спину. Антония не пытается оказывать сопротивление – да даже если бы и пыталась, она все равно весит на тридцать килограммов меньше, чем он. За все это время она ни на секунду не отводит взгляда от Ортиса.

– Пожалуйста, – повторяет Антония, выворачивая шею, лишь бы не прервать визуальный контакт.

Одним-единственным жестом вы можете остановить это безумие, говорят ее глаза. Одним-единственным словом вы можете все изменить.

Миллиардер отводит взгляд и медленно закрывает дверь.

Даже Коппола не смог бы создать сцену лучше.

Бруно

Вот что значит качественный журнализм, думает Бруно Лехаррета.

Никто и никогда так сильно себя не любил, как он любит себя сейчас. Вернемся немного назад.

Мотоцикл «Пежо Ситистар», который он накануне взял в аренду, обошелся ему недешево: 129 евро в день, однако оказался отличной инвестицией. Серый, неприметный, с багажником. Стоит лишь надеть шлем, и баскский журналист тут же превращается в одного из многочисленных курьеров, разъезжающих по Мадриду. Он практически становится невидимкой. По крайней мере для зеркала заднего вида в машине инспектора Гутьерреса, который так за целый день и не понял, что за ним следят. Когда этот болван поспешно покончил с завтраком и сел в машину, Бруно уже поджидал его на улице. Маршрут был необычайно интересным. Сначала он привел к частному дому в Лавапьес, в район, который политкорректные люди называют мультиэтническим и которому Бруно дал ласковое определение *арабское гетто*. Узкие односторонние улочки, на которых Бруно пришлось изрядно постараться, чтобы остаться незамеченным, *черт бы их побрал*. Гутьеррес заехал за какой-то девицей, которую Бруно толком не удалось разглядеть: слишком быстро она запрыгнула в машину.

Оттуда – к бульвару Кастельяна, к штаб-квартире *этого самого* банка, охренеть можно. Бруно сделал несколько фотографий с противоположной стороны улицы. Затем – в школу, вообще черт знает что. Бруно совсем запутался, прямо как провод от наушников. Обрато в Лавапьес: они оба заходят в дом и надолго там пропадают. Бруно сначала не решается пойти перекусить в какой-нибудь местный бар, отчасти чтобы не упустить Гутьерреса, отчасти из-за боязни подцепить там заразу. Затем все же собирается с духом и покупает себе в китайском магазине слоеное печенье в фабричной упаковке. Но за грехи надо платить, и изжога от этой индустриальной отравы не заставляет себя ждать.

Бруно Лехаррета, самопровозглашенная легенда баскского журнализма, автор незабываемых заголовков восьмидесятых и девяностых, проделал путь в четыреста километров до столицы, истратил последние деньги на карточке на аренду мотоцикла, следуя голосу интуиции...

И голосу неприязни, черт возьми. Что тут еще скажешь.

...и вот сейчас его уже достала вся эта слезка, у него болит зад, и желудок выворачивается наизнанку; он отчаянно хочет увидеть *хоть какую-нибудь* выходку инспектора Гутьерреса или принять альмакс^[38]. Оба варианта ему подходят.

Полный провал. Я просто жалкий старик, вот кто я.

Наконец, инспектор и его напарница снова выходят из дома. Бруно убирает подножку и нажимает на газ. Спустя пятнадцать минут они оказываются на улице Серрано, и вот здесь *кое-что* происходит. А именно: эта мелкорослая девица выходит из машины на углу и куда-то убегает. А Гутьеррес проезжает еще несколько метров и паркуется в неполюженном месте. Прямо на стоянке такси напротив подъезда. Собственно, он целый день паркуется в неполюженных местах, и Бруно это зафиксировал на фотографиях. У инспектора Гутьерреса больше нет полицейских привилегий для подобной парковки, ведь он отстранен от должности с лишением жалованья. Но, конечно, одного этого для целой статьи маловато.

Сделай что-нибудь, Гутьеррес.

И тот его как будто услышал. Гутьеррес выходит из машины и направляется к подъезду. *Тоже мне, кукла Фамоса*^[39], думает Бруно – человек старого покроя.

В свое время в Бильбао профессия телохранителя процветала – такой уж был период – и правые политики постоянно окружали себя охраной. Так что с некоторыми телохранителями Бруно приходилось сталкиваться, и теперь он чует их за милю, даже за полторы мили.

Те двое, что стоят у подъезда, сразу напрягаются, останавливают Гутьерреса, а он кладет руку на сердце, типа, да ладно вам, я с миром, а они ему небось: что вы тут делаете. Гутьеррес машет руками так, словно дирижирует Венским филармоническим оркестром, и фотографии у Бруно выходят просто превосходные. Телохранители заталкивают его в подъезд, при этом разговаривают с кем-то через гарнитуру, то прижимая палец к наушнику, то отпуская: видать, вызывают подкрепление или запрашивают указания.

Бруно так и остается ни с чем. Однако ему приходит в голову (все же не зря он самопровозглашенная легенда баскского журнализма), что можно узнать, кто живет в этом доме. Читать имена на почтовых ящиках он, конечно, не станет, но ведь сейчас все можно найти в интернете. Бруно Лехаррете уже шестьдесят три, и ему требуется добрых пятнадцать минут, чтобы выяснить, кто является собственником верхнего этажа.

Ни фи́га себе.

Он тут же начинает нервничать, как и любой журналист, почувавший скуп^[40]. *Обязательно надо назвать это скупом, не сенсацией и не событием. Скуп*, думает Бруно, *как мы уже заметили, он человек старого покроя. Однако насколько этот скуп будет большим, пока неясно.*

Бруно ждет, когда инспектор выйдет.

Гутьеррес не выходит, зато появляется кое-кто другой. Он выходит из машины секретной полиции (хотя, когда на тебе бронезилет и видок у тебя соответствующий, какая уж тут секретность). Бритоголовый здоровяк. Козлиная борода. Бруно Лехаррета где-то уже его видел, однозначно. Только вот вспомнить бы еще где...

И тут в его памяти раздается щелчок и все встает на свои места. Прямо как в тетрисе, когда удается заполнить сразу несколько рядов прямой фигуркой.

Хосе Луис Парра, капитан отдела по борьбе с похищениями и вымогательствами национальной полиции. У подъезда Рамона Ортиса – самого богатого человека в мире.

А вот и джекпот!

Вот что значит качественный журнализм, думает Бруно Лехаррета, не переставая фотографировать. Никто и никогда так сильно себя не любил, как он любит себя сейчас.

Он ждет пару минут, полагая, что Парра или кто-нибудь еще выйдет из подъезда, но никто не выходит.

Бруно слезает с мотоцикла и решает подойти ближе. У него нет никакого плана действий, он просто хочет знать, в чем тут дело, ему необходимо это знать.

И тут они выходят. Все одновременно. Сначала инспектор, затем эта девица, и наконец Парра.

– Ты отстранен вместе со всей командой, – говорит капитан.

– Ты можешь прочистить уши и услышать меня? Ты должен проверить такси. Сделай хотя бы это.

– Я не собираюсь тебя слушать. Я тебя предупреждал, чтобы ты сюда больше не совался, предупреждал или нет? Я вел себя по-товарищески даже с таким неудачником, как ты.

– Конечно, очень по-товарищески. – Гутьеррес поворачивается и тычет в него пальцем. – Особенно в том, что касается отдела внутренних расследований. Нужно быть просто свиньей, Парра. Просто свиньей.

– Наслаждайся своим окончательным увольнением, *инспектор*.

Гутьеррес поворачивается и с размаху бьет его по лицу – четким чемпионским ударом. Открытой ладонью. Удар звучит так, словно в кастрюле взрывается петарда.

Парра и глазом моргнуть не успел.

А вот Бруно Лехаррета все прекрасно увидел, и в скором времени эту

сцену увидят очень многие, поскольку он заснял ее на свой мобильный с камерой высокого разрешения, спрятавшись за стендом. За стендом с рекламой конкурентов Ортиса, по иронии судьбы.

Будь на месте Парры кто-нибудь послабее, он тут же свалился бы как подкошенный – от такой-то затрецины. А кто-нибудь не такой сдержанный полез бы в драку.

Но Парра – красный как рак на половину лица – невозмутимо улыбается, поскольку знает, что победил.

Гутьеррес тоже это знает. И уходит, поджав хвост.

Бруно сомневается, стоит ли за ним идти. В итоге решает, что не стоит. С Гутьерресом и так уже, можно сказать, покончено. Он больше не представляет интереса. Зато теперь Бруно может легко отхватить *скуп*, нужно лишь протянуть за ним руку. А пока что он протягивает руку, чтобы поприветствовать инспектора, который проезжает мимо него на машине. Гутьеррес притворяется, что не видит.

Журналист ждет, пока капитан немного успокоится: все-таки не хочется нарваться и получить оплеуху, не отвешенную бывшему инспектору. И лишь когда Парра с телефоном в руке направляется обратно к машине, Бруно решает с ним заговорить.

– Простите, капитан. Можно вас на минутку?

Парра резко поворачивается и гневно на него смотрит. Видимо, ярость пока не полностью улеглась. Журналист отступает на шаг. Или на два. Поднимает руки в знак мирных намерений.

– Вы вообще кто такой?

– Меня зовут Бруно Лехаррета, капитан. И мне кажется, нам есть о чем поговорить.

По паспорту она Лаура Мартинес, но если к ней так обратиться, она не откликнется.

В последний раз она откликнулась на это имя, будучи семнадцатилетней девчонкой, а с тех пор прошло уже три года. Сейчас она уже зрелая женщина, знающая, чего хочет от жизни. Она вполне может сама выбрать себе имя, что, собственно, она и сделала.

Ледибаг.

Она искусно вытатуировала это имя на правом предплечье. Эспектро только чуть-чуть помог ей придержать трансферную бумагу, а с остальным она преспокойно справилась сама. Божья коровка с филактерией^[41], на которой написано *Ледибаг*, – это одна из лучших ее работ, и она ею гордится. Настоящий тату-мастер должен носить рекламу своего бизнеса на собственной коже.

Сегодня она устала, ей пришлось принимать у себя в салоне не одного и не двух, а целых трех ТПТ (Тупых Пьяных Туристов). Все трое заявили одновременно (дверной колокольчик едва не надорвался) и попросили татуировку с китайскими иероглифами. Посмотрели образцы и выбрали один.

– Что это означает?

– *Свобода*, – с серьезным лицом ответила Ледибаг и попросила деньги вперед.

Эти идиоты завывали, как побитые собаки, когда к ним прикасалась иголка, но все-таки выдержали испытание, благодаря чудесному эффекту от конопляной настойки, которой Ледибаг протирала им кожу. Все трое ушли с вытатуированным «мокрым ковром» на плече. Потому что те иероглифы, что действительно означают «свободу», очень некрасивые. Простые и схематичные, словно комод и окно. Поэтому она даже не включила их в свой каталог.

После ТПТ никто больше не пришел. Разве что Эспектро, который периодически к ней заходит, чтобы попытать удачу: мало ли получится снять с нее трусики.

Ледибаг от скуки отправляется с ним за ширму. Пара поцелуев, и вот он уже трогает ей грудь. Слегка оттягивает ей футболку и поигрывает

левым соском, вытащив его из бюстгальтера. Сосок становится каменным, как и член у него под джинсами. Она возбуждается, продолжая с ним целоваться и лаская его через ткань, однако внезапно раскаивается. Так всегда происходит, когда они обнимаются в салоне за ширмой. Нет, здесь нельзя, по крайней мере, это не будет ей в удовольствие. Ведь в подсобке ее отец. Она немного остывает и решает остановиться на полпути, отстраняя от себя Эспектро.

– Все, хватит.

– Детка, ты не можешь так со мной поступить, – говорит он, прижимаясь к ее промежности.

– Еще как могу.

– Может, хоть подрочишь мне?

– Иди сам себе подрочи. Завтра приду к тебе домой, тогда и потрахаемся.

Эспектро немного дуется, однако не настаивает.

– Приходи сегодня, – говорит он, откидывая с ее глаз зеленую прядь волос.

– Посмотрим, – уклончиво отвечает она, прощаясь с ним.

На самом деле, никуда она не собирается идти, потому что ей хреново и у нее болит живот. Вот-вот должны начаться месячные, и в эти дни она всегда легко возбуждается, но при этом и раздражается легко. Если она пойдет к Эспектро домой, месячные начнутся, как только они приступят к делу.

И тогда будет полный Мордор.

Эспектро на самом деле зовут Рауль, но, когда она решила поменять имя, он последовал ее примеру. Сначала этот поступок показался ей довольно романтичным, но сейчас она видит, что Рауль не истинный гот. Он одевается в черное, слушает 45 Grave, The Wake и Diva Destruction, но только чтобы подражать ей. И Ледибаг с ним немного скучно. Она уже понимает (все-таки зрелость дает о себе знать), что он потихоньку превращается в ходячую посредственность и что она в конце концов бросит этого размазню Эспектро. Или того хуже: выйдет замуж за какого-нибудь либерала в костюмчике с дипломом МВА, голосующего за партию «Сьюдаданос»^[42]. Вот уж поистине катастрофа.

Лучше умереть.

К тому же ей надо заботиться об отце. После того как с ним случился инсульт, он не может больше работать и часами сидит в подсобке, просматривая по телевизору старые фильмы. Свободно он может двигать только левой рукой, но для переключения каналов большего и не требуется.

Во всем остальном он зависит от дочери. Ледибаг готовит ему еду, укладывает его, моет, кормит, и все это без единой жалобы на судьбу, даже мысленной. Он всегда был для нее хорошим отцом. Они с ним одни против целого мира. И пусть мир только попробует хоть что-то им сделать.

К тому же он идет на поправку, с улыбкой думает Ледибаг.

Это правда. *Улучшения есть*, говорит врач. Если в ближайшие месяцы приступ не повторится, возможно, он даже сможет говорить. Ходить вряд ли, но говорить – возможно. Он еще молод, ему только сорок девять.

Этого возможно вполне хватает Лауре, то есть Ледибаг, чтобы каждый день просыпаться с улыбкой.

– Это мой отец, черт возьми. Заткнись, а то получишь, – угрожает она всякий раз, когда Эспектро спрашивает, не надоело ли ей ухаживать за отцом каждый день. При этом с силой сжимает ему яйца, чтобы он понял, что она это серьезно, и чтобы не смел такое говорить. И тут же целует его, чтобы он не обижался.

А еще она обожает свою работу. Деньги ей приносят ТПТ (все-таки ее салон находится как-никак на улице Уэртас), которые, конечно, не способны оценить ее талант. Но время от времени появляются *настоящие* клиенты. Те, которые верят в Искусство. И вот это действительно бесценно, и даже мир вокруг становится чуточку лучше, когда обнаженная кожа превращается в холст для прекрасной картины.

Рабочее время подошло к концу, и Ледибаг нажимает значок «выключить компьютер». Если она поторопится, может, все-таки успеет к Эспектро.

Она уже сложила все свои вещи в сумку, но компьютер не хочет выключаться. «Электронная почта не позволяет выключить компьютер». *Посмотрим, что там такое.*

Видимо, какое-то письмо застряло. Так и есть. Оно так до конца и не загрузилось: в последнее время такое часто бывает. Отправлено вчера днем. Ледибаг открывает. Это массовая рассылка, и она уже собирается отправить письмо в корзину, но что-то ее останавливает.

В письме содержится весьма странная просьба.

Идентифицировать татуировку насильника.

Она задумывается, не прикол ли это. Однако электронный адрес вроде нормальный, и отправитель письма – женщина. И Ледибаг нажимает на фотографию. Как и все ее знакомые женского пола, она в той или иной степени подвергалась сексуальному насилию со стороны мужчин. *Но теперь все по-другому. Теперь мы, женщины, друг за друга горой*, думает Ледибаг, которая никогда еще не работала по найму.

Изображение не очень четкое, и видна только часть татуировки, совсем маленькая, но кое-что определить по ней можно. Это нижняя часть щита, сомнений нет. А под ним – нечто похожее на свернутый змеиный хвост...

Нет. Это что-то другое.

У тебя талант к воспроизведению форм, Лаура, говорил ей отец, когда она была совсем маленькой и только начинала рисовать. Она тогда изображала персонажей «Мстителей» в виде геометрических фигур. Зеленый квадрат, синий круг, красный треугольник – вот так выглядели ее супер-герои. И это при том, что другие дети в этом возрасте рисовали восьмипалые руки, напоминающие раздавленных пауков. Ее отец был прав. Она читала формы как открытую книгу. И этот ее талант никуда не исчез.

Нет, это не змеиный хвост сворачивается кольцом под щитом.

Это хвост крысиный.

И, кажется, она уже видела его раньше.

Ее сердце начинает биться быстрее, потому что она вдруг вспоминает, где именно она видела этот крысиный хвост. И Ледибаг чувствует радость, отвечая на письмо, и одновременно жгучую досаду, но уже по другой причине.

Черт возьми, месячные начались.

Парра

Капитан Парра – человек осторожный.

С одной стороны, он рад, что Гутьеррес сам себе накинул петлю на шею. С неожиданной помощью его нового друга, этого баскского журналиста. У того, конечно, рожа старого конченого неудачника. Но с видеосъемкой он справился на ура. Его видео (это просто судьба, инспектор, сначала та шлюха, теперь старикан) окончательно затянет петлю на шее Гутьерреса, но с другой стороны, самому Парре теперь ведь тоже придется иметь дело с этим журналюгой.

Хотя... может, оно и к лучшему.

Информация все равно рано или поздно должна просочиться в СМИ, так пусть уж тогда кто-нибудь сделает эксклюзивный репортаж и добавит происходящему немного красок. И капельку героизма. Покажет события под правильным углом. А затем все остальные СМИ его скопируют. Ведь сегодня уже никто не думает своей головой, все ограничиваются повторением того, что уже кем-то сказано.

Кстати, об информации.

Парра садится в машину и по дороге в Департамент звонит Санхуану:

– Что это еще за история с такси, и какого черта я не в курсе?

– Я просто счел эту информацию не очень важной...

– А тебе не кажется, что это мне решать, что важно, а что не важно?

Санхуан нервно сглатывает. Парра прямо как будто видит его на том конце провода: небось весь сжался, как испуганная собачонка. Он вечно пугается, когда ему говорят «плохо».

– Нам пришло письмо из НЦР.

Парра выезжает на кольцевую развязку Куатро-Каминос. Он уступает дорогу машине впереди, даже поворотник включает, оставаясь при этом внутри кольца. Он этого делать не должен, но очень уж он вежливый водитель.

– Твою мать! Из НЦР?

– Я не знаю, ни как, ни когда им стало обо всем известно, – продолжает Санхуан. – Они сказали нам, чтобы мы проверили возможность того, что в похищении была задействована машина такси с краденными номерами.

– Тебе пришло письмо из НЦР, и ты решил, что оно не важное?

– Просто оно пришло сегодня утром, и я еще...

– Санхуан, клянусь тещей, земля ей пухом, я тебе голову оторву.

Пока Санхуан зализывает раны, жалобно глядя в телефон, Парра пытается собрать в голове пазл. Ему уже приходилось иметь дело с сотрудниками НЦР, с этими беспринципными ублюдками, которые работают сами по себе. Но если у них на столе окажется лишний кусок хлеба, они могут милостиво бросить несколько крошек собакам.

– Надо проверить, что там с этим такси. Но очень осторожно. *Бойтесь данайцев, дары приносящих*, и все в этом роде.

– Бойтесь кого?

– Черт возьми, Санхуан. Не позорься.

Когда он приезжает в Департамент, Санхуан ждет его у входа в кабинет с кипой бумаг и выражением, как у нашкодившего пса.

– Сегодня в полдень в комиссариат Канильяса поступил анонимный звонок и звонивший заявил, что на пустыре перед торговым центром Гран-Виа-де-Орталеса стоит такси. Машина наполовину сожжена. Видимо, ее подожгли ранним утром, поскольку она уже не дымилась. Коллеги не придали этому большого значения. За машиной уже отправили эвакуатор, когда я сказал им, чтобы ее оставили нам.

Парра вздыхает. Еще бы чуть-чуть, и машина отправилась бы на

демонтаж.

– Ты послал туда криминалистов?

– Они уже в пути. А ты посмотри на фотографию, которую мне отправил один оперативник, который был рядом с такси.

Парра смотрит на фотографию. И тут же переводит взгляд обратно на своего помощника.

– Ты показал это Ортису?

– Он подтвердил.

– Отлично, Санхуан. Молодчина.

Санхуану остается только хвостиком повилиять.

Джону Гутьерресу уже и плакать не хочется.

Этот длинный и грустный день они провели в кафе недалеко от Лас-Кортес, на улице Седасерос. К заказанным напиткам даже не притронулись. И друг на друга не смотрели.

Антония практически все время молчала, рассказала только то, что случилось у дверей Ортиса. Передала факты сухим бесцветным голосом. Без интонаций. Без эмоций.

Факты говорят сами за себя.

а) Рамон Ортис не собирается им помогать.

б) Из сорока часов, оставшихся Карле Ортис, они истратили пять. На что?

в) На то, чтобы окончательно угробить карьеру инспектора Гутьерреса.

Антония безумно зла на него. Ее насквозь пронизывает ледяная ярость.

– Ты не должен был его бить. Тем самым ты позволил ему одержать окончательную победу.

Джон не отвечает. Он прекрасно знает, что она права. Хорошо еще, что Антония не заметила присутствие Лехарреты. Сам-то Джон видел, как тот махал ему с тротуара рукой, когда они отъезжали от стоянки такси на улице Серрано.

Похоже, этот сукин сын целый день за нами следил.

Это очень, очень плохо. И Антония, как ни крути, должна обо всем узнать.

Она по-прежнему смотрит в окно. Кто знает, что сейчас у нее в голове.

Джон хочет попросить у нее прощения и рассказать ей про журналиста, избавиться от этого груза как можно скорее. Словно зеленая бородавчатая жаба лезет у него вверх по горлу и хочет выпрыгнуть изо рта, но гордость заставляет его изо всех сил стиснуть зубы и не выпускать ее наружу. Пусть спустится обратно и обглодает ему все внутренности.

Ничего другого я и не заслуживаю.

И это ерунда по сравнению с тем, что ждет Карлу Ортис.

К ним подходит официантка с ручкой и блокнотом и спрашивает, *не желают ли они что-нибудь еще*, очевидно, имея в виду: *не занимайте зря*

столлик, либо закажите что-нибудь, либо уходите. Джон поднимает на нее взгляд, чтобы ответить *нет*, и видит Карлу Ортис. Он видел ее и за соседним столиком, и на улице, у входа в кафе. Джон теперь видит ее повсюду, куда ни взглянет. Он с трудом сдерживает себя, чтобы не броситься на улицу и не начать ее искать где только можно. Он понимает, что это просто отчаяние рвется из него наружу и застилает ему взгляд. И в этом отчаянии он пытается за что-то ухватиться, но пальцы натываются на пустоту.

– Нет, спасибо, – отвечает он, глядя на официантку, которая уже вовсе не Карла Ортис, а полная женщина лет пятидесяти.

Видимо, она что-то чувствует в его взгляде и решает не настаивать. Вместо этого пару раз щелкает ручкой и говорит:

– Конечно, не торопитесь, как вам будет угодно.

В этом безутешном и удушливом мире даже такая маленькая любезность со стороны женщины – глоток свежего воздуха для Джона. В благодарность он даже оставляет ей десять евро чаевых. И теперь у официантки денег больше, чем у него самого.

Этот подаренный вселенной глоток кислорода позволяет Джону набраться сил, чтобы рассказать про мерзавца Лехаррету.

– Скотт, я должен кое-что... – начинает он.

Антония жестом прерывает его. И лезет в карман за телефоном. Кто-то звонит.

– Надеюсь, хорошие новости.

Ее выражение лица меняется, когда она слушает, что ей рассказывает Агуадо. Не то чтобы оно становится радостным, но, по крайней мере, во взгляде Антонии появляется проблеск надежды.

Она передает услышанное Джону.

– Пойду за машиной, – говорит он.

– Не надо. Мы в десяти минутах ходьбы.

На углу блестит неоновая вывеска. Слово ТАТУ, написанное огромными оранжевыми буквами. Ледибаг решила не закрывать салон, раз уж сеньора, отправившая письмо, доктор какая-то, попросила дожждаться ее коллег из полиции. А в этот час в салон заваливаются в основном лишь ТПТ и просят иероглифы. Вот, например, сейчас перед ней лежит дряблый белокурый голландец за сорок – он заказал вытатуировать ему слово *крепость* на шее. И в это время приходят полицейские.

Ледибаг выглядывает из-за ширмы.

– Присаживайтесь, – говорит она им, указывая иголкой на стулья. – Я почти закончила.

Вскоре из-за ширмы появляется голландец, воняющий антисептиком, а за ним и Ледибаг. На ней черные джинсы и топ – в готическом стиле. У голландца красная шея, а под ухом красуются два свеженьких иероглифа. Девушка достает из-под прилавка пластырь (татуировка очень маленькая, незачем тратить целую повязку) и наклеивает его голландцу на покрасневший участок кожи.

– А почему *клещ*? – спрашивает Антония, показывая на татуировку.

Голландец вопросительно смотрит на Ледибаг.

– Что она сказала? – спрашивает он по-английски.

– Она сказала, что вы очень сильный, – отвечает девушка, универсальным жестом показывая бицепс.

– Ха-ха. Клещ, сильный, – с довольным видом повторяет голландец. Он достает пятьдесят евро за татуировку и оставляет пять евро чаевых.

Расплатившись, он уходит. Как только затихает звон дверного колокольчика, Ледибаг поворачивается к Антонии.

– Вы мне чуть бизнес не порушили.

Антония в ответ улыбается – впервые за день. А глядя на нее, улыбается и Джон.

– Надеюсь, в ближайшие дни он не пойдет в китайский ресторан, – говорит Антония, показывая на дверь, через которую только что вышел голландец.

– Из-за этого не стоит беспокоиться. Китайцам нравится видеть

лаоваев^[43] с вытатуированными смешными словами. Они никогда не раскроют секрет. Я Ледибаг, – говорит она, протягивая руку, усыпанную кольцами. Джон и Антония представляются в ответ. – Подождите секундочку...

Она переворачивает табличку на двери (теперь надпись ОТКРЫТО повернута внутрь, как бы странно это не выглядело) и закрывает дверь на защелку.

– Ты и по-китайски говоришь? – шепчет Джон.

– Скорее, читаю, чем говорю, – скромно отвечает Антония.

Ледибаг вновь поворачивается к ним.

– Вы очень быстро пришли.

– Мы были совсем рядом, – говорит Джон. – Вы сказали нашей коллеге, что у вас есть информация относительно интересующей нас татуировки, это так?

– Так. Подождите секунду.

Она отправляется в подсобку за занавеску из бусин и возвращается с толстой черной папкой на кольцах. На корешке наклеен кусок желтого скотча с цифрами: 1997–1998.

Ледибаг кладет папку на стол и открывает. Внутри оказываются прозрачные файлы с фотографиями Polaroid в тонких картонных рамках.

– Где-то здесь, – говорит она, листая с конца.

Отлистав примерно три четверти, она переворачивает папку. На странице только одна фотография.

Четыре правые руки, озаренные фотовспышкой. Лица моделей расплываются в полумраке. На всех четырех руках одинаковые татуировки. Руки сильные, жилистые, а вокруг татуировок – багровая кожа с кровавыми точками.

Рисунок весьма изящный, выполнен скорее в мультяшном, чем в реалистичном стиле. Острозубая крыса прикрывается щитом. На щите готическим шрифтом написано что-то нечитаемое. Фотография плохого качества, и буквы едва видны.

Пульс Джона бешено ускоряется, и инспектор пытается успокоиться. Возможно, один из этих мужчин – Эсекиэль. Возможно, одна из этих рук убила Альваро Труэбу, похитила Карлу Ортис и стреляла в них с Антонией из «Порше Кайен».

– Нам нужны чеки. Бухгалтерские счета. Что-нибудь. Нам необходимо установить личности этих людей, сеньорита, – говорит Джон.

– Не сеньорита, а сеньора, инспектор. Обойдемся без сексизма. И боюсь, с этим я не смогу вам помочь. С той поры у нас ничего не осталось.

Я в те годы еще и на свет не родилась, а мой отец всегда ужасно вел дела.

Чертовы миллениалы, думает Джон. Попробовал бы кто к моей маме обратиться «сеньора», а ей уже семьдесят...

– Эти татуировки делал ваш отец? – спрашивает Антония.

– Да. Он в то время только начинал, но уже неплохо справлялся.

– Нам бы хотелось с ним поговорить.

Ледибаг вздыхает с некоторой готической развязностью. Она представляет себя Миной Харкер в исполнении Вайноны Райдер^[44], но в реальности ее вздох больше напоминает звук сдувающейся подушки, на которую кто-то сел.

– Поверьте, и мне тоже. Пойдемте.

Они проходят за занавеску из бусин, и Ледибаг ведет их по коридору до подсобного помещения, пропахшего потом и нафталином. Там сидит бледный скрюченный мужчина. В инвалидной коляске. Перед ним тридцатидюймовый телевизор. На экране идет вестерн. Свет исходит только от экрана, и перестрелка у корраля О-Кей^[45] периодически озаряет его лицо.

– Папа. К тебе пришли.

Мужчина в коляске не отводит взгляда от экрана, на котором Кирк Дуглас объясняет Берту Ланкастеру, что он не ходит на свадьбы, только на похороны.

– Папа, – повторяет Ледибаг. Она наклоняется к нему и ласково гладит его по левой руке.

И мужчина в ответ сжимает руку дочери.

– Это все, что он сейчас может, – поясняет Ледибаг. – Полтора года назад с ним случился инсульт, и с тех пор он потихоньку приходит в себя. Очень потихоньку.

Антония и Джон не могут скрыть разочарование. Ну как же так: они, возможно, наконец-то вышли на след Эсекиэля, а тот, кто мог бы им помочь двинуться по этому следу, находится практически в вегетативном состоянии.

Какое же у Бога жестокое чувство юмора, думает Джон.

– Можно попробовать задать ему вопрос? – спрашивает Антония.

Ледибаг думает, покусывая выкрашенные черной помадой губы. При этом сережка в носу возмущенно мотается из стороны в сторону.

– Думаю, терять все равно нечего. Но лучше попробуйте задавать ему вопросы через меня.

Антония просит показать ему фотографию.

Ноль реакции.

– Это вы делали эту татуировку?

Ноль реакции.

– Вы помните этих людей?

Ноль реакции.

Как и на следующие семь вопросов.

– Это бесполезно, – говорит Ледибаг. – Он в лучшем случае может ответить жестом. Вы просто не представляете...

Джон думает, что Антония как раз представляет.

Она как раз отлично представляет, что значит жить рядом с человеком, который был когда-то сильным, ласковым, обходительным. Который разговаривал, мечтал, шутил, ел, смеялся, пел. Который был активным, счастливым, постоянно находился рядом и дарил радость окружающим. И который внезапно, за один миг превратился в нечто совершенно иное. В воспоминание, в собственную тень, требующую постоянного внимания, накладывающую на тебя обязательства. И не дающую тебе взамен ничего, кроме боли и чувства безысходности. Он становится черной дырой с бесконечной силой притяжения, и эта дыра поглощает все воспоминания, все тепло и счастье, и тебе остается лишь рациональное, весьма сомнительное удовлетворение от выполненного долга.

Антония молчит.

Антония по-прежнему думает. Она пытается найти способ обойти непреодолимое препятствие. Ментор перед сеансами тренировки

(то есть пытки)

иногда повторял ей один коан.

Что произойдет, если на пути неостановимой силы окажется неподвижный объект?

Как и на любой другой коан, ответа нет.

Но это не значит, что мы не будем его искать, думает Антония.

– Вы сказали, что он может ответить жестом? – спрашивает она Ледибаг.

– Я думаю, больше не стоит пытаться, – распрямляясь, отвечает девушка.

Ей уже хочется, чтобы они ушли.

– Пожалуйста. Это очень важно, ответьте ей, – вмешивается Джон и тут же добавляет: – Сеньора.

Ледибаг смотрит на него с недоверием, но затем все же

поворачивается к Антонии.

– Иногда может, да.

– Нам необходимо знать, что написано на щите. Это может нам помочь.

Ледибаг задумывается на несколько секунд. Затем берет у входа папку с образцами. Кладет ее на пол и достает два листа.

На них напечатан алфавит, едва различимый среди плюща, кинжалов, рун и черепов.

– Папа, ты помнишь, что написано на татуировке этих людей? – спрашивает она ласковым голосом. Затем вновь показывает ему фотографию, на которой готические символы расплываются темной кляксой.

Ноль реакции.

Ледибаг подносит оба листа к его глазам. Однако тревожить его она не хочет и потому решает не заслонять ему телевизор.

На экране Кирк Дуглас кашляет кровью, подносит платок ко рту и вытирает подбородок со знаменитой ямочкой.

Мужчина в инвалидной коляске начинает шевелить левой рукой. Медленно-медленно подносит ее к бумаге.

Джон и Антония смотрят, затаив дыхание. Им не видно, на какие буквы он указывает, и те несколько минут, которые требуются ему для ответа, тянутся невыносимо долго.

– Эн. Бэ. Кью. Все верно, папа? NBQ?

Мужчина сжимает руку дочери.

Джон и Антония смотрят друг на друга.

Всего лишь три буквы.

Но они могут все изменить.

Лишь когда они выходят из салона, поспешно поблагодарив девушку и ее отца за их огромные усилия, Антония говорит вслух:

– Он полицейский.

У Джона Гутьерреса еще остались друзья.

Не то чтобы много, но остались. Тот, что сейчас берет трубку, – его наваррский коллега, Чема Барандиаран, который живет в Мадриде уже черт знает сколько. Не меньше двадцати лет. Они учились вместе в академии в Авиле и с тех пор виделись несколько раз. На встречах однокурсников все вновь собираются в Авиле, *разлетевшиеся темные ласточки*^[46]. Чема. Славный парень. Он, конечно, не очень хорошо отреагировал, когда Джон объявил о своей ориентации: они все-таки вместе принимали душ и о таких вещах следует сообщать заранее. Но все это уже в прошлом.

Чема – это ходячая энциклопедия. Настоящий знаток. Из тех, кто день и ночь корпит над книгами. При этом ни романы, ни стихи, ни прочая чепуха его не занимают. А занимает его история полиции. Чема работает в отделе кадров в Главном департаменте. Он знает много чего интересного.

И сейчас он рассказывает Джону.

Можно сказать, что все началось в 1937 году в Лиссабоне. В то утро, когда португальский премьер-министр и диктатор отправился на мессу в частную часовню одного друга. Террористы (не помню, какие именно) подложили бомбу в канализационный коллектор и активировали ее.

Ничего не вышло. Вся сила взрыва осталась в трубопроводах, под асфальтом, и в результате машина лишь слегка помялась. Но прецедент был создан.

Первое отделение Подземной полиции появилось в Мадриде в 1958 году. Тридцать семь военнотружущих. Их официальной задачей было предотвращать преступления, совершаемые под землей. Хищения силовых кабелей, водоочистного оборудования, проникновения в банки и ювелирные магазины через подземные ходы. Однако в действительности они в основном следили за тем, чтобы Генералиссимусу никто не подложил бомбу, как это случилось с Салазаром^[47].

Диктаторы нередко уделяют таким деталям пристальное внимание.

Это было лишь вопросом времени: кто-нибудь неминуемо должен был попытаться подложить бомбу под землю, «с приходом радостного мира»^[48]. Так и произошло пятнадцать лет спустя. 20 декабря 1973 года трое террористов (в итоге они стали участниками одной из самых

кровожадных банд за всю новейшую историю) отправили Карреро Бланко на тот свет, убив заодно его шофера и находившегося в машине инспектора полиции, а также тяжело ранив четырехлетнюю девочку, которая потом на всю жизнь осталась инвалидом. Те три сукина сына заложили взрывчатку в туннель под улицей, где проезжала машина тогдашнего председателя правительства. Они оказались хитрее португальцев. Перед совершением теракта они тщательно изучили неудачное покушение на Салазара (террористы тоже уделяют деталям пристальное внимание). Они положили мешки с песком, чтобы взрывная волна пошла в правильном направлении и образовала провал восемь метров в диаметре на улице Клаудио Коэльо.

Автомобиль был заброшен на террасу иезуитской школы, в которой учились двести пятьдесят детей. Дети обычно выходили на террасу именно в этот час. Туда, куда приземлилась железная машина в тысяча восемьсот килограммов. Но по счастливой случайности ребяташек отпустили на каникулы за два дня до этого. А террористы об этом просто не подумали (о таких деталях они беспокоятся уже гораздо меньше). Небось повеселились: ха-ха, забавно получилось с Карреро Бланко, да?

Подземная полиция явно была не на высоте в то утро 1973 года, однако отдел продолжил расти и развиваться. Когда Испания стала демократической страной, угрозы в адрес политиков и других высокопоставленных лиц никуда не делись. Мадрид становился все более крупным городом, и было необходимо следить за тем, что происходит «ниже нулевой отметки», как говорят полицейские. С течением времени меры безопасности пришлось усилить. В 1996 году Национальная полиция создала внутри Подземной полиции новое подразделение. Подразделение NBQ. Эксперты по взрывчатке, а также по ядерным, биологическим и химическим угрозам. Поначалу в состав этого подразделения входили четверо мужчин.

– Четыре машины, – заключает Чема. – Лучшие из лучших.

Держу пари, я знаю, какую татуировку они сделали, когда было создано их подразделение, думает Джон.

– Ты знаешь, что с ними стало? С этой четверкой?

Чема отвечает не сразу. Джону кажется, что он слышит, как тот стучит по клавиатуре, возможно, ищет информацию у себя на компьютере, но это не точно. Ответ в итоге звучит так:

– Двое из них продолжают работать. Один уехал из Испании, кажется, сейчас живет в Мексике, точно не знаю.

Пауза.

– А четвертый?

– Четвертый погиб, Джон. По официальной версии – при взрыве в туннеле. Говорят, что это было самоубийство, поскольку вряд ли бы он мог подорваться случайно. Он слегка тронулся умом, с тех пор как его дочь погибла в автокатастрофе за шесть месяцев до этого.

Одним меньше. Остаются трое.

Прежде чем повесить трубку, Чема добавляет кое-что еще:

– Слушай, Толстый, – (необъяснимое прозвище, которое дали Джону в Авиле), – здесь, в департаменте, все это обсуждают. Завтра утром за тобой прилетят стервятники.

Стервятники. Из отдела внутренних расследований. Значит, Парра все-таки на него донес. Собственно, ничего удивительного.

Если они задержат его завтра утром, если увезут его на улицу Сеа Бермудес и наведут ему на лицо свет от лампы – то все кончено. Разумеется, припомнят ему и герыч в сутенерском багажнике. Тут они могут нанести ему серьезный удар. Но главное, что, как только они начнут изучать под микроскопом его действия за последние три дня, Джону придется многое объяснить. А объяснить, не выдав при этом Антонию, будет невозможно.

Я должен буду выбирать между ней и тюрьмой.

– Спасибо, Чемита.

– Береги себя.

Джон возвращается к Антонии, сидящей на скамейке на улице Уэртас. И передает ей только то, что касается Подземной полиции. Услышанное подтверждает ее подозрения.

Зеленая жаба у него внутри превращается в Невероятного Халка.

Антония не видит, как он стискивает зубы, чтобы удержать жабу внутри. Она целиком сосредоточена на первой реальной зацепке, появившейся у них с начала этого безумия. Один из тех четырех полицейских – Эсекиэль. Это объясняет его способность скрывать следы преступления, как в случае с убийством Альваро Труэбы, а также его способность к подобной сумасшедшей езде, как по М-50. Ту погоню Антония до сих пор вспоминает с огромной досадой (как и любой бы вспоминал на ее месте).

Она просит у Ментора телефон капитана Парры. Ментор дает его с неохотой. Он недоволен.

– Я недоволен, – говорит он.

Антонии плевать. Сейчас не время для бессмысленных споров и глупого самолюбия. Единственное, что важно, так это то, что остается еще тридцать два часа до окончания срока, установленного убийцей. Они еще могут спасти Карлу Ортис.

Она набирает номер Парры и говорит:

– Капитан, у меня есть для вас важная информация относительно Эсекиэля.

Парра

– Кто это? – спрашивает Парра и тут же узнает ее. – Ах, да. Привеска к Гутьерресу. Интрепол, все дела. Если бы у меня было время, я бы обязательно выяснил, что вы там замышляете.

– Капитан, я знаю, что вы не очень расположены с нами говорить, но поверьте, это гораздо важнее всех наших разногласий.

– Что я не очень расположен... – Капитан взрывается глухим, утробным хохотом, напоминающим собачий лай. Без тени веселья. – Да вы своими действиями чуть не угробили расследование.

– Возможно, мы должны были поговорить с вами, прежде чем отправиться к Конному центру, но зато...

– Возможно, да, возможно. Порой и невозможное возможно, – усмехается Парра. – Только не говорите мне, что зато вы узнали что-то необычайно важное для расследования.

– Вообще-то да, узнали. У нас есть веские основания полагать, что Эсекиэль...

В трубке снова раздается хохочущий лай. Но на этот раз Парре и правда весело. В его хохоте слышится злорадство.

– Полицейский? Вы отстали, сеньора Интерпол. Настоящее имя Эсекиэля – Николас Фахардо. Сотрудник Подземной полиции. Пару лет назад он инсценировал собственную смерть. Однако на днях он совершил ошибку. Мы обнаружили его отпечатки пальцев на руле такси, угнанного на прошлой неделе. Прежде чем поджечь машину, он тщательно вымыл ее хлоркой, но вот отпечатки остались... И, сдвинув машину с места, мы обнаружили под багажником туфлю, принадлежащую Карле Ортис. На ней оказались ее отпечатки, а также отпечатки Эсекиэля.

На том конце провода тишина. Пропитанная разочарованием.

– А вспомните, капитан, кто сказал вам, что нужно найти такси.

Откуда она знает информацию из НЦР? В голове Парры раздается тревожный звоночек, однако капитан слишком занят своими находками, чтобы обращать на это внимание.

– Не понимаю, о чем вы. Да и понимать не хочу: главное, что мы в ближайшее время явимся домой к Фахардо. Который хоть и умер, однако продолжает исправно платить за свет, воду и газ. И живет в полуподвале. Ладно, я вас оставляю. Передайте мой поклон инспектору.

Парра вешает трубку. И тут же думает, что надо было добавить нечто вроде: *«Скажите ему, чтобы лег спать пораньше, завтра его ждет трудный денек»*, для пущего эффекта. Черт побери, лучшие реплики всегда приходят в голову после разговора. Уже на лестнице, когда ты уходишь. Или того хуже: когда ты встаешь среди ночи, идешь в полусне отлить, и вот ты стоишь над унитазом, уже наготове, и тут тебе в голову приходит идеальный ответ, который ты должен *был* дать такому-то идиоту. И все, сна как не бывало. И, вернувшись в кровать, ты больше не можешь уснуть, потому что бесконечно прокручиваешь в голове несказанную фразу.

Ну ладно.

За углом припаркован белый фургон без опознавательных знаков. Внутри него – отдел по борьбе с похищениями и вымогательствами в полном составе. Парра решил задействовать всех.

Тут Клео, самая мужиковатая в их команде, потому что она единственная женщина и постоянно пытается всем доказать, что можно быть матерью и одновременно крутой теткой.

Тут Оканья, самый смышленный из всех. За словом в карман не полезет. Лучший переговорщик Парры.

Тут Хиральдес, старичок под пятьдесят, и тем не менее он еще им всем фору даст. Этаким Мигель Риос^[49] с пистолетом.

Тут Посуэло, совсем еще сопляк, только что закончил академию, зеленый, как оливка, но со стальными яйцами.

Тут Сервера, самый задиристый, сидит, трогает нос и трет десны. Видать, принял кокса. Парре это очень, очень не нравится. Работа в полиции – дело серьезное. Парра думает, не сказать ли ему, чтоб убирался вон. Но это может негативно сказаться на боевом духе команды. Ладно, объявит потом ему строгий выговор. Все нужно делать правильно.

Ну и конечно, тут капрал Санхуан, его помощник, его правая рука. Всегда при нем. Тот еще подхалим.

Они обмениваются оскорблениями, смеются, жуют жвачку, стучат ногами по полу. Снова обмениваются оскорблениями. Это их секретный язык. Они так своеобразно выражают любовь друг к другу.

Парра их безумно любит. Всех. Ведь они его команда, черт возьми. Его семья. Плоть от плоти, кровь от крови. Он бы жизнь за них отдал, а они за него.

Все выжидающе смотрят на Парру. Ждут приказа.

Пока еще рано. Сначала нужно удостовериться, что рядом нет ничего подозрительного. Сиксто, восьмой участник команды, сейчас обходит квартал. Он взял с собой собаку из дома. Просто обычный человек, выгуливающий своего лабрадора после рабочего дня. Обычная одежда. Шорты, футболка, кроссовки. Ничем не примечательный житель района Лусеро^[50].

Сиксто потребуется минут десять-пятнадцать, чтобы обойти квартал. Вверх по улице Сан-Фульхенсио, поворот, вниз по улице Сан-Кануто и обратно в фургон. Как только он подтвердит, что все в порядке, можно будет начинать операцию.

Парра думает, что бы такого сказать своей команде, перед тем как они выйдут из фургона. Надо бы придумать какую-нибудь яркую, вдохновляющую фразу.

Но в голову ничего не лезет.

Зато, небось, сегодня ночью она сама придумается, со вздохом думает Парра. Как пить дать. Лучшие фразы...

Карла

Карла постоянно зовет Сандру. Сначала шепотом. Произносит ее имя, считает до тридцати и снова зовет ее.

Затем постепенно все громче и громче, и под конец, охваченная отчаянием, она выкрикивает имя Сандры во все горло, исступленно колотя ладонями по стене. Но в ответ она получает лишь три удара по металлической двери – жуткий лязг, разрывающий барабанные перепонки и заставляющий ее забиться в противоположный угол, в слезах и соплях.

Однако спустя несколько секунд или, возможно, часов, Сандра все-таки отвечает.

– Я же говорила тебе, он не хочет, чтобы мы разговаривали. Ты его разозлила.

На этот раз не отвечает Карла. Она всхлипывает, поджав под себя ноги и закрыв лицо руками.

Новые границы ее пространства – расстояние от согнутых рук до

груди. И в этих нескольких сантиметрах она находит утешение.

– Сейчас он ушел, – говорит Сандра. – Но как только я скажу, что он вернулся, ты должна будешь замолчать. Так надо.

Карла трет глаза кончиками пальцев, хлюпает носом.

– Мне плевать. Пусть убьет меня, и дело с концом.

– Я так и знала, что ты это скажешь.

Карла оттягивает порванное платье, поправляет лямку бюстгалтера.

– Что ты имеешь в виду?

Сандра немного медлит с ответом.

– Ну, это в твоём стиле.

– Что значит «в моем стиле»? В каком еще стиле? – резко отвечает Карла.

По ту сторону стены – тягостное молчание.

– Сандра?

– Если будешь отвечать мне в таком тоне, нам лучше вообще больше не разговаривать. У меня и так проблем хватает.

Ушам своим не верю. Мы в руках у долбаного психопата, а эту бабу, видите ли, не устраивает мой тон, думает Карла.

Но она молчит. Она не хочет настраивать Сандру против себя. Не хочет остаться одна. Потому что ничего не может быть хуже, чем умереть в одиночестве в этой темноте.

Возможно, Сандра не слишком умна. А возможно, ее просто переполняет отчаяние от того, что происходит.

Так и меня тоже, черт возьми.

Но сейчас Карле приходится держать себя в руках.

– Извини, если мой тон тебя обидел.

– Ладно, – отвечает Сандра спустя некоторое время. – Для тебя он, наверно, нормальный.

– В каком смысле?

– Думаю, ты не привыкла просить прощения. Ведь ты богата, и все такое.

Карла делает глубокий вдох.

– Это он тебе сказал?

Это хорошая новость. Если Эсекиэль знает, кто она, значит, ему что-то нужно. Что-то не связанное с ее телом.

– Он сравнивал меня с тобой. Он сказал, что ты, в отличие от меня, важная персона. Может, поэтому он к тебе и не заходит. Ведь для этого у него есть я.

Карла медленно сглатывает, пытаясь подобрать слова.

– Сандра, я...

И замолкает. Она не может ответить на то, что ей только что сказала Сандра. Это просто-напросто невозможно.

Потому что она тоже так думает.

Потому что это правда.

Карла – наследница самого богатого человека на свете.

А Сандра – водитель такси.

Может, конечно, в «Твиттере» кто-нибудь с возмущением заявит, что их жизни равноценны. Но здесь, в логове убийцы, в непроглядной темноте, это утверждение ошибочно.

– Мы обе отсюда выберемся, я тебе обещаю, – говорит Карла.

Теперь она понимает причину пассивной враждебности со стороны Сандры. Когда Карла была для нее обычной служащей, они обе были жертвами. Но оказывается, жертвы бывают разными и даже в логове психопата не все равны.

– Не обещаю того, чего не можешь выполнить, – говорит Сандра. – Мною он только пользуется. А тебе... тебе уготовлена другая участь.

Карла ждет продолжения фразы, но его не следует.

И в этой жуткой тишине неведения прячутся драконы.

– Какая участь, Сандра? Если ты что-то знаешь, скажи мне. Скажи мне, Сандра, – умоляет Карла.

– Тссс. Тихо. Он вернулся, и он зол. Видимо, что-то случилось, – говорит таксистка.

Антония закрывает глаза.

Ей не составляет труда отыскать в своей коллекции слов то самое, что характеризует ее теперешнее состояние. *Ajunsuaqq*. На инуитском языке это значит «откусить рыбу и обнаружить внутри лишь прах».

После стольких усилий у нее нет повода ни для радости, ни для гордости. Но это и не важно, лишь бы удалось спасти Карлу Ортис.

Джон сидит рядом с ней на скамейке. Ни слова не говорит. Она передала ему разговор с Паррой, и в ответ он просто кивнул. Мимо проходят люди, но Антония не обращает на них внимания. Она ищет в онлайн-архивах необходимую информацию. Найти что-то сложно, ведь речь идет о мелком происшествии. Незначительном.

Взрыв газа под землей на улице Нарваэс. Одна жертва. Офицер полиции Николас Фахардо. Формальная проверка обстоятельств гибели. По имеющимся данным, у Фахардо не осталось родственников.

Ни слова о суициде.

Что там еще говорил Джон? Ах да, дочь.

Про это уже легче найти информацию. Случай, произошедший за шесть месяцев до смерти Николаса Фахардо.

Смертельная авария на М-30. Автомобиль врезался в сваю моста. Следов торможения нет. Полиция считает, произошло самоубийство. Жертвой стала двадцатилетняя женщина, инициалы С. Ф.

Антония зумирует фотографии. Спасатели толпятся вокруг разбитой машины. Тут уж явно ничего не поделатъ. Половина машины вжата в сваю и сплющена, как пустая пластиковая бутылка. Видимо, скорость была очень велика.

Звонит телефон.

– Слушаю вас.

– Сеньора, это Томас.

Антония недоуменно моргает: она сейчас настолько погружена в себя, что ей требуются огромные усилия для возвращения в реальность. Наконец, она вспоминает. Томас. Охранник в Ла-Финке.

– Вы оставили нам свои номера на тот случай, если мы что-нибудь вспомним. Я пытался дозвониться до вашего коллеги, но его номер был занят, так что я решил позвонить вам.

Антония в ответ лишь неопределенно хмыкает: она все еще сосредоточена на фотографии аварии. На этом снимке явно что-то не так. Антонии на нем чего-то не хватает.

– Дело в то, что сегодня в начале смены, – продолжает Томас, – мы с Габриэлем разговаривали, и вдруг за кем-то приехало такси. На этот раз мы были предельно внимательны: после того, что случилось, мы разглядываем всех водителей и пассажиров такси.

– М-м-м.

– И вот какое дело: водителем такси оказалась женщина. Сегодня в этом, конечно, нет ничего странного, такое уже в порядке вещей, это лет пять назад такое и вообразить было нельзя, вождение такси считалось чисто мужской профессией, ведь таксистам приходится ехать среди ночи за незнакомцами... И вот мы с Габриэлем смотрим на нее и вдруг одновременно вспоминаем. Удивительно все-таки устроена человеческая башка! Вот ты ничего не помнишь, и твой напарник тоже, и вдруг – хоп! – и вы оба вспоминаете одно и то же. Возможно, сработала ассоциация. Красная – значит кровь. Фиолетовый – значит фрукт. Я как раз говорил Габриэлю, что...

Антония перебивает его:

– И что вы вспомнили, Томас?

Слегка прочистив горло, он отвечает:

– В тот вечер таксистом была женщина.

Карла

Она снова дремлет. Карла чувствует себя все более слабой и изнуренной. Во сне темнота рассеивается, и все пространство вокруг наполняется чудесным белым светом.

И вдруг она слышит снаружи шум и голоса.

Голоса людей, кричащих: «Полиция!»

И зовущих ее.

Она знала, что за ней придут. Знала, что это вопрос нескольких часов. Или, может, минут. И вот они уже здесь. Они наконец-то нашли ее.

Сердце чуть не выпрыгивает из груди, она подскакивает с места, забыв про высоту потолка, ударяется, разбивая голову до крови, но ей плевать. Она даже не чувствует боли. Она доползает до металлической двери и принимается в нее колотить, крича в вентиляционный люк:

– Я здесь! Здесь!

Аборигенное слово

Антония замирает.

И мир вокруг тоже.

– Как вы сказали?

– Это была женщина, – повторяет Томас. – Я вот подумал: как-то странно, что женщина работает так поздно, ну или так рано, я всегда говорю, что...

Антония больше его не слушает.

Murr-ma.

Слово на вагиман, австралийском аборигенном языке, у которого во всем мире остался лишь десяток носителей. И это слово описывает то, чем они занимались до настоящего момента.

Murr-ma.

Это значит «идти по дну реки, пытаясь нащупать что-то ногами».

И делать это очень непросто, поскольку в процесс поиска включаются все остальные чувства, которые только мешают.

– Вы слышите меня?

Антония вешает трубку. Ей сейчас нужны обе руки.

Она максимально увеличивает фотографию с места аварии.

Желтый «Меган».

Номеров не различить. Тогда Антония открывает фотографию через приложение «Фотошоп Экспресс» и применяет фильтр фокусировки.

Теперь номера видны.

9344 FSU

Murr-ma. Поиск, который нужно вести вслепую. И лишь когда ты на что-то натыкаешься большим пальцем ноги, можно нырнуть за находкой. Чтобы затем собрать воедино все детали пазла.

За десятую долю секунды Антония собирает в голове все имеющиеся у нее элементы.

– Дочь Фахардо покончила с собой на трассе М-30.

– Номера ее машины два года спустя оказываются на такси, в котором Эсекиэль провозит труп Альваро Труэбы.

– Такси вымыли дезинфицирующим средством и подожгли на пустыре в километре от комиссариата.

– О местоположении такси становится известно из анонимного звонка.

– Человек, который никогда не оставлял следов, на этот раз оставил отпечатки сразу на двух предметах:

а) на туфле Карлы Ортис;

б) на руле.

– При том что за руль Эсекиэль не садился. Потому что такси вела женщина.

Спустя секунду она приходит к очевидному выводу.

Антония резко тянет Джона за рукав.

– Что случилось? – встрепенувшись, спрашивает он.

– Мы должны предупредить их. Мы должны предупредить их ПРЯМО СЕЙЧАС.

– О чем?

– Где они, Джон?

Неизвестно.

Антония набирает номер Парры.

Гудок.

Два гудка.

Автоответчик. «Вы позвонили по номеру...»

Антония не просто оставляет, а выкрикивает голосовое сообщение.

– Парра, послушайте меня. Не заходите, я повторяю, не заходите! Это ловушка!

Парра

Они уже заняли позиции перед дверью. Вход в квартиру расположен ниже уровня подъезда. Это единственное полуподвальное жилье в здании.

Полицейские отдела по борьбе с похищениями и вымогательствами, вооруженные пулеметами МР-5, занимают лестницу и площадку перед входом. Окна полуподвала выходят на улицу Сан-Кануто, но они маленькие и к тому же зарешечены. Никто не сможет через них пролезть. И на всякий случай в фургоне остался Сиксто вместе с журналистом.

Ведь кто-то же должен осветить в прессе героическую спасательную операцию. Пусть уж тот тип сделает свой эксклюзивный репортаж.

Так, все готово, думает Парра, прокрутив в голове план действий. Больше всего он переживает, что Фахардо может что-то сделать с

заложницей, когда поймет, что его загнали в угол, но на такой случай у них есть Серверо, мастер красноречия. Он способен песок продать бедуинам.

Также Парра переживает, что Фахардо умеет стрелять. Все-таки он как-никак полицейский, хоть и выживший из ума. Его нельзя недооценивать, и потому Парра тщательно подготовился. Все участники операции вооружены пулеметами МР-5 и защищены бронежилетами. Идущая впереди Клео держит баллистический щит, за которым в случае чего можно спрятаться. Непробиваемая метровая пластина из стали и кевлара.

Парра чувствует вибрацию в кармане брюк. Оказывается, он забыл отключить телефон. Своим подчиненным он бы такого не простил. Не доставая телефон из кармана (чтобы никто не заметил), Парра через ткань жмет на кнопку сброса вызова до тех пор, пока телефон не выключается.

Ну все, пора.

Он уже собирается дать приказ, но остается еще одна важная деталь. Парра подносит руку к шее и вытаскивает цепочку с медальоном, на котором изображен ангел: он расправляет крылья над девочкой, уходящей в лес. Это Кустодий, святой покровитель полицейских. Парра целует медальон, абсолютно не стесняясь своего жеста. Стоящий рядом Посуэло крестится. Он ведь *миллениал*, и все его представление о Боге сводится к роли Моргана Фримана в том самом фильме^[51]. Вслед за Посуэло крестится и вся команда.

Теперь точно пора.

Капитан делает знак Санхуану, орудующему тараном. С подобным четырнадцатикилограммовым свинцовым бревном даже такой слабак, как Санхуан, способен выбить дверь с первого удара.

БУМ!

Ну или со второго.

БУМ!

Со второй попытки ему удастся выломать замок, и Клео заходит внутрь, прикрываясь щитом и крича во все горло:

– Полиция! Выходить с поднятыми руками! Мы пришли за Карлой Ортис!

Остальные мгновенно бросаются вслед за ней.

Они оказываются в гостиной, полной мусора. Вся мебель свалена в кучу у стены. Диван, столы. По полу разбросаны клочки бумаги, обломки

железа, провода. Люстра на потолке зажжена, хотя горит только одна лампочка.

– Капитан, – говорит Клео, поддевая носком какой-то предмет.

Это женская туфля. Точно такая же, только левая, была обнаружена на пустыре рядом с торговым центром.

Парра жестом показывает Клео продвигаться вперед, в сторону темного коридора. Остальные идут следом, колонной по двое. Прикрывают друг друга. Как и положено.

Клео с поднятым щитом заходит в коридор.

В коридоре стоит канистра, ловко спрятанная за комодом. Это первая. В канистре сорок литров смеси из гипохлорита натрия, соляной кислоты и ацетона. Отбеливатель, средство для очистки труб и жидкость для снятия лака. Этим трем веществам, смешанным в правильной пропорции, нужен лишь маленький импульс. Сигнал, преданный через интернет с помощью симкарты, активирует электрический детонатор, который, в свою очередь, взрывает полиэтиленовый пакет, наполненный порохом (который можно найти в любой петарде), смешанным с магнием (который можно найти в любом бенгальском огне). Таким образом и происходит взрыв.

Бомба, приготовленная Фахардо, – не динамит и не пластичная взрывчатка. Газы, возникающие при взрыве этих элементов, могут распространиться на десять тысяч метров за одну секунду. Ингредиенты для изготовления хлорной бомбы можно купить меньше чем за тридцать евро в любом «Леруа Мерлен», правда, скорость детонации не будет превышать жалкие четыре с половиной километра в секунду. Впрочем, этого достаточно, чтобы превратить в огонь воздух, следующий за взрывной волной, словно хвостик за собакой.

Взрывная волна, которой некуда больше двигаться в этом крошечном коридоре, кроме как навстречу полицейским, накрывает сначала Клео. Вжимает стальной край баллистического щита ей в лицо, рассекая скулу, брови и нос, и Клео падает на пол, словно игральная карта от легкого дуновения ветра. Санхуану, который шел с ней рядом, повезло меньше. Его тело отрывается от пола более чем на метр, головой он ударяется о потолок, а спиной о дверной косяк. Давление воздуха столь велико, что вступает в противоборство с силой притяжения и вторичной конвекцией от тела капрала Санхуана. Эти три силы раздробляют ему ключицу, разрывают шейные позвонки и надвое разламывают левую руку на уровне локтя, словно сухую ветку: сухожилия не рассчитаны на подобную нагрузку.

К горящему воздуху добавляется картечь.

Фархад начал канистру винтами. Из оцинкованной стали с наконечниками-бабочками. На столь короткой дистанции благодаря своей аэродинамической форме, винты продолжают вращаться, даже попав в тело, возникшее у них на пути. Клео, которая все еще падает на пол (это мгновение быстро не опишешь), удается спастись от большей части винтов благодаря щиту. Один винт проходит сквозь ткань тактических брюк и нежную кожу лодыжки и застревает внутри бедренной кости, оставляя позади себя входное отверстие размером с монету в пятьдесят центов. Другой, весьма прихотливый, решает слегка задеть указательный палец ее правой руки и подпортить лаковое покрытие на ногте левой. Третий проникает в левую глазницу, рассекая глазное яблоко, однако, по счастливой случайности, застревает в лобном отростке, не дойдя до мозга.

На Санхуане не осталось живого места. Тут уж ни бронезилет не спасет, ни мать родная. Все его органы превратились в желе еще до того, как он свалился на пол.

Те, кто не успел зайти в коридор, падают от взрывной волны, при том что щит Клео частично отражает силу взрыва, а также отбивает большое количество винтов, которые, отскочив от стали, вонзаются в потолок.

Шесть человек, оставшиеся в гостиной, даже не слышат второго взрыва.

Для первого хватило сорока литров.

Но под диванами и столами, сваленными у стены гостиной, остается еще двести. Впрочем, тут и пространство больше.

Оглушенные полицейские еще только начинают подниматься с пола, когда таймер, запущенный сразу после первого взрыва, приводит в действие вторую бомбу. И на этот раз им уже некуда скрыться от взрывной волны и от летящих в них предметов.

На этот раз Фахардо обошелся без винтов, но в них и нет необходимости. Кофейный столик отлетает со скоростью четыре тысячи метров в секунду и врезается в Серверу, снося ему голову торцом, оклеенным меламиновой кромкой. Затем закручивается вокруг своей оси и ударяет по ребрам Посуэло, словно ракетка по шарик для пинг-понга. Ребра тут же проваливаются внутрь, будто сахарные, и кости врезаются в легкие. Разорванный на три части диван разлетается по всей гостиной. Самый большой его кусок (на котором Фахардо вместе с дочерью сидели перед телевизором) отлетает к уже поднявшемуся на ноги Хиральдесу и бьет его по спине, ломая позвоночник. От удара Хиральдес впечатывается в противоположную стенку, возле которой и остается лежать с разможенным черепом.

Торшер «Хектар», купленный субботним днем в «Икее», летит вперед. Тяжелое железное основание, закрутившись в воздухе, врезается в правую ногу Оканьи, как раз в тот момент, когда тот пытается встать с пола. Оно не просто разбивает ему колено: оно полностью разрывает его, попав прямо в яблочко. И там, где раньше были кожа, плоть, нога, доходящая до пола, остается лишь голая кость.

Парре повезло чуть больше. Тело Серверы прикрыло его от первого взрыва, а тело Посуэлы – от второго. Ему в шею вонзились щепки, и одна из них – самая крупная – прошла насквозь через кожу и мясо, но Парра остается в живых.

По крайней мере пока.

Капитан кричит. От боли, от ужаса, от ярости. У него лопнули барабанные перепонки, и потому он не слышит собственных криков. Равно как и криков других. Не веря своим глазам, он смотрит на Оканью с укороченной вдвое ногой и бросается ему на помощь. Клео вопит, вспоминая всех святых из церковного календаря и не переставая сыпать проклятиями, однако ее Парра тоже не слышит. Остальные молчат: у Санхуана просто больше нет легких, у Серверы головы, а другие лежат без сознания.

Вся беда в том, что хлорная бомба убивает не только за счет силы взрыва. А также за счет крайне ядовитого желто-оранжевого газа, который распространяется в результате возгорания.

Густая волна газа накрывает сначала Клео. Она пытается задержать дыхание, но ее охватывает паника, и она инстинктивно глотает воздух. А вдыхать этот газ – все равно что вдыхать жидкий огонь. Он спускается по трахее к легким и сжигает их изнутри.

Парра, стоящий к ней спиной и полностью оглохший, не видит, как она задыхается, как изо всех сил пытается выбраться из коридора, полного дыма; не видит, как ей удается повернуться, несмотря на раны, как она цепляется за дверь, пытаясь просунуть голову обратно в гостиную, пытаясь дышать. Он не видит, как отчаянно она сжимает пальцы до тех пор, пока силы окончательно не покидают ее.

Не замечает он и дыма, стремительно надвигающегося на него со всех сторон: ведь он сейчас полностью сосредоточен на спасении жизни Оканьи. Его лучший переговорщик, мастер красноречия умрет меньше, чем через минуту от потери крови, если у Парры не получится наложить ему жгут. И капитан пытается снять с себя ремень.

Впрочем, вряд ли можно многого требовать от Парры в подобных обстоятельствах. Его внутреннее ухо, наиважнейший орган чувств,

помогающий нам сохранять равновесие и устойчивость, повреждено взрывом. Поэтому он понимает, что вот-вот умрет от удушья, лишь когда его накрывает ядовитое облако и он делает вдох.

Газ тут же вступает в реакцию с влагой его дыхательных путей, мгновенно превращаясь в кислоту. Капитан наконец осознает, что с ним происходит. Однако Парра не только силен, но и отважен. Он задерживает дыхание, не пропуская ядовитый воздух в легкие. И, несмотря на невыносимую боль, спотыкаясь, пробирается туда, где по его расчетам должна быть дверь, таща за собой Оканью. Он чувствует одновременно рвотный позыв и нестерпимую потребность вдохнуть. Ему приходится прикладывать огромные усилия, чтобы тянуть за собой Оканью, который весит восемьдесят килограммов (ну или уже чуть меньше, с вычетом половины ноги), и его мышцы отчаянно требуют кислорода, которого нет.

Взгляд Парры застилает пелена газа (который вступил в реакцию с его глазами, превратившись в тысячи крошечных жгучих кинжалов), и это просто чудо, что ему удастся отыскать дверь. Впрочем, чудеса случаются. Возможно, помог медальон.

На лестничной площадке Парра вдыхает чистый воздух – но лишь одну секунду. Дым неотступно следует за ним. И этот один-единственный глоток свежего воздуха практически не приносит ему облегчения. Его воспаленные бронхи отчаянно протестуют, спазмы в животе усиливаются. Капитан падает на колени. На секунду он вспоминает своего младшего сына Лукаса, который меньше недели назад сидел у него на плечах. Парра хватается за живот и поддается рвотному рефлексу. Он избавляется от нескольких капель желтоватой слизи, однако теряет при этом драгоценное время. Ядовитый дым теперь окружает его со всех сторон, и он уже не знает, ни где лестница, ни где Оканья.

Я не оставлю тебя здесь. Я не оставлю тебя здесь.

Он отыскивает своего товарища на ощупь. Левая рука нащупывает лицо Оканьи, правая хватается за плечевую лямку бронежилета. Но куда его тащить? Парра не знает. Вслепую, ползая на коленях, он пытается найти хоть какой-то ориентир.

Но не находит.

И вдруг правая рука касается лестничного поручня. Парра хватается за него, словно утопающий за спасательный круг. И ползет на коленях вверх по лестнице, таща за собой тело Оканьи, которое то и дело цепляется за ступеньки. Каждый рывок, каждые двадцать сантиметров подъема сродни восхождению на Эверест.

Парра преодолевает одиннадцать ступеней, прежде чем добраться до

безопасной точки, в которой газ, будучи тяжелее воздуха, уже не может его достать.

Из последних сил он вытягивает наверх Оканью и кладет его рядом с собой. Капитан уже практически без сознания.

Он все еще держится одной рукой за поручень, а другой сжимает лямку бронезилета своего товарища, когда снаружи раздаются сирены.

Последнее, о чем думает Парра, прежде чем лишиться чувств, – это о фразе, которую он так и не сказал перед выходом из фургона.

По моей команде отправьте его в ад. [\[52\]](#)

Лучшие фразы всегда приходят в голову слишком поздно.

Эсекиэль

Николас резко отворачивается от экрана. Он больше не хочет смотреть. Все кончено.

Ноутбук все еще работает, но веб-камеры отключились. Колонки, из которых доносились крики, передают теперь лишь помехи. Связь между его прежней квартирой и убежищем прервалась. Впрочем, времени, чтобы покончить с незваными гостями, хватило.

Она была права. Они все-таки вышли на его след. *Но мы оказались хитрее.*

Тут нечем хвалиться, думает он. Ведь погибли полицейские.

Он хватает свою тетрадь и начинает писать с чистого листа.

Я согрешил против шестой заповеди, пишет он. Я не хотел этого делать, но у меня не было выбора. Моя миссия слишком важна. Унизить сильных мира сего, показать им, что их могущество ничего не стоит по сравнению с силой правосудия. Мы все во власти Бога, и я лишь исполняю Его волю.

Он вырывает лист и поджигает. Бумага горит, но Николас не чувствует, что его грехи рассеиваются вместе с дымом, как это обычно происходит. На этот раз у него никак не уходят из головы погибшие полицейские. Они не были наделены ни властью, ни богатством. Они были ему ровней.

Но ведь они служили Нечистому. Они служили Мамону, демону богатства и жадности. А служить двум господам одновременно – невозможно, говорит себе Николас, не понимая, что его собственная душа насквозь пропитана грязью.

Когда взорвалась его первая бомба, которую он готовил с таким усердием, с таким вниманием к каждой мелочи, его охватило чувство

гордости. Ведь что-нибудь могло пойти наперекосяк, но нет, все сработало как надо.

А потом в колонках раздались крики. Крики боли, отчаяния, растерянности. Крики смерти. И тут к нему пришло осознание, что за всем этим стоит он. Николас засомневался, стоит ли нажимать на вторую кнопку – ту самую, что привела в действие бомбу, окончательно уничтожившую всех полицейских. И в итоге убрал руку.

Но сзади тут же подошла Сандра и, наклонившись через его плечо, нажала клавишу на компьютере. Без колебаний, без угрызений совести.

Николас не поднял головы. Он не хотел встречаться с ее осуждающим взглядом. Сандра отвернулась и ушла. А он остался наедине с черными экранами, с помехами, доносящимися из колонок, и со своей грешной душой, которую огонь не в силах очистить.

Карла Ортис продолжает орать и колотить в дверь, но Сандра велела позволить ей прокричаться. Николаса раздражает шум, он обостряет его страдание и напоминает ему о собственной жестокости, однако ему не хочется перечить Сандре.

Он открывает тетрадь на чистой странице.

По сути, я хороший человек, пишет он.

Затем внимательно разглядывает написанное. Буквы расплываются, пляшут перед глазами, меняются местами; слова теряют смысл.

Он вырывает лист, бросает его на пол и начинает заново.

Я нехороший человек, пишет он.

И на этот раз буквы остаются на своих местах.

Ни у Джона, ни у Антонии не останется четких воспоминаний о следующих часах их жизни. В памяти сохранится лишь набор разрозненных мгновений, застывших во времени моментов.

Антония звонит из машины Ментору и кричит в трубку. Джон проезжает на красный свет на пересечении улиц Сан-Висенте и Арриаса. Чуть не сбивает мужчину лет тридцати в дешевом костюме. С бутылкой в левой руке. На лобовое стекло выплескивается немного сидра. Красный свет светофора превращает янтарные капли в сверкающе-кровянистые.

Джон показывает свое удостоверение сотруднику муниципальной полиции, перекрывшему движение по улице Сан-Кануто. Полицейский что-то отвечает, одной рукой показывая куда-то в сторону, а другой пытаясь задержать Антонию, которая в этот момент пролезает под оградительную ленту. Ее спина касается ленты как раз в месте пробела между словами ПРОХОД и ЗАПРЕЩЕН, превращая прямую линию в неправильный треугольник. При других обстоятельствах Антония обязательно обратила бы на эту деталь внимание, но только не сейчас.

Парамедики из службы спасения толпятся вокруг носилок. Один из них нажимает раненому на грудную клетку, другой надевает ему на лицо маску. Огни машины скорой помощи, уже отъезжающей вместе с Серверой, озаряют лица парамедиков словно потусторонним сиянием.

Спасатель в кислородной маске вытаскивает наружу еще один труп и кладет его рядом с остальными тремя, уже выложенными в ряд на тротуаре и накрытыми серебристыми изотермическими одеялами. Вместо того чтобы отражать огни полицейских и спасательных машин, металлизированное покрытие одеял как будто поглощает их. Словно лежащие под одеялами тела пытаются вобрать в себя последнюю каплю жизни.

Антония наклоняется, чтобы подобрать упавший на землю медальон. Дотрагивается до него. Парамедики, сами того не заметив, случайно сорвали его с шеи капитана Парры, когда начали делать сердечно-легочную реанимацию. Какой-то полицейский рассказывает Джону о действиях капитана. У Джона перекошено лицо. У полицейского губы вытянуты в трубочку, словно для поцелуя. Он произносит четвертый звук в слове *герой*.

Антония плачет, прижавшись к окну машины.левой рукой, не глядя, отстраняет от себя Джона, который пытается ее утешить. Джон все еще смотрит застывшим взглядом туда, где недавно была машина скорой помощи, увезшая капитана Парру. Начинается мелкий морозящий дождь, который не сможет смыть с тротуара пятна крови: он лишь сделает их еще ярче и свежее.

Антония выходит из машины напротив клиники Монклоа, даже не попрощавшись. У нее все еще заплаканные глаза. Взгляд Джона отражает грусть, страх, сомнения и огромную, необъятную тоску. А также мольбу о том, чтобы она не оставляла его в этот вечер одного: возможно, впервые со дня их знакомства он нуждается в ней больше, чем она в нем. Но Антония не видит этого взгляда, поскольку повернута к Джону спиной.

Карла

Никто не приходит.

Металлическая дверь по-прежнему остается запертой. Темнота все такая же непроглядная, стены такие же сырые, и Карла уже не в силах кричать.

Она плачет без слез. Из ее горла вырываются лишь прерывистые хрипы, переходящие в кашель. Карла безвольно падает на пол. Рана на голове все еще кровоточит, и кровь скапливается во впадинах между носом и уголками глаз. Карла чувствует, как кровь затекает ей в глаза, раздражая слизистую, но ничего не может с этим поделать.

Мощный всплеск надежды и энергии очень дорого ей обошелся, и теперь она платит по счетам с процентами. Карла полностью истощена: как душевно, так и физически.

Она решает умереть. Смерть поможет ей уйти от реальности. Нужно, чтобы тело перестало дышать, чтобы сердце остановилось, чтобы кровь перестала поступать в мозг. И тогда можно улететь. Говорят, когда ты умираешь, твое тело остается на земле, словно якорь, а душа воспаряет к небу. Как в мультфильмах и как в том фильме Копполы, где играет еще красивый Микки Рурк^[53]. А если все так говорят, значит, наверное, так оно и есть.

На мгновение Карла даже ясно ощущает, как все это происходит. Как ее дух отрывается от тела, как проходит сквозь стены, как летит над домами. Но не навстречу Богу, а навстречу отцу, который не спит, который с тревогой ожидает от нее вестей. Она поцелует его в лоб, и он обязательно

почувствует ее присутствие. А затем она продолжит свой полет к теплу и свету, к бескрайнему зеленому лугу, залитому лучами восходящего солнца.

Но Карла не умирает.

И темнота вокруг остается неизменной.

– Ты слышала?

Сандра зовет ее, возвращая в ужасную реальность. Однако Карла решает не отвечать. Ведь ответить – значит принять эту реальность, отдалиться от света, вернуться в этот страдающий, дрожащий от страха и истекающий кровью кусок плоти.

– Ты слышала, Карла? – повторяет Сандра.

Карла сдается.

Она должна знать.

– Что произошло?

– Они приходили за тобой. Но у них ничего не получилось. И они все погибли.

– Мой отец заплатит, – говорит Карла. – Он не может не заплатить.

– Возможно. У него еще осталось время.

Как-то странно звучит ее голос, думает Карла.

Не надо с ней разговаривать. Я же говорила тебе, что не надо.

– Время? О каком времени идет речь?

– Не волнуйся, я помогу тебе, – отвечает Сандра.

Карла слегка приподнимается. Она все еще очень слаба, растеряна, и от потери крови у нее кружится голова. И тут она понимает, почему голос Сандры показался ей непривычным. Сандра говорит с ней не из-за стены. Ее голос доносится из-за металлической двери.

– Сандра! Ты там, снаружи? Открой скорее дверь!

– Сейчас, – отвечает Сандра.

Карла слышит, как Сандра отходит влево. Как за что-то дергает, приводя в движение механизм, поднимающий тяжелую металлическую пластину. Нижняя часть двери приподнимается – на сантиметр, на четыре, на восемь.

И снова падает с оглушительным грохотом.

– Попробуй еще раз, Сандра. У тебя получится!

Сандра что-то говорит в ответ, но Карла не понимает, что именно. И тут она осознает, что только что услышала не слова. А смех.

Пронзительный острый смех, словно лезвие ножа.

Почему она смеется?

Нет.

Нет, нет, нет.

– Ты заодно с Эсекиэлем, – говорит Карла, чувствуя, как от страха сводит живот.

Сандра все еще продолжает смеяться, будто бы не в силах остановиться. Она смеется тем жутковатым смехом, что способен свести с ума любого.

– Ой, ну ты и скажешь! Так ничего и не поняла? Я не заодно с Эсекиэлем. Я и есть Эсекиэль.

Карле кажется, что в животе у нее возникает ледяная рука и принимается выковыривать, выскабливать все ее внутренности.

– Что ты хочешь, Сандра?

– От тебя? Ничего. Можешь быть спокойна.

– Сколько ты потребовала от моего отца? Я уверена, что...

– Карла Ортис во всей красе, сразу пытается договориться. Наследная принцесса. Только вот речь на этот раз не о деньгах.

– А о чем тогда?

– Я просто попросила твоего отца сказать пару слов телевизионщикам.

– В смысле?

– Рассказать о ваших цехах в Бразилии. В Аргентине. В Марокко, Турции и Бангладеш.

Карла поворачивается и подползает к двери, пытаясь заглянуть в вентиляционный люк.

– Я могу все тебе объяснить про каждое из этих мест, Сандра. То, что говорит пресса, – это неправда...

Сандра снова заливается смехом.

– Прибереги свои речи для кого-нибудь другого, Карла. Я бы еще могла тебе поверить, если бы у меня не было доступа к твоему компьютеру. И к тому, что я в нем обнаружила. Самые маленькие пальчики лучше всего подходят для шитья, не так ли?

– Мы очень помогаем этим странам. И дети работают только с согласия...

Три яростных удара подряд заставляют ее замолчать. Они звучат так близко, что в уши ей словно вонзаются острые гвозди.

– Заткнись, сучка. Сколько стоит твой дом? Пять миллионов? Сколько стоит твоя машина? Сколько стоило твое платье для Бала дебютанток? Двадцать тысяч сраных евро. Месячная зарплата тысячи детей, чтобы несколько часов покрасоваться в тряпке от Зухайра Мурада...

Ее темп речи ускоряется, и следующих слов не разобрать. Она еще

какое-то время продолжает говорить, смеяться, но Карла уже ничего не понимает.

Она хочет что-нибудь ответить, что-нибудь про нюансы и про сложности международного рынка. Объяснить, что Сандра все неправильно понимает.

Но она просто ждет, плотно сжав губы.

Лишь бы снова не слышать этот жуткий металлический лязг.

– Прости, прости, – успокоившись, говорит Сандра. – Иногда меня несет. Говорят, у меня с головой не все в порядке, но что они понимают, эти чертовы психиатры? Да кто вообще хоть что-то понимает в этом мире. Если бы мир был устроен разумно, ты бы сидела за решеткой. Так что получается, что я не такая уж и сумасшедшая.

Сандра наклоняется прямо к вентиляционному люку и понижает голос. словно шепчет секрет на ухо своей старой подруге.

– Послушай, с тобой все прошло прекрасно. Гораздо лучше, чем с тем мелким, что был здесь до тебя. Этот лживый засранец пытался меня обмануть. А ты нет, Карла. Ты отлично держалась.

Собрав последние силы, Карла спрашивает:

– Сколько времени мне осталось?

– Чуть меньше двадцати шести часов. Но думаю, тебе незачем волноваться. Я уверена, твой отец сделает то, что я ему сказала. В конце концов, ведь это его грехи, а не твои. И любой отец сделает все возможное, лишь бы дочь не должна была расплачиваться за его грехи, разве не так?

Она уходит, но ее смех еще какое-то время висит в воздухе, словно плотное ядовитое облако.

– Всех на свете все равно не спасешь, – говорит бабушка Скотт.

Антония ее разбудила: в английской деревне еще нет и пяти утра. Но для бабушки это значения не имеет. Она сделана из особого материала. Такого, который в любой ситуации излучает лишь свойственное его природе сияние. Антония знает это и относится к такой особенности с большой ответственностью. Поэтому бабушка, отвечая на видеозвонок с заспанным лицом после четырнадцатого гудка, приветливо улыбается. Она знает, что из-за ерунды внука не стала бы ее беспокоить.

– Он был все время у меня перед глазами. Если бы мы только проверили номер «Мегана» вчера вечером...

Антония не может поверить, что прошло всего лишь двадцать шесть часов с того момента, как они обнаружили, что номер такси был ненастоящим. И она совершила ошибку, огромную ошибку, решив, что его украли со случайной машины.

Двадцать шесть часов. Примерно столько же (на час меньше) остается Карле Ортис до конца срока, установленного Эсекиэлем.

– Девочка, не будешь же ты нести на своих плечах всю тяжесть мира.

Но бабушка Скотт знает, что Антония по-другому не может. Точно так же, как не может сбросить с плеч вину за то, что произошло с Маркосом. Видимо, на плечах у нее очень много места для вины. Бабушка Скотт списывает это на ее недостаточное католическое образование (а также на испанскую кровь, доставшуюся ей от матери, хотя в этом бабушка ни за что в жизни не признается).

– Шесть смертей, бабушка. И все это лишь потому, что я вовремя не пришла к правильному выводу.

Обычно бабушка Скотт очень терпеливо выслушивает внука, но порой и этому терпению приходит конец.

– Хватит уже хныкать. Это не ты подложила бомбы и не ты похитила ту женщину. Как там звучит африканское слово, которое ты мне как-то говорила?

Это «африканское слово», о котором вспомнила бабушка, относится к языку племени Га, живущего на юге Ганы. И на самом деле, это не одно

слово, а целых два.

Faayalo zweedbe.

– Кувшин разбивает лишь тот, кто отправляется на поиски воды. Я знаю, бабушка. А ты скажи это тому, кто остался ждать воды в деревне, умирая от жажды.

Расскажи это Карле Ортис или полицейским из команды Парры. Шесть погибших и один между жизнью и смертью. Да и сам капитан в тяжелом состоянии.

– Девочка, хватит уже себя изводить. Прекрати обвинять себя в том, чего ты не делала. Ты хоть раз порадовалась за всех тех людей, которым ты помогла? Людей, которые даже имени твоего не знают? Ведь нет же. Ты лишь упиваешься своими, как тебе кажется, промахами и сидишь в этой больничной палате, бесконечно страдая. Я уже не знаю, как тебе помочь. И вообще, пойду-ка я спать.

Она прерывает связь.

Такая невоспитанность настолько не в духе бабушки Скотт, что Антония остается в полном смятении.

Она знает, что бабушка права, но ничего не может поделать. Так уж есть: мы всегда концентрируемся именно на тех, кому не смогли помочь.

Особенно, если те, кому мы не смогли помочь, – наши близкие.

Например, человек, лежащий на больничной койке. Навсегда запертый в собственной голове.

– Мне так тебя не хватает, – говорит Антония.

Маркос не отвечает. И его сердечный ритм остается неизменным, как показывает электрокардиограмма.

Антония открывает на айпаде фотографии. В папке «Избранные» один-единственный снимок. Они с Маркосом держат праздничный торт. Маркос смотрит на торт, а она в камеру.

Как обычно, она разглядывает себя с презрением. Нет, этот человек на фотографии – не она. Это какая-то посторонняя идиотка, неспособная предвидеть того, что произойдет буквально через пару недель.

Она засыпает.

И видит сон.

Маркос работает в своей маленькой мастерской. Извлекает из песчаника сухие ритмичные звуки. Она с мучительной ясностью представляет, что должно сейчас произойти: ведь это происходило уже тысячу раз. Она сидит не в гостиной над кипой бумаг, отчетов, фотографий. Она сейчас рядом с ним, смотрит через его плечо на

скульптуру, над которой он работает. Это сидящая женщина. Руки покоятся на бедрах, лицо безмятежно, а туловище при этом наклонено вперед, словно женщина чем-то насторожена. Как будто она увидела вдруг нечто, заставляющее ее подняться с места. Но ее ноги пока утопают в камне, резец их еще не освободил. И уже не освободит никогда.

Раздается звонок в дверь. Антония хочет остановить Маркоса, сказать ему, чтобы он продолжал работать, чтобы все оставалось так, как есть, но ее горло вдруг становится сухим, словно разбросанные по полу мастерской обломки. Она слышит саму себя, а точнее, другую Антонию: эта идиотка увеличивает громкость музыки в наушниках и что-то кричит. Маркос оставляет молоток на столе, рядом с неоконченной скульптурой, кладет резец в карман своего белого халата и идет открывать дверь. Антония, настоящая Антония, та, которая знает, что сейчас произойдет, хочет пойти за ним следом, и она идет, но медленно, слишком медленно, и не успевает увидеть, как Маркос и незнакомец в элегантном костюме вступают в драку. Когда она выходит в коридор, Маркос и незнакомец уже на полу. Резец уже воткнут в ключицу незнакомца, и халат Маркоса забрызган кровью. Незнакомец уходит, но прежде чем исчезнуть, выстреливает два раза. Одна пуля проходит сквозь Антонию, настоящую Антонию, ту, которая стоит в коридоре, и долетает до этой идиотки, беспечно сидящей над бумагами в гостиной, с музыкой, включенной на полную громкость. Пуля задевает деревянный бортик колыбели, в которой спит Хорхе, отскакивает в спину Антонии и выходит через плечо. Удачная траектория. Никаких серьезных последствий. Нужно будет всего лишь потратить несколько месяцев на восстановление. Ну и возможно, заново покрыть лаком колыбель.

Однако со вторым выстрелом везение их покидает. Вторая пуля попадает Маркосу в лобную кость, от которой врачам придется потом отрезать большой кусок, чтобы дать мозгу хоть какой-то шанс на исцеление. Видимо, пуля отскочила от стены. Видимо, произошло нечто серьезное, чтобы Маркос набросился на незнакомца.

Кошмар никогда ничего не проясняет. Кошмар всегда заканчивается грохотом второго выстрела, отдающимся долгим эхом в ушах.

И тогда она просыпается.

И больше уже не может уснуть, терзаясь до утра угрызениями совести.

Карла

Карла снова плачет: на этот раз от злости и стыда из-за обманутого доверия. Она ощущает острую физическую потребность извергнуть, выплеснуть из себя образ Сандры как несчастной жертвы, чтобы освободить место для переполняющего ее гнева, от которого зудит кожа и горят уши, шея и лоб. Она сжимает кулаки, представляя, что сворачивают Сандре шею. Она давит ногой на дверь, представляя, что расплющивает Сандре череп...

Погоди-ка.

Дверь чуть-чуть поддалась нажиму.

Карла вновь изо всех сил давит на нее ногой, но дверь поддается лишь на пару миллиметров, не более того.

Когда Сандра захлопнула дверь, металлическая пластина опустилась не на то же самое место. Теперь она немного смещена. Ее положение не соответствует точь-в-точь раме. И от надавливания появляется щель – впрочем, совсем крошечная.

Карла разочарованно отворачивается от двери. И тогда раздается голос.

Ты можешь кое-что сделать. Слушай меня.

И Карла слушает.

Она жадно внимает каждому слову. Она знает, что только голос поможет ей спастись. И теперь она знает кое-что еще. А именно – чей это голос. Это голос другой Карлы. Более сильной, более решительной, четко знающей, что нужно делать. Эта другая Карла не просит разрешения, а действует.

И она тоже будет действовать.

Она направляется в угол рядом с выгребной ямой – туда, где от влажности немного отклеилась плитка. Совсем чуть-чуть, ровно настолько, что под нее с трудом можно просунуть палец.

И Карла просовывает указательный палец между плиткой и стеной, не думая о том, какие страшные ползучие существа могут обитать с той стороны, и чувствует, что цемент начинает крошиться. Совсем чуть-чуть. Всего лишь несколько песчинок.

Карла думает об отце. Когда его спрашивают, с чего он начал строить свою империю, он отвечает: *с продажи трех рубашек.*

Карла начинает скрести под плиткой указательным пальцем.

И песчинок становится все больше и больше.

Приветливое лицо

Женщина на ресепшене (ее зовут Меган) с головой погрузилась в чтение любовного романа. Она привыкла коротать время за чтением в мертвые часы. Хоть какой-то плюс от этой низкооплачиваемой работы.

Пальчики с идеальным маникюром стучат в стеклянную дверь. Снаружи стоит хорошо одетая улыбающаяся женщина. С приветливым лицом.

Меган без колебаний нажимает на кнопку, открывающую дверь. Такое приветливое лицо не может вызывать недоверие.

Когда женщина проходит внутрь, Меган с некоторой досадой откладывает роман в сторону. Ей не терпится узнать, помирится ли героиня с мужчиной своей жизни, несмотря на то что она принадлежит к проклятому клану, с которым воюют Мак-Кельтары. Героиня изображена на обложке спиной. Но это и не важно, ведь главная роль в этом повествовании отведена мужчине с голым торсом и в клетчатой шотландской юбке. Впечатляющие кубики пресса и мощные грудные мускулы как-то не очень вяжутся с Шотландским высокогорьем тринадцатого века, но кого это волнует, главное, что полный «Ахе-эффект».

– Добрый день. Добро пожаловать в «Хастингс». Чем я могу вам помочь?

Женщина, улыбаясь, приближается к стойке ресепшена. Одну руку она держит за спиной.

Теперь, когда Меган видит ее вблизи, лицо женщины уже не кажется ей таким приветливым.

Часть третья

Антония

*Прощайте, любимые тени,
Прощайте, постылые тени.
Мне нечего больше бояться:
Я жду одной только смерти.*

Росалиа де Кастро

1

Специальный выпуск

На этот раз изнеможение оказывается сильнее чувства вины. Спустя несколько минут после пробуждения от кошмара Антония вновь погружается в сон.

И из этого тяжелого, густого и липкого, как смола, сна ее вырывает телефонный звонок. За окном уже всю светит солнце.

– Включи телевизор, – требует Ментор.

– Какой канал?

– Любой.

И правда. С первого по пятый канал показывают одно и то же, меняются лишь лица сидящих за столом людей. Все запланированные программы были прерваны ради *специального выпуска*. Антонии даже не надо прислушиваться, чтобы понять, о чем речь. Хэштег вверху экрана говорит сам за себя.

– Когда это произошло? – спрашивает она, глядя на часы.

Уже начало второго.

– Полтора часа назад один баскский журналист опубликовал это на сайте своей газеты.

– И ты звонишь мне только сейчас?

– Я был на совещании со своим начальством. Ты отстранена, Скотт. Все кончено.

Антония не может поверить услышанному.

– Ты шутишь?

– Это приказ сверху.

– Но ведь у нас сейчас есть его имя. Мы знаем, кто он, и мы могли бы...

– Теперь это уже слишком опасно, – перебивает ее Ментор. – И есть кое-что еще, Скотт. Этот журналист...

Антония видит его на одном из каналов: он сидит за столом среди таких же невежественных и горластых болтунов, как он сам. Предпенсионник с грязными волосами, собранными в хвост. Антония тут же его узнает.

Это он поприветствовал вчера Джона на улице Серрано. Той самой улыбкой.

Glas wen.

На валлийском языке это значит «синяя улыбка». Злорадная усмешка при виде страданий врага.

– ...судя по всему, этот журналист увидел инспектора Гутьерреса по телевизору после вашей гонки по М-50. Он также был одним из тех, кто вещал о деле, связанном с сутенером.

– Он преследовал Джона, – шепчет Антония.

– Видимо, он почувствовал, что что-то тут не так. И судя по всему, договорился с Паррой об эксклюзивном репортаже. Такое вполне может быть.

– Это ты во все это его втянул, – говорит Антония.

– Я же тебе объяснял, что Гутьеррес сам...

– Ты втянул в это Джона. Ты вечно находишь себе марионеток со сломанной ногой. Ты, Ментор. Это ты во всем виноват.

– Можешь обвинять меня сколько угодно. Только вот предпринимать ничего не надо.

– Осталось семнадцать часов!

– Теперь это дело полиции, Скотт. Это приказ. Не вмешивайся.

– А как же Карла Ортис?

– Еще будут другие сражения, Скотт. Так что успокойся.

Ментор вешает трубку.

Железная логика. Пожертвовать слонем, чтобы продолжить игру. Потому что главное – остаться в игре. Пожертвовать одной жизнью сегодня, чтобы завтра, возможно, спасти сотню. Как в той старинной притче про шахматы. Одно зернышко на первую клетку, два на вторую, четыре на третью. А на последнюю несчетное количество.

Скажи это Карле Ортис, скажи это ее сыну.

Раздается стук в дверь.

Антония уже знает, кто там.

Она долго не подходит. Бурлящая внутри нее ярость так и просится наружу. А за дверью как раз штопор.

Наконец Антония приближается к двери, но вместо того, чтобы открыть, запирает ее на защелку.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – говорит она.

Антония чувствует, что Джон всем своим весом навалился на деревянную дверь.

– Я собирался все тебе рассказать, – говорит он, и в его надтреснутом голосе слышится скорбь. – Но не нашел подходящего момента.

– Мы просидели в кафе на улице Седасерос три часа одиннадцать минут. Ни словом не обменявшись. Так что, по-моему, у тебя был

подходящий момент.

– Мне было страшно. И стыдно.

И тут Антония взрывается. Обрушивается на него несправедливый гнев.

– Только вот твой страх и твой стыд убили Карлу Ортис.

Она хочет сделать ему больно. Хочет перебросить свою боль на него.

И у нее получается.

Правда, ее боль, конечно, не исчезает, а напротив, лишь усиливается.

Джон больше не наваливается на дверь.

По ту сторону молчание. Долгое молчание.

Вдруг у ее ног раздается какой-то шорох. Джон что-то протолкнул под дверь.

Это ее металлическая коробочка с капсулами.

Антония опускается на пол. Берет коробочку и с силой сжимает ее в кулаке. Пытается заплакать.

Но у нее не получается.

Нежданный гость

Спустя десять-двенадцать минут, когда Антония все еще сидит на полу, пытаясь прийти в себя, в палату снова стучат. Думая, что это вернулся Джон, она мгновенно вскакивает, поворачивает защелку и распахивает дверь.

– Прости, я...

И тут же замолкает. Потому что это не Джон.

Собственно говоря, этот худощавый высокий мужчина с впалыми щеками – последний человек, которого Антонии хотелось бы сейчас видеть.

Сэр Питер Скотт, посол Соединенного Королевства в Мадриде, бывший генеральный консул в Барселоне, командор Превосходнейшего ордена Британской империи стоит сейчас на пороге палаты с явным намерением зайти.

– Отец? – удивленно говорит Антония.

– Привет, – отвечает он.

За этим приветствием не следует ни объятий, ни теплых слов, ни радости. Вместо этого – холодный атмосферный фронт низкого давления и возможность порывистого ветра.

Все сложно.

Сэр Питер – тогда еще просто Питер – приехал в Барселону в 1982 году. В год Чемпионата мира по футболу. Пока весь мир наблюдал за тем, как ФРГ терпит поражение от Италии, Питер Скотт обустроивался в своей новой квартире на улице Сардениа. В шаге от арены для корриды. (*Какой же это все-таки варварский обычай*, говорил он по телефону матери) Он в ту пору был обычным служащим. Днем занимался административными делами в консульстве. А вечером гулял по Ла-Рамбле, пил кофе и предавался тайному пороку: английской литературе восемнадцатого века.

Он как раз был погружен в чтение *Песен Невинности* Блейка, когда проходившая мимо женщина споткнулась и выплеснула кортадо^[54] ему на брюки. Кофе был обжигающе горячим, но Питер даже не обратил на это внимания. Его в тот момент гораздо больше занимали темные глаза незнакомки. Это была миниатюрная женщина с каштановыми волосами и

очень светлой, почти прозрачной кожей. Ей было так стыдно, что она даже не извинилась. Пока она помогала Питеру собирать с пола осколки чашки, книга тоже упала со стола, приземлившись между кофейной лужей и фарфоровыми осколками. Увидев обложку, женщина продекламировала:

– Кто скрутил и для чего нервы сердца твоего? Чьею страшною рукой ты был выкован – такой?^[55]

Удивившись цитате из своего любимого стихотворения (самого прекрасного, страшного и душераздирающего из всех когда-либо написанных), Питер сказал:

– В Испании нечасто встретишь людей, знающих Блейка.

Улыбка незнакомки озарила всю Ла-Рамблу, отразилась от Монтжуика и потонула в сердце Питера.

– Было бы странно, если бы я не знала, – ответила она. – Я заканчиваю университет по специальности «Английская филология».

Одиннадцать месяцев спустя, одним солнечным сентябрьским днем, Питер Скотт и Паула Гарридо обвенчались в церкви Санта-Мария-дель-Мар. А еще через год родилась темноглазая девочка, которую отец решил назвать Мэри. В честь Уолстонкрафт, конечно, а не Шелли, которую Питер не слишком почитал.

– Мне безразлично, что ты там решил, – сказала Паула. – Ее будут звать Антония, как мою маму, царствие ей небесное.

После шести лет кропотливого труда Питер был назначен консулом. Счастью не было границ. Паула и Питер безумно любили друг друга и обожали дочку.

Но спустя год как-то утром Паулу вырвало. В тот день она почувствовала тупую боль в боку. А через восемь недель Паула умерла от рака поджелудочной железы.

Антонию отправили на три года жить к бабушке. Других родственников не было. Отец полностью погрузился в работу и как будто совсем забыл о существовании дочери. Когда Антония вернулась в Барселону, Питер уже не был ее отцом. Это был просто человек, оплачивающий ей гувернанток. Смерть Паулы сделала его черствым, эгоистичным и замкнутым, словно покойница забрала с собой, зажав в сведенных судорогой пальцах, всю суть любви. Он ясно дал понять Антонии, что она лишняя в его жизни, что она для него – страница навсегда закрытой главы, которая по какой-то непонятной причине продолжает жить, ходить, дышать. И даже ум Антонии, проявившийся с самого раннего детства, эта незаурядность, которая так восхищала Питера в жене, в дочери стала его раздражать. Впрочем, ум Антонии не был таким сдержанно-

осторожным, как у матери. Он всегда был острым, словно лезвие ножа. И еще будучи девочкой, Антония очень быстро научилась его скрывать: не для того, чтобы завоевать отцовскую любовь, а чтобы избежать конфликтов.

Как только появилась возможность, Антония уехала учиться в Мадрид. Ее отца назначили послом, когда она уже начала встречаться с Маркосом (еще до вступления в проект «Красная Королева»). За все эти годы они виделись пять раз.

Должно было пройти немало лет, чтобы Антония поняла, почему отец испытывал к ней ненависть. Или, скорее, чувство, очень похожее на ненависть (на три четверти состоявшее из отрицания и на четверть из неприязни). Чувство, из-за которого ему даже смотреть на нее было невыносимо. Чтобы понять это, Антония должна была пережить то, что случилось с Маркосом. Каждый раз, когда она смотрела на Хорхе и видела в нем живую копию Маркоса, ей становилось нестерпимо больно. И в эти моменты она понимала своего отца. Однако она так и не сумела его простить, поскольку побороть в себе иррациональные чувства удается далеко не всегда. И потому, что дети живут сегодняшним днем, настоящим моментом, в котором они не хотят, не могут и не должны знать ничего другого, кроме любви. И возможно (допускает она сейчас, три года спустя), она не смогла окружить любовью своего сына, и возможно, ее отец как раз и смог подарить Хорхе ту любовь, которую не подарил ей. Ведь он забрал к себе мальчика, когда Антонии было невыносимо плохо.

Возможно.

Но Антония не хотела идти на мировую. Сэр Питер добился опеки над внуком через суд. Он также поставил условие, что Антония должна пройти курс психотерапии, прежде чем видеться с мальчиком. После долгих лет отчужденности он укрепился во мнении, что у его дочери не все дома.

В общем, все сложно.

Антония делает шаг в сторону, пропуская отца.

Сэр Питер заходит в палату, как к себе домой. Немного чопорный молодой англичанин из хорошей семьи, каким он был на момент знакомства с Паулой, превратился в исключительно надменного старика.

– Как он? – спрашивает Питер, показывая на кровать Маркоса и глядя при этом в окно.

Разумеется, он не был на их свадьбе. Это было бы слишком. Правда, он подписал и отправил им поздравительную открытку.

– В коме, – отвечает Антония. – Зачем ты пришел?

Отец поворачивается и внимательно на нее смотрит. Антония, привыкшая думать в равной мере на двух языках, вспоминает в этот раз английское слово, которому нет точного эквивалента в испанском, несмотря на его простоту. *Stare*. Смотреть на кого-то пристальным взглядом, от которого становится не по себе. Отец никогда раньше так на нее не смотрел.

– Где он, Антония?

В его голосе также слышится нечто ему несвойственное.

Страх.

– Он – это кто?

– Он – это Хорхе.

И от этих трех слов весь мир будто раскалывается пополам. Страх, звучащий в голосе отца, охватывает ее, пробегает по ее коже, словно электрический ток, пронизывает ее от кончиков пальцев до ушей, сдавливает ей грудную клетку.

– Он в школе... Он ведь в школе?

– Нет, он не в школе, Антония. Кто-то увел его с уроков. Учительница без сознания лежит в больнице. Служащая с ресепшена убита. Обоих пырнули ножом. И дети говорят, что это была женщина. Они ужасно напуганы.

То, что говорит отец, кажется ей нереальным. Словно все это происходит с кем-то другим.

Но мне уже приходилось чувствовать нечто подобное. В тот день, когда она очнулась в этой больнице, а Маркос при смерти лежал в реанимации. И ей оставалось лишь до бесконечности прокручивать в голове каждый момент, предшествующий трагедии. И все эти моменты с тех пор навсегда остались в ее снах. Они отпечатались в ее сознании, как яркий свет отпечатывается на сетчатке глаз, когда мы опускаем веки.

Нет, такое не должно повториться.

Антония тут же вскакивает, хватается сумку. Кидает в нее айпад и телефон.

– Мне нужно уйти.

– Ты никуда не пойдешь, Антония. До тех пор, пока я не получу четкого ответа. В школе мне сказали, что ты без моего ведома периодически приходила смотреть на сына. А служащая с ресепшена открыла женщине дверь. Значит, она ее знала. Где ты была три часа назад, Антония?

Она не отвечает.

Недоверие отца практически ее не ранит. Для Антонии эти подозрения

– все равно что морозящий дождик для человека, убегающего от смертельной опасности. В животе у нее возникает сосущая пустота, словно Антония скатывается с высокой горки. Кровь стучит в висках в ритме вилки, взбивающей яичные белки, заглушая дыхание.

Не обращая внимания на отца, она направляется к двери. Нужно позвонить Джону. Нужно позвонить Ментору. Нужно...

– Где мой внук, Антония?

Антония поворачивает голову, собираясь что-то ответить ему на ходу, и вдруг натывается на кирпичную стенку в костюмчике. Она падает на пол и тут же чувствует, как ее хватают чьи-то огромные ручки и стягивают ей запястья пластиковыми наручниками.

– Я же сказал, ты никуда не пойдешь, – говорит отец. – Разве что с нами в полицию.

Эсекиэль

В последнее время вода для него на вкус как пепел.

Впрочем, не только вода.

Он перенес свой тюфяк в другую комнату. Раньше он спал там же, где Сандра, в комнате в конце коридора, но теперь дочь приказала ему выметаться, поскольку она привязала к стене мальчишку, и нужно было освободить для него место.

Николас спрашивает себя, с каких пор ему стало плохо с Сандрой. С каких пор она перестала смягчать улыбкой оскорбления и издевки.

Ты никчемный старик.

Ничего удивительного в том, что твой отец тебя поколачивал.

Раньше после этих слов она касалась его плеча или дарила ему улыбку, смягчающую удар.

Когда все изменилось?

Николас не знает или не помнит. Порой ему хочется сбежать от нее куда-нибудь подальше, без оглядки. Но он тут же вспоминает, каково ему было в те месяцы, когда Сандра была

(мертва)

далеко от него. Каково ему было медленно тонуть в колодце, наполненном смолой. Выходить из дома, ехать на метро, сталкиваться с людьми, затылком ощущать их скользкие взгляды. Каково ему было чувствовать себя отцом, потерявшим дочь.

Никчемный старик.

Ничего удивительного в том, что твой отец тебя поколачивал.

А потом Сандра вернулась.

Просто взяла и вернулась. Позвонила как-то ночью в дверь. И все стало прекрасно.

Нет, не все. Потому что она изменилась.

Николас не хочет это признавать, не хочет смотреть правде в глаза. Сандра оказывает на него огромное влияние. С момента возвращения она стала излучать мощную энергию, полностью подчиняющую его волю.

Но теперь это уже не хорошая энергия. Теперь эта энергия потихоньку его отравляет.

Путь, по которому она велела ему пойти, поначалу казался ясным и гладким. Но затем возникли препятствия. Непредвиденные обстоятельства, как она их называет.

Мальчик. Этого мальчика здесь быть не должно.

Он совсем маленький.

Николас представляет, как идет наперекор воле Сандры, точно так же, как представляет свой побег. В его голове возникают лишь беглые невинные фантазии, которые он сам не воспринимает всерьез. Едва Николас начинает воображать, как покончит со всем этим смятением, как к нему тут же приходит воспоминание об одиночестве. Жутком, беспощадном, леденящем кровь.

А как все было раньше?

Николас не помнит и этого. В его воспоминаниях не сохранилось четких образов жизни до. Это все равно что примерно помнить мелодию песни, не вспомнив при этом из нее ни одного слова. В его памяти возникают долгие дни, проведенные в туннелях; посетившее его чувство отцовства. Вспоминает Николас и то, о чем вспоминать не хочет: как по ночам он порой заходил в комнату

Сандры, как делал с ней, что когда-то с ним делал его отец. Однако он отвергает эти воспоминания, словно в реальности они не имеют к нему ни малейшего отношения.

Это просто сны. Это было не по-настоящему. Ведь иначе он обязательно написал бы об этом в своей тетради и сжег бы листочек с исповедью.

К тому же, с тех пор, как она вернулась, такого больше не было.

Теперь он обращается к Сандре, чтобы она помогла ему выпустить пар другим способом. Он встает на колени, а она берет ремень и хлещет его по спине. Точно так же когда-то делал с ним его отец, чтобы Николас не грешил. Перед тем как согрешить самому.

Николас вновь ощущает на языке и на нёбе привкус пепла. Ему не нравится это смятение, которое наполняет его душу с тех пор, как она вернулась.

Он кладет пистолет на стол. Физическое присутствие оружия придает Николасу решимости.

Это просто дверь. Просто дверь, думает Николас.

Он берет пистолет в рот. Сжимает зубами металл. Оружейная смазка и металлическое дуло отдают пеплом.

Всего лишь один легкий нажим. И наступит вечный покой.

Он нажимает на курок, но раздается лишь щелчок предохранителя.

Ты никчемный старик.

Ничего удивительного в том, что твой отец тебя поколачивал.

Николас слышит приближающиеся шаги и тут же поспешно кладет пистолет на стол.

В следующий раз. В следующий раз он решится.

– Все готово? – спрашивает Сандра.

Николас кивает. Это было непросто, но он выполнил все ее требования.

И она улыбается.

Антония Скотт (метр шестьдесят, пятьдесят килограммов) оценивает свои шансы вырваться из рук мужчины (метр девяносто, восемьдесят семь килограммов), который тащит ее к припаркованной у дверей больницы машине. Шансы нулевые. Тут уж даже нет смысла учитывать тот факт, что этот мужчина, как и все сотрудники охраны посольства, офицер САС^[56] Великобритании. А это как-никак бритишовый спецназ.

Сасовец явно провел разведку. И теперь тащит отчаянно упирающуюся Антонию через полупустые коридоры задней части больницы. Сэр Питер идет следом – в трех шагах позади. Они спускаются по лестнице, пересекают отделение онкологии (опять же потайными путями) и выходят через боковую дверь, о которой Антония и знать не знала, и это при том, что она, можно сказать, живет в Монклоа уже три года. Он тщательно изучил больницу, чтобы на пути им встретилось как можно меньше людей.

«Роллс-Ройс Фантом», ожидающий снаружи, (второй сасовец держит дверь открытой) – это официальная машина посла Соединенного Королевства. Это, впрочем, не мешает сэру Питеру безумно ею гордиться. При других обстоятельствах Антония, возможно, и оценила бы тот факт, что ее пытаются усадить в машину за полмиллиона евро, но только не сейчас. Сейчас она способна думать лишь о том, что если им удастся ее туда затащить, то для Хорхе, для нее и для Карлы Ортис все кончено.

Она не может этого допустить.

И тем не менее в голову ей ничего не приходит.

Броситься на землю, закричать, устроить скандал... все это только усугубит ситуацию.

Проходит секунда, и вот она уже сидит в машине на заднем сиденье.

– Ты совершаешь ошибку, – говорит она отцу, сидящему рядом.

Оба сасовца занимают передние места.

– Дай бог, чтобы так оно и оказалось, – отвечает отец.

Но он ей не верит. Он заранее считает ее виновной, ведь, по его мнению, она уже три года как не в своем уме. И, может, еще несколько дней назад Антония и правда была немного не в себе, но сейчас все по-другому.

Я больше не хочу сводить счеты с жизнью, думает она и вдруг

осознает, что это правда. В течение трех лет каждый вечер она выделяла три минуты на фантазии о суициде, и внезапно за каких-то четыре дня все изменилось.

Моя жизнь не может закончиться вот так.

Двери машины захлопываются.

Антония в отчаянии оглядывается по сторонам, пытаясь найти выход, которого не существует.

Водитель – тот самый сасовец, который приволок ее сюда, – заводит машину.

И в этот момент происходит столкновение.

За тридцать секунд до этого

Джон Гутьеррес не терпит несправедливости.

Слова Антонии сильно ранили его, гораздо сильнее, чем он готов признать. Он возлагал большие надежды на их совместные поиски, он сделал все возможное, чтобы они смогли найти Карлу Ортис. Но, увы, в жизни все не так просто, и привезенный им из Бильбао тюк с ошибками прошлого

*утяжеленный враньем
разрушил его надежды.*

И вот Джон сидит в «Ауди А8»: ни работы, ни цели, ни перспектив. *Немой колокол в колокольне; половина, расколота пополам*^[57]. В гостинице его поджидают друзья из отдела внутренних расследований как пить дать. Но он не доставит им такого удовольствия, нет уж, увольте. Если они хотят с ним поговорить – пусть отправляются в Бочо^[58] (который в это время года, кстати, очень красив), заодно посмотрят, как у реки сверкает на июньском солнце Собачья конура (музей Гуггенхайма).

Если он прямо сейчас заведет машину и как следует нажмет на газ, может, еще успеет добраться до Бильбао к ужину. Увидит маменьку, расскажет ей обо всех своих горестях, ну а завтра уже будь что будет.

Но в этот самый миг он видит, как какой-то явно вооруженный верзила тащит Антонию в машину.

Инспектор Гутьеррес никогда не был сторонником бросания с головой в омут. Впервые в жизни он поддался обстоятельствам четыре дня назад и то потому, что у него не было другого выхода. Но зато Джон Гутьеррес является страстным приверженцем принципа «назвался напарником – помогай в беде». И поэтому он без лишних раздумий заводит машину, жмет

на газ, включает передачу (каким только фокусам не научишься, пообщавшись с психопатами) и врзается в бок «Роллс-Ройса».

И снова в омут.

От удара вдребезги разбивается левое заднее окно, осыпая Антонию осколками. Ее отбрасывает в сторону отца, который так и не успел пристегнуться. Передние подушки безопасности тут же срабатывают, но почему-то, как оказывается, для пассажиров, сидящих сзади, в этой машине за полмиллиона евро эйрбеги не предусмотрены.

Сэр Питер ударяется лбом об окно, оставляя на стекле паутину с ярким паучком в центре. Его белые волосы (Антония убеждена, что он их красит) пропитываются кровью.

Антония привалилась к отцу, уронив голову ему на грудь. В последний раз они сидели так близко лет двадцать семь, двадцать восемь назад. И хотя Антония отчетливо слышит, как бьется его сердце (меньше чем в двадцати сантиметрах от ее правого уха), прислушиваться к нему она не пытается. А пытается она открыть машину, протягивая к дверной ручке связанные кисти.

– Нет... – шепчет оглушенный ударом сэр Питер.

Ей удается открыть дверь и пролезть через отца (случайно ударив его при этом коленом по почкам, без особого, впрочем, сожаления). Однако когда она уже наполовину высовывается из машины, сэр Питер вцепляется ей в ногу и тянет ее назад.

– Ты сделаешь только хуже, – говорит он.

Антония брыкается, отчаянно отбивается, молотя отца по ногам, рукам и груди, до тех пор пока ей не удастся вырваться.

Хуже уже некуда.

Сасовцы начинают выбираться из крепких любовных объятий эйрбегов. И Джон Гутьеррес тоже. Только вот опыта у него побольше. Ему даже удастся снова завести машину, и он уже машет Антонии.

Она смотрит на него, качая головой.

И бросается бежать в противоположном направлении, удаляясь от Джона, удаляясь от отца.

Беги, Антония.

Спустя три часа Антония перестает бежать.
Хотя, конечно, опасность еще не миновала.

Ей удалось улизнуть от сасовцев, юркнув в узенькую улочку между больницей и домом престарелых, расположенным в соседнем здании. Когда она повернула за угол, вариантов оставалось немного. Впереди – река Мансанарес. А по ту сторону реки – район, застроенный маленькими, многоквартирными домами, где отыскать ее было бы проще простого. Поэтому она решила войти в дом престарелых. Она замедлила шаг, чтобы не привлекать внимание, несмотря на то что за ней гнались по пятам. Свою сумку-почтальонку она несла впереди себя в руках, скованных пластиковыми наручниками. Достигнув лестницы, она вновь помчалась со всех ног – вниз, до второго подвального этажа, где проходит туннель, соединяющий дом престарелых с больницей. В итоге она вышла через главную дверь, прошла меньше чем в шести метрах от отца (который стоял к ней спиной, держась за ушибленную голову и глядя в ту сторону, куда она убежала пару минут назад) и пересекла улицу по направлению к парку Бомбия. Там она освободилась от своих пластиковых наручников, разорвав их о край урны.

Джон уже исчез из поля зрения. «Ауди» больше не видать. И хотя Антонии не верится, что он сможет уехать далеко, по крайней мере, найдут его не сразу.

В какой момент мы превратились из охотников в дичь? – думает Антония.

Она сидит в «Макдоналдсе» на Гран-Виа. Наверно, на всей Земле не сыщешь места, где оставаться незамеченным проще, чем здесь, среди этого нескончаемого потока людей, особенно плотного в предвечерний час. Сейчас шесть: время, когда полдник испанцев совпадает с ранним ужином иностранных туристов. Найти столик в этот час невозможно, и поэтому Антония поглощает свой королевский чизбургер, большую порцию картофеля фри и макфлурри (ей нужно хорошенько подкрепиться), сидя на пуфике у входа и держа поднос на коленях. Она думает, что ее вряд ли уже ищут на этой улице, но на всякий случай сидит к стеклянным дверям спиной. А то мало ли ее фотографию добавили в систему слежения, и

какой-нибудь шустрый агент случайно ее узнает.

Нет, отец наверняка заявит на нее в полицию. И, разумеется, сотрудники убийного отдела, занимающиеся этим делом, захотят с ней поговорить. Попросить помощи у отдела по борьбе с похищениями и вымогательствами они уже не смогут. Эсекиэль об этом позаботился.

Все вышло именно так, как он хотел. Мы вышли на его след в тот момент, когда он это решил. Не раньше.

Сотрудникам убийного отдела проще, чем агентам ОБПВ. Их клиенты уже не выражают недовольства, да и навредить им больше, чем есть, никто уже не сможет, так что поймать беглого преступника – всего лишь вопрос времени. И попытка виновного убежать, на самом деле, всегда играет им на руку. Беглец со временем неизбежно выдыхается. Всю жизнь в бегах провести невозможно, особенно в наше время, когда все твои жизненные потребности (сон, еда, питье) оставляют после себя электронные следы. Если, конечно, у тебя нет с собой тонны налички.

У Антонии тонны налички нет. Весь ее капитал сводился к двадцатиевровой банкноте, втиснутой между телефоном и чехлом, – на случай крайней необходимости. Королевский чизбургер – как раз-таки вещь крайней необходимости, и поэтому от двадцатки теперь остались девять евро сорок пять центов.

А вот мороженое, наверное, брать не стоило.

Она не стала расплачиваться карточкой из-за чрезмерной предосторожности. На самом деле гораздо опаснее держать телефон включенным. Если они действительно захотят ее поймать, эта маленькая штукovina легко укажет им путь, словно маяк заплутавшему в бурю кораблю.

Но ни выключить, ни выбросить его Антония не может. Потому что она ждет звонка, который должен вот-вот раздаться. По этой же самой причине она сбросила уже три вызова от Ментора и шесть от Джона.

Самое сложное было не ответить бабушке, которая тоже звонила. Один-единственный раз. Но выбора не оставалось, и Антония скрепя сердце сбросила и ее звонок.

Линия должна оставаться свободной.

Остатками напитка она запивает красную капсулу. Антония вновь испытывает сенсорную перегрузку: вокруг слишком много людей, огней, разговоров, машин, а в голове слишком много стремительно летящих мыслей. Все это сводит ее с ума, ей необходимо немного притормозить, восстановить контроль над своими чувствами, отфильтровать ненужное.

Одна капсула действует всего лишь сорок минут.

И Антония с тревогой отмечает, что теперь у нее остались только две.

Она выбрасывает за собой мусор, выходит из «Макдоналдса» и направляется по улице Монтера в сторону площади Пуэрта-дель-Соль, держа в руке телефон. Нужно постоянно перемещаться с места на место, чтобы повысить шансы остаться непойманной. Только так она сможет спасти Хорхе.

И она идет не останавливаясь.

Звонок раздается лишь тогда, когда она практически доходит до площади Каналехас.

– Добрый вечер, сеньора Скотт, – звучит в трубке мужской голос. Низкий и хриплый.

– Я хочу знать, как мой сын, – отвечает Антония.

– С ним все в порядке.

– Я хочу с ним поговорить.

– Это невозможно. Но я же говорю, с ним ничего не случится. Дети не должны платить за грехи родителей.

– И тем не менее вы заставляете их платить, разве не так?

– Я лишь исполняю Божью волю.

– Как скажете. Так вы не дадите мне поговорить с сыном?

– Я уже сказал, что нет.

– В таком случае я хочу поговорить с Эсекиэлем.

– Я и есть Эсекиэль.

– Неправда. Вы всего лишь на побегушках у Эсекиэля. Дайте трубку ей.

На том конце провода обиженное молчание. Антонии кажется, что он повесил трубку. Она вновь чувствует головокружение, тяжесть в животе, надвигающийся приступ паники, которой сейчас ни за что нельзя поддаваться.

И кое-что еще. В трубке слышится отдаленный гул. Антония тут же отмечает про себя эту деталь. Возможно, впоследствии она окажется важной.

И в этот момент в трубке вновь раздается голос. Женский, мягкий, милый.

– Приветствую вас, Антония Скотт.

Сама не зная почему, Антония мысленно соотносит этот голос с приветливым лицом. Но стоит лишь внимательно к нему прислушаться, как сразу видишь кишащих в душе этой женщины червей. Толстых и бледных, словно пальцы мертвеца.

– Я хочу поговорить с сыном, – настаивает она.

– Мой отец уже ясно ответил вам по этому поводу. Скажите, как вы узнали?

Антония никак не узнала. У нее закрались подозрения, когда им удалось установить личность Эсекиэля, но это была всего лишь догадка: она просто ткнула пальцем в небо и попала точно в цель. Но, конечно, она никогда в этом не признается.

– Это мое дело.

На том конце провода раздается смех. Черви вылезают из-под приветливой маски, угрожающе копошатся на поверхности.

– Великая Антония Скотт. Как всегда загадочная. Ну что ж. Правила для вас такие же, как и для всех. Как для Лауры Труэбы и Рамона Ортиса. Вы должны будете искупить свои грехи, а я скажу вам, как это сделать. Вы готовы?

Антония молчит.

– Вы слышите меня?

– Слышу.

– Вы ведь хотите снова увидеть сына?

– Вы и так знаете, что хочу.

– Ваш грех, Скотт, – это гордость. По сравнению с грехами остальных двух родителей, этот грех небольшой. Поэтому и наказание вам уготовлено мягкое. Вам придется просто подождать. Двенадцать часов. И если вы выполните мое указание, завтра в семь утра мы оставим Хорхе в людном месте. Там, где его тут же найдут добрые самаритяне.

– В чем же заключается указание?

– Просто в том, чтобы вы больше не пытались нас найти. Вы уже совсем близко, и ваши поиски могут увенчаться успехом. Только вот знайте, что успех обернется для вас крахом. Вы меня поняли?

Антония поняла. Прекрасно поняла.

– А что будет с Карлой Ортис?

– Это уже не ваша забота. Ее судьба в руках отца. Ему тоже было дано указание.

– Зачем вы это делаете, Сандра?

В трубке вновь слышится смех – жестокий, червивый, гнилой.

– Зачем? Странно, что вы с вашими умственными возможностями так и не поняли. Я делаю это, потому что могу. Потому что это... весело.

Она снова смеется.

– До завтра, Антония Скотт.

Зеленый чай

Антония заходит в первый попавшийся бар. Нужно попытаться успокоиться, рассмотреть все возможные варианты.

Она садится за барную стойку. Заказывает зеленый чай, чтобы легче переварить застрявший в желудке фастфуд и зависшую в мозгу информацию.

В тот момент, когда официантка наполняет кипятком металлический чайничек (тщательно продуманный для того, чтобы большая часть воды проливалась из него мимо чашки), Ментор звонит снова.

– Тебе не кажется странным, что, несмотря на включенный телефон, тебя до сих пор не нашли?

Антонии и правда это кажется странным.

– Что ты сделал?

– Мы изменили геолокацию твоей симкарты.– (Ментор всегда употребляет множественное число, когда речь идет о вещах, которые сам он делать не умеет.) – Так что теперь твое настоящее местонахождение не определить. Новый гик из нашей команды решил отправить тебя в Афганистан. В общем, за тобой должок.

– Можешь вычесть его из тех долгов, которые остались передо мной у тебя.

– Однако долго так продолжаться не может. Еще максимум час – и они все равно раскроют фокус. У полиции ведь тоже есть свои гики. Так что позаботься о том, чтобы твой телефон к этому времени был выключен.

Официантка ставит перед ней чашку. Антония берет пакетик сахара и встряхивает его двумя пальцами.

Час. В лучшем случае.

– Насколько все плохо?

– Внук британского посла пропал, в новостях непрерывно говорят о похищении Карлы Ортис, одна женщина убита, другая ранена. Бомба унесла жизни шести полицейских, еще двое находятся в тяжелом состоянии. И ты во всем этом единственное связующее звено.

– То есть все и правда плохо?

Ментор раздраженно фыркает.

– Мне больше нравилось говорить с тобой до того, как ты научилась сарказму, Скотт. Твой отец делает все возможное, чтобы тебя нашли.

Этого ни в коем случае нельзя допустить. Еще не хватало провести всю ночь в полицейском участке, отвечая на вопросы.

– Твой отец убежден, что во всем этом замешана ты, хотя описания женщины, похитившей Хорхе, весьма расплывчаты. Например, судя по некоторым свидетельствам, она похожа на маму Свинки Пеппы в плаще.

Ничего удивительного, когда свидетелями являются девятнадцать четырехлетних детей.

– Когда учительницу переведут из реанимации, – продолжает Ментор, – (если, конечно, переведут), она сможет прояснить ситуацию. А пока что ты не должна допустить, чтобы тебя поймали, Скотт. Ты не можешь поставить под угрозу наш проект.

Антония не верит своим ушам. Холодное безразличие Ментора порой выводит ее из себя.

– Ты вообще о чем говоришь? Моего сына похитили!

– Тем более. Если тебя поймут, ты не сможешь ему помочь. Сначала ты должна найти сына. Узнай его местонахождение и скажи нам. А дальше уже дело за нами.

Вот так просто. И так прямо.

И невозможно.

Антония делает глубокий вдох. Капсула уже постепенно перестает действовать, мир вокруг вновь начинает ускоряться, а эмоции прорываться наружу. Она с силой сжимает телефон и ударяет себя кулаком по бедру. Несколько раз.

Официантка смотрит на нее с удивлением.

Успокойся. Успокойся, говорит она себе. Худшее, что ты можешь сделать, – это устроить спектакль. Чтобы кто-нибудь вызвал полицию.

Однако успокоиться не получается. Мозг Антонии на это не способен. Ее измененный гипоталамус, который и в обычном режиме работает так, словно находится в состоянии стресса, сейчас и правда в состоянии стресса. И поэтому он выбрасывает в кровоток такое бешеное количество гистамина, словно завтрашний день никогда не наступит. Антония замечает каждую малейшую деталь в окружающей обстановке.

Барабан игрового автомата непрерывно вращается.

За столиком в углу сидит мужчина, который делает вид, что читает, а на самом деле запустил руку под лежащий у него на коленях пиджак и трогает себя.

Дверь в туалет поскрипывает.

По телевизору спорят, у одного стула сломана ножка, кофеварка гудит, дверьоткрываетсямужчиненаватсапприходитсообщение...

ХВАТИТ.

– Ты слышишь меня, Скотт?

– Я не могу...

– Скотт? У тебя с собой таблетки? Ты должна сейчас же принять одну. Она и так это знает.

Антония достает из кармана металлическую коробочку. Но как только она открывает крышку, одна из двух оставшихся ей капсул падает на пол, исчезая среди арахисовой шелухи, использованных зубочисток, оливковых косточек и жирных скомканных салфеток.

Нет!

Она наклоняется, отыскивает капсулу среди разбросанного по полу мусора, кладет ее в рот и тут же раскусывает, нисколько не думая о микробах.

В этот раз она даже не считает до десяти и не дожидается магического эффекта лекарства. Сейчас ей некогда.

– Что известно про Фахардо?

– Пока лишь то, что он жив. Его повсюду ищут, но на поиски уйдет немало времени. Этот тип умеет замечать следы. Единственное, что связывало его все это время с жизнью, – это банковский счет, с которого продолжали оплачиваться счета, но это обычное дело, когда кто-то умирает. Если никто не претендует на эти деньги и не ставит банк в известность о том, что держатель счета умер, квитанции так и оплачиваются автоматически, пока на счету есть остаток.

– Пришли мне что-нибудь, Ментор, какую-нибудь зацепку. Что угодно.

– Я отправил тебе по электронной почте досье Фахардо. Кроме этого, у меня больше ничего нет. Единственное, что им удалось выяснить, так это то, что Фахардо ушел на больничный после суицида дочери.

– Как выясняется, его дочь тоже жива, – говорит Антония.

– Что ты сказала? – изумленно переспрашивает Ментор.

– Неважно. Слишком долго объяснять. Продолжай.

Ментор от такой новости даже на секунду забывает, на чем остановился.

– А когда после больничного он вновь вернулся на работу, в ту же неделю он погиб при обрушении туннеля. Вот и все.

То есть ничего.

– Как Джон?

– Он совсем спятил, бедняга. Звонит мне каждые пять минут. Он хочет помочь тебе, Скотт.

– Пусть хочет дальше.

После того, как он солгал мне, я больше не могу ему доверять, думает Антония. К тому же у него на хвосте отдел внутренних расследований. И журналисты. Если я позвоню ему и он придет, неизвестно, чем это обернется. Он может все окончательно испортить.

И Ментору я тоже не могу доверять. Я никому не могу доверять.

Слишком большой риск для Хорхе.

– Ладно, дело твое. Выключи мобильный, Скотт. И найди сына.

С этими словами он вешает трубку. Антония выключает телефон. Затем открывает айпад, переводит его в режим полета и подключается к вай-фаю бара, чтобы загрузить досье Фахардо.

Это всего лишь досье. Но в нем отражен набросок жизненной истории.

Карла

Еще рывок – и плитка падает ей в руки.

Указательные пальцы и сердце Карлы истекают кровью, ногти сломаны и покорежены, но ей удалось оторвать плитку.

Она держит ее в левой руке и обсасывает пальцы правой, сплевывая кровь, обломки ногтей, песчинки. Карла не видит себя со стороны, не видит, какая звериная, первобытная свирепость отразилась на ее лице, когда этот керамический квадратик десять на десять сантиметров наконец оказался в ее ладони.

Стараясь игнорировать жуткую боль в стертых до мяса кончиках пальцев, Карла снимает платье. Аккуратно завертывает в него плитку и затем кладет ее на пол к стене.

Она думает об этом приближающемся моменте уже несколько часов подряд, представляя свои действия в мельчайших деталях, чтобы не допустить ошибку. Карла уже почти физически ощущает этот момент.

Она ударит по плитке ребром ладони. Прямым ударом, точно по центру. Она не может просто отбить угол или расколоть плитку на неровные части.

Все должно быть безупречно. Карла должна нанести четкий удар в темноте, вслепую.

Тщательно наметь траекторию. Прицелься как следует. И ударь.

Карла подчиняется той, другой, Карле, которая с каждым разом обретает все больший контроль над ситуацией: Карла готова полностью отдать инициативу в ее руки. Пускай. Она готова на все, лишь бы

выбраться отсюда и придушить Сандру собственными руками.

Она думает о Сандре, когда ее рука с силой опускается на плитку. Слышится легкий хруст.

Ткань платья сделала свое дело, приглушив звук. И теперь Карла со страхом раскрывает сверток. Это плитка – самое важное, что сейчас есть в ее жизни.

Из платья выпадает несколько крошечных кусочков, еще парочка застревает в складках ткани. Карла отчаянно перебирает их вслепую. Если плитка рассыпалась в мелкую крошку, все ее усилия последних часов были напрасны.

И ты умрешь. Ты ведь поняла уже, что он тебе не поможет?

Может, ему просто нужно подумать... Все-таки это очень важное решение.

Если бы на твоём месте был Марио, а ты должна была бы уничтожить фирму, как бы ты поступила?

У него еще есть время. Он еще может это сделать. Он может доказать, что...

Что ты для него важнее, чем вся его империя? Не будь душой. Он не сделает этого. Он покинул тебя. Ты должна бороться за свою жизнь сама. Ты ни на кого не можешь рассчитывать.

Карла все больше поддается влиянию той, другой, Карлы. Она вновь принимается рыться в складках порванного от удара платья и среди мелких кусочков отыскивает практически идеальную половину.

Карла изо всех сил сжимает ее в кулаке. И, даже не одевшись, тут же бросается обратно к стене над выгребной ямой и принимается отковыривать своим самодельным инструментом следующую плитку. Теперь она может сделать это гораздо быстрее, а главное, без боли. На этот раз ей удастся отделить плитку от стены менее чем за час.

Она очень аккуратно берет ее в руки: нельзя допустить, чтобы похитители услышали, что здесь происходит. Карла внимательно прислушивается к каждому звуку, доносящемуся извне.

И в этот момент по ту сторону стены раздаётся плач. Это плачет ребенок, совсем маленький. Такой как...

Марио!

Карла хочет вскочить и закричать, что она здесь, что мама здесь, что все будет хорошо. Но голос сдерживает ее.

Это просто уловка. На самом деле там нет никакого мальчика.

Карла сомневается, но в конце концов решает, что это просто плод ее воображения. По ту сторону стены не может быть четырехлетнего мальчика. И даже если бы он там и был: в любом случае, это не ее сын. Это просто очередная уловка Сандры, чтобы ее помучить.

Поэтому она решает подчиниться воле другой Карлы. Нужно думать только о своей жизни. Ни о чем другом.

Она кладет вторую плитку на платье и возвращается в угол к выгребной яме.

Нужно отделить еще минимум десять.

А времени совсем мало. Она понимает, что ее план обречен на провал, но все же продолжает бороться. Другая Карла открыла ей неоспоримую истину: жизнь – это ничто. Всего лишь короткая вспышка среди бесконечной темноты.

Но она будет биться за каждую долю секунды этой вспышки.

Единственный способ выиграть партию – понять правила игры.

Когда они только начали играть в игру Эсекиэля, все было *murr-ma*. Они шли по дну реки, пытаясь нащупать что-то ногами.

Сейчас правила игры начинают проясняться, думает Антония.

Николас Фахардо, полицейский с весьма скромным послужным списком, поступает на работу в 1996 году. Высшего образования у него нет, и, согласно психологической экспертизе, проведенной после одной стычки, он «не обладает развитыми социальными навыками, поэтому его участие в деятельности, основанной на контакте с людьми, весьма нежелательно».

Если бы сейчас здесь был Джон, он бы сказал, что это эвфемизм, думает Антония. Как же его не хватает! Но лучше не стоит ни к кому привязываться.

Психолога даже изумляет тот факт, что Фахардо справился с экзаменами полицейской академии. А вот Антонии это не кажется удивительным. Невроз развивается постепенно, и к тому же Фахардо, судя по всему, умеет скрывать свои странности. По крайней мере в простых ситуациях. Но вот когда обстоятельства начинают усложняться, его истинная сущность раскрывается. И его начальники приходят в замешательство. Они просто не знают, что с ним делать, все-таки он сотрудник полиции.

И при всем при этом Фахардо прошел военную службу. Две миссии в Боснии, в 1993 и 1994 годах. Имеется опыт работы со взрывчаткой.

И его определяют в подразделение NBQ.

Прекрасно. Пусть себе сидит в туннелях и следит за тем, чтобы никто не подложил бомбу политикам. Там ему не придется переводить старушек через улицу. Пусть рыскает по темным дырам, словно крыса, которую он и трое его коллег по подразделению вытатуировали на руке.

Работа Фахардо протекает спокойно, судя по скудному количеству пометок в его деле. В основном они относятся к личной жизни. Двухнедельный отпуск в связи с заключением брака в 1997 году. Еще две недели по случаю рождения ребенка в 1998-м. Неделя отпуска в связи с кончиной близкого родственника в 2007-м. В скобках – жены.

Причина смерти не указана. Но Антония может сделать некоторые выводы. Начиная с 2006 года, регулярно проводятся проверки

психологического состояния Фахардо. Врачи приходят к одному и тому же заключению (вероятно, потому что испытуемый даже не являлся на эти сеансы): стресс. И лишь один-единственный психолог в 2008 году решает углубиться в его историю, понять корни его поведения. Отчет ошеломляет.

Пациент рос в семье с доходами ниже среднего уровня. Его отец был вспыльчивым и жестоким. Вполне вероятно, что пациент подвергался насилию если не сексуального характера, то, по крайней мере, связанному с жестокими телесными наказаниями. Его эмоциональное развитие и формирование личности подверглись серьезному влиянию нездоровой окружающей обстановки. Его профессиональной деятельностью стала военная служба, стрессовые ситуации которой обострили проявления посттравматического синдрома. Несмотря на то что пациент внешне кажется вполне дееспособным, ему не хватает базовых социальных навыков и умения преодолевать трудности. Его личность развита очень слабо. Ежедневная работа усугубила расстройства, связанные с ПТС. Мы рекомендовали бы немедленно отстранить его от выполнения служебных обязанностей.

Нам повезло, что его сочли мертвым, иначе эта информация никогда бы не всплыла. Этот отчет так и пылился бы до сих пор в столе психолога.

Фахардо все равно продолжал работать. В Испании десятки тысяч пустующих рабочих мест, а во время экономического кризиса их было еще больше, и кто-то решил, что без Фахардо им не обойтись. По сути, его занятие мало чем отличалось от работы аэропортовых собак, вынюхивающих взрывчатку в чемоданах. А для преодоления сложностей у него были свои средства. Рисперидон. Оланзапин. Зипрасидон.

Так он и работал.

А однажды, два года назад, кое-что произошло.

Сандра Фахардо инсценировала самоубийство.

Антония пытается представить себе отношения Фахардо с дочерью. Девочка, растущая без матери, и взрослый одинокий мужчина, подвергавшийся насилию в детстве, с серьезнейшими психологическими проблемами.

Какой была эта девочка в десять лет? В одиннадцать?

В тринадцать и четырнадцать, когда ее тело начало меняться?

А начальники Фахардо все это время отводили взгляд в сторону, хоть и прекрасно знали, что этот человек – бомба замедленного действия, гораздо

более опасная, чем те, что он искал под землей.

Антония спрашивает себя: какой была жизнь этих двух людей?

Кто может знать, что происходит за закрытыми дверьми в гостиных и спальнях? Кто может знать, что происходит между двумя людьми изо дня в день, из года в год, повторяясь тысячи раз?

Антония этого не знает. Но телефонный разговор подтвердил ее интуитивные предположения. Когда она узнала, что отпечатки пальцев на руле такси принадлежали Николасу Фахардо, она сделала вывод, что он не является Эсекиэлем. И что Парра и его команда в опасности.

Антония не знает, что именно произошло между Сандрой и ее отцом, но догадывается. Она догадывается, что слабая сторона приспособилась к обстоятельствам и превратилась в сильную. Вначале Сандра страдала, испытывала боль, и так продолжалось до тех пор, пока она не смогла дать отпор тому, кто причинял ей эти страдания. А в какой-то момент она решила, что настало время ей самой причинять боль другим.

Сандра, будучи ребенком, расплачивалась за грехи отца Николаса. Затем Сандра выросла, и теперь она, в свою очередь, намерена заставить расплачиваться других. Предъявляя им невозможные требования, как в случае с Лаурой Труэбой и Рамоном Ортисом.

Вынуждая их отказаться от самих себя, от своей сущности. От своего успеха.

Как в случае с самой Антонией. Она поставила ее перед невозможным выбором.

Чтобы спасти жизнь сыну, Антония должна позволить Сандре одержать победу.

Она не должна ничего предпринимать в течение оставшихся десяти с половиной часов. Предоставить возможность отцу Карлы Ортис самому решить судьбу дочери. А каким бы ни было покаяние, назначенное ему Эсекиэлем, Антония уверена, что он не станет ничего делать.

А Хорхе останется жив. Одна жизнь в обмен на другую. И чтобы спасти эту жизнь, Антония просто должна делать то, что делала последние три года: ничего.

Нет, думает Антония. Такого не будет.

Я не верю этой гадине. Я не допущу, чтобы мой сын оставался в ее власти до утра. Я не допущу того, чтобы сын Карлы Ортис больше никогда не увидел свою мать.

Я не оставлю ее.

Ведь оставить ее – это все равно что отречься от себя самой.

Антонию мучает странное чувство. Забавно получается: еще совсем недавно она посчитала решение Лауры Труэбы чудовищным (ведь оно стоило жизни ее сыну), а теперь она сама оказывается в подобной ситуации и принимает подобное решение.

Я так и правда скоро начну понимать иронию, с удивлением думает она.

Такова жизнь. Порой любовь заводит нас в тупик. Но мы не способны отказаться от собственного «я».

Антония вспоминает ту девушку из тату-салона. Как же безропотно она заботится о своем отце. Но при этом она не отказывается от собственной личности. Другая на ее месте не позволила бы приблизиться к отцу: дочерняя любовь взяла бы верх над моральным долгом. И тем не менее она заставила отца обратить на них внимание, отвлекла его от просмотра фильма...

И тут Антонию озаряет.

– Кирк Дуглас, – говорит она в полный голос. – Черт возьми, Кирк Дуглас!

– Что такое, солнышко? – спрашивает ее официантка с кубинским акцентом.

Антония даже не слышит. Ей наконец-то удалось нащупать ногами на песчаном речном дне (*murr-ma!*) деталь пазла, о которой они даже не подозревали.

И внезапно ей становится ясно, как победить Эсекиэля.

Она смотрит на часы. Времени остается совсем немного.

Нужно найти способ. И нужно сделать два звонка.

8

Звонок первый

Сначала она звонит Ментору.

– Ты совсем спятила? Я же сказал тебе выключить телефон.

– Мне нужен один номер.

– У тебя больше нет прикрытия, Антония. Полиция уже знает, где ты.

Лучше уходи оттуда как можно скорее.

– Но сначала дай мне номер.

– Чей номер?

Антония говорит чей.

– Ты с ума сошла? Нет, это исключено.

– Ладно. Тогда я остаюсь спокойно сидеть в этом баре.

– Антония...

– Кажется, на улице уже гудят сирены.

– Ты невыносима.

9

Звонок второй

Затем она звонит по номеру, который продиктовал ей Ментор, прежде чем повесить трубку. К телефону подходят после третьего гудка.

– Я все знаю.

Да, это классический метод. Но безотказный.

Парк Ретиро, вход со стороны улицы О’Доннель. Напротив Арабского дома.

Это адрес, который она дала.

Антония ждет, скрестив руки на груди и подогнув ногу. Спиной она привалилась к плакату, информирующему о том, что парк закрывается в полночь. Правда, уже восемнадцать минут первого, а люди все еще выходят. На время книжной ярмарки время работы парка увеличивается. Некоторые книготорговцы не покидают свои стенды до поздней ночи.

Антония смотрит на часы каждые тридцать секунд. Карле Ортис остается лишь шесть с половиной часов.

Триста девяноста минут.

Двадцать три тысячи четыреста секунд.

Подъезжает машина. Большая. Черная.

Антония выпрямляется, опускает поджатую ногу на землю и подходит к машине.

Открывает заднюю дверь и садится.

На передних креслах – двое людей, смотрящих в лобовое стекло. Еще одна фигура притаилась на заднем сиденье в углу.

Двигатель заглушен, фары машины выключены. Единственный источник освещения – уличные фонари, лучи которых с трудом просачиваются сквозь тонированные стекла.

Некоторые разговоры лучше вести в темноте.

– Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что ваши действия – это шантаж, – говорит фигура в углу. Ее голос практически срывается на шепот.

– Да, разумеется.

– Что вам надо? Денег?

Антония качает головой и объясняет, что ей надо.

– Это все?

– Да, это все.

– В вашем распоряжении необычайно важный секрет, сеньора Скотт. Многие пошли бы на преступление ради того, чтобы его заполучить.

– Мне это безразлично.

Фигура наклоняется вперед, и Антония наконец видит ее лицо. Даже в размытом свете фонарей заметно, что Лаура Труэба постарела лет на десять за каких-то пару дней.

– Как вы узнали?

Антония думает о Кирке Дугласе.

– Я видела фотографию в вашем кабинете, – отвечает она. – У умершего мальчика была ямочка на подбородке. А ни у вас, ни у вашего мужа ее нет. Ямочка передается по наследству от родителей. Конечно, теоретически возможно, что этот ген передался мальчику от какого-то другого родственника, но вероятность этого – один к пяти тысячам.

– Я этого не знала, – отвечает Лаура Труэба.

Конечно, не знала.

– И к тому же мне показалось странным то, как вы держались с нами в тот раз. Вы явно чувствовали свою вину. Но вы не были похожи на мать, обрекшую на смерть собственного сына. Я спрашиваю себя, как бы все обернулось, если бы этим мальчиком и правда был Альваро.

– Я тоже себя об этом спрашиваю, поверьте. И мне хотелось бы думать, что я знаю ответ на этот вопрос; мне хотелось бы сейчас сказать вам, что я поступила бы по-другому. Но на самом деле я не знаю.

Антония понимает. Человеческая душа состоит из нескольких вложенных друг в друга отсеков – словно матрешка. Ты их открываешь один за другим, и в конце концов добираться до самого маленького. И эта последняя крошечная матрешка отнюдь не похожа на самую первую – большую. Ее лицо подчас излучает мелочность и жесткость.

– Это не единственная ваша ложь. Вы лгали нам с самого начала. Эсекиэль похитил его не в школе, не так ли? Иначе он не смог бы перепутать мальчика.

– Это так, – признается Лаура Труэба. – Он похитил его рядом с домом, в котором мы живем большую часть времени. Рядом с нашим коттеджем в Пуэрта-дель-Иерро. Поэтому он и перепутал.

– Кем был этот мальчик?

– Сыном моей экономки, – отвечает она, и в ее голосе отчетливо звучит стыд. – Он того же возраста, что и Альваро, такого же роста. Они всегда жили с нами под одной крышей. Они даже ездят вместе с нами летом в Сантандер. Его мать занимается всеми моими домами.

– Поэтому у вас была фотография ее сына на пляже.

– Это единственная его фотография, которая у меня есть.

– Как его звали?

– Хайме. Хайме Видаль. Он был славным парнем. Они с Альваро были

друзьями. Он ходил в хорошую школу: я его туда устроила. Конечно, не в ту же самую, что Альваро... Это было бы неправильно... Но в хорошую школу.

– В частную.

– Да.

– Поэтому он был в форме, когда Эсекиэль его похитил.

Антония тут же мысленно рисует сцену. Хайме – в костюме и в галстук – стоит спиной. Все происходит в районе без частной охраны. Фахардо просто ждет в машине рядом с коттеджем, до тех пор пока мальчик, которого он принимает за Альваро, не начинает открывать дверь дома собственными ключами.

– Нам известно, что он вышел из школьного автобуса. От остановки до дома примерно шестьсот метров, но домой он так и не пришел. Его мать заволновалась. А затем позвонил... этот человек. И сказал мне, что похитил Альваро.

– И вы не стали его разуверять.

– Мне было страшно! – чуть не плача, вскрикивает Труэба. – А если бы он вернулся за Альваро? Я должна была защитить сына!

– Что потребовал Эсекиэль?

Лаура Труэба вновь откидывается на спинку сиденья.

– Это уже неважно. Нечто, что я не могла выполнить.

– Тем более ради сына прислуги.

Труэба чуть-чуть приоткрывает окно. Проникающий сквозь узкую щель воздух почти не разбавляет духоту салона.

– Все упреки, которые вы можете мне высказать, сеньора Скотт, я уже высказала себе сама.

– Возможно, – после секундного размышления отвечает Антония. – А что вы сказали его матери?

– Правду. Одну из версий правды. Что кто-то похитил Хайме, перепутав его с Альваро. И что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы его вернуть.

– А затем ей передали труп.

Лаура Труэба молчит. Антония знает, что эта женщина никогда не столкнется с правосудием, что ей никогда не придется унижаться, оправдывая свои поступки перед судьей или присяжными. Она не понесет никакого наказания. Однако, судя по всему, она сама решила себя обвинить и покарать.

Разумеется, облегчения от этого не больше, чем от тоненькой струйки свежего воздуха, проникающей в салон машины.

Но это лучше, чем ничего.

– Мы закончили? – спрашивает Труэба.

– Почти: вы пока не дали мне то, о чем я вас прошу.

– Алехандро.

Один из сидящих впереди мужчин поворачивается и передает своей начальнице черный мешок. Труэба, в свою очередь, передает его Антонии. Мешок тяжелый, и сквозь ткань прощупывается лежащий внутри металл.

Антония достает пистолет. Даже в полумраке металл зловеще поблескивает.

– Вы умеете им пользоваться? – спрашивает мужчина Антонию.

– Нет.

Мужчина поворачивается с непроницаемым выражением лица, берет оружие из рук Антонии и объясняет.

– Это «Глок» четвертого поколения. В обойме семнадцать патронов. Предохранителя нет, так что просто так на курок нажимать не стоит.

Антония забирает оружие и кладет его в сумку. Затем открывает дверь машины и приподнимается с места.

– То, что я сказала тогда вашему коллеге, распространяется и на вас, сеньора Скотт, – говорит Труэба. – Если вы прострелите голову этому сукиному сыну...

Но Антония не дослушивает ее и выходит из машины.

Рамон

По вечерам старость становится невыносимой.

Существует распространенное заблуждение, дескать, старики отличаются от молодых глубокой мудростью и спокойствием духа. Якобы, когда человек достигает преклонного возраста, его тело освобождается от насущных потребностей, от чувственных влечений, от ненасытности желаний и горячности нрава. Старики терпеливы, старики предпочитают мир войне, старики умеют слушать, а сами говорят исключительно с высоты мраморного пьедестала, на который их водрузили время и терпение, и на котором их слова навеки застывают бронзовыми буквами – как ориентир для последующих поколений.

Все это полная чушь, думает Рамон Ортис.

Старики несговорчивы, старики полны предрассудков: для них существует лишь привычные им устои.

Старики развязывают войны: из-за гордости, денег или чувства

патриотизма. Или из-за всего перечисленного одновременно.

У стариков те же самые потребности, что и у жаждущих жизни подростков. Если бы тело им позволяло, они бы пили до потери сознания, наедались бы до отвала и трахались бы до посинения (ежегодно продаваемые два миллиарда упаковок виагры служат ярким тому подтверждением).

Но тело не позволяет.

Все, что осталось от Рамона Ортиса, – это немощный мешок с костями, некогда бывший крепкой, энергичной машиной. Он спит лишь два-три часа в сутки неглубоким прерывистым сном, затем просыпается – с болью по всему телу, с пересушенным горлом и с мокрым от ночного недержания бельем. Он постоянно ходит к врачу, каждый раз с новыми оханьями, и каждый раз ему выписывают все новые лекарства. Он ежедневно с печалью вспоминает умерших супругов: одна ушла из жизни в самом расцвете сил, а другая – меньше года назад. Ест он мало, поскольку физически не может потреблять большое количество пищи, хотя аппетит и не ослаб. Этот его иллюзорный аппетит сродни фантомной боли солдата, который пытается схватиться во сне за больную ногу и натывается на пустоту.

По вечерам, когда усталость ложится на плечи ледяным покрывалом, когда от жжения слезятся глаза, когда ноги больше не выносят тяжесть тела, старость хуже смерти.

Среди знакомых Рамона есть старики. Некоторые смеются над собственными недугами и хотят лишь еще раз перекинуться в картишки, выпить еще один бокал вина, еще раз полюбоваться закатом. Некоторые без конца жалуются на свою участь, некоторые хранят все в себе. И почти все каждое утро смотрят в зеркало и не узнают себя в отражении; разглядывая чужое старческое лицо, они спрашивают себя, *кто же украл их апрель* ^[59] и недоумевают, как же так получилось.

Все без исключения старики, которых он знает, в душе как испуганные дети, дрожащие перед серым волком, что беспощадно пожирает их дни, отгрызая с каждым разом все больше и больше.

Все без исключения старики, которых он знает, отдали бы что угодно в обмен на волшебную лампу Аладдина. И даже трех желаний не нужно, достаточно и одного. Вернуться в свои двадцать лет вместе с накопленным багажом знаний и опыта. Вернуться назад, чтобы иметь возможность прожить жизнь заново, не совершая на этот раз ошибок. Они бы легко распрощались со всем, что имеют; со всеми, кого знают. С домом, с доходом, с семьей, с друзьями. С детьми. Без малейшего колебания. Когда в

душе у них сгущается ночь, взгляд их начинает блуждать по темным углам в поисках дьявола-искусителя, продающего эликсир вечной молодости. Но находит во мраке лишь пустоту – точно такую же, как в песочных часах их жизни.

Все они отдали бы за молодость что угодно.

Все, кроме меня.

Рамон Ортис – человек особенный. Когда смотришь на жизнь людей, достигших запредельных высот, понимаешь, что к успеху их привело сочетание таланта, ума, трудолюбия и удачи. Что же касается успеха Рамона Ортиса, то тут сыграл роль еще один фактор. А именно, непоколебимая воля. Всю жизнь он посвятил работе, всю жизнь он упорно выстраивал, камешек за камешком, крупинка за крупинкой, свою Великую пирамиду.

Если ты положишь перед таким человеком пистолет и скажешь: либо пусти себе пулю в лоб, либо я убью твою дочь – выстрел раздастся раньше, чем ты успеешь закончить фразу.

Но если ты скажешь такому человеку, как Рамон Ортис, чтобы он уничтожил труд всей своей жизни...

– Я ведь на все готов, Хесус, на все.

Они сидят в креслах в гостиной Рамона Ортиса. Все лампы выключены, кроме торшера в противоположном углу. Некоторые разговоры лучше вести в темноте.

– Я понимаю, Рамон, я прекрасно понимаю, – отвечает адвокат.

А точнее, ты готов на все, кроме этого.

Хесус Торрес консультирует Рамона Ортиса уже больше тридцати лет. За это время он научился подстраиваться под каждую ситуацию с точностью своих любимых швейцарских часов. Или, скорее, с тонкостью хорошего виски – такого, как этот.

Он смотрит на свой стакан. Потрясающе изысканный скотч. Подарок Рамону на прошлый день рождения от одного арабского шейха. Dalmore Trinitas. Шестьдесят четыре года выдержки. В мире всего три такие бутылки. Каждая стоит больше ста тысяч евро.

Рамон без особых раздумий достал его из барного шкафа. Открыл, поставил на стол, налил обоим на три пальца этого сверкающе-карамельного напитка и молча уставился на часы.

Торрес отхлебывает немного виски (на тысячу евро) и несколько секунд держит напиток во рту, наслаждаясь всеми оттенками аромата. Вначале он ощущает яркие ноты изюма, кофе, лесного ореха и апельсина.

Возможно, поме́ло. Несомненно, сандала и мускуса. Затем он проглатывает напиток и тогда во рту раскрываются ноты муската, марципана, сладкой патоки. И наконец – послевкусие с оттенками трюфеля, коричневого сахара и грецкого ореха.

Великолепный виски – равно как и работа опытного консультанта.

Тут и нюансы, и тонкости, и поочередное раскрытие различных оттенков для лучшего результата.

Правда, сегодня Торрес работает не консультантом, а исповедником.

– Ведь она моя дочь, Хесус. Я люблю ее всей душой.

– Да, Рамон. И она для тебя важнее жизни. Не переживай. Он не посмеет. Завтра он позвонит и потребует денег. И она вернется домой в целостности и сохранности.

Миллиардер сомневается. В левой руке он держит фотографию дочери. В правой телефон. Несмотря на поздний час, ему достаточно сделать один-единственный звонок. И уже через полчаса он может устроить пресс-конференцию для всех СМИ страны. А через час новость разлетится по всему миру.

Миллиардер признается в том, что нажил состояние за счет рабского труда, и объявляет о закрытии своего предприятия. Сокрушительный заголовок.

– У меня еще есть время позвонить.

– Это твое решение. Если ты считаешь, что должен поступить именно так, – звони.

Рамон поднимает на него взгляд. В полумраке его глаза кажутся бездонными пропастями.

– А как бы ты поступил, Хесус?

Если бы дело касалось моего сына, я бы скорее сжег дотла весь мир, чем позволил хоть пальцем его тронуть, думает адвокат. Но не произносит этого вслух. Его сын сидит дома в безопасности, вместе с внуками. И на кону сейчас не его жизнь. На кону сейчас работа Торреса. Ему осталось еще два года до пенсии. Он планирует закончить работать в семьдесят и сидеть спокойно у себя на яхте, потягивая виски. На ежемесячные вознаграждения от Ортиса он может выпить еще много стаканов скотча. Разве что, возможно, не такого хорошего, как этот.

– Вопрос не в том, как поступил бы я, – отвечает адвокат. – Не под моей ответственностью благосостояние и занятость двухсот тысяч людей на прямых рабочих местах. И еще миллиона – на опосредованных. Не говоря уж об акционерах, многие из которых инвестировали в твой бизнес сбережения всей своей жизни.

Определенно не такого хорошего, как этот, думает он, делая еще один глоток виски.

– Да, это моя ответственность. И это тяжелое бремя, – говорит Рамон Ортис. Кажется, будто он вот-вот расплачется.

Просто сделай так, чтобы денежный поток не останавливался, дружище. Принцесса второстепенна. А деньги необходимы.

– Носить корону не всем дано, Рамон. И великие люди должны порой принимать тяжелые решения, – торжественно говорит он.

Ортис при этих словах наклоняется в кресле и нажимает на экран телефона.

Торрес настороженно хмурится. Последняя его фраза была ошибкой. Без сомнения, он польстил самолюбию Ортиса, однако при этом он уравнил оба решения. Основываясь не на моральном аспекте (Бог свидетель, что Ортис никогда не руководствуется такими простыми вещами), а на трудности принятия. Но эти два решения не могут быть одинаково тяжелыми.

Нужно чуть-чуть подправить высказанную мысль.

– Невеликий человек идет по самому простому пути. Но ты свой уже выбрал. И как всегда – твой путь наиболее трудный.

Вот теперь все, как надо. Легкий оттенок лести с послевкусием величия, думает Торрес. И делает еще глоток.

И правда, королевский виски.

Рамон Ортис вновь блокирует телефон. Нет, такой человек, как он, не станет поступать как все. Какой-нибудь запуганный старик и может себе позволить поддаться угрозе и разрушить дело всей своей жизни. Но такой человек, как он, должен принимать решения, перед которыми другие бледнеют, дрожат и отступают. Такой человек, как он, способен справиться с болью, которой чреват его выбор, столь устрашающий других.

Либо любовь, либо ответственность.

– Это очень трудно, Хесус, – говорит он.

– Мало кто способен сделать правильный выбор, – отвечает Торрес.

Хорошо, что в этот сложный момент кто-то может дать мне мудрый совет, думает миллиардер.

Крышка люка находится на пересечении улиц Эрмосилья и Генерала Пардиньяса. Ничего особенного. Обычный железный круг, на который ежедневно наступают сотни пешеходов.

Антония оглядывается по сторонам, но никого не видит. Уже почти час ночи, и к тому же в этом районе нет ни баров, ни туристов.

По дороге к месту встречи с Лаурой Труэбой Антония зашла в магазин, где торгуют всякой мелочевкой, и потратила семь из оставшихся ей девяти евро на лом. И теперь она пытается с помощью лома подцепить крышку люка. Поначалу крышка не поддается (вот бы сейчас здесь был Джон), однако после нескольких попыток ей все же удается подсунуть кончик лома под край крышки. Теперь уже дело пойдет быстрее. Крышка открывается, и Антония с большим трудом и немислимым грохотом отодвигает ее в сторону.

Лестница.

Остается меньше пяти часов.

Надеюсь, я не ошиблась.

Она садится на край люка, включает телефон (уже неважно, что они вычислят ее местоположение: они все равно не смогут пойти за ней туда, куда она сейчас отправится) и записывает видеосообщение для бабушки Скотт.

– Привет, бабушка. Я собираюсь поступить по совести – как ты меня всегда учила. Если у меня ничего не получится, я просто хочу, чтобы ты знала, что...

На пару секунд она замолкает. Ей очень непросто сказать эти три слова.

– ...что я тебя люблю. И если взглянуть на все это с другой стороны, – продолжает она с дрожащей улыбкой, – то окажется, что в итоге я была права. В свои девяносто три года ты еще всех нас похоронишь.

Она отправляет сообщение на бабушкин имейл и затем делает последний звонок.

Ей не нужно задавать этот вопрос, но она все равно его задает.

А Джон Гутьеррес дает ей единственно возможный ответ.

Антония выключает телефон и в последний раз окидывает взглядом

тихую безлюдную улицу. Надвигается гроза, и в воздухе чувствуется напряжение. Свет в домах выключен. По ту сторону окон спят обычные люди, уставшие от своих обычных повседневных дел и даже не подозревающие о существовании монстров, что обитают у них под ногами.

Антония улыбается и начинает свой спуск навстречу темноте.

Это отнюдь не счастливая улыбка.

– Я возведен на воде, а стены мои из огня, – говорит в полный голос Антония, пытаюсь воспрянуть духом.

При слове *Мадрид* Антония представляет не площадь Пуэрта-дель-Соль, не музей Прадо и не Ворота Алькала. Нет, в ее сознании сразу же возникает настенная фреска на площади Пуэрта-Серрада.

Когда Антония приехала в Мадрид учиться, она отказалась селиться в квартиру, предоставляемую посольством Соединенного Королевства. Она хотела жить как можно дальше от сферы влияния отца и потому сняла маленькую студию на улице Кава Баха. То были совсем другие времена.

Каждый вечер, возвращаясь из университета, она пила кофе в баре на площади. Если была хорошая погода, она открывала свои конспекты и усаживалась на террасе, прямо напротив настенного рисунка Альберто Корасона^[60]. Разглядывала изображенный на сиреновом фоне кремень, погруженный в воду и ударяющий по камню, от которого разлетаются искры. А над рисунком надпись.

– Я вырос на воде, а стены мои из огня, – повторяет Антония.
На этот раз тише. Здесь, внизу, звуки слышатся по-другому.

Антония спускается примерно на полтора метра и оказывается в служебном туннеле. На секунду она останавливается, чтобы опробовать свое новое приобретение: фонарик, за который она отдала последние два евро. Хозяин магазинчика – китайский гражданин, представившийся как Пепе, – был столь любезен, что не заметил, как Антония положила пару батареек в задний карман брюк.

Антония вставляет батарейки и нажимает на кнопку, скрестив пальцы на удачу. Все-таки фонарик за два евро, купленный в лавке мелочей, может преподнести сюрпризы.

Свет зажигается.

Антония начинает углубляться в туннель и приступает к поискам среди лазов, ответвлений и лестниц. Этот служебный туннель – современное сооружение, предназначенное для проведения оптического кабеля, телефонной линии и электричества. Здесь самая неглубокая часть

подземелья. Чтобы найти то, что она ищет, ей придется спуститься ниже, гораздо ниже. И причем не самыми удобными путями. В основном она вынуждена пробираться сквозь зловонную ледяную воду, в которой плавают всевозможные отходы. Она предпочитает не думать, что именно задевает ее за бедра и липнет к ее одежде.

Несколько раз она сбивается с пути, и ей приходится возвращаться и начинать поиски заново. Ноги насквозь промокли, до самых бедер.

А время идет.

Хотя мадридцы этого и не помнят, фреска Корасона воспроизводит самый первый герб города Мадрида, датированный еще двенадцатым веком. Кремневый камень (именно из него делали крепостные стены) и вражеские стрелы, от которых разлетаются во все стороны искры, напоминающие в ночи крошечные языки пламени. А дополняла символ города эта красивая фраза, которую Антония тихонько повторяет, словно мантру, пытаясь ориентироваться по планам, скаченным с форума проектировщиков. Планы старые, им уже больше двух десятилетий, и потому ей приходится непросто. Впрочем, тому, что она ищет, даже не двадцать, а целых тысяча сто лет.

Арабы, основавшие город в девятом веке, назвали его *Магерит*, что означает «земля, богатая водами». Здесь были десятки ручьев, рек, болот. А под ними – водоносный горизонт, образованный десять миллионов лет назад, площадью более 2600 квадратных километров и глубиной, достигающей в некоторых местах до 3000 метров.

Я возведен на воде.

Наконец Антония добирается до коллектора сточных вод. Это трехуровневое пространство, где семь средних по размеру туннелей сходятся в одну огромную канализацию. По мере того как луч фонарика выхватывает из темноты гигантские бетонные пасти, извергающие мутную жидкость, Антония все больше радуется, что не способна чувствовать запахи. Отходы и нечистоты стекают отовсюду. Месиво из влажных салфеток липнет к решетке, разделяющей главный туннель надвое.

На плане больше нет никаких указателей.

Антония смотрит на часы. Уже начало пятого.

Она потеряла слишком много времени. И не только времени.

Перед ней семь туннелей, и, чтобы продолжить свой путь, она должна сделать выбор, исключить некоторые направления. Потому что пройти по всем семи – нереально.

Вероятно, я уже ближе, чем в пятистах метрах, думает она. Но сейчас любое неверно выбранное направление может оказаться фатальным.

Антония вызывает в памяти мысленную карту пройденных ею мест, пытаюсь составить план, по которому она могла бы ориентироваться, но у нее ничего не получается.

Ее мозг слишком забит информацией, слишком напряжен, и к тому же сказываются усталость и нехватка кислорода.

Антония достает из кармана металлическую коробочку, в которой осталась последняя красная капсула. Нужно сделать выбор. Если она примет ее сейчас, чтобы легче найти путь, то возможно, когда она доберется до цели, весь эффект уже сойдет на нет.

Сорок минут ясного разума, а потом... потом все.

Она вновь смотрит на часы.

Я не знаю, куда идти дальше. И я не могу обойти все семь туннелей.

Если я не приму капсулу, то опоздаю.

А если приму и успею вовремя...

Ей будет сложно противостоять Сандре Фахардо и ее отцу. Она это знает.

Антония садится на пол среди тошнотворных луж и кладет капсулу под язык.

Только в этот раз. В последний раз, думает она. И раскусывает капсулу.

Затем принимается считать от десяти до нуля, спускаясь по ступенькам к ясному разуму.

Карла

Геометрия – замечательная вещь.

В школе Карла не была сильна в науках. При том, что она изо всех сил старалась получать хорошие оценки. Потому что для папы оценки были очень важны. Но старания не приносили плодов. Тем не менее, уже будучи взрослой, она была вынуждена проработать какое-то время в одном из ателье предприятия. Это было частью ее образования, которое началось в магазине, где несколько месяцев подряд она складывала и развешивала одежду, и закончилось в директорском кабинете одной из отраслей отцовского бизнеса. В промежутке между этими двумя стадиями отец как-то отправил ее в швейную мастерскую.

Не в обычную мастерскую из тех, что встречаются в реальном мире. В мире, в котором обычные люди хотят хорошо одеваться за небольшие деньги. В мире, в котором ее отец и она (да, и она тоже) сделали это желание обычных людей возможным, а те взамен сделали их миллионерами, не задавая при этом неудобных вопросов.

Нет, отец отправил ее в одну из мастерских Галисии. Из тех, что непременно должны быть представлены на фотографии годового отчета улыбающимися состоятельными сотрудниками.

На второй неделе работы Карлу усадили за промышленную швейную машину и объяснили, что нужно делать. Включив устройство, она случайно привела его в действие, сама того не заметив. И, прежде чем ей удалось остановить механизм, игла прострочила десять метров ткани белой нитью. По диагонали.

– Малейшее отклонение в начале строчки – и в конце ты окажешься очень далеко от желаемого результата, – сказал ей тогда начальник мастерской.

Карла отодвинула тот опыт на задворки памяти, посчитав, что подобные знания ей никогда не пригодятся.

Но оказалось, что это не так.

Она разорвала свое платье на равные прямоугольные полосы, по размеру примерно вдвое больше, чем плитка. Сделать это в полной темноте было непросто. И теперь она оборачивает первую плитку в ткань и пытается протиснуть ее между дверью и нижней частью рамы.

Не получается.

Карла толкает дверь рукой, пытаясь выиграть необходимые несколько миллиметров, но дверь не поддается. До этого ей удавалось чуть-чуть ее сдвинуть, но после стольких часов напряженной работы по отрыванию плиток мышцы больше не слушаются. Сил почти не осталось.

Как же хочется спать. Хотя бы просто закрыть глаза на несколько минут.

Давай, закрой. И никогда больше их не откроешь.

Карла настолько устала, что чувствует лишь глубокое оцепенение. Она вновь отступает перед волей другой Карлы. И это другая Карла сейчас пытается навалиться спиной на дверь, чтобы сдвинуть ее с места. Но ничего не выходит: босые грязные ступни скользят по влажному полу. Наконец ей удается найти подходящую позицию. Она ложится на спину,

упираясь ногами в стену, правой рукой надавливает на дверь, а левой пытается протиснуть плитку.

Получилось!

Дверь поддалась всего лишь на несколько миллиметров, но Карла ощущает прилив дикой радости, сладостного предвкушения победы. От спины к затылку поднялась волна эйфории, осыпав тело мурашками. Однако раньше времени радоваться не стоит. Надо продолжать.

Она подсовывает следующую плитку. Осторожно, чтобы не сдвинуть в сторону первую.

Пять сантиметров. Мне нужны всего лишь пять сантиметров.

Если бы у меня в запасе было чуть больше времени, чтобы оторвать еще несколько плиток...

– Но времени у тебя нет. Так что продолжай.

На этот раз голос другой Карлы прозвучал уже не в голове. На этот раз звук родился из ее горла, из ее голосовых связок. И внезапно она осознает, что другая Карла словно поселилась внутри нее и дышит с ней одним воздухом. И если с наступлением нового дня она все еще будет дышать, то возможно, от прежней Карлы уже ничего не останется.

Если она все еще будет дышать.

Приняв красную капсулу, Антония несколько минут обдумывала все возможные варианты и в итоге решила, что ей нужно выбрать один из туннелей, расположенных напротив. Соответственно, количество потенциально верных путей сокращается до трех.

Она сразу отбрасывает вариант среднего туннеля. В левом ей не нравится слишком затхлый, спертый воздух. А вот в правом явно бегают крысы: она слышит в темноте их писк.

Это хороший знак. Крысы дышат тем же воздухом, что и я.

И она выбирает правый туннель.

Вначале путь плавно поднимается вверх, а затем, через двести метров, делает резкий поворот и разветвляется. Между тем, поток воды под ногами заметно усиливается, затрудняя продвижение. Правый туннель слишком узкий, пролезть в него невозможно. Левый по диаметру меньше главного, и Антонии приходится передвигаться по нему, согнувшись в три погибели, однако ей все же удается добраться до новой развилки. Крошечное пространство не больше двух квадратных метров с настолько низким потолком, что она вынуждена встать на колени.

Это здесь, думает Антония. Здесь умер Фахардо.

У Антонии было совсем мало элементов, чтобы вычислить это место. В отчете о гибели Фахардо упоминался «конец заброшенного каната в трехстах метрах от коллектора номер 78».

Как раз здесь.

Канат. Подземная гидротехническая система, сооруженная арабами одиннадцать веков назад. Метр девяносто в высоту, семьдесят сантиметров в ширину. Одна из сотен забытых галерей, прорытых первоначальными жителями древнего Магерита.

Канат являлся главной системой водоснабжения города вплоть до девятнадцатого века, когда более современные технологии и материалы заменили собой это колоссальное творение. Более ста километров в самом сердце земли. На сегодняшний день это архитектурное чудо, преданное всеобщему забвению, остается целым и невредимым.

Согласно отчету, детектор газа напарника Фахардо определил опасность, когда они исследовали предыдущий туннель. Шедший впереди

Фахардо не услышал сигнала и продолжил углубляться в *канат*. Напарник позвал его, но было слишком поздно. На месте развилки уже скопилось большое количество метана, вытеснившего кислород. Напарник вновь позвал Фахардо, и в этот момент раздался взрыв. Часть туннеля обрушилась. Напарник бросился за помощью. В связи с особенностью места происшествия, поиски тела Фахардо длились шесть дней.

За пределами *каната* еще остались обломки. Полицейская лента отвязалась с одного края и безжизненно свисает на землю.

Криминалисты достаточно расчистили туннель, чтобы достать тело своего коллеги, но все же оставили значительную часть завала.

Только вот вытащили они из-под завала вовсе не тело своего коллеги, думает Антония, пробираясь через груды обломков. Камни нещадно царапают руки и колени, но ей удастся пролезть. Когда Антония оказывается по ту сторону завала (кашляя и стряхивая с себя пыль), она уже абсолютно уверена в том, что интуиция ее не подвела.

Она не знает подробностей, но ей хватает и той информации, что у нее есть.

Фахардо обманул своего напарника. Оказавшись вне поля его зрения, он взорвал бомбу. Сам по себе метан не мог бы настолько разрушить потолок *каната*. Фахардо явно добавил свои ингредиенты. Но, приняв во внимание сигнал детектора газа, а также свидетельство напарника, полицейские решили особо не углубляться в расследование гибели этого замкнутого проблемного типа. Они ограничились тем, что вытащили из-под завала его тело.

Тело. Похожее по комплекции на тело Фахардо, одетое в его униформу, обгоревшее, лежавшее под грудой обломков. Никто дважды на него и смотреть не стал. Быстренько похоронили, и дело с концом.

А он, между тем, был у них прямо под носом. Но они его не видели.

Антония начинает понимать ход мыслей Эсекиэля. Ей, конечно, не хватает некоторых деталей. Она не знает наверняка, как именно Сандре Фахардо удалось инсценировать свою смерть, хотя у нее на этот счет есть разные предположения. Не знает она и того, как Николас Фахардо сумел достать труп, который он выдал за свой собственный. Впрочем, для полицейского это не так уж и сложно.

Где бы я стала искать труп? Вероятно, в морге при отделе уголовной полиции. Или еще лучше: на медицинском факультете университета Комплутенсе.

В подвале университета лежат сотни трупов без всякой охраны.

Кукольный театр для студентов. Антония была там как-то раз в связи с расследованием одного сложного дела. Сотни тел, накаченных формалином; сотни иссохших конечностей, торчащих из-под белых простыней. Отрезанные руки и ноги, отрубленные головы с высунутыми распухшими языками – все это когда-то было частью людей, отдавших свою плоть науке ради спасения чьих-то жизней в будущем. Все эти люди теперь лежат в забвении. И незаметно переложить одно из таких тел на каталку – проще простого...

Хватит.

Она не должна допустить, чтобы эти завораживающие детали начали разрастаться в ее голове. Если бы не красная капсула, сложноустроенный ум Антонии мог бы затеряться в них на несколько часов. Но она не может себе этого позволить.

Время истекает.

Сейчас самое главное – это узнать где. Впрочем, поняв в достаточной мере как, Антония обретает все большую уверенность в том, что сумела правильно вычислить местонахождение пристанища Эсекиэля.

Ему – то есть ей – нравится водить нас за нос. Сначала эти фальшивые номера такси, которые она сняла с собственной разбитой машины. Затем смертельная ловушка, которую она нам уготовила на прежней квартире. Все эти уловки сводятся к знакомым ей объектам.

А где бы стал скрываться в течение долгих месяцев человек, который официально умер и который, соответственно, не может расплачиваться картой и подписывать документы? Какое убежище выбрал бы тот, кто чувствует себя в подземелье как рыба в воде, кто знает абсолютно все секреты, хранящиеся под землей, на которой стоит Мадрид?

Ответ находится меньше, чем в двухстах метрах от того места, где Фахардо инсценировал свою смерть.

На след Антонию вывел отдаленный гул, который она услышала в трубке во время телефонного разговора.

Антония понимает, что времени у нее остается все меньше, и тем не менее она останавливается, достает телефон и открывает приложение для голосовых заметок. Затем записывает аудиосообщение, громко и четко выговаривая слова, и только после этого продолжает путь.

В конце *каната* дверь. Старинная, чугунная. Открывает ее тяжелое колесо. Антония уже собирается повернуть руль, приводящий колесо в движение. Но внезапно ее взгляд натывается на нечто, чего здесь быть не должно.

А именно, на черный электрический кабель. Ловко спрятанный за

веревочным механизмом. Антония и не заметила бы его, если бы одна из клеевых подушечек, на которых он держится, слегка не отлепилась.

Она проводит лучом фонарика по всей длине кабеля, тянущегося к верхней части двери. А прямо на раме ловко уложен длинный толстый сверток с бесформенной массой. И Антонии совсем не хочется, чтобы до этой массы дошел электрический импульс.

На конце кабеля есть контакт. Если повернуть колесо... Бум.

Она чуть было не погибла. И тем не менее ее переполняет радость триумфа.

Ловушка в этом месте может говорить лишь об одном.

Эсекиэль совсем рядом.

Антония не умеет обезвреживать бомбы. Но это устройство совсем примитивно. Всего лишь кабель. Последний защитный барьер человека, убежденного в том, что сюда никто никогда не доберется. Так уж, на всякий случай...

Мне нужно потянуть кабель, чтобы исключить контакт. А затем повернуть колесо.

Время Карлы Ортис подходит к концу. И Антония без долгих раздумий просто берет за край кабеля и тянет, надеясь на лучшее. Закрыв глаза и стиснув зубы.

Взрыва не происходит.

Антония с большим трудом поворачивает колесо, заставляя возмущенно скрипеть рычаги, открывающие дверь.

Она смотрит на часы. Шесть утра. Карле Ортис остается сорок семь минут.

Перед тем как пересечь порог, Антония думает о Джоне.

Где бы ты сейчас ни был, надеюсь, ты глядишь в оба.

Карла

Седьмую плитку втиснуть невозможно.

Преыдущие она всовывала с большой осторожностью, отвоеывая с каждым разом несколько миллиметров. И сейчас осталась последняя. Это все равно что пытаться поставить книгу на забитую полку. Для этого нужно максимально раздвинуть две стоящие рядом книги, чтобы просунуть третью между ними.

Благодаря давлению плиток дверь чуть-чуть приподнялась, на несколько сантиметров. Но этого не хватает.

Карла пытается просунуть руку в щель, но запястье не проходит. Ей нужна еще одна плитка.

Но седьмая сопротивляется. Вес, которые выдерживают предыдущие плитки, настолько велик, что Карле не удастся разъединить их, чтобы втиснуть между ними последнюю. Не говоря уже о том, что параллельно ей приходится их придерживать. И все это одной лишь левой рукой, поскольку правой она толкает дверь.

После нескольких часов напряжения правая рука затекла. Время от времени она делает короткие паузы, чтобы восстановить кровообращение, но ее ослабевшее и обезвоженное тело почти не слушается. Карла уже на грани. Она может потерять сознание в любой момент.

Я больше не могу, думает она.

– Прекрасно, – отвечает другая Карла. Которая уже практически стала *настоящей* Карлой. Это она здесь главная. Это она управляет процессом. – Прекрасно, давай, сдайся. Тебе ведь больно, ты ведь истощена. Сдайся за четыре миллиметра до цели.

Оставь меня.

– Надеюсь, они найдут твое тело здесь, и твой отец поймет, что был прав. Что ты не заслуживала того, чтобы ради тебя все разрушить.

Нет. Нет.

– Потому что ты никогда не была на высоте.

Униженная и разозленная Карла изо всех сил надавливает на дверь. И на этот раз ей удастся втиснуть седьмую плитку. Правда, только на треть.

Карла совсем выбилась из сил. Она уже еле дышит. А боль нещадно сковывает конечности.

– Не останавливайся, – шепчет другая Карла. – Сейчас как раз наступает самый важный момент.

Карла послушно подсовывает руку под дверь. За секунду до этого в ее голове проскальзывает мысль о том, что неуловимые монстры из ее детских кошмаров вернулись, приняв облик человека с ножом. И теперь он притаился в темноте по ту сторону двери, держа лезвие наготове, и ждет, когда она просунет руку, чтобы тут же вонзить острие ей в ладонь.

Пусть только посмеет, думает Карла.

Ее рука застряла на середине предплечья, однако ей все же удалось дотянуться кончиками пальцев до веревки.

За нее нужно просто потянуть. Но она слишком далеко.

– Чтобы приблизить веревку, тебе придется ее разрезать.

Карла вновь подсовывает руку под дверь. На этот раз крепко зажав в ладони половинку плитки.

Джону Гутьерресу заброшенные туннели не нравятся.

И дело тут не в эстетике: все равно ничего не разглядеть. Света нет, и ему даже не видно собственных брюк, которые он порвал и запачкал, прыгая с платформы.

Что действительно бесит Джона в заброшенных туннелях, так это то, что они начинены взрывчаткой.

Чертовы бомбы-ловушки, думает Джон. В Бильбао такое уже и представить себе нельзя.

– Ты должен войти в метро ровно в шесть, как только оно откроется, – сказала ему по телефону пять часов назад Антония Скотт. – У тебя будет очень мало времени, чтобы добраться.

– Можно я кого-нибудь возьму в помощь? А то, если мы будем одни...

– Нет, Джон. Речь идет о моем сыне. Я не хочу больше никого в это посвящать.

Джон постарался запомнить все указания Антонии.

– И вот еще что, – добавила она. – Чем ближе ты будешь к цели, тем больше вероятность того, что ты можешь наткнуться на бомбу. Туннель очень широкий, и бомбы, скорее всего, будут располагаться на уровне пола. Будь осторожен. Обязательно смотри куда наступаешь.

Как только первый поезд отъезжает от пустынной платформы станции «Гойя», Джон прыгает на рельсы. На металлической двери, ведущей в заброшенный туннель, висит толстый старинный замок. Который, впрочем, ничего не держит. Джону достаточно повернуть ручку, и замок отходит вместе с дверью.

Что ж, вперед.

Воздух внутри туннеля спертый, горький. Стены сочатся влагой, и белесая краска практически не видна среди потеков. Тишина прерывается только шумом поездов второй линии.

– Тебе нужно будет пройти сто семьдесят метров, – сказала ему Антония. – Туннель изгибается практически по всей длине, за исключением финишной прямой – последних тридцати метров. Но тебе в любом случае нужно быть все время начеку. Если они тебя увидят –

подстрелят как утку.

Это означает, что ему придется выключить свет и идти последние тридцать метров вслепую.

Джон идет медленно, внимательно глядя под ноги. В углубления, оставшиеся от рельсов, забились зеленоватая зловонная слизь.

Обязательно смотри куда наступаешь.

Джон очень аккуратно переставляет ноги, выбирая лишь сухие участки, не покрытые слизью. Из-за этого ему порой приходится передвигаться по диагонали или делать огромные, практически метровые шаги.

Он продвигается очень медленно. И не зря.

Первая ловушка – практически невидимый провод. Прикрепленный с одного конца к стене, он пересекает туннель. Другой его конец погружен в зеленоватую слизь.

Джон наклоняется и счищает бумажным платочком немного грязи, забившейся в углубления, которые остались от рельсов.

Под слоем слизи обнаруживается синий полиэтиленовый пакет с неясным содержимым. Впрочем, не стоит и выяснять, что именно там внутри: и так понятно, что случилось бы, если бы провод порвался.

Джон осторожно перешагивает через провод.

После первой ловушки он не расслабляется. И не зря.

Вторая ловушка следует практически сразу. На этот раз уже не в виде провода. Джон увидел ее случайно, благодаря фонарику, отразившемуся в линзе инфракрасного датчика, прикрепленного к стене. Такой можно купить за десять евро в любом магазине электроники. Прямо как в лифтах.

Прижавшись к мокрой стене, инспектор Гутьеррес проявляет чудеса акробатики, чтобы перебраться через датчик, расположенный на высоте полутора метров от пола. Преодолев препятствие, он с облегчением выдыхает.

Джон подозревает, что, если бы связь между двумя датчиками прервалась, мир вокруг взлетел бы на воздух.

Третья ловушка – через восемьдесят метров. Она очень похожа на первую, разве что провод на этот раз протянут настолько низко, что заметить его практически невозможно. Собственно говоря, Джон его и не замечает. И не наступает на него по чистой случайности. Он осознает, что переступил через провод уже после (мгновенно покрываясь холодным потом), когда видит перед собой еще два датчика. Расположенные на разных уровнях. Один в метре, другой в полутора метрах от пола.

Вот черт, думает Джон.

Потому что пройти мимо них нереально.

Остается лишь проползти, надеясь на то, что на полу больше нет проводов.

И инспектор Гутьеррес ложится в грязь и проползает под датчиками. Выныривает с другой стороны. Его костюм, лицо и руки перепачканы тошнотворной, смрадной слизью. Запах, который врзается ему в ноздри, омерзителен.

Джон не выдерживает: его начинает рвать еще до того, как он успевает подняться на ноги. Жуткая, неотвратимая тошнота полностью овладевает его телом. Джона трясет, словно от электрического тока. Он сплевывает слюну, глотает, сплевывает снова. Когда он открывает глаза,

(главное, что жив, черт возьми, главное, жив)

ему не сразу удастся прийти в себя.

Он чувствует себя грязным.

Платочков у него не осталось, и Джон снимает пиджак и шелковой подкладкой вытирает от слизи бороду и руки – насколько это возможно. Затем бросает пиджак на пол: он ему уже не пригодится.

С таким ни одна химчистка не справится, думает он.

Джон остается в одной рубашке, сквозь которую просвечивает слово ПОЛИЦИЯ, написанное на его бронежилете. Впрочем, просвечивает совсем чуть-чуть. Все-таки рубашка сшита из египетского хлопка, и Джон отдал за нее кругленькую сумму.

Настает время принять решение. Потому что уже совсем скоро туннель закончится. Теперь, когда фонарик покрыт толстым слоем грязи, Джон видит на изгибе стены слабый отблеск.

– В конце будет прямой участок туннеля. Когда доберешься до него, выключи фонарик, – настаивала Антония. – Иначе они тебя увидят.

– А что если на этих последних метрах окажется ловушка?

Антония на это не ответила.

Джон выключает фонарик. Пришло время идти вслепую, ориентируясь лишь на слабое мерцание, виднеющееся впереди.

Передвигаясь в темноте, прислонившись спиной и руками к стене туннеля, Джон как никогда чувствует свое тело. Мышцы, сведенные от напряжения. Скрученный тугим узлом желудок, давящий на диафрагму. Сердце, бешено стучащее в груди. Кровь, пульсирующую в ушах. Челюсти, стиснутые до боли. Глаза, жаждущие видеть. Кончики пальцев, ощупывающие каждое мокрое пятно. Мир – словно огромная пропасть, и темнота вовсе не укрывает нас, а лишь угрожающе над нами нависает.

Джон думает о смерти, которая сейчас кажется ему неминуемой. Обо всем, что он хотел сделать и так и не сделал, откладывая каждый раз на завтра. О маменьке, с которой он не попрощался.

Тридцать метров. Нужно пройти еще тридцать метров, рискуя наступить на провод или оказаться напротив инфракрасного датчика. Пройти тридцать метров, зная, что каждый следующий шаг может стать последним. Без ясного понимания, за чем именно он идет. Вся его уверенность растворилась в едком страхе. Долг, честь, доброта – сейчас для него это просто слова, не более чем наборы букв безо всякого смысла. Его тело отчаянно жаждет жизни.

Если хочешь прожить сто лет, живи не так, как я, думает Джон.

По ту сторону двери-ловушки находится служебный туннель.

Гораздо более старинный, чем тот, который Антония обнаружила в самом начале своего пути несколько немыслимо долгих часов назад. Туннель заброшен. От присутствия людей, некогда по нему проходивших, остались лишь следы. Реклама на керамической настенной плитке уверяет: «*Válvulas Castilla* – только лучшее для вашего радио. 242, Мадрид». А еще одна, чуть подальше, советует: «Кури *Ideales*, чтобы оставаться стройным! В продаже в магазинах табачной компании».

Тридцатые годы, мысленно вычисляет Антония. Когда-то здесь был общественный, городской туннель. И, видимо, много лет назад его закрыли, судя по тому, как резко он обрывается. Необлицованная кирпичная стена, вероятно, перекрывает выход на улицу.

А в противоположном конце туннеля – место, закрытое уже почти полвека.

Место, где сейчас находится логово Эсекиэля.

Метро Мадрида таит в себе множество секретов.

Один из них – станция-призрак, заброшенная несколько десятилетий назад. Когда-то она была частью единой ветки линии 2, соединявшей «Гойю» с «Диего-де-Леон». Ее открыли в 1932 году, а двадцать шесть лет спустя, когда в связи с открытием линии 4 схема метро изменилась, станцию исключили из общественного пользования. Огромная инфраструктура стала недоступной для публики, однако служащие пригородных поездов продолжали использовать эту станцию – по-своему. Поздно ночью, уже после работы, машинисты совершали последнюю поездку.

В так называемых *денежных поездах*.

Шестьдесят рослых мужчин раскладывали по огромным мешкам тысячи монет, собранных за день кассами, и загружали в денежный поезд. Затем мешки транспортировали на станцию-призрак «*Гойя-бис*», где вываливали их содержимое на длинные столы, установленные прямо на платформе. Там служащие пересчитывали монеты до самого рассвета. То, что посчитать не успевали, они складывали в два огромных сейфа, изготовленных престижной фирмой Fichet. Только двое самых

проверенных служащих знали кодовые комбинации к этим сейфам.

В начале семидесятых станцию окончательно забросили. Служащие перестали возить монеты на денежных поездах. Для сбора и подсчета выручки касс стали использоваться новые методы.

И тогда «Гойя-бис» и правда превратилась в станцию-призрак. Без электричества и без рельсов, которые сняли, чтобы использовать в других местах метрополитена. И вход в почти что двухсотметровый туннель закрыли металлической дверью.

Место, забытое всеми.

Идеальное укрытие.

Антония смотрит вперед. В конце прохода – две лестницы, ведущие вниз, к платформе. Она рассчитывает количество шагов, которые ей нужно будет сделать.

И выключает фонарик.

Стены облицованы белыми кафельными плитками, которые отражают свет, словно зеркала, несмотря на покрывающий их слой пыли. Антония не может допустить, чтобы ее заметили.

Остаток пути придется пройти в темноте.

Время уже не течет по прямой: оно сгорает в огне неотложности. Жизнь Антонии, ее сущность, ее призвание – все это утрачивает всякий смысл. Важен лишь настоящий момент, неопределенный и опасный. Сейчас судьба Хорхе, Карлы Ортис и самой Антонии зависит не только от нее.

Все ее колоссальные усилия окажутся напрасными, если Джон не выполнит свою часть плана.

И сейчас Антонии не остается ничего другого, кроме как довериться скрепя сердце другому человеку.

Эсекиэль

Ночь Николаса наполнена призраками.

Он пытался уснуть, ведь завтрашний день будет трудным и опасным, и ему необходимо набраться сил. Смерть, которая накануне казалась ему благословенным освобождением, теперь для него не выход. Потому что теперь Николас знает, что после смерти он прямиком отправится в ад, где ему придется гореть в вечном пламени. Ему сказали об этом призраки. Этой ночью они по очереди явились к нему, проскользнув между тюфяком

и грудой тряпья, служащей ему подушкой, чтобы сделать его беспокойный, прерывистый сон невыносимым. Призраки. Обескровленный мальчик, полицейские, погибшие в его прежней квартире. Его дочь Сандра. Она ничего не говорила, просто смотрела на него полуприкрытыми печальными глазами, словно давая понять, что живет совсем не той жизнью, которой хотела бы жить.

Этот взгляд Сандры напомнил ему о реальности, от которой он бежит уже столько времени.

Ты не умерла, нет. Я хочу, чтобы ты была жива.

Эсекиэль ворочается с боку на бок. Он видит перед собой (или, возможно, ему это только снится) гнездо, в которое черная птица откладывает яйцо, после чего сразу же улетает. Николас просыпается, весь пылая от высокой температуры, от сухого жара, сдавливающего голову и мышцы. В кармане рубашки оставалась последняя упаковка ибупрофена. Он протягивает за ней руку, но, ощупав ее, обнаруживает, что все прозрачные ячейки пусты, а серебристые кусочки фольги печально свисают.

Николас приподнимается и зажигает газовую лампу. В голубом баллончике практически не осталось топлива, нужно будет его заменить, но пока что света хватает: лампа освещает бóльшую часть платформы. У стены стоят два огромных сейфа. Между ними – коридор, ведущий в комнату, которая некогда служила канцелярией метрополитена и в которой сейчас спит Сандра

(она не умерла)

рядом с мальчиком, совсем маленьким малышом, который все это время непрерывно плакал, а сейчас, похоже, выбился из сил.

Сандра уже встала. Он слышит, как она открывает дверь и идет к нему.

Николас знает, что она ему скажет. Ночь закончилась, и пришло время действовать. Та женщина вскоре должна будет присоединиться к призракам. Сандра уже придумала, каким именно образом отправить ее на тот свет. Женщина будет убита с особой жестокостью. Сандра также объяснила Николасу, что он должен затем сделать с ее телом. Ему нужно будет на рассвете положить труп Карлы Ортис напротив одного из магазинов ее отца. На всеобщее обозрение. Сандра говорит, что хватит прятаться. Пришла пора заявить миру о своих деяниях.

Николас этого не хочет.

Он ищет взглядом свою тетрадь, но она слишком далеко, и к тому же Сандра уже здесь, в своем голубом комбинезоне, на котором с прошлого раза остались засохшие коричневатые пятна. Утешение в виде исповеди

придется отложить на несколько часов. К тому времени грехов будет уже больше. Равно как и пятен на голубом комбинезоне Сандры.

– Надеюсь, ты хорошо выспался, – говорит она. И в ее голосе нет ни иронии, ни жестокости: она ничего не знает о призраках. Не слышится в этой фразе и дочерней заботливости. Она говорит это ужасающе нейтральным тоном, выражая лишь собственную заинтересованность в том, чтобы все прошло как надо.

На короткий миг Николас ясно понимает, что призраки были правы. Туман, уже много месяцев подряд окутывающий его мысли, внезапно рассеивается, и на долю секунду Николас видит реальность такой, какая она есть на самом деле. Он решает ответить Сандре, что уходит. Или еще лучше: он уйдет, ничего не сказав.

Но туман тут же возвращается, и решимость покидает Николаса.

– Приведи женщину, – требует Сандра.

Николас смотрит на часы. Черный нейлоновый ремешок. Крупный квадратный циферблат. Странно видеть этот точный, служащий порядку механизм в лабиринте хаоса.

– Еще осталось одиннадцать минут.

Сандра пожимает плечами.

– Не вижу смысла с этим затягивать.

В руках у нее толстые кожаные ремни. Она протягивает их Николасу резким повелительным жестом.

Николас смотрит на руки Сандры так, словно с них свешиваются ядовитые змеи. Он бы как раз хотел отдалить этот момент. Отложить все на несколько часов. После тяжелой ночи, наполненной призраками, ему сейчас меньше всего хочется использовать эти орудия пытки, ощущать нежную дрожащую плоть под этими ремнями. Может быть, завтра – после того как он напишет обо всем в своей тетради. Возможно, к тому времени он отыщет хоть какой-то смысл в происходящем. В том, что он делает.

– Что-то не так?

Глаза Сандры сверкают странным блеском. И в этом блеске, кроме угрозы, есть кое-что еще. А именно – расчет. Николас не знает, что его сейчас оценивают. Он не знает, что в данный момент Сандра обдумывает, может ли он еще быть ей полезным или же пришел час покончить с загнанной лошастью. Николас этого не знает, но чувствует тревогу, словно собака перед уходом хозяина.

– Нет, все так, – отвечает он, протягивая руку и хватая ремни.

Но не успевает Сандра разжать пальцы, как раздается голос.

– Доброе утро. Простите за беспокойство.

Как-то раз, сто лет назад, Николас ходил с дочерью в зоопарк. В змеином павильоне был бирманский питон. Когда они к нему приблизились, он повернул голову точно так же, как только что это сделала Сандра.

Голос прозвучал со стороны лестниц, из глубины платформы.

– Мне очень жаль, что мое присутствие вам помешало, – продолжает звучать голос Антонии Скотт.

Сандра отпускает ремни. Затем тут же наклоняется над столом и хватает пистолет и фонарик.

– Убей мальчика, – приказывает она Николасу. – А с этой я разберусь сама.

Николаса приводит в ужас не приказ, а улыбка, с которой она произносит последние фразы. Словно Сандра этого ждала. Словно хотела этого больше всего на свете.

Карла

За три минуты до этого

У нее почти получилось перерезать веревку.

Кожа на предплечьях содрана в кровь, плечи болезненно ноют от неудобного положения, в котором Карле пришлось провести последние несколько часов. Но осталось совсем чуть-чуть.

Последнее усилие – и ей наконец удастся довести дело до конца. Как только веревка с легким хрустом обрывается, невероятно тяжелая металлическая дверь падает ей на руку. Карлу мгновенно пронзает жуткая, нечеловеческая боль, но она уже ни за что не отпустит веревку, в которую вцепилась изо всех сил.

Зажав кусок плитки в зубах, Карла начинает тянуть, еще сильнее раздирая кожу предплечий, придавленных ржавой дверью. Ей удастся ухватиться за веревку обеими руками. В ее сердце нет ни уверенности, ни надежды. Есть лишь острая потребность жить, дышать. Боль второстепенна, с ней можно смириться. Боль – это жизнь, титанические усилия – это жизнь. Невыносимая жажда, жгучая резь в груди, умоляющая ее остановиться, – это жизнь. Смирение – это смерть.

Тридцать сантиметров. Полметра. Плитки падают на пол, и Карле кажется, что шум от их падения сравним по громкости с полицейскими сиренами.

Нужно поторопиться. Они наверняка услышали.

Карла начинает потихоньку пролезать в открывшийся проем. Она не может отпустить веревку. Если она это сделает, дверь упадет. И ее похитители на этот раз уж точно услышат шум.

Вдалеке раздаются голоса, Карле кажется, что она слышит громкий женский голос, но сейчас не время прислушиваться.

Она уже вылезла практически целиком. Но все еще изо всех сил поддерживает металлическую дверь.

Когда она оказывается снаружи – это уже другая Карла. Прежняя Карла для нее теперь все равно что дальняя родственница – из тех, что время от времени встречаешь на свадьбах, и чье имя приходится тихонько уточнять у кого-нибудь из гостей.

И это уже другой Карле на правую руку падает с легким скрипом дверь, когда силы окончательно ее покидают.

Когда она была маленькой, Карла (прежняя Карла) как-то раз побежала вперед отца, чтобы не дать гаражной двери закрыться. Это была одна из тех гаражных дверей, которые закрываются горизонтально. Подбежав, Карла протянула руку к фотоэлектрическому датчику. Но было слишком поздно, и руку прищемило. Прежняя Карла редела всю дорогу до больницы. У нее с того раза остался на запястье уродливый шрам, а мышца до сих пор немного сдавлена.

Другая Карла, новая Карла не издает ни звука. Не вынимая изо рта плитку, она кусает губы и щеки изнутри, пытаясь отвлечься от жуткой боли в руке. Сейчас Карла – словно дикий зверь в неволе. Она готова откусить себе руку, лишь бы выбраться отсюда. Ей нужно повернуться, сесть на корточки и, собрав последние силы, поднять дверь и высвободить руку.

Дверь со щелчком опускается на пол.

Карла свободна.

Теперь, оказавшись перед лицом неизвестности, она ощущает новый, незнакомый до сих пор страх. Страх утонуть на мелководье, переплыв бушующее море.

Ее тело отчаянно хочет бежать, куда угодно, в любом направлении. В одном конце коридора можно различить слабый отблеск, и она интуитивно чувствует, что туда идти нельзя. А точнее, она это *знает*. Новая Карла знает многое. С другой стороны – темнота, среди которой виднеется единственный островок света.

Этот свет исходит от двери.

От двери, ведущей в соседнее помещение. Дверь деревянная, со стеклом. И сквозь нее вновь слышится плач ребенка, зовущего маму.

Это ловушка. Уходи. Уходи.

Но она не может так просто уйти. Она должна выяснить.

Я должна это выяснить, думает она, приближаясь к деревянной двери.

Ее тело умоляет ничего не выяснять, но Карла и так слишком долго – целую жизнь – отворачивалась от правды.

За дверью крошечное помещение, освещенное газовой лампой. Мебель составлена к стенкам, бóльшую часть комнаты занимает лежащий на полу матрас. А у противоположной стены сидит маленький ребенок, примотанный за запястье клейкой лентой к трубе. На нем серые брюки и зеленый свитер. Глаза у него красные и заплаканные, а сквозь плач прорываются хрипы. Когда Карла заходит в комнату, мальчик смотрит на нее с ужасом. И на секунду взглянув на себя глазами этого малыша, она понимает почему. Забрызганная кровью незнакомая женщина, в одном нижнем белье, вся в грязи и поту.

Карла встает на колени рядом с мальчиком.

– Как тебя зовут?

Мальш отводит взгляд от этого жуткого чудовища, возникшего из ниоткуда. Он открывает рот и набирает воздуха в легкие, чтобы снова заплакать.

– Нет-нет. Успокойся. Меня зовут Карла. Я помогу тебе.

Не дожидаясь ответа, она принимается разрезать обломком плитки клейкую ленту, которой мальчик примотан к трубе. Нельзя терять ни секунды. Теперь, когда Карла впервые видит свой самодельный инструмент, она осознает, насколько же он крошечный и жалкий. И тем не менее именно благодаря ему она сейчас здесь.

Мальчик смотрит на нее широко открытыми глазами, громко хлюпая носом. Он не может понять, почему грязное окровавленное чудовище пытается ему помочь.

И вдруг он переводит взгляд с Карлы на дверь, и его глаза вновь наполняются ужасом.

Нет, только не это, думает Карла, понимая – слишком поздно! – что совершила ошибку.

Человек с ножом уже у нее за спиной, он хватает ее за волосы и швыряет на пол.

– Ты не можешь этого делать! Ты не должна этого делать!

Карла стучается затылком о цементный пол и остается неподвижно лежать, ошеломленная ударом. *Человек с ножом* бросается на нее и крепко сжимает пальцы на ее шее.

Вот что получаешь, когда пытаешься сделать добро, думает Карла. Вот что получаешь взамен.

Пока он сдавливал ей горло, она думает лишь о глубокой несправедливости жизни. Во время своего пребывания в темноте она уже поняла, что Бог, Добро и Зло – это не более чем слова, которые пишутся с заглавной буквы. Но все-таки в ее душе оставалась толика надежды на правосудие вселенной. И именно эта надежда заставила ее войти в эту комнату, где плакал ребенок, чья нога теперь дергается в нескольких сантиметрах от ее лица. На ботиночках напечатано изображение Губки Боба со стертым – видимо, от частых ударов по мячу – глазом и частью руки. В последние секунды ясности, пока ее мозг еще работает, поглощая жалкие остатки кислорода, Карла вспоминает, что у ее сына Марио есть точно такие же ботиночки. И что изображение на них стерто в тех же самых местах. Это их продукция. Карле следовало бы написать об этом дефекте в соответствующий отдел. Отправить им по электронной почте письмо, написанное в твердой, но доброжелательной манере.

Перед ее глазами все утопает в ослепительно-белом свете.

Я умираю, думает Карла. И в этой мысли нет ни изумления, ни страха, ни горечи. Только лишь осознание поражения.

И вдруг она что-то слышит (слух всегда включается в работу первым, когда мы просыпаемся, и выключается последним). Звучит твердый мужской голос. Она не понимает смысла слов. Но как бы то ни было, пальцы перестают сжимать ее горло и Карла тут же принимается жадно глотать воздух, чувствуя, как жизнь возвращается в ее тело...

И в этот момент раздаются выстрелы.

Антония продвигается едва-едва.

Она знает, что все зависит от Джона. Что она всего лишь приманка, которая должна отвлечь одного из похитителей и дать инспектору Гутьерресу шанс.

Ее голос гулким эхом отражается от кафельных стен. Она идет как можно медленнее, надеясь на то, что это эхо собьет с толку Фахардо и его дочь.

Она уверена, что за ней отправится Сандра. Потому что Сандра, без сомнения, захочет расправиться с ней лично.

Антония движется медленно. Насколько это возможно. Ее местоположение может раскрыться в любой момент. Под ногами у нее поскрипывает цементный пол; чуть слышно шуршит одежда, соприкасаясь со стеной. Каждый шаг – это возможное разоблачение.

Ее мозг вновь начинает переполняться внешними стимулами. Эффект от капсулы полностью прошел, и теперь, в состоянии сильнейшего напряжения, ей приходится стараться изо всех сил, чтобы сохранять ясность рассудка.

– Чудесная все-таки штука – звук, не правда ли? – звучит из прохода голос Антонии. – Никогда не знаешь точно, откуда он идет.

Сандра поднимается по лестнице. Обернувшись, Антония видит отсвет фонарика, жадно исследующего темноту. Антония идет вперед – единственно возможным путем. Луч света освещает начало прохода. Добравшись до верхних ступенек, Сандра пригибается, а затем резко поворачивает за угол. Она выстреливает дважды, и пули беспрепятственно пролетают через весь проход, встречая на своем пути лишь воздух, и застревают в противоположной стене. И тогда луч фонарика наконец натывается на телефон, с которого прозвучало голосовое сообщение Антонии.

Сандра слишком поздно понимает, что ее обвели вокруг пальца. Она со злостью топчет телефон и бежит обратно вниз по лестнице.

План был очень простой.

Как только раздастся мой голос, они бросятся на его звук.

Джон выходит из туннеля целым и невредимым. Он не наступил ни на какой провод, а если и наступил, то к взрыву это не привело.

Перед ним заброшенная станция. Платформа слева от него освещена газовой лампой, отбрасывающей на стены причудливые тени. Из ближайшего коридора доносится шум.

Джон залезает на платформу с большим трудом, чувствуя себя при этом на всеобщем обозрении. Когда ему все же удастся вскарабкаться, он проходит в коридор. Ноги слегка в согнуты в коленях, пистолет наготове. За спиной раздаются два выстрела, но он продолжает идти вперед.

Главное – это мой сын. Что бы ты ни услышал, не пытайся бежать мне на помощь. Не оборачивайся. Найди его, Джон.

Он и собирается это сделать.

В глубине коридора – комната, из которой доносится шум. Джон приоткрывает дверь и видит, как мужчина душит лежащую на полу полуобнаженную женщину. Ее ноги дергаются в предсмертной судороге.

– Не двигаться, полиция! – кричит Джон, тыча пистолетом мужчине в спину. – Руки за голову.

Мужчина повинуется не сразу. Даже не видя его лица, Джон ощущает, насколько он потрясен. Он явно не ожидал, что ему могут помешать в этот момент.

– Руки за голову, – повторяет Джон. – Не испытывай мое терпение, Фахардо. Все кончено.

Фахардо медленно поворачивается к нему, и его лицо четко вырисовывается в свете газовой лампы. И тут Джон видит позади него сына Антонии, изумленно наблюдающего за сценой.

Он жив. Он жив. Мы успели.

Не отводя пистолет, Джон достает наручники. Защелкивает один браслет на запястье Фахардо. Но второй защелкнуть не успевает. Равно как и не успевает он услышать ни возобновившееся дыхание Карлы Ортис, ни выстрелы, сбивающие его с ног. Он чувствует лишь боль, пока его тело летит навстречу полу.

Карла

Человек с ножом уже не нависает над ней, и Карла тут же ползком бросается к мальчику. Из ее головы внезапно улетучились все мысли и воспоминания. Не осталось ни боли, ни страха. Ничего больше не имеет значения, главное, перерезать кусок клейкой ленты, которой привязан малыш. Плитка валяется на полу. Карла подбирает ее ослабевшими пальцами и продолжает резать. Ей едва удастся процарапать пластиковую поверхность, не говоря уже о волокнах ткани между серебристым слоем и липучкой. Карла словно превратилась в тряпичную куклу. Она пытается вдохнуть поглубже, пытается сосредоточиться на оставшихся четырех сантиметрах ленты, вопреки головокружению и помутнению в глазах. Плитка уже ни к чему: правая рука ослабла вконец, а на левую она никогда особо не могла рассчитывать. И поэтому Карла наклоняется к запястью мальчика и впивается в ленту зубами – клыками, которые когда-то, несмотря на настояния стоматолога, она категорически отказалась удалять. Пусть даже ей пришлось потратить несколько месяцев на их лечение. Она хотела сохранить все свои зубы.

Карла кусает, грызет, раздирает зубами ленту. Один из клыков ломается в продольном направлении. Боль настигает Карлу в тот момент, когда лента наконец разрывается.

– Беги, – говорит она мальчику. – Беги и не оглядывайся.

Малыш поднимается на ноги, пробегает мимо человека с ножом (теперь он склонился над полицейским, пытаясь его задушить, как до этого пытался задушить Карлу), пересекает порог комнаты и исчезает в темноте коридора.

Притаившаяся на лестнице Антония слышит, как Сандра бежит обратно. Она планировала сначала обмануть ее с помощью телефона, а затем устроить ей засаду, когда она будет спускаться по другой лестнице. Но план провалился. Сандра спускается тем же путем и возвращается на платформу. Она явно почувствовала ловушку.

Антония встает и пытается идти за ней следом, но ее мозг уже на пределе. Когда ее взгляду открывается слабоосвещенная платформа, в голове Антонии тут же сходятся воедино все элементы и за десятую долю секунды рисуют мрачную, чудовищную картину.

Стол, на котором умер Хайме Видаль, – подросток, которого похитили по ошибке вместо Альваро Труэбы.

Периодически мигающая газовая лампа, у которой почти не осталось топлива.

Обрывки одежды, коробки с консервными банками, примитивно устроенный быт жестоких преступников.

Древние и угрожающе глубокие трещины на стенах.

Скопившаяся по углам пыль, таракан, убегающий прямо у нее из-под ног.

Тюфяк, орудия пыток поставлены на полу...

Антонии трудно дышать. Она не выдерживает такого объема информации, ей необходимо отфильтровать те внешние стимулы, что вырисовывают в ее сознании картину произошедшего здесь ужаса, причем вырисовывают во всех красках, во всех подробностях, словно Антония смотрит видео высокой четкости, затмевающее образы реального мира.

Мне нужно идти дальше. Мне нужно идти дальше.

И она, спотыкаясь, идет вперед по платформе. Сандра целится куда-то в сторону коридора, и Антония понимает, что должна ей помешать, во что бы то ни было. Она достает свой пистолет, трет глаза, пытаясь получше прицелиться. Мозг дает пальцам команду выстрелить, но из-за непрерывного потока информации команда доходит спустя вечность.

Сандра выстреливает два раза.

Антония – один.

Пуля пролетает мимо Сандры, и выстрел Антонии лишь выдает ее местоположение. Сандра тут же прячется за одним из сейфов. Антония

растерянно моргает несколько раз, пытаюсь успокоиться, и укрывается за другим.

Пробежав мимо Николаса и лежащего на полу Джона, Хорхе мчится по коридору в сторону платформы.

И попадает прямо в руки Сандры.

Она обхватывает его за пояс и резко отрывает от земли. Мальчик брыкается, отчаянно пытаюсь вырваться, но Сандра подносит к его голове пистолет.

– Только дернись еще, и я пристрелю тебя, гаденыш, – шепчет она ему на ухо.

Сандра выглядывает из-за сейфа.

– У меня твой сын, – говорит она. – Не смей приближаться.

– Хорхе! – кричит Антония.

Мальчик узнает голос матери и тут же принимается кричать, вновь пытаюсь вырваться из сильных рук своей похитительницы. Но вырваться не получается, и Сандра, используя его в качестве щита, спрыгивает вместе с ним с платформы и исчезает в темноте туннеля.

Карла

Карла ощущает странное спокойствие. Потеря крови, асфиксия и обезвоживание дают о себе знать. Она медленно сползает по стенке и закрывает глаза.

Теперь я могу отдохнуть, думает она.

Но сначала нужно сделать кое-что еще. Правда, она никак не может вспомнить, что именно. Только смутно припоминает, что это нечто важное.

Она вновь открывает глаза. Полицейский все еще лежит на полу. Карла видит, что его убивают, и понимает, что должна что-то с этим сделать. Понимает, что должна спасти его, как он спас ее. Но Карла слишком слаба. И тем не менее...

Она приподнимается и из последних сил ползет в сторону *человека с ножом*.

Она думает о Кармело, которого тот зарезал на пустыре.

Он был частью нашей семьи.

В левой руке у нее по-прежнему зажата плитка. Остроконечный обломок. Она заносит руку над *человеком с ножом* и уже собирается вонзить ему плитку в затылок, словно кинжал.

Он как будто что-то чувствует в последний момент и резко

поворачивается к ней лицом. В ту же секунду Карла наносит удар, и острие плитки впивается ему в сонную артерию. Он с изумлением смотрит на Карлу, словно не веря своим глазам, стараясь осознать, что сейчас происходит, и одновременно с этим разжимает пальцы на горле полицейского и пытается вытащить непонятный предмет из собственной шеи. Кровь хлещет из его артерии пульсирующим фонтаном, и он падает на пол, в теплую расползающуюся лужу, от которой у Карлы уже намокли колени.

Он умирает не сразу, и Карла не упускает ни единой детали его агонии, его жалких попыток остановить кровотечение. Она смотрит в его выпученные застывшие глаза. Пустые, словно кукольные. Карла могла бы отправить его прямиком в ад, как это делают героини фильмов, когда расправляются с каким-нибудь злодеем, но она не чувствует в этом потребности. Она не испытывает абсолютно никаких эмоций. Она просто только что избавилась от ничтожества. Словно раздавила слизняка, не более того.

Теперь все? Теперь можно отдохнуть?

Ее тело само дает ответ. Она падает на грудь полицейского. Сердцебиения не слышно. На секунду Карлу охватывает смутное чувство сожаления, что она не успела его спасти, а затем ее сознание тут же погружается в темноту.

Антония уже чуть ли не падает в обморок. Она это понимает. Ее измененный, мутированный мозг запрограммирован на максимально эффективную работу в спокойной обстановке. Но в ситуации стресса гистамин выходит из-под контроля, Антония становится восприимчивой ко всей поступающей из внешнего мира информации, и ее особенный ум тут же пытается всю эту информацию обработать. А когда психопатка-убийца направляет пистолет на голову твоего сына и, прикрываясь ребенком, словно щитом, убегает в начиненный взрывчаткой туннель... Более стрессовой ситуации Антония Скотт (да и кто угодно) не может и представить.

Антония замечает каждую деталь в своем окружении, начиная от старой рекламной листовки на стене

Порошок «Персил» стирает сам

и заканчивая жестяной банкой из-под кока-колы,

(Попробуй... Почувствуй)

стоящей рядом с ножкой стола, меньше, чем в полуметре от высохшей кровяной лужи. Антония поднимается на ноги. Зжатое в руке оружие тянет ее вперед, в сторону чернеющего полукруга, поглотившего Сандру и ее сына. Она кое-как спускается с платформы, спотыкается, падает. Ей кажется, еще чуть-чуть и ее голова расколется надвое.

Антония встает и вновь пытается идти. Очень вовремя, потому что в следующую секунду темноту пререзает вспышка. Сандра решила выстрелить, и пуля с оглушительным свистом пролетела совсем рядом с головой Антонии.

– Не смей идти за мной, Скотт!

Антония не слушает: ее мозг воспринимает выстрел на том же уровне, что и ржавый винт, валяющийся на платформе. И она продолжает двигаться вперед: туда, где сейчас ее сын.

Она все больше углубляется в темноту туннеля. Постепенное уменьшение количества внешних стимулов помогает ей немного прийти в

себя.

Тьма укрывает ее от мира.

Антония прислоняется к стене, делает глубокий вдох и закрывает глаза. Она пытается освободить свое сознание от шума, утихомирить обезьян, прыгающих в ее мозгу.

Она медленно считает от десяти до одного.

Каким было твое лицо до рождения?

Антония снова открывает глаза и продолжает идти вперед. Она слышит, как Хорхе отчаянно пытается вырваться.

– Твой сын мне мешает, Скотт. – Голос Сандры угрожающим вездесущим эхом разносится по туннелю. – Ты в курсе, что здесь есть ловушки? А фонарика я не взяла. Так что если он будет продолжать брыкаться, я не смогу сосредоточиться и, возможно, случайно на что-нибудь наступлю.

Сердце Антонии сжимается от страха. Она вновь закрывает глаза и делает глубокий вдох.

– Хорхе. Хорхе, послушай меня.

– Мама! Мама, спаси меня!

Хорхе плачет, и ее душа разрывается от боли и тревоги. Но она не сможет спасти сына, если не успокоится. И не успокоит его.

– Сынок, ты должен перестать плакать. Успокойся и послушай, что я скажу. Тебе сейчас нельзя дергаться: это очень, очень опасно. Ты должен быть спокойным, хорошо?

– Я хочу домой! Я хочу к бабушке!

К бабушке, мысленно повторяет Антония, ощущая болезненный укол в сердце.

– Ты пойдешь к бабушке, сынок. Но сначала ты должен успокоиться.

Мальчик перестает брыкаться.

– Так-то лучше, – говорит Сандра.

Антония слышит, как мальчика опускают на землю (еще бы, в свои четыре он весит уже прилично). Она пытается оценить ситуацию по звукам. Похоже, теперь Сандра тащит его за руку.

Антония приближается к тому месту, где туннель начинает изгибаться. Она вытягивает руку и тут же убирает. Как она и предполагала, именно здесь Сандра ее и поджидает. Антония выстреливает в сторону силуэта, мелькнувшего в еле заметном, далеком отблеске света от платформы. Пользуясь тем, что вспышка выстрела, скорее всего, на мгновение ослепила Сандру, Антония перебегает к противоположной стене туннеля и тут же возвращается обратно. Как раз за миг до того, как Сандра стреляет в

сторону противоположной стены.

– Тебе не удастся сбежать, Сандра. И Карла Ортис не умрет. Твой план провалился, – говорит Антония, прикрывая рот рукой, чтобы приглушить звук и чтобы Сандра не смогла понять, откуда именно раздается ее голос.

В ответ слышится циничный тошнотворный хохот.

– Ты до сих пор думаешь, что все это было затеяно ради Карлы Ортис? Или Альваро Труэбы? Ты тоже веришь в сказки, которые я рассказывала этому придурку Николасу Фахардо? А ты далеко не такая проникательная, как мне рассказывали, Антония Скотт.

Антония замедляет шаг. Голос Сандры звучит все ближе, и эхо постепенно ослабевает. До нее остается не больше шести-семи метров. Если она услышит, как Антония приближается, ей не составит большого труда попасть в нее.

Антония поворачивается в сторону платформы и вновь прикрывает рот рукой, чтобы голос звучал нечетко. Она знает, что лучше сейчас ничего не говорить, но ей необходимо узнать правду.

– Кто говорил тебе про меня, Сандра?

– Ты правда не догадываешься? Ты, с твоей идеальной памятью, не помнишь, кому причинила вред? Какие последствия имела твоя борьба со злом?

Антония не отвечает, потому что не знает, что ответить.

– Но он нашел меня, Скотт. Он дал мне убежище и очень мне помог. Он научил меня манипулировать Фахардо. Выдумал для тебя Эсекиэля. Мы не случайно выбрали имя пророка. Пророк говорит от имени высшей власти. Пророк возвещает о грядущем явлении.

Антония чувствует, как ее тело пронзает ледяная дрожь. От ужаса и от ненависти. Она наконец-то поняла – с мучительной ясностью – что именно происходило с самого начала. И как они все это время с ней играли.

Он.

Господи, какой же я была идиоткой.

Но сейчас не время думать об этом.

Антония подходит все ближе. Она слышит, как Хорхе вновь начинает дергаться, вероятно, почуяв близкое присутствие матери.

– Пусть он прекратит, – говорит Сандра, и на этот раз в ее голосе, кроме цинизма, звучит кое-что еще. – Пусть он прекратит, иначе мы все трое погибнем.

Страх. Она явно боится.

Видимо, мы совсем рядом с одной из ее бомб-ловушек.

Антония ломает голову, пытаясь придумать, как спасти сына.

И вдруг понимает, что это вовсе не задача для самого умного человека на свете.

Это задача для матери.

– Хорхе, – говорит она. – Послушай меня. Ты сейчас в опасности. Мы с тобой сыграем в игру, в которую ты часто играешь в школе. В «яйцо и утку», хорошо? Ты должен замереть, как яйцо, а когда я скажу...

Антония забыла прикрыть рот рукой, и Сандра тут же определила, откуда доносится ее голос. Она уже поднимает в темноте пистолет.

Антония тоже.

– Duck! – кричит она.

Хорхе мгновенно бросается на пол, как он делал тысячу раз на переменах, потому что *Duck* значит по-английски не только *утка*, но и пригнуться (преимущество билингвального обучения).

Сандра выстреливает.

Антония тоже.

Два практически одновременных выстрела прорезают вспышками темноту. Пуля Сандры влетает в стену, просвистев в нескольких миллиметрах от глаза Антонии. А пуля Антонии попадает в плечо Сандры, которая от ранения падает назад.

Хорхе подбегает к матери, и Антония тут же прижимает его к полу, прикрывая своим телом.

В этот момент раздается взрыв.

Над ними проходит волна огня: Антония чувствует, как неприкрытую кожу рук обдаёт обжигающим жаром и как опаляются волосы. Тонна обломков валится с потолка и со стен, где-то совсем рядом.

Когда дым и столбы пыли рассеиваются, они оба оказываются целы и невредимы.

Хорхе в темноте обнимает мать.

– Мама, я все правильно сделал?

– Правильно, сынок, – отвечает она.

– Я хочу к дедушке.

– Я уже поняла, хорошо, – скрепя сердце соглашается Антония.

А затем, впервые за три года, целует его в лоб. Со всей материнской нежностью. И как только губы Антонии отрываются от его кожи, она с удивлением спрашивает себя, как же она могла столько времени без этого жить.

Карла

Первое, что видит Карла, когда приходит в себя, – это склонившееся над ней женское лицо. Лицо, которое не производит никакого особого впечатления, до тех пор пока не расплывается в улыбке. И эта улыбка наполнена светом.

Полицейский тоже здесь. У него покрасневшее лицо и синяки на шее, но в целом, кажется, он в порядке. Карла вспоминает, что спасла ему жизнь. Ей приятно это осознавать.

Несколько раз звонит телефон. Карла не слишком хорошо понимает, что происходит. Полицейский что-то говорит в трубку, женщина тоже.

У меня шок, думает Карла. И поддается оцепенению.

Затем ее куда-то ведут по древним зловонным туннелям. Вместе с ними идет мальчик. Все вокруг слегка расплывается, словно во сне. Несмотря на то, что они проходят по жутким местам, Карла сейчас чувствует себя в безопасности. Кошмары придут потом, в свое время. А пока она словно парит в воздухе, словно летит навстречу дневному свету на ковре-самолете.

На полпути они встречаются двух полицейских и фельдшера. Те тут же окружают ее вниманием, дезинфицируют ей раны, накидывают на плечи покрывало, дают воды. Они забирают ее от высокого крепкого полицейского (не то чтобы толстого) и от женщины с ребенком, и доводят до небольшой лесенки, ведущей вверх. Там, наверху, уже слышится шум улицы, слышится обычная, нормальная жизнь, свобода. Все закончилось.

Карла упирается, отказывается подниматься.

– Я хочу выйти с ними, – говорит она, показывая назад. – Это они спасли мне жизнь.

Женщина наклоняется, чтобы обнять сына, и кивает высокому полицейскому в сторону Карлы. Тот в ответ качает головой. Несколько секунд они о чем-то спорят. В конце концов высокий полицейский пожимает плечами и подходит к Карле.

– Как вас зовут? – спрашивает она.

– Джон Гутьеррес, сеньора Ортис.

– Спасибо, что спасли мне жизнь.

– И вам спасибо, сеньора. Мы с вами в расчете.

– Из-за меня вы получили два выстрела. Так что я все же перед вами в долгу.

Джон поворачивается и показывает две дырки на рубашке.

– Для человека родом из Бильбао это сущие пустяки. А благодаря жилету и царапинки не останется.

Карла хочет засмеяться, но ей удается изобразить лишь жалкое

подобие улыбки.

Она показывает наверх, где на фоне солнечного света вырисовывается пара склоненных над люком голов.

– Он ждет меня?

– Ваш отец? Мы ему сообщили, да. Скорее всего, он сейчас здесь. Мы рядом с его домом.

Карла думает о том, что скажет, когда увидит его. Сможет ли она бросить ему в лицо обвинение в трусости, в подлом отцовском предательстве.

Они будут не одни. Карла слышит вдалеке щелчки фотоаппаратов, приглушенные голоса репортеров, говорящих в камеру. Ведь, в конце концов, они сейчас всего лишь в трех метрах от поверхности земли. И вместе с тем – на расстоянии целой жизни.

Пристыдить его публично. Вот лучшая месть, вне всяких сомнений.

Но это разрушит жизнь многих людей.

– Вы готовы к славе? – спрашивает она Джона.

– Я уже познал славу, сеньора. Правда, не самую хорошую. И теперь – не стану отрицать – будет очень кстати, если обо мне напишут что-нибудь положительное.

– Тогда поднимайтесь первым, инспектор. И когда будете наверху, подайте мне руку и проводите меня к отцу.

Джон кивает и послушно начинает подниматься. Карла следует за ним.

Она так и не знает, что скажет Рамону Ортису.

Но у нее еще остается несколько метров, чтобы решить.

Эпилог

Вновь прерванный ритуал

Антония Скотт позволяет себе думать о суициде только три минуты в день.

Возможно, для кого-то три минуты – это совсем крошечный период времени. Но только не для Антонии.

Все три минуты, пока она думает о способах самоубийства, – это ее три минуты. Она не собирается от них отказываться. Они священны.

Раньше они помогали ей не сойти с ума, а теперь они стали для нее своего рода клавишей *Escape*. Они приводят ее мысли в порядок. Они напоминают ей о том, что, как бы плохо ни шла игра, ей всегда можно положить конец. Что из любой ситуации есть выход. Что она может испробовать все варианты. Теперь она проживает эти минуты чуть ли не с оптимизмом. Они для нее – все равно что формулы для ученого. Все равно что мечта о карьере космонавта для мальчика, который, повзрослев, отправляется работать на фабрику. Теперь эти три минуты дают ей силы жить.

Поэтому ей совсем, совсем не нравится, когда знакомые шаги, тремя этажами ниже, прерывают ее ритуал.

Антония уверена, что к ней идут, чтобы попрощаться.

И это нравится ей еще меньше.

Фикус

Джону Гутьерресу прощания не нравятся.

И дело тут не в лени. Его прощания всегда проходят быстро, без душераздирающих речей, пьянок до рассвета и воспевания дружбы. Пара похлопываний по плечу – и скатертью дорога. Никаких грустных взглядов, притворных оханий и преждевременной ностальгии.

Джону не приходится терпеть долгие прощания, поскольку у него совсем немного близких людей (он однолюб) и поскольку он никогда не страдает, когда кто-то уходит из его жизни (он серийный однолюб).

Что Джона действительно бесит, так это то, что прощаться придется с Антонией Скотт.

Возможно, именно поэтому он решил подняться по лестнице. Чтобы оттянуть момент.

– А ты неисправим.

Джон высовывается из-за огромного растения. Он притащил его на последний этаж не для того, чтобы выслушивать замечания.

– Просто я не поместился с ним в лифт, – решает он соврать.

– Что это вообще такое?

Антония смотрит на огромный фикус так, словно это трехголовая обезьяна.

– Это фикус.

– Это я уже поняла. А зачем ты мне его принес?

Джон ставит тяжеленный гигантский горшок в угол гостиной, где теперь Антонии придется лицезреть его каждый день. Ну, или пусть вызывает фургон для перевозки мебели, чтобы его отсюда забрали.

– Я подумал, что, возможно, пришло время заново обставить твою квартиру. Вот так, по чуть-чуть, – говорит Джон, стряхивая с пиджака остатки земли.

– У меня с растениями просто беда. Они у меня все погибают. Я серьезно, это какое-то наваждение. Вот увидишь: этот фикус зачахнет еще до того, как уйдешь.

Джон про себя улыбается. Надо же, с таким-то невероятным умом и не понять, что растение пластиковое.

Видимо, ей понадобится на это время.

– Что ж, рискнем, – отвечает он.

Антония в замешательстве смотрит на фикус.

Равно как и сарказм, фигуры мысли вроде метафоры или иносказания никогда не входили в ее обиход. Но люди меняются.

И она не исключение.

– Тут одна семья с четвертого этажа собирается переезжать. Они нашли хорошую работу в другом городе.

– Рад за них.

– И я тут подумала... Я подумала, что, возможно, тебе это будет интересно. То есть, конечно, если ты не очень спешишь обратно в Бильбао.

Джон задумывается. Но не очень надолго.

– А как же быть с маменькой?

– Здесь тоже есть «Бинго».

– А ты будешь взывать с меня плату едой в контейнерах, как и с остальных?

– Твоя мама хорошо готовит?

Джон мысленно улыбается, думая о домашних кокочас. *Хорошо – это не то слово.*

– Эх, красotka. Да ты обалдеешь.

Они оба замолкают, глядя на фикус.

– Значит, мы остаемся вместе, – говорит Джон.

– Похоже на то.

– И что же будет дальше?

Антония и сама себя об этом спрашивает.

Прошло восемь дней спустя экстремальной операции по спасению Карлы Ортис, и пыль потихоньку начала оседать. Пресса уже забыла о полицейских, чьей гибелью она еще совсем недавно была возмущена, а из-за отсутствия какой-либо публичной информации о жизни Николаса Фахардо и его дочери, обсуждение событий и вовсе застопорилось. Теперь всеобщее внимание вновь постепенно переключается на футбольные матчи и оплошности знаменитостей.

Проблема в том, что криминалисты, вооружившись пробирками, отправились на кладбище Альмудена, чтобы выяснить, кто, черт возьми, похоронен в могиле под именем САНДРА ФАХАРДО.

И спустя пять дней был получен весьма удивительный результат.

– Анализ ДНК убедительно доказывает следующее, – сказал Ментор Антонии по телефону. – Женщина, похороненная в той могиле, – дочь Николаса Фахардо.

– Насколько убедительно?

- На 99,8 процентов.
- Да, и правда довольно убедительно, – согласилась Антония.
- Огласке эту информацию не предадут. Официально дело закрыто.

Какая неожиданность.

У Антонии Скотт проблема.

Одного трупа не хватает и один лишний.

Если женщина в могиле – и правда дочь Николаса, то в кого тогда Антония стреляла в туннеле? Кто пытался бежать, кто взорвал бомбу и на кого обрушилось полтонны обломков?

Трупа этой женщины и не хватает: пока что его не нашли.

Антония отчаянно пытается разгадать эту загадку.

Она постоянно вспоминает, как та женщина с ней разговаривала, как обращалась к ней. Словно она знала Антонию. Она говорила с какой-то необъяснимой фамильярностью, которую Антония тогда списала на безумие.

А сейчас она уже в этом не уверена.

Последние фразы Сандры – или как там ее зовут на самом деле – до сих пор звучат у Антонии в голове.

Ты, с твоей идеальной памятью, не помнишь, кому причинила вред? Какие последствия имела твоя борьба со злом?

Он дал мне убежище и очень мне помог.

Он.

Мы не случайно выбрали имя пророка.

Пророк говорит от имени высшей власти.

Пророк возвещает о грядущем явлении.

- И что же будет дальше? – спросил ее Джон.

Антония сомневается, стоит ли его во все это впутывать и посвящать в детали. Но, в конце концов, она уходит в спальню и возвращается с объемистой коричневой папкой. Явно не новой.

Антония садится на пол спиной к фикусу (все-таки ей нужно время, чтобы к нему привыкнуть) и начинает раскладывать перед собой содержимое папки.

Джон, уже смирившийся с неудобствами этой квартиры, садится рядом.

– Я подумала, что, пока Ментор не найдет для нас другую работу, возможно, ты сможешь мне решить один небольшой личный вопрос. Это единственное дело, с которым мне так и не удалось разобраться.

– Ментор говорил мне об этом. Но лишь в общих чертах. Что же это за

дело, с которым самый умный человек на свете не способен разобраться?

Антония думает о сложности и постоянной перестройке системы. О безостановочной гонке. Полицейские покупают полуавтоматическое оружие – преступники покупают автоматическое. Полицейские надевают бронежилеты – преступники используют бронебойные пули. Полиция передает расследование человеку с особым складом ума, а преступники...

– Всегда найдется кто-то умнее тебя.

Антония достает из папки небольшой пластиковый пакет на застежке и протягивает его Джону. Внутри пакета картонка. Джон переворачивает ее и видит фотографию.

Снимок был сделан издали. На фотографии элегантный мужчина лет тридцати пяти. Со светлыми волнистыми волосами. Рядом с машиной, в которую он явно собирается сесть. Джону кажется, что этот мужчина чем-то напоминает шотландского актера, который снимался в фильме «На игле». Но это не точно. Все-таки изображение нечеткое.

– Это единственная его фотография. И он не знает о ее существовании. Иначе он ни перед чем бы не остановился, чтобы уничтожить этот снимок и убить всех, кто его видел. У него есть склонность к театрализации.

– Кто он?

– Наемный убийца. Возможно, самый дорогой в мире, не знаю. Без сомнения, лучший. Он может обставить любое убийство как несчастный случай. Даже очень сложное убийство. Он работал в Америке, в Азии, на Ближнем Востоке... А три года назад он обосновался в Европе.

Джону удивительно это слышать. В Европе есть несколько орудующих наемных убийц и все они хорошо известны правоохранительным органам. В конце концов, чтобы сделать себе рекламу, нужно заставить о себе говорить.

– Почему я никогда о нем не слышал?

– Потому что он не обычный преступник, Джон. Этот человек – дьявол во плоти. Он почти никогда не приближается к своей жертве собственноручно. Его излюбленный метод – заставить кого-нибудь совершить убийство вместо него.

Инспектор Гутьеррес почесывает голову.

– Серьезный парень.

– Этот человек крайне опасен, Джон. И дьявольски хитер. И я хочу, чтобы ты помог мне его выследить.

– Как его зовут?

– Его настоящего имени я не знаю. И никто не знает.

Антония секунду колеблется. А затем все же называет имя, которое не

произносила вслух уже три года. С тех самых пор, как он вошел в ее дом, как выстрелил в нее, как отправил Маркоса в кому. С тех самых пор, как он забрал у нее все.

– Он называет себя сеньор Уайт.

Комментарии автора

Я бы хотел дополнить свой роман некоторыми реальными фактами, послужившими мне источником вдохновения и документальным материалом. Есть читатели, которые по той или иной причине ценят подобные детали.

Начнем с ума Антонии: он не так уж и далек от реальности. При описании ее мыслительных процессов я опирался на данные об умственных способностях двух женщин: Мэрилин вос Савант, обладательницы коэффициента интеллекта 228 (хотя эта цифра и приближительна), и Эдит Штерн, которая в шестнадцать лет уже преподавала математику в Мичиганском университете. В случае Эдит, чей коэффициент составляет 205, дело не только в природной одаренности. Через два дня после ее рождения, ее отец, Аарон Штерн, созвал пресс-конференцию, чтобы сообщить о том, что он сделает из своей дочери гения. Он посвятил этой задаче всю свою жизнь. Забрав девочку от матери, он тут же приступил к ее образованию. Он начал обучать ее с помощью карточек с изображениями животных и известных зданий, едва Эдит исполнилось несколько недель. К двум годам девочка уже освоила алфавит. На сегодняшний день на ее имя зарегистрировано 128 патентов и ее труд оказал огромное влияние на область вычислений в реальном времени. Примененный к ней метод образования – при всей своей бесчеловечности и абсолютной нецелесообразности – использовался и раньше. Теон Александрийский еще в четвертом веке применил подобный метод по отношению к своей дочери Гипатии, первой женщины, признанной универсальным гением. Гипатия проявила себя в области математики, философии и астрономии. Она была убита толпой религиозных фанатиков. Эта тема легла в основу многих увлекательных книг, которые ты обязательно оценишь, читатель.

Я позволил себе некоторую вольность при описании географических особенностей Лас-Росас и Барранко-де-Махалакабра, куда я поместил Конный центр. Надеюсь, что местные жители не осудят меня строго.

Стихотворение, с которого начинается любовь сэра Питера Скотта и Паулы Гарридо (любовь, подарившая в итоге жизнь Антонии Скотт), –

«Тигр». Это и правда великолепное поэтическое произведение. Размеренная интонация наполняет душу восхищением и одновременно смятением и страхом. Блейк вступает в диалог со Злом, воплощенном в тигре, и вопрошает:

Тигр, Тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя
Создал страшного тебя?^[61]

Блейк спрашивает у тигра и у небес об этом Творце, не внемлющем мольбам и способном создать как ягненка, так и трехметровое чудовище. Все строки этого стихотворения восхитительны, но четверостишие, которое цитирует мать Антонии своему будущему мужу, на мой взгляд, самое значимое. В конце концов именно в теле Паулы природа «скрутила нервы сердца» той, чье главное предназначение – борьба со Злом.

Фраза «Каким было твое лицо до рождения?» – коан, равно как и, например, парадокс о неостановимой силе. Меня всегда завораживали заведомо неразрешимые логические задачи. Кстати, китайское слово *táodùn* (противоречие, парадокс) могло бы войти в необычный лексикон Антонии. Буквально оно означает «копье-щит». Этимология этого слова объясняется в философском трактате третьего века «Хань Фэй-цзы»:

Один человек продавал копья и щиты. Как-то раз потенциальные покупатели спросили его:

– Насколько остро твое копье?

Он ответил:

– Настолько, что способно проткнуть любой щит!

– А насколько прочен твой щит?

– Настолько, что ни одно копье не способно его проткнуть!

– А что будет, если попытаться проткнуть твой щит твоим же копьем?

На это торговец не смог ответить.

И последнее разъяснение. Думаю, в нем нет необходимости, но все же, предвосхищая многочисленные вопросы, скажу сразу:

Да.

Антония и Джон еще вернутся.

Благодарности

Хочу выразить благодарность.

Антонии Керриган и всей команде: Хильде Герсен, Клаудии Кальве, Тоне Гейтс и всем остальным: вы лучшие.

Кармен Ромеро, которая больше всех верила в эту книгу и которая проявляла ко мне больше терпения, чем я того заслуживал. Всей команде Penguin Random House и в особенности маркетологам, которые из кожи вон лезут ради продвижения наших книг. Еве Арменголь и Хуану Диасу.

Родриго Кортесу, который, жертвуя немногочисленными часами сна, во время монтажа своего великолепного фильма Blackwood, читал мою рукопись и делал ценные замечания.

Артуру Гонсалесу-Кампосу, моему другу, партнеру по стольким безумным затеям, за то, что он прочитал, поддержал и успокоил меня.

Хавьеру Кансадо, который не читал книгу, но видел трейлер.

Хоакину Сабине и Панчо Вароне, чьи голоса из динамиков убаюкивают меня.

Мануэлю Соутиньо, за вновь оказанную дружескую поддержку. Спасибо. Я многим тебе обязан.

Разумеется, Барбаре Монтес. Даже когда ты писала свой собственный роман «Художник каруселей» (скоро в книжных магазинах!), ты всегда помогала мне с моей книгой. Ты моя Перчатка Бесконечности со всеми Камнями. Обожаю тебя.

И тебе, читатель, за то, что подарил моим романам успех в сорока странах, огромное спасибо. Последняя просьба. Или, скорее, две просьбы.

Просьба первая: не рассказывай никому о финале книги и не пиши комментарии про финал в социальных сетях. Если решишь написать рецензию на сайте какого-нибудь книжного магазина или на Goodreads (за это, кстати, отдельное спасибо), не раскрывай концовку книги, даже под заголовком СПОЙЛЕР, ведь кто угодно сможет увидеть твой отзыв и испортить себе сюрприз. Если захочешь о чем-нибудь спросить меня ПО ЭТОЙ ТЕМЕ, пиши мне на мой электронный адрес и я с удовольствием тебе отвечу.

И вторая просьба: если ты приятно провел время за чтением этой книги, также напиши мне и поделись своими впечатлениями (но повторяюсь: не рассказывай о финале в социальных сетях!)

juan@juangomezjurado.com
twitter.com/juangomezjurado

notes

Примечания

1

Участник национальных баскских соревнований по подъему тяжелых камней. – Здесь и далее примечания переводчика.

Цитата из песни современного испанского рок-певца Хоакина Сабина
«Tiramisu de limón».

3

Населенный пункт, в котором находится тюрьма (рядом с городом Бильбао).

4

Традиционное баскское блюдо из рыбы.

Национальный разведывательный центр Испании.

6

Фирма, производящая женские гигиенические прокладки.

Река в Стране Басков.

Отсылка к песне Хоакина Сабина «Ruido».

Названия банков, имеющих штаб-квартиры в Стране Басков.

10

Международная лотерея.

11

Интернет-магазин, предлагающий среди прочих товаров чашки с различными надписями.

Цитата из песни Хоакина Сабини «Ruido».

Развлекательный центр, где проводятся азартные игры (в частности «Бинго»).

Современный испанский архитектор и дизайнер.

Испанская легкая закуска в виде небольшого бутерброда.

Традиционный испанский омлет с картофелем.

Настольная игра, также известная как «Эрудит».

Баскская компания, занимающаяся сборкой и арендой строительных лесов и подъемников.

Очаркоага, Сан-Франциско, Абандойбарра – районы города Бильбао.

Гора, возвышающаяся над городом Бильбао.

Цитата из песни Хоакина Сабини «Así Estoy Yo Sin Tí».

Баскская организация сепаратистов (1959–2018 гг.).

Современный испанский писатель и журналист.

Район города Бильбао.

Центральная улица Мадрида.

Испанский предприниматель, похищенный в 1988 г. членами сепаратистской организации ЭТА.

Испанская сеть торговых домов.

Статья Конституции Испании, в которой среди прочего говорится, что каждый гражданин имеет право на защиту и адвокатскую помощь, а также право не свидетельствовать против себя.

Центральный оперативный отдел полиции Испании.

Колумбийский серийный убийца.

Асунта Бастерра, 12-летняя девочка, убитая приемными родителями.

Имеется в виду конфликт с сепаратистами ЭТА (свинец здесь как символ пули).

Сковорода для приготовления паэли, традиционного испанского блюда.

Национальная баскская игра с мячом.

Загадки, вопросы или короткие истории, понимание которых приводит человека к просветлению, расширению сознания.

Август Штиглер – немецкий инженер (1832–1910), основатель компании STIGLER по производству лифтов.

Якоб Шнайдер – инженер-монтажник, установивший к началу двадцатого века более ста лифтов системы «Штиглер» по всей Испании, в том числе в Королевском дворце.

Лекарство от изжоги и боли в желудке.

Famosa – испанская компания по производству кукол, основанная в 1957 г.

40

От английского scoop – сенсация.

41

Сосуд для хранения души.

Политическая либеральная партия Испании.

Китайское слово, обозначающее иностранцев (с оттенком пренебрежения).

Речь о фильме «Дракула» Френсиса Форд Копполы 1992 г.

Одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла 26 октября 1881 года в городе Тумстоун, штат Аризона.

Цитата из песни Хоакина Сабини «Y Sin Embargo».

Антониу де Оливейра Салазар – премьер-министр Португалии (1932–1968), в 1937 г. на него было совершено покушение, рядом с его автомобилем взорвалась бомба.

Цитата из гимна Испанской Фаланги (ультраправой политической партии, основанной в 1933 г. и просуществовавшей до смерти Франсиско Франко в 1975 г).

Испанский певец и композитор.

Рабочий район Мадрида.

«Брюс Всемогущий», комедия 2003 г. режиссера Тома Шедьяка.

Цитата из филма «Гладиатор».

«Бойцовая рыбка» 1893 г.

Кортадо – напиток на основе кофе и молока.

Уильям Блейк. Тигр (перевод К. Бальмонта).

Специальная авиадесантная служба Великобритании.

Цитата из песни Хоакина Сабини «Nos Sobran Los Motivos».

Прозвище города Бильбао (от баскского «botxo», что означает «дыра»).

Цитата из песни Хоакина Сабини «¿Quién me ha robado el mes de abril?»

Современный испанский художник.

Перевод К. Бальмонта.